

**Ликвидация России.
Кто помог красным победить в Гражданской войне?
Николай Викторович Стариков**

Оглавление

ГЛАВА 1 НИЧЕГО ЛИЧНОГО – ПРОСТО ГЕОПОЛИТИКА
ГЛАВА 2 ЛИКВИДАЦИЯ РОМАНОВЫХ
ГЛАВА 3 ДЛЯ КОГО ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ ЗАКЛЮЧИЛИ БРЕСТСКИЙ МИР
ГЛАВА 4 ПОЧЕМУ ЗАПАД СДЕЛАЛ СТАВКУ НА БОЛЬШЕВИКОВ
ГЛАВА 5 КТО ЗАСТАВИЛ ЛЕНИНА ЛИКВИДИРОВАТЬ РОМАНОВЫХ
ГЛАВА 6 ПОЧЕМУ ВЛАДИМИР ЛЕНИН ОХРАНЯЛ РОМАНОВЫХ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО
ГЛАВА 7 ПОЧЕМУ ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ УТОПИЛИ РУССКИЙ ФЛОТ
ГЛАВА 8 КАК «СОЮЗНИКИ» БЕЛЫМ ПОМОГАЛИ
ГЛАВА 9 ЛИКВИДАЦИЯ ДЕНИКИНА
ГЛАВА 10 ЛИКВИДАЦИЯ КОЛЧАКА
ГЛАВА 11 ЛИКВИДАЦИЯ ЮДЕНИЧА
ГЛАВА 12 ЛИКВИДАЦИЯ ВРАНГЕЛЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ. ВОЗМЕЗДИЕ
БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1 НИЧЕГО ЛИЧНОГО – ПРОСТО ГЕОПОЛИТИКА

Война будет повторяться до тех пор, пока вопрос о ней будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений.

Анри Барбюс

Уже без малого девяносто лет прошло с момента Февраля и Октября, но до сих пор нет внятного объяснения, как и почему Российская империя рухнула в небытие. Начинаешь пристально вглядываться в события тех лет и удивляешься беспрестанно: случайности, удивительные совпадения, странные поступки государственных мужей...

Кто вынудил в феврале 1917-го отречься от власти Николая II?

Как получилось, что всего за восемь месяцев Керенский и Временное правительство развалили великую державу?

Каким образом незначительная кучка приверженцев Ленина захватила власть в огромной стране?

Почему «Великий Октябрь» произошел в столице России так легко и практически без жертв?

Вопросы есть – а ответов нет. Но существует отправная точка, от которой можно начать разматывать клубок лживых нагромождений и преступных недомолвок. Ключ к разгадке происхождения наших революций – приезд Ленина в апреле 1917 года из Швейцарии. Германский шпион Ульянов, говорят нам одни историки, вернулся па Родину с немецкими деньгами. Пролетарский вождь, говорят другие, приехал делать революцию.

По никто не может объяснить, почему Ленин свободно въехал в Россию, а не тайно проник по чужим документам. Говорят, что бурная встреча на вокзале была прибывшему Ленину обеспечена на немецкие деньги. По второй версии – рабочие и солдаты восторженно приветствовали своего вождя. Который более десяти лет уже не появлялся на Родине и был здесь мало кому известен...

В центре столицы России, во время страшной Мировой войны толпа вооруженных людей торжественно встречает человека, там же публично призвавшего к свержению существующего строя! И его никто не арестовывает, никто не запрещает его партию. Неужели на «немецкие деньги» большевики купили и контрразведку, и полицию, и армию, и само Временное правительство?

А ведь одновременно с Лениным на Родину из США поплыл на корабле с множеством соратников Лев Троцкий. В Канаде его сняли с парохода и арестовали британские власти, но потом очень быстро выпустили... по просьбе Временного правительства, свергать которое и отправился Лев Давидович!

И тогда я приступил к изучению двух наших революций, отбросив теории, что так активно навязываются нам отовсюду Инструмент познания очень простой – здравый смысл. Гибель Российской империи можно расследовать, как во всем мире вели бы следствие, если бы в одночасье рухнула и обанкротилась цветущая и могучая компания.

Не будем наивными. Если удивительным образом совпадают по времени ряд серьезных политических событий, не будем считать это пустой игрой случая. Будем искать тех, кому это выгодно. Если все происходившие тогда «загадочные» события рассматривать под таким углом, то туман рассеивается и на все необъясненные до сих пор исторические факты появляются вполне рациональные ответы.

А ответы – они очень нужны. Иначе непонятным становится поведение Временного правительства. Почему власть не мешает подрывным элементам вести пропаганду в армии и разлагать ее? Разве можно во время войны уничтожать в армии дисциплину и порядок? И не важно, что пресловутый Приказ № 1, быстро и эффективно уничтоживший нашу армию в 1917 году, был подписан не Временным правительством, а Петроградским советом. За этим документом последовала Декларация прав солдата, «последний гвоздь в гроб» русской армии, по словам генерала Алексеева. А Декларацию эту подписал военный министр Временного правительства Александр Федорович Керенский...

Почему после неудачной попытки большевиков взять власть в июле 1917 года все тот же Керенский запрещает их разоружать? Почему Временное правительство так странно себя ведет, почему не выполняет первой функции любой власти – защиты ее от посягательств?

Ответ парадоксален: чтобы большевикам было легче встать во главе России. Но парадоксален только на первый взгляд. Керенский и его правительство подыгрывают Ленину, выполняя волю могущественной иностранной державы, заинтересованной в гибели своего конкурента. И держава эта – вовсе не Германия.

Уничтожение Российской империи – это самая грандиозная операция британской разведки за всю ее историю. Это ее самый грандиозный успех. И... самый грандиозный провал.

Февральская революция разлагает страну, армию и народ, а пришедшие им на смену в Октябре большевики приводят русское государство к уничтожению и распаду.

Сначала все и шло как по маслу: большевики взорвали Россию изнутри на множество мелких осколков. Вековая империя рухнула, как подкошенный дуб, в анархию и неразбериху. Потребовалось несколько лет кровопролития, чтобы из кровавой каши русской Гражданской войны появились контуры нового государства. Новой красной России – Советского Союза. Неожиданно для всех: для «союзников», для белогвардейцев, даже для самих себя – ленинцы собрали ее снова воедино. Grimасы истории: те, кого забросили для окончательного разрушения страны, ее и восстановили. Логика собственного выживания продиктовала последующие действия большевиков, в конечном счете приведшие к образованию СССР. Под другим знаменем, и под другим названием, с новой идеологией, но бывшая мощь России снова будет возрождена к концу 30-х годов.

Была ли наша революция рукотворной?

Ответ однозначен – да[1].

Доказательству этого факта посвящены триста страниц моей книги «1917. Разгадка «русской» революции». Повторить их снова практически невозможно. Но вот перед вами, уважаемый читатель, продолжение...

Самое сложное и самое важное в исследовании Февральской и Октябрьской революций – понять, что не враги, а «союзники» сознательно и кропотливо подготовили в России внутренний взрыв.

Нормальному человеку в это не поверить, это не уместится в его голове. Однако точно так же нормальный человек не может себе даже представить, что малолетнего ребенка можно изнасиловать и задушить. Но от этого маньяки и извращенцы не перестают быть страшной реальностью нашего мира...

В огне Первой мировой войны сокрушили друг друга Германия и Россия. Один конкурент Британской империи уничтожил другого, а потом и сам рухнул в революционный хаос. Это англичане убедили германское руководство разрешить проехать Ленину через немецкую территорию и выделить большевикам денежные средства[2]. А потом «благодарные» большевики очень помогли «союзникам» в организации падения Второго рейха[3].

Дважды за одно столетие, в 1917 и 1991 годах, российская государственность практически начиналась с нуля. Дважды мы стояли на краю пропасти – и оба раза нашли в себе силы устоять. Но попытки подтолкнуть нас в бездну на этом не прекратились. Поменялась форма, изменились лозунги – но цели остались неизменными. Нас вновь хотят ослабить и развалить. Правда о происхождении ТОЙ нашей катастрофы проста и страшна одновременно. И Россия должна ее осознать. Только так наш народ и наше государство смогут получить иммунитет от новых попыток развала и уничтожения, производимых другими государствами.

Революции сами собой не происходят – их тщательно готовят, используя в качестве горючего реально существующие в стране проблемы и противоречия. Самопроизвольно возникает лишь неорганизованный бунт. Государства – они, как и люди, имеют свои особенные слабые места. У кого – многонациональный состав, у кого – страшная и кровавая история, у некоторых – уязвимая география. Но есть и общие закономерности. Тот, кто занимается строительством, знает: у каждого здания есть важнейшие точки, которые придают ему устойчивость и надежность. Чтобы возвести строение на века, надо следовать заведенному правилу и правильно рассчитывать и возводить точки опоры. Знакомы с расположением этих точек и те, кто дома сносит. Стоит взорвать несколько ключевых мест здания, и оно рухнет как картонный домик. Сложится, хотя на вид казалось целым и неприступным. Так и в политике – зная слабые места государства, его точно так же можно уничтожить. Надо лишь взорвать опоры...

Что на протяжении столетий было стержнем Российского государства? Самодержавие. За царя, Веру и Отечество воевали и умирали жители России. Так было много столетий. А когда царя не было, на русской земле наступала смута. Именно так случилось после смерти Бориса Годунова, когда Великая смута чуть не положила конец нашему государству. Россия могла лишиться независимости: поляки и шведы рвали ее территорию на части. Брат убивал брата, русский убивал русского. Удержало страну от падения в страшную пропасть избрание нового царя – Михаила Романова.

И Россия возродилась. Она крепла и росла под скипетром законной власти, чья легитимность не оспаривалась народом и знатью, и слабела, когда права очередного монарха на престол кем-то ставились под сомнение.

Желающие уничтожения России должны были прервать легитимность русской власти.

Что стало главным инструментом строительства Великой России, к началу XX века простиравшейся от Гельсингфорса до Владивостока и от Варшавы до Порт-Артура? Ответ однозначен – русская армия. Вооруженная сила была и есть единственным инструментом строительства империй.

Желающие уничтожения России должны были развалить русскую армию.

Но любое государство – это не только вооруженная сила, это и государственный аппарат управления. Это властная элита, это чиновники. Это купцы и торговые люди. Это целый пласт населения, который и делает страну сильной и способствует ее развитию.

Желающие уничтожения России должны были разрушить весь многовековой механизм управления государством.

Но сама по себе революция абсолютным злом не является. Страшны ее последствия. Не в 1917 году получили экономика России, ее уклад и ее население страшный удар. Нет, главный кошмар разыгрался чуть позже. Именно 1918 года, первого года русской

междоусобицы, русская земля понесла наибольший урон. Вспомните историю. Когда еще боевые действия проходили на нашей земле? Масштабно – в 1812 году, едва затронули часть российской территории – во время Крымской войны в 1855–1856 годах. По сути целых сто лет никто не видел войны в глубинных губерниях Российской империи. Целые поколения выросли в уверенности, как современные американцы, что война проходит где-то далеко на окраинах и за границей. А вот Гражданская война пришла в каждый дом. Расколола семьи, расколола страну. И нанесла нашей экономике непоправимый ущерб. Чтобы восстановить экономику, потребуется провести коллективизацию и индустриализацию. И это будет стоить России еще миллионов жизней...

Ликвидация государственности России едва началась в 1917 году и лавинообразно продолжилась в 1918-м. Именно об этом времени и пойдет наш рассказ.

Был ли у операции по «ликвидации» России четко составленный план? Поэтапно расписанная линейка? Конечно, нет. Но ее важнейшие моменты были четко определены и к их достижению были приложены максимальные усилия:

- уничтожение легитимной власти;
- уничтожение армии;
- уничтожение государства как такового.

Ход таких колоссальных процессов, как революция, разумеется, предсказать невозможно. Могло получиться, могло и не получиться. В реальности все цели и не были достигнуты. Законные наследники престола были убиты – но власть крепко в свои руки взяли «незаконные». Русская армия была развалена, но вместо нее создана новая. Даже две Красная и Белая. Флот затоплен лишь частично. Вместо разрушенной государственной машины была выстроена новая. Главная цель наших геополитических соперников не была достигнута Россия не погибла. Она ослабла, затаилась. Чтобы вновь появиться на политической карте удивленной Европы в мае 1945 года, далеко закрепившись от своих собственных границ. Чтобы в 1991 году разом потерять все стратегические преимущества, обильно политые кровью наших дедов в Великую Отечественную. Чтобы вновь, уже в XXI веке найти в себе силы остановиться и вновь начать строительство Великой России...

Эта книга о первой в XX веке попытке ликвидации Российского государства.

Это убийство Романовых. Это ужасы Гражданской войны. Это тайные операции иностранных разведок. Это потеря старой России и поиски новой через неимоверную кровь и неимоверные жертвы...

Мы плохо знаем свою собственную историю. И потому она может повториться. Не дай бог!

Следователь по особо важным делам Соколов стоял посередине кабинета верховного правителя России. Среднего роста, худой, несколько сутулый, с нервно двигавшимися руками и постоянным прикусыванием усов, он в первые минуты производил странное впечатление. Вставной стеклянный глаз и некоторое кошение второго это впечатление только усиливали. В руке следователя покоилась черная кожаная папка с докладом. Докладом о гибели семьи Николая Романова.

Адмирал мрачно поигрывал желваками. Именно он и поручил этому невысокому, очень ответственному на вид человеку узнать всю страшную правду о судьбе венценосной семьи. Теперь расследование закончено.

Колчак покрутил карандаш в руках. Он сам попросил Соколова начать свой доклад с самого отречения Николая Романова. Несколько вопросов давно засели в голове адмирала, ответы на них он хотел найти в результатах расследования. Крупинки истины о последних месяцах жизни царской семьи были погребены в толще бытовых подробностей, описании унижений, через которые они проходили. Слушать все это было тяжело. Крайне тяжело. Господи, но как же могли русские солдаты, русские офицеры в одночасье стать такими скотами?!

Адмирал встал, и, заложив руки за спину, медленно прошелся по комнате. Почти всех, о ком упомянул в своем рассказе Соколов, просто хотелось расстрелять. Особенно того мерзавца стрелка, что еще в Царском Селе, стоя на часах, застрелил жившую в парке дикую козу. Этих козочек очень любил наследник, Алексей Николаевич. Он плакал и был страшно опечален. Живодера хорошенько отругали, но когда он снова стоял на том же посту, он застрелил вторую козочку. Просто так, чтобы насолить венценосному ребенку.

– Большевистское правительство почти сразу прислало в Тобольск телеграмму, что у народа нет средств содержать царскую семью. Отныне она должна существовать на свои личные средства. Ей дается лишь квартира и солдатский паек. В то же время запрещалось тратить из своих средств больше 600 рублей в месяц на человека. Со стола Августейшей семьи быстро исчезли сливки, масло, кофе, сладкое. Сахара отпускалось полфунта на человека в месяц...

Колчак повернулся к следователю. Соколов продолжал бесстрастным голосом рассказывать о финансовом бедствии царской семьи. Наверное, так и надо, бесстрастно и отстраненно. Иначе никакого здоровья не хватит. Но он, Колчак, так не может. Уже сейчас, когда до страшного окончания доклада еще далеко, сердце у него уже заболело. Адмирал приподнял хрустальный графин, наливая себе воды.

- ... после убийства царской семьи в Екатеринбурге были найдены военные шаровары бывшего императора. На них оказались маленькие заплатки, а внутри левого их кармана, на материи, оказалась надпись-пометка: «Изготовлены 4-го августа 1900 года», «возобновлены 8 октября 1916 года»...

Он был бережлив, этот последний русский царь. Возможно, даже прижимист. В батюшку своего императора Александра III, тот тоже штаны занашивал до дыр. Однако наследство отца – великую империю умудрился Николай промотать всю до последней полушки!

С водой как-то немного отлегло. Колчак знал, что доклад Соколова будет тяжелым, и потому приказал рассказывать все ему одному при закрытом кабинете. Он снова сел и невидящим взглядом уставился на стену напротив.

А следовательно Соколов все читал и читал. Практически не делая пауз и ничего не выделяя интонацией.

- ... Около 12-ти часов ночи, когда Августейшая семья уже спала, сам Юровский разбудил Ее и потребовал под определенным предлогом, чтобы Августейшая семья и все, кто был с ней, сошли в нижний этаж. Алексея Николаевича нес на руках Государь Император. Следственная власть убеждена, что предлог, под которым Юровский заманил Августейшую семью в нижний этаж дома, состоял в необходимости якобы отъезда из Екатеринбурга. Посередине комнаты сели Государь Император и Алексей Николаевич. Рядом с ним стоял доктор Боткин. Сзади них у самой стены стояли Государыня Императрица и с нею три Княжны. Как только произошло это размещение, в комнату, где уже были Юровский, его помощник Никулин и Медведев, вошли упомянутые выше десять человек, приведенных Юровским в дом. Все они были вооружены револьверами...

Карандаш в руках верховного правителя России завертелся быстрее. Эту картину Колчак видел, видел как будто своими глазами. Он чувствовал запах духов молодых дочерей Николая. Видел не по-детски серьезное лицо наследника...

- ... Императрица внимательно смотрела на вошедших чекистов. Доктор Боткин слегка кашлянул и, прикрыв рот ладонью, машинально погладил бороду и усы. Николай Романов молчал.

Колчак все это видел сам. Он хотел кричать, предупредить их о том, что сейчас все будет кончено. Но крик застрял у него в горле. Воздуха как-то сразу не стало...

Яков Юровский покачал головой и достал из кармана листок бумаги. Едва взглянув в него, он поднял глаза и посмотрел прямо в лицо бывшему императору.

- Ваши родственники хотели Вас спасти, но им этого не пришлось и мы должны Вас расстрелять сами.

Глаза Николая Романова расширились от ужаса.

- Что? Что?

- Вот что, – усмехнулся Юровский и навел револьвер прямо на голову Николая Романова. Рядом раздались выстрелы других палачей...

Жалобно хрустнул переломанный карандаш.

- Смерть всех была моментальной, кроме Алексея Николаевича и княжны, видимо Анастасии Николаевны, – голос следователя Соколова возвращал Колчака из того прохладного подвала в его теплый и светлый кабинет – Алексея Николаевича добил из револьвера Юровский. Княжну – прикололи штыками.

Наследнику было четырнадцать. Совсем ребенок. Анастасия Николаевна – еще не сложившаяся до конца 16-летняя девушка-подросток. Застенчивая, чуть полная.

- Штыками, – прошептал верховный правитель России – Штыками...

И громко спросил:

- Кто были остальные убийцы?

- В силу некоторых данных, установленных на предварительном следствии, убежден, что большинство из этих десяти человек были немецкие пленные. Юровский, знавший немецкий язык, говорил с ними по-немецки.

- Точнее, Николай Алексеевич.

- Вероятнее всего, они были мадьярами. Национальность остальных преступников точно установить не удалось. Но по-русски они говорили.

- Хорошо. Дальше.

- Когда злодеяние было совершено, трупы Августейшей семьи и всех других были тут же положены в грузовой автомобиль, на котором Юровский вместе с некоторыми другими известными лицами увез Их за город Екатеринбург, в глухой рудник...

Доклад следователя по особо важным делам Соколова подходил к концу. Но адмирал Колчак больше уже не слышал ничего. В его памяти промелькнули красавицы княжны,

следом за ними строгий лик императрицы и всегда спокойное лицо отрешенного императора. Колчак лишь трижды видел Николая Романова. Два раза он видел его, когда тот посещал корабли Балтийского флота, и третья продолжительная беседа состоялась, когда Колчак был назначен командующим Черноморским флотом. Но перед глазами Верховного правителя стояло не лицо погибшего монарха, а лицо мальчика, наследника Алексея Николаевича. Смерть всей семьи Николая – это предупреждение, это страшный кошмар! Лицо мальчика...

... Свою семью Колчак оставил в Париже. Там остался сын Ростислав. Славущок. Жена с сыном там, где спокойно.

Он будет бороться с мерзавцами, убивающими детей до конца. Он может погибнуть, но Ростислав Колчак должен жить.

Рука адмирала открыла верхний ящик его письменного стола. Ростик улыбался и смотрел на него, сидя рядом с матерью на стуле. Это была лучшая фотография сына[4]...

ГЛАВА 2 ЛИКВИДАЦИЯ РОМАНОВЫХ

Первое условие бессмертия – смерть.
Станислав Ежи Лец

Количество жертв Гражданской войны исчисляется миллионами. Противоборствующие стороны совершили массу преступлений против мирного населения, солдат противника и подозреваемых в сочувствии к противнику. По самое известное звено в длинной цепи преступлений революционной поры – это расстрел семьи Николая II. Расследование этого злодеяния верховный правитель России Колчак поручил следователю по особо важным делам Николаю Алексеевичу Соколову Адмирал в нем не ошибся: несмотря на свою несколько странную внешность, Соколов все свои силы отдал установлению истины. После окончания Гражданской войны Николай Алексеевич выбрался в Европу и осел в Париже. Даже после гибели самого Колчака и разгрома белых он продолжал собирать информацию и опрашивать свидетелей и очевидцев. В конце концов на основе собранных материалов он написал книгу «Убийство царской семьи». Но тайна, которую пытался раскопать 42-летний следователь, была чрезвычайно опасна. В 1924 году его найдут мертвым около своего дома. Диагноз, стандартный для загадочных и таинственных смертей: сердечный приступ.

Много интересного отмечает в своей книге Соколов. И читая ее, твердо ощущаешь – будущая расправа над Николаем и его семьей подготавливалась задолго до физического уничтожения венценосной семьи. Готовилась она не большевиками, а теми, кто накануне их прихода к власти держал в руках «государственное рулевое колесо». Кто же были эти люди? Точнее, один человек: Александр Федорович Керенский.

Чтобы понять истоки и причины странной и загадочной смерти царской семьи, вернемся чуть назад, в март 1917-го, к моменту крушения монархии. 9 (22) марта 1917 года, через шесть дней (!) после отречения Николая II, последовал приказ об аресте царской семьи. Сделать это было поручено... командующему войсками Петроградского военного округа генералу Корнилову. Гримаса истории – будущая икона Белого движения арестовывает Романовых? Да, это правда. Историкам неизвестно ни об одном монархическом заговоре за время бесславного правления Временного правительства. Сажать на трон нового русского царя не собирався вообще никто. Зачем же тогда февралисты арестовали царскую семью?

Потому что начиналась подготовка к ее будущему уничтожению. Пока еще незаметная. Отрекаясь от престола, Николай Романов старался выторговать для себя и своих близких некоторые условия[5]. Он и не предполагал, что Временное правительство самым подлым образом нарушит все договоренности. Требования бывшего монарха были весьма скромными:

- беспрепятственный проезд к семье в Царское Село;
- безопасное пребывание там до выздоровления детей (болевших корью);
- проезд семьи и сопровождающих лиц до северных русских портов, чтобы оттуда уехать в Англию до окончания войны;
- после войны возвращение в Россию для постоянного жительства в Крыму в Ливадии[6].

Из Мурманска наиболее короткий путь в Лондон на корабле. Именно этим путем в Великую Отечественную будут ходить к нам конвои британцев, именно так Николай хочет уехать в «союзную» Великобританию. Специальная комиссия, созданная Временным правительством для «расследования злодеяний царского режима», никаких преступлений не обнаружит. Николай Романов терпеливо ждет, когда комиссия убедится, что ничего плохого он России не сделал. Тогда со всей своей семьей он надеется уехать за границу. Бывшему царю февралисты все это пообещали. Только вместо Ливадии в Крыму Керенский отправил царскую семью в Сибирь, откуда уже никто из венценосной семьи Романовых живым не вернулся.

Однако публично он говорил совсем другое: «В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе

отправится в Англию»[7]. Сказать – скажет, но сделано это не будет. Почему же с монархом, безропотно отдавшим власть, Временное правительство поступило так вероломно? Ответ прост.

Первым пунктом в ненаписанном плане ликвидации России стояло уничтожение легитимной власти.

Скоро в России запоят такие жареные петухи, что время правления царя покажется раем. Вот тогда уставший народ и может призвать на престол малолетнего царевича Алексея. Права на трон у него есть – по законам Российской империи Николай II не имел права отрекаться от короны за своего сына. Иными словами, с юридической точки зрения у страны есть законный государь – Алексей II. Организаторам русской катастрофы ясно – выпускать Алексея Николаевича из России живым нельзя. Уничтожить одного мальчишку затруднительно Единственно верное решение не выпустить из страны никого из Романовых. Для этого на первых порах под любым предлогом задержать. Потом уничтожить всех. Тогда вопрос восстановления монархии закроется вместе с последней лопатой земли, брошенной на их могилу...

Конечно, благородные мужи – главы партий кадетов Милюкова и октябристов Гучкова для этого не годятся. Для таких дел лучше подойдут латышские стрелки и пьяные братишки- матросы. Но их время еще не пришло, а потому пусть пока всевозможные Романовы посидят под домашним арестом или в тюрьме. Так оно спокойнее.

Временное правительство действительно делает запрос о возможности отъезда семьи Николая II в Англию. Если британское правительство ответит согласием, проблем более не будет. Английский король – двоюродный брат Николая II. Более того, они невероятно друг на друга похожи. Случись революция в Британии, благородный и наивный Николай не раздумывал бы ни минуты, можно или нет принять у себя семью брата. Он, верный соратник Великобритании, три года ведет войну, иногда в ущерб собственной стране, но уж «союзникам» его упрекнуть не в чем. Не понимает Николай, что он интересуется «союзников» только в виде трупа. Такая же участь уготована и его семье.

«Джорджи», король Англии Георг V, сначала дал разрешение на въезд царской семьи в Великобританию. Но в это время идет следствие, затеянное Керенским, и уезжать нельзя. Британцы ничем не рисковали – принять царя они якобы готовы, а он все не едет. Вот незадача. Но расследование закончилось, и комиссия Временного правительства вынесла вердикт о невиновности монарха. Теперь препятствий для отъезда больше нет. А дальше совесть Керенскому облегчили «союзники». Ведь обещал он отправить Романовых за границу, но не сделал этого. Теперь он может смело сказать: я потому свое обещание не выполнил, что это было уже невозможно.

Англичане на запрос Керенского о возможности принятия царя отвечают отказом. Этот отрицательный ответ – страшная тайна наших «союзников». Им даже и сегодня очень не хочется брать на себя кровь невинных детей Николая II! А ведь спасти Романовых было несложно. «Дважды обращались к англичанам русские люди с просьбой помочь им в освобождении томившихся в тяжелой неволе государя императора и его августейшей

семьи. Первый раз – это было в апреле 1917 года – обратились за содействием к Бьюкенену. Требовалось только, чтобы он снесся со своим правительством и оно выслало бы навстречу русскому крейсеру английский корабль, который принял бы на свой борт государя и августейшую семью. Но сэр Джордж Бьюкенен ответил решительным отказом, сказав: «Есть ли когда об этом думать! Теперь все заняты гораздо более серьезными вещами. Да к тому же я не хочу обременять моего государя и мое правительство лишними осложнениями...»[8].

Керенскому тоже не хотелось брать на себя ответственность за смерть Романовых, поэтому в своих мемуарах он рассказал правду. И вызвал взрыв негодования. Бывший премьер-министр Англии Ллойд Джордж и бывший британский посол Бьюкенен возражали Керенскому[9]. Тот совесть облегчил, а британцы переполошились, утверждая, что согласие на предоставление царю убежища никогда не отменялось. Дело приняло серьезный оборот. В 1927 году в ответ на парламентский запрос Министерство иностранных дел Великобритании обвинило Керенского во лжи, предъявив в качестве «не оставляющего сомнений опровержения» ранние телеграммы о предоставлении царю убежища. Но это была ложь.

Не менее характерный ответ в июле 1917 года, то есть значительно позднее, на просьбу принять Романовых дал английский военный атташе генерал Нокс: «Англия несколько не заинтересована в судьбе русской императорской семьи...»[10]

Пытаясь скрыть свою роль в гибели царской семьи, «союзники» скрыли следы своего предательства, спрятав более поздние телеграммы со своим отказом. Когда бывший секретарь британского посольства в Петрограде заявил, что помнит о получении из Лондона депеши с отказом, английские дипломаты ответили, что ему изменяет память. Но в 1932 году дочь Бьюкенена рассказала, какое давление оказывалось на ее отца[11]. Под угрозой потери пенсии он должен был пойти на фальсификацию в своих мемуарах и скрыть от общественности правду. Но она всплыла. Часть этих документов даже была опубликована.

Телеграмма личного секретаря короля лорда Стамфор-дама – министру иностранных дел Великобритании лорду Бальфуру (24 марта 1917 года): «... должен умолять вас передать премьер-министру, что все, что Король слышит и читает в прессе, показывает, что присутствие императора и императрицы в этой стране не понравится публике и, конечно, ухудшит позицию Короля и Королевы... Бьюкенен должен сказать Милюкову, что недовольство в Англии против приезда императора и императрицы так сильно, что мы должны отказаться от нашего прошлого согласия на предложение русского правительства...»[12]

Телеграмма британского посла в России лорда Бьюкенена – министру иностранных дел Великобритании лорду Бальфуру (31 марта 1917 года): «... Я полностью согласен с вами... Будет намного лучше, если бывший император не поедет в Англию»[13].

В Англию царской семье не уехать. Но отсюда еще не вытекает ненужность их гибели. Чтобы Романовы погибли, Керенскому еще предстояло очень сильно постараться. Ведь

есть еще один вариант: Николай Романов просил отправить его и семью в Крым, в Ливадию. Но как раз туда семья Романовых не поедет. Почему? Потому, что этот полуостров почти всю Гражданскую войну будет под контролем белых. Конечно, Керенский заранее этого не знает, но странным образом туда семью бывшего царя отправлять не хочет. Следователь Соколов в своей книге «Убийство царской семьи» приводит объяснение самого Керенского. Глава Временного правительства так объясняет свое странное поведение: «Было решено (в секретном заседании) изыскать для переселения царской семьи какое-либо другое место, и все разрешение этого вопроса было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увести их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто невыносим был самый факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Невыносимо было увести их и на Юг. Там уже проживали некоторые из Великих князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов, я остановился на Тобольске»[14].

Итак, глава Временного правительства Керенский решает увести семью Романовых в Тобольск. Обратим внимание на одну немаловажную деталь: был главой страны князь Львов – Николая и семью никуда не перемещали. Как только главой Временного правительства стал Керенский – сразу принимается решение об отправке царской семьи в глушь и Тмутаракань. Но почему в Тобольск? Неужели и вправду там безопаснее? Странность логики отца русской демократии замечает и Соколов: «Я не могу понять, почему везти Царя из Царского куда-либо, кроме Тобольска, означало везти его через рабоче-крестьянскую Россию, а в Тобольск – не через рабоче-крестьянскую Россию»[15].

Не знаю, какая оценка была у Саши Керенского по географии, об этом лучше спросить у его товарища по гимназии Вовы Ульянова. Почему Керенский не догадывается, что дорога в Тобольск лежит не через какую-то другую, особенную Россию, а идет именно «через рабоче-крестьянскую»?! Так получилось, ответят историки, случайно вышло.

Давайте считать государственных деятелей дееспособными взрослыми людьми. Если нам их действия кажутся странными, то мы просто неправильно понимаем цель, к которой они стремятся. Наивность и неосведомленность Александра Федоровича тоже направлена в одну сторону – в сторону братской могилы венценосной семьи. Керенский в детей Романовых не стрелял, но он сделал все, чтобы они живыми не остались. Вот тогда его действия станут для нас вполне осознанными и разумными. Английская разведка целенаправленно уничтожает своего конкурента – Российскую империю. Монархический строй – это одна из ее особенностей, значит, правящую династию надо истребить. Хозяева рекомендуют – марионетка Керенский должен выполнять. При этом свои действия для сторонних наблюдателей он хочет хоть как-то мотивировать. Поскольку здравого объяснения нет, приходится Александру Федоровичу его сочинять. Иногда получается хорошо, но иногда сущая чепуха. Не может же Керенский написать правду и подтвердить догадку Соколова, вероятно, самую страшную во всей его книге: «Был только один мотив перевоза царской семьи в Тобольск. Это тот именно, который остался в одиночестве от всех других, указанных князем Львовым и Керенским: далекая, холодная Сибирь, тот край, куда некогда ссылались другие»[16].

От себя добавим: Сибирь – это такой край, откуда уже не возвращаются!

Факты подталкивают и нас, вслед за Керенским, к очевидному выводу: около столицы царскую семью держать опасно – рядом Финляндия, а там и Швеция. В Крыму море, порты и граница тоже рядом. Не ровен час – сбегут Романовы, вырвутся. Поэтому «немыслимо» туда везти отрекшегося царя. «Жизнь того времени была повсюду полна «недоразумений», но все Августейшие особы, жившие на Юге, спаслись, так как они были вблизи границ страны»[17], – пишет следователь Соколов.

Странно, правда? Все получается с точностью до наоборот.

Царя и его семью убьют в самом «безопасном», по мнению Керенского, месте, другим Романовым удастся спастись из самого «опасного».

Перевозка царя к месту нового проживания – тайна за семью печатями. Настолько большая, что даже сам Николай не знает, куда его повезут. Июльский зной, мошара вьется. Хочется загорать, купаться и не думать ни о чем плохом.

«28-го июля. Пятница. Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, даже комендант не знает. А мы- то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии!»[18] – запишет бывший монарх в свой дневник.

«31-го июля. Понедельник. Последний день нашего пребывания в 1 Царском Селе... Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать; он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и наконец в 5 ч. появился Кер[енский] и сказал, что можно ехать»[19].

Отчего не раскрыть маршрут следования самому Романову? Потому что его обманывают, и надо, чтобы раскрылся обман уже на месте или в пути, когда сделать будет ничего невозможно. Обман во всем: вместо Крыма Сибирь, вместо «трех-четырех» дней пути на восток 12 (!) суток дороги. Тобольск – это глушь. Тайга. Деваться некуда, бежать тоже. Дневник Николая Романова о дне отъезда и приезда рассказывает весьма подробно. И это при том, что обычно отрекшийся государь был немногословен.

Теперь вспомним, отчего вдруг возникла необходимость перевозки семьи из Царского Села. Предлог Керенский нашел уважительный: обеспечение безопасности венценосного семейства. В Петрограде в начале июля произошло неудачное большевистское выступление, поэтому царскую семью надо обезопасить и переправить от этого бурлящего котла подальше. Петроградский совет якобы постоянно пытается засадить Николая Романова в казематы и устроить над ним расправу...

Для организаторов крушения России живой претендент на трон – это катастрофа. Это реальная возможность провала всей задуманной операции. Вокруг него могут сплотиться здоровые силы страны, и она будет спасена. Поэтому ни один из реальных, неоспоримых претендентов на русский престол пережить революцию не должен.

Поэтому и ликвидация Романовых начинается не с семьи отрекшегося императора. Те, кто планировал убийства членов русской правящей династии, хорошо знали правила наследования царского престола. Помимо одновременности уничтожения основных претендентов на престол мы должны отметить еще одну особенность этого зловещего процесса.

Романовых убивали именно в том порядке, в котором они могли занять пустующий русский трон.

Хронология соблюдалась строго. Согласитесь, что толку убить третьего или четвертого претендента, если еще живы первый и второй. Только с этих позиций можно правильно понять ту грандиозную бойню Романовых, что началась во второй половине 1918 года. Итак, будем помнить два основных правила этой ликвидации: **ОДНОВРЕМЕННО И В ПОРЯДКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ТРОНА.**

Зададим себе один вопрос: кто же был претендентом № 1 на русский престол? Чтобы сбить нас с толку, запутать и не дать почувствовать ту железную логику, что была заложена в процесс уничтожения венценосных особ, применили один простой и эффективный метод. Сначала все просто замалчивалось и скрывалось. Когда факты и документы опубликовали, для сокрытия истины тактика была слегка изменена. Всем и всюду в голову вдальбывалась одна мысль, одна и та же информация заслонила собой всю полноту трагедии. Из смерти семьи Николая II была соткана прекрасная пелена для глаз и мозгов. Что я имею в виду?

Везде и всюду вы можете прочитать, что в ночь на 17 июля в Екатеринбурге была расстреляна вся семья последнего русского императора Николая II. Можно прочитать, что и остальных Романовых кровожадные большевики расстреляли, чтобы стереть в порошок династию и саму память о ней. А ведь это не так. После отречения Николая II 2 марта 1917 года за себя и за сына императором стал его брат Михаил Александрович Романов. Именно он под давлением думской делегации 3 марта 1917 года передал принятие монаршего скипетра на усмотрение Учредительного собрания. После чего до созыва последнего и появилось в России Временное правительство. Много сил положило оно на подготовку выборов, но еще больше – на организацию крушения страны и будущего истребления Романовых.

Именно Михаил II был последним русским императором. От момента отречения Николая до согласия Михаила отложить свое восхождение на престол до решения Учредительного собрания прошло около суток. Все это время Михаил II и был русским царем[20]. Так зачем же нужна вся эта путанность в понятиях? Зачем называть Николая II последним русским императором и лишать этого сомнительно почетного титула его брата? Причин

для запутывания истины несколько. Слишком бросается в глаза один очевидный факт: Михаил Романов являлся основным претендентом на трон и убит он был из Романовых первым. Это большая разница в терминах: первым убит главный претендент на престол или первым погиб младший брат последнего русского царя. Дальнейшие события лишь подтверждают нашу догадку. Кто был вторым в печальном списке? Тот, кто являлся следующим по счету кандидатом в русские цари. Кто же это? Алексей Николаевич, 14-летний сын Николая II, больной гемофилией. Но ведь его отец отрекся от трона за себя и за него? Это так. Но факт сей можно было оспорить. Это тема отдельного юридического исследования: мог или нет отречься Николай II за сына. Имеет ли силу вообще отречение царя от власти? Со времени отречения Николая от власти было нарушено столько божьих и человеческих законов, что и собственное отречение бывший царь смог бы оспорить. Сослаться на давление и угрозу для жизни в условиях, в которых он и подписал акт отречения. Теоретически такую возможность отвергать нельзя. Поэтому в списке претендентов на престол Алексей Николаевич и сам Николай Романов могли занять № 2 и № 3 соответственно.

Теперь несколько слов о самом первом претенденте на русский трон. Михаил был любимым сыном Александра III, который, отличаясь строгим обращением с детьми, любимцу своему прощал любые шалости. В июле 1899 года, после смерти брата Георгия, он был объявлен наследником престола и оставался им до рождения в июле 1904 года у Николая II цесаревича Алексея. Казалось, престол становится для Михаила недоступным навсегда. И он ведет себя соответствующим образом. В октябре 1912 года он тайно, без разрешения брата-императора, венчается в Вене с Натальей Сергеевной Вульферт. Этот союз – плод безумной страсти великого князя. Результат – тайное венчание за границей. За этот брак Михаилу распоряжением Николая II был воспрещен въезд в Россию. Кроме того, он был уволен со службы и лишен звания флигель-адъютанта. По Михаилу это не беспокоило, он наслаждался тихим семейным счастьем, живя с супругой в Лондоне. Лишь с началом Первой мировой войны ему было разрешено вернуться в Россию с восстановлением в звании, а его супруге пожалована фамилия Брасовой. Во время войны Михаил командовал Кавказской туземной кавалерийской дивизией, прославившейся своим неукротимым нравом. Правда, к передовой брага государя фактически не подпускали.

И вот абсолютно неожиданно для себя, на крутом вираже истории, Михаил становится русским самодержцем. Однако Михаил не послушал брата, а наоборот, поддавшись давлению Керенского и других думцев, оставил вопрос о принятии власти на усмотрение Учредительного собрания. Мог ли он в силу своего характера поступить по-другому, взять власть и спасти страну от будущих потрясений? В том-то и дело, что нет. Поэтому якобы и заставляли Николая два раза писать отречение. Надо было, чтобы отрекся он не в пользу своего сына Алексея, а в пользу брата Михаила. Психопортрет Михаила Романова был хорошо известен, он ведь два года прожил со своей возлюбленной в Лондоне. Он сторонился царского венца, предпочитая ему спокойную частную жизнь. Дальнейшая его реакция на экстремальную ситуацию могла быть просчитана заранее. В момент выбора Михаил легко поддается нажиму и воспользуется любым предложением, чтобы снять с себя тяжесть властной ответственности. Так и получилось. Решение, навязанное думцами, о принятии царской власти Михаилом, после соответствующего одобрения Учредительным собранием, не имело аналогов в истории. Никогда передача власти от одного монарха другому не определялась результатом народного плебисцита, да еще во время войны!

Выполнив предназначенную ему роль, отказавшись от власти, Михаил поселился в Гатчинском дворце под Петроградом. В августе 1917-го ему тоже прозвучал первый «звоночек»: он тоже был арестован Временным правительством.

Правда, освобождение не заставило себя ждать. Ну а после начался и вовсе театр абсурда. После Октябрьского переворота претендент на трон Михаил Романов попросил и получил у большевиков разрешение на «свободное проживание» в России в качестве рядового гражданина. Не понимая тайных пружин происходящих событий, не понимая той опасности, которую он нес самим своим существованием, наивный Михаил Александрович искренне полагал, что так оно и будет.

А дальше, дальше стали происходить странные совпадения дат. Михаил Романов был снова арестован уже большевистской властью в марте 1918 года. «Без причины» – как пишут историки, рассказывая об этом событии. Нам причина ареста понятна: подготовка к будущему уничтожению основных претендентов на трон вступает во вторую стадию. Временное правительство никого за границу не отпустило, теперь ленинское должно Романовых умертвить. В таком случае совершенно не важно, замешан Михаил Романов в антибольшевистских заговорах или нет. Его арестовывают не за что-то, а для чего-то! Для убийства.

Ведь не только у Михаила начались неприятности в конце марта 1918 года, а у всей семьи. А она велика, эта семья Романовых – много работы будет у ее палачей. Ветви этого генеалогического древа густо разрослись на благодатной русской почве. Император Николай I имел четырех сыновей и трех дочерей. У императора Александра II было шесть сыновей и две дочки. Император Александр III отстал от своего отца совсем ненамного. У него было четыре сына и две дочери. У самого Николая II было четыре дочери и сын. И это дети царствовавших Романовых. Такой же плодовитостью отличались и братья и сестры русских монархов. Наличие большого количества детей было традицией правящего дома. Иначе говоря, Романовых в России было разве чуть меньше, чем Ивановых.

Март 1918 – это начало пути Романовых на Голгофу. 17 марта 1918 года Михаил Романов отправляется в ссылку в город Пермь. Подальше, поглуше, потише. Возьмите карту, посмотрите, и вам все станет ясно. Одновременно с Михаилом Александровичем большевики арестовали и выслали его личного секретаря, англичанина Джонсона. В такой компании, да еще с двумя слугами, последний русский император приезжает в Пермь. Рядом, в Алапаевске, ничем, кроме своего монастыря, не примечательном уездном городе Пермской губернии, в ссылке собирают других Романовых. В местной городской школе находились: горячо приветствовавшая убийство Распутина родная сестра русской императрицы Великая княгиня Елизавета Федоровна, Великий князь Сергей Михайлович Романов и Великие князья Иоанн, Игорь и Константин. Последним узником Алапасска был князь Владимир Палей (внук императора Александра II). Родился он во втором браке своего отца, Великого князя Павла Александровича, и доводился убийце Распутина Великому князю Дмитрию Павловичу сводным братом. Будучи Романовым по крови, фамилию он носил другую – Палей. У алапаевских узников снова мы видим развитие событий по тому же сценарию. Они свободно живут после обеих революций, а затем их арестовывают без малейшего на то повода. Срок их ареста снова – март 1918-го.

Неприятности случаются в марте и у семьи Николая II. Она спокойно живет в это время в Тобольске, когда вдруг 24 марта 1918 сюда прибывает из Омска комиссар Дуцман. Он был назначен комиссаром города, по понятному, что основной его задачей была семья Романовых. Так он и поступал – не вмешивался в жизнь семьи, наблюдая за ней. Приглядывался. Ровно через два дня после его приезда, 26 марта в Тобольске появился первый (!) со дня большевистского переворота отряд красноармейцев. Охрана царской семьи усиливается, пока еще негласно. До сих пор ее охраняли те же солдаты, что и в Царском Селе. Запомним эту дату: март 1918-го. Это период подготовки. Видимой опасности еще нет, но тучи над домом Романовых уже начинают сгущаться.

Март 1918. Это роковой месяц в судьбе Романовых. Именно с этого момента события, ведущие к смерти представителей царской династии, приобрели небывалую скорость.

Именно на этом рубеже мы сейчас и остановимся.

Но почему именно март 1918-го?

Март 1918 – это месяц подписания Брестского мира. Смерть Романовых и лавирование Ленина и Троцкого между немцами и «союзниками» связаны самым непосредственным образом. Но если в наши дни возможные связи Ленина с Германией очень тщательно «пиарят», то его связи со странами Антанты незаслуженно обходят стороной. А они очень важны, эти связи, для понимания всех последующих событий. В том числе и страшной участи Романовых...

Сразу после Октябрьского переворота Лев Давыдович Троцкий стал наркомом иностранных дел. Его многотомные мемуары – поистине бесценная сокровищница информации: «18 ноября генерал Джэдсон, начальник американской миссии, неожиданно посетил меня в Смольном. Он предупредил, что не имеет еще возможности говорить от имени американского правительства, но надеется, что все будет all right». В заключение миролюбивый генерал заявил: «Время протестов и угроз по адресу советской власти прошло, если вообще это время существовало». Обратите внимание – прошло всего лишь несколько недель после взятия власти большевиков, а у официального начальника американской миссии к ним никаких претензий нет. И это после того, как новое руководство России обратилось к Германии с призывом о мире. Но разве может быть иначе, если вспомнить, что борец за народное счастье Лев Троцкий почти одновременно с Лениным, прибывшим в Россию через Германию, приплыл на корабле из США...

Появляются у нового большевистского руководства и неофициальные представители западного закулисья. Им выпала «честь» далее проводить в жизнь грандиозное дело развала России. От трех держав прибывают три эмиссара: от Франции представитель военной миссии Жак Садуль, от Великобритании – заместитель посла Брюс Локкарт, Соединенные Штаты остается представлять глава миссии Красного Креста Раймонд Роббинс[22].

Все трое не обладают статусом посла, а следовательно не имеют полномочий для ведения переговоров и не могут излагать позицию своих правительств. Но они всего лишь не имеют официальных полномочий, а этого для выполнения их специального задания и не нужно. Зато неофициальных полномочий у западных эмиссаров хоть отбавляй, и именно они являются реальными представителями стран Антанты[23]. В этом легко убедиться, обратив внимание на то, что официальные послы трех сверхдержав в это время почему-то быстренько покинули советскую столицу и уехали... в Вологду. Неофициальные представители остались. Все три официальных посла: Бьюкенен (Англия), Нуланс (Франция) и Фрэнсис (США) занимают яркую антисоветскую позицию[24]. И уезжают подальше от основного политического центра России. Неофициальные представители Садуль, Локкарт и Роббинс, как пишет изданная еще до сталинских чисток книга «Гражданская война 1918–1921», «стремились добиться от своих правительств признания советской власти»".

Потому остаются рядом с большевистскими главарями. Ленин и Троцкий прекрасно понимают, КТО к ним приехал. Поэтому уважение неофициальным представителям «союзников» оказывалось соответствующее. Троцкий встречался с Локкартом чуть не ежедневно, выдал ему пропуск в Смольный, предоставил собственный поезд для поездок между Москвой и Петроградом и даже снабдил таким документом: «Прошу все организации, Советы и комиссаров вокзалов оказывать всяческое содействие членам английской миссии»[25]. Есть «железобетонная» бумага и у французского представителя капитана Жака Садуля. Это фигура еще более интересная. Откомандированный в Россию еще в сентябре 1917 года, он «стремился к сближению с советской властью; в течение февраля и марта ему удавалось в значительной мере нейтрализовать влияние своего посла Нуланса»[26]. Позже Садуль «порвал» с французской миссией и начал вести активную работу в качестве коммуниста. Это вы можете прочитать в литературе. Мол, загорелся молодой француз революционными идеями, забыл свой долг и солнечные долины Прованса. Ушел с головой в коммунизм и марксизм.

Это ложь. Чтобы это понять, достаточно повнимательнее почитать самого Владимира Ильича. «Французский капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму»[27], – пишет Ленин в «Письме американским рабочим». Главу большевистской партии не обманешь притворными клятвами и фальшивым марксизмом. Его характеристика Жака Садуля прямо говорит нам, откуда появился в приемных новоиспеченной советской власти симпатичный молодой француз...

Жак Садуль был настолько заметной фигурой, что оставил свой след и в мемуарах Льва Давыдовича Троцкого. «Капитан Садуль явился ко мне немедленно после Октябрьского переворота для информации. Насколько помню, с ведома французских военного и дипломатического представительств в России»[28], – напишет будущий основатель Красной армии. Немедленно после переворота к главарям большевиков мог прийти только тот, кто знал, куда и к кому идти. А значит, Жак Садуль имел контакт с большевиками еще до Октября. И верно – прибыл-то он к нам в сентябре 1917 года. То есть накануне того момента, когда Ленин и Троцкий станут реальной политической властью в России. Для контакта с ними Жак Садуль и приезжает. Факты его биографии эту версию неопровержимо подтверждают. В марте 1919 года бывший капитан французской армии участвует в работе I конгресса Коминтерна – организации, главной целью которой является раздувание мирового революционного пожара. Французская Фемида реагирует

быстро и адекватно: в том же 1919 году Жак Садуль заочно приговорен к смертной казни за государственную измену, коммунистическую пропаганду среди французских моряков, дезертирство и сношение с неприятелем[29]. Это понятно. Удивительным окажется дальнейшее развитие событий. В конце 1924 года Садуль неожиданно возвращается во Францию. Он арестован и передан в руки военных властей, готовый смертный приговор ждет его на Родине уже с 1919 года. Казалось бы, вот и конец истории – получит французская компартия готового мученика и героя для своего пантеона. Однако в марте 1925 года военный суд в Орлеане неожиданно... оправдывает Жака Садуля по обвинению в дезертирстве. По остальным же пунктам обвинение храброго капитана вообще признается необоснованным[30]. Его дело прекращается, а сам Садуль выходит на свободу. Что это? Очередные «чудеса»? Нет, обычная ситуация с выполнением важнейшего государственного задания. О миссии Жака Садуля знают единицы, для всех остальных, включая французскую юстицию, он предатель, заслуживающий виселицы. В 1924 году контактировать с большевиками уже не надо, помощь им уже не требуется – СССР окреп и может существовать без активной поддержки «союзников». Вспомним, что в январе того же 1924 года умирает Ленин, то есть основной «контактер» французского разведчика, и мам станет окончательно понятно, почему капитан Садуль возвращается во Францию именно в этом году. Домой он едет, совсем не опасаясь за свою жизнь. В нужный момент из-за кулис появляются спецслужбы. Они своего агента, с честью выполнившего задание, в обиду не дают. А французская Фемида хлопает глазами и отменяет герою закулисного фронта смертный приговор...– Помимо неофициальных дипломатических каналов для налаживания связей и поддержки новой революционной власти используются и традиционные «прикрышки» спецслужб: журналистика и общественная деятельность. Например – миссия Красного Креста. Сердобольные граждане

США помогают нуждающимся продовольствием, одеждой и медикаментами. Но это лишь ширма для удобного решения более важной задачи. Прямо накануне Октября миссия Красного Креста выдавала деньги большевикам. Естественно на «гуманитарные» нужды. В декабре 1917-го эти благородные господа вручили Ильичу еще один миллион долларов. Безусловно – на борьбу с разрухой и голодом. Только вот белогвардейцам никто и никогда не давал ни копейки, ни на помощь голодным, ни на восстановление чего-либо. Поэтому в цитадели новой революционной власти случилось чудо: ветер всеобщей большевистской национализации благополучно пролетел мимо американцев. Петроградское отделение National City Bank, где обслуживались счета миссии Красного Креста, оказалось единственной банковской конторой в советской России, не попавшей под действие декрета о национализации[31]...

Неофициальные эмиссары британского, французского и американского правительств активно помогали большевикам удержаться у власти, одновременно стараясь максимально продлить ситуацию, при которой русские солдаты будут и дальше умирать за интересы своих «союзников» по Антанте. Большевики много говорили об интересах трудового народа. Якобы во имя его они взяли власть. И теперь первым их шагом должен был стать мирный договор с Германией. Только заключать его они собирались вовсе не в интересах рабочих и крестьян России...

Март 1918 – это месяц подписания Брестского мира. Кровавые нити русской смуты так тесно переплелись между собой, что одно практически неотделимо от другого. И если мы поймем, кто заставил Ленина так странно вести переговоры с германским руководством, нам станет абсолютно ясно, кто же хотел смерти представителей царской династии.

Наш путь лежит туда – в Брест-Литовск...

Самым сложным было не торопиться. Делать то, что он давно задумал и решил. Делать это чинно, с расстановкой. Солидно и уверенно войти в историю. Ведь момент без сомнения был исторический, такого ее анналы еще не знали. Никто до него такого не делал, не пытался и даже не додумался столь красиво разрешить множество задач одновременно, не предложив никакого решения вообще!

Троцкий обвел присутствующих взглядом, набрал побольше воздуха в легкие и начал читать. Очень хотелось произнести все разом, одним махом, не давая никому опомниться. Он начал удачно, быстро поймав нужную тональность и всем своим нутром чувствуя правильность выбранной формы. Сказал о солдате-пахаре, который должен вернуться к своей пашне, о солдате-рабочем, которого ждет его мастерская. И потом, не переводя дыхание, сразу перешел к главному:

- Именем СНК Правительство РСФСР настоящим доводит до сведения правительств народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Вот она, бомба! Самообладанию дипломатов учат с самых азов постижения их многотрудной профессии. Потом они оттачивают их в многочисленных словесных баталиях, достигая полнейшего контроля над своей мимикой. Здесь, в Бресте, были лучшие из лучших.

- Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту, – выдохнул Троцкий и моментально перевел взгляд на глав немецкой и австрийской делегации. Рихард фон Кюльман тупо уставился на него, и на его холеном лице так и читалась просьба еще раз повторить все сказанное. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Оттокар фон Чернин вообще на мгновение потерял самообладание и стал нервно теребить воротник.

Все – бомба взорвана. Пусть они теперь разбираются в хитросплетениях сложившейся ситуации, ломают себе головы. Наша задача затягивать все до крайней меры, тянуть резину и никакого договора не подписывать. Устроить настоящую политическую демонстрацию, переложить всю ответственность на немцев.

Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем – вот секрет успеха. До сих пор так не делал никто. Так ведь никому и не надо было одновременно успокоить население своей страны, возбудить рабочих Германии и Австрии, оттянуть подписание договора с немцами и показать свою сговорчивость и покладистость перед ДРУГОЙ стороной.

Придумка и вправду была гениальной. Немцы проигрывали при любом раскладе. Именно это Ленин ухватил сразу.

- Было бы так хорошо, что лучше не надо, – сказал он, задумчиво глядя в сторону, – если бы генерал Гофман оказался не в силах двинуть свои войска против нас.

- Тогда мы одержали гигантскую победу с необозримыми последствиями, – развивал свою мысль Троцкий. – Если же удар против нас еще окажется для Гогенцоллерна возможным, мы всегда успеем капитулировать достаточно рано.

- Интересно, чертовски интересно, – прищурился Ильич, что всегда означало у него мощный мыслительный процесс. – Ну, хорошо, допустим, что мы отказались подписать мир, а немцы после этого переходят в наступление, что вы тогда делаете?

- Подписываем мир под штыками. Пусть покажутся миру во всей своей красе.

- А вы не поддержите тогда лозунг революционной войны? – снова прищурился Ильич.

- Ни в каком случае.

- При такой постановке опыт может оказаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию или Латвию.

Ленин шагнул в сторону, на секунду задумался и прибавил с лукавым смешком:

- Уж ради одного доброго мира с Троцким стоит потерять Латвию с Эстонией!

Эта фраза стала у него на несколько дней припевом. И настроение у Владимира Ильича явно пошло на поправку. Выход из тупика был найден. И нашел его он – Троцкий...

... Кто-то из членов германской делегации громко кашлянул. Фон Кюльман бормотал себе под нос что-то невразумительное. Первым пришедший в себя граф фон Чернин предложил созвать пленум для обсуждения заявления советской делегации.

Но Троцкий его не слушал. Дело сделано. Нечего обсуждать. Нечего ждать. Можно ехать назад в Москву...

ГЛАВА 3 ДЛЯ КОГО ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ ЗАКЛЮЧИЛИ БРЕСТСКИЙ МИР

Теперь, задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции.

Германский генерал Э. Людендорф

Взяв у немцев деньги на революцию, Ленин пообещал им вывести Россию из войны. И потом заключил выгодный Германии мирный договор. Именно такова логика тех, кто «зачисляет» нашу революцию в актив немецких спецслужб. На самом деле ничто не развеет с такой легкостью миф о «германских шпионах» большевиках, как самое главное доказательство, главное обвинение против Ленина грабительский Брестский мир. Чтобы понять, под чью дудку плясали вожди русской революции, надо подробно разобрать ход брестских переговоров. И тогда многое нам станет понятнее и яснее...

Какие же внешние силы играли в свою игру на территории охваченной хаосом Российской Республики?[32] Это Германия и Антанта. Исторический пульс в то время бился с удвоенной частотой. Страшная Первая мировая война приближалась к своей развязке. Между тем, проигрывать не хотел никто. Антанта готовилась выложить свой последний, но самый сильный козырь – вступление в войну США. Последний шанс история предоставила и Германии. Пусть призрачный, но он был. Этот шанс – немедленный мир с Россией, отвод войск со всей оккупированной территории и скорейшая переброска их на Запад. Нанесение удара по французским и английским войскам, пока американские не прибыли к театру военных действий. Это было важнейшим условием возможного ничейного исхода Первой мировой войны для Германии. Победить Германия не могла.

Новизна мирных предложений большевиков была не в том, что они первыми заговорили о мире, а в том, как они это сделали. Опубликовав свой декрет о мире, Ленин потребовал от главнокомандующего русской армией генерала Духонина немедленно заключить с немцами перемирие. Тот отказался, был смещен со своего поста Совнаркомом и затем убит озверевшими матросами[33]. На его место назначили прапорщика Крыленко. Новый главнокомандующий предложил русским воинским подразделениям договариваться о мире отдельно с каждой конкретной противостоящей им неприятельской частью. Это уже странно. Если большевики германские агенты, зачем они пытаются спровоцировать немецкие войска нарушить субординацию? Ведь вопросы войны и мира решали не солдаты на митинге, а генералы в Берлине. Предложение мира германским солдатам, напротив сидящим в окопах, может закончиться их выходом из повиновения командованию. Такое впечатление, что большевики вовсе не замиряться хотят, а создать в головах немецких солдат простую логическую цепочку: мир – генералы и кайзер, его не желающие – сломать режим, не желающий мира.

Странное поведение для «немецких шпионов»? И главное, кому выгодно, чтобы так получилось? Антанте – Англии и Франции. С подобным удивительным, если не понимать его причин, поведением ленинцев мы еще не раз встретимся...

«Поняв свою ошибку». Крыленко обратился к германскому командованию с предложением о перемирии. Вот тут мы заметим первую странность. Мир Германии нужен как воздух. Успешный немецкий «агент» Ульянов, достигший в России неожиданного, почти фантастического успеха, предлагает перемирие, ведя дело к мирному договору. Все должно решаться молниеносно. Германским политикам и генералам надо радоваться, хлопать пробками от шампанского и подставлять фужеры иод игристый напиток. В жизни все это произошло совсем по-другому. Фактический командующий германскими армиями генерал Людендорф вызывает к себе командующего штабом Восточного фронта генерала Гофмана и задает ему один вопрос: можно ли иметь дело с новым русским правительством? Генерал Гофман ответил Людендорфу утвердительно, в том смысле, что с ленинцами можно иметь дело, а с нами в мемуарах поделился сомнениями: «Я много думал, не лучше ли было германскому правительству... отклонить переговоры с большевистской властью. Дав большевикам возможность прекратить войну и этим удовлетворив охватившую весь русский народ жажду мира, мы помогли им удержать власть»[35].

А ведь на кону не только судьба России, но и будущее самой Германии. Так и хочется сказать: что ж тут думать! Раньше надо все эти вопросы обсуждать, когда Ленина отправляли. Разумеется, если он действительно «германский агент». И еще один аспект есть у этого вопроса. В России никакого другого правительства, кроме большевистского, нет и в ближайшее время не предвидится. Мир Германии нужен, и подписывать его, кроме как с Советом народных комиссаров, более не с кем. О чем же тут думать?

Выйдя из своей удивительной задумчивости, немцы соглашались на переговоры с большевиками. Австрийцы же просто умоляют их «удовлетворить Россию как можно скорее»[36]. В стране мазурок и вальсов продовольствия уже практически нет, а вместе с исчезновением хлеба и масла тает и решимость венского кабинета.

Местом мирных переговоров выбирается город Брест-Литовск, оккупированный немецкими войсками. С завязанными глазами полномочные представители советской России пропускаются через германские оборонительные линии. Сделан первый шаг к всеобщему миру. Теперь пришло время сделать второй и третий и закончить кровавую бойню как можно скорее...

Давайте на минутку остановимся и порассуждаем. Современная историческая наука имеет всего два толкования дальнейших действий большевиков. Первая, «советская» точка зрения гласила, что стремление Ленина к миру во всем мире было столь велико, а желание немцев хапнуть побольше так сильно, что в результате пересечения этих двух прямых и возник мирный договор. Такой, при котором Россия потеряла значительную часть своей территории, грабительский и разбойный. Но поскольку сил у молодой «красной» республики не было, то пришлось его, скрепя сердце, подписать. Вторая, более современная трактовка тех событий говорит нам о том, что русской территорией Ленин расплатился с немцами за «пломбированный вагон» и их финансовую помощь в деле

разрушения русского государства. Обе версии красивы, обточены писателями и историками до ослепительного блеска.

Помогут ли они действительно объяснить, почему Владимир Ильич подписал Брестский мир? В самом ходе переговоров таится ответ на этот вопрос. Они продвигались совсем не так, как мы привыкли себе представлять. Немецкую делегацию на переговорах возглавил статс-секретарь Министерства иностранных дел Рихард фон Кюльман, австрийскую – министр иностранных дел граф Оттокар фон Чернин. Нашей – руководит товарищ Адольф Иоффе. У него длинные грязные волосы, поношенная шляпа и сальная нестриженная борода. Состав русской делегации плакатно комичен: в числе ленинских дипломатов рабочий, матрос и крестьянин. Последнего спохватившиеся большевики буквально подобрали на улице и внесли в список. Без крестьянина рабоче-крестьянской делегации никак нельзя.

И вот товарищ Иоффе излагает советские условия прекращения военных действий.

1. Перемирие сроком на 6 месяцев.

2. Немцы должны очистить Ригу и стратегически важный, только в октябре 1917-го захваченный ими Моонзундский архипелаг.

Наконец, Иоффе выкладывает третье советское условие, после которого немцы оказываются просто в состоянии шока.

3. Германцы должны обязаться НЕ ПЕРЕБРАСЫВАТЬ ВОЙСКА НА ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ![37]

Что за странную форму поведения избрал себе товарищ Иоффе, а точнее, руководящие им Ленин и Троцкий? Почему советский дипломат выдвигает столь удивительные требования? Ведь понятно, что в условиях продолжающейся войны отказ от свободной переброски войск в любом направлении для немцев абсолютно неприемлем. Такой мирный договор для Германии теряет всякий смысл. Ключ к выигрышу мировой войны для всех воюющих сторон находится в России. Если немцы перебросят свои лучшие части с Востока на Запад, они еще имеют шанс избежать поражения, если оставят солдат в России – через несколько месяцев Германия рухнет. Развалится иод влиянием большевистской и антантовской пропаганды.

Германское руководство готовит в начале весны наступление на Западном фронте. Для этого надо провести перегруппировку войск. Для этого нужно заключить мир с Россией и отправить солдат во Францию, Бельгию и Турцию. Задача «союзных» разведчиков диаметрально противоположна: немцы не должны увозить своих солдат с Востока на Запад. Любой ценой этому надо помешать. Надо заставить Германию увязнуть в России по уши. Самое главное, чтобы ни в коем случае не наступил реальный мир...

Согласимся, что для «германского агента» Ленина выдвинутые требования, мягко говоря, странные. Абсолютно не подходят они и для радетеля интересов молодой революции. Зачем большевикам искусственно задерживать германские войска на границах революционной России? Ведь, находясь рядом, монархическая немецкая армия является постоянной угрозой красным Петрограду и Москве. И наоборот, чем больше германских солдат уедет во Францию и Бельгию, тем быстрее Ленин и Троцкий смогут заразить большевизмом все окружающее пространство. Пекись Ильич об интересах революции – он должен просить германских дипломатов и военных не оставлять свои части, а поскорее их увозить. И вообще, какое дело революционному правительству России, куда денег Германия освободившиеся дивизии? У большевиков что, других забот нет?

Нет, забот у новой коммунистической власти огромное множество. А вот у союзных представителей Жака Садуля и Брюса Локкарта есть только одна головная боль – не допустить переброски германских войск на Западный фронт.

И «странное» требование большевиков будет вовсе не странным, если знать, что:

- сразу после Октября немцы начали переброски войск на Запад;
- 30 % немецкой армии было на Востоке, около 80 дивизий;
- весь ноябрь переброски продолжались[38].

Как же их можно остановить? Правильно – выдвинув «мирные инициативы». Просто дура немцам головы! Расчет союзных кураторов оказался верен. Немцы заглотили крючок и согласились прекратить переброску войск с Востока на Запад!

Глядя на большевистские предложения, мы можем оценить степень влияния английской разведки на ленинское правительство. Судите сами. Немецкие войска находятся на расстоянии одного рывка до красного Петрограда, недаром ведь еще в сентябре сам Ильич писал об опасности сдачи им города Керенским. Германцы рядом, они реально могут задушить новую революционную власть. Британских, французских и американских войск в России практически нет, и они не могут ни помешать немцам придушить большевиков, ни помочь им это сделать.

Кто опасность для революции номер один? Германия.

С кем надо договориться в первую очередь? С Германией.

А Ленин выставляет немцам условия заведомо неприемлемые, но нужные «союзникам». Это глупо и нелогично если считать, что никаких отношений у большевиков с

британскими и французскими спецслужбами не было. И наоборот: если знать, что Ленин делал свою революцию в тесном контакте именно с ними, а немцам отводилась лишь роль казначея, то все становится попятно и объяснимо.

«Союзные» эмиссары потребовали от большевиков начать переговоры и выставить требование запрета на переброску войск на другие фронты.

Почему же Ленин идет на выставление заведомо невыполнимых требований в ситуации, когда он более всех заинтересован в успехе переговоров? Тем и отличается хороший тактик от плохого, что хороший тонко чувствует ситуацию. Расчет следующий: во-первых, нужно предложить Германии вариант, устраивающий англичан, во-вторых – чем черт не шутит, вдруг немцы согласятся. Маловероятно, но все же шанс есть. Вариант, при котором немцы отказываются от переговоров, тоже Ленину подходит. Перед англичанами он чист (мы пытались!), для внутренних трудностей и провала собственных экспериментальных шагов есть отличное объяснение – внешняя угроза. Сплотитесь вокруг правительства для отражения внешней агрессии! Революция в опасности!

Но такая ситуация опасна. Бравада хороша только до того момента, пока немцы со своим хитрым «шпионом» реально воевать не соберутся. Ленин знает, что военной силы у большевиков сейчас нет. Он прекрасно понимает, что если дразнить немцев дурацкими требованиями, то они могут и прихлопнуть молодую Советскую республику, как назойливую муху. Слушаться «союзников» полностью тоже нельзя, они снова пытаются спровоцировать русско-германский конфликт, причем руками самой советской делегации.

А может, и не было никаких обязательств у Ленина перед Германией? Ответа на этот вопрос у меня нет. Все тайные переговоры велись без протоколов, все договоренности на бумаге не фиксировались. Ведь доказательства сотрудничества Ленина с немцами смехотворны. До Февральской революции – это только одна (!) расписка Парвуса (не Ленина даже!) о получении им миллиона на организацию забастовки. И несколько более поздних банковских платежей на счета не самого Ленина, а разных других физических и юридических лиц. Иными словами – никаких прямых доказательств сотрудничества Ленина с Германией нет.

Тяжкое обвинение в предательстве Родины приписывают Ильичу на основании логики его поступков и проезда в «пломбированном вагоне». Вот здесь собака-то и зарыта. В результате сотрудничества с Владимиром Ульяновым Германия мировую войну не выиграла, а проиграла. Это факт. Проиграла она не на поле боя, а точно повторив сценарий гибели Российской империи, будучи разложенной революцией в тылу.

А вот Антанта войну выиграла. Повергнув в прах своего главного противника – Германию и своего постоянного геополитического соперника XIX века – Россию. Последовательным анализом действий Ленина мы приходим к выводу – имело место тесное сотрудничество руководства большевиков не с немецкими, а с «союзными» разведками. И оно было куда серьезнее его германского «шпионства», иначе вся история революции опять превратится для нас в смесь удивительных совпадений, необъяснимой глупости и странных поступков. Ведь Владимир Ильич идет по очень тонкому льду. Пока революция еще очень слаба,

надо ему дружить со всеми: и с «союзниками», и с немцами. Но главная, путеводная цель его – это в перспективе похоронить и тех и других под обломками рухнувшего в мировом масштабе капитализма. Но пока мировой революции еще нет, надо лавировать.

«Любовный треугольник» выглядит весьма странно: Англия, Германия и... большевики. Все стороны политического треугольника ищут компромиссы, чтобы потом их нарушить и снова столкнуться в борьбе до поиска следующих договоренностей. Эти закулисные переговоры большевиков с «союзниками» шли в тот момент, когда бывшее Временное правительство, бывшая русская армия, ее офицеры и генералы, деятели различных партий ждали поддержки и помощи для наведения в России порядка и возвращения ее в цивилизованное состояние. Напрасно. Из всех вариантов развития событий элита Антанты всегда старалась поддержать наилучший для себя и наихудший для России. В тот момент этим требованиям отвечали только большевики. Первые белые добровольцы уже погибают в степи во время беспримерного Ледового похода, первые казачьи восстания озаряют вспышками юг истрадавшей России. Но «союзники» спешат вовсе не к героям антибольшевистского сопротивления, не торопятся они протестовать против произвола свежееорганизованной ЧК. Они, улыбаясь, идут жать руки большевистским вождям, потому что именно Ленин и Троцкий могут в тот момент «задушить Германию» в своих объятиях. Первые попытки нахождения нового консенсуса с большевиками «союзники» делают весьма неуклюже. Они... предлагают им деньги. «Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленке по сто руб. в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны»[39], – говорит сам Ленин в своих «Тезисах по вопросу о заключении сепаратного мира», напечатанных в «Правде».

Отчего так топорно работают британцы? Многолетняя привычка за деньги покупать полную лояльность всех российских революционеров. За деньги они звали на баррикады, за деньги бросали бомбы, за деньги старались организовать военное поражение своей Родины в русско-японской войне. Поэтому пытаться подкупить пламенного революционера, фанатично борющегося за мировую коммуну, – мысль здравая и разумная. Но только с Лениным этот номер не проходит. Ему нужны не деньги, а возможность строить новое государство. И если «просьба» англичан идет в разрез с интересами революции, Ильич ее выполнять не спешит. Но как грамотный политик и отказывать не спешит тоже[40]...

Ситуация для Владимира Ильича складывалась патовая. «Союзники» требуют сорвать мир – немцы требуют мира. Угодить одним – поспорить с другими. Но Ленин не был бы Лениным, если бы он не нашел выхода из сложившегося тупика.

Вождь обращается к русским солдатам с призывом, повторяющим недавний приказ главковерха Крыленко: немедленно выбирать уполномоченных для переговоров с неприятелем на местах. Цель простая, как язык ленинских декретов, – мир явочным порядком. Официально мы неуступчивы, как нас попросили из Лондона, но что же поделать, если солдаты на местах уже не сражаются друг с другом.

На следующий день после своего призыва Ленин делает еще один сильный и решительный «ход конем». Совет народных комиссаров принимает декрет о постепенном сокращении армии. В запас увольняются все солдаты 1899 года призыва. Приказ об этом

рассылается во все штабы, однако составлен он так неграмотно, формулировки столь расплывчаты, что его можно трактовать по-разному. Ответственных за демобилизацию тоже нет – в результате дезертирство становится повальным. Это самый последний гвоздь в гроб старой русской армии. Вооруженных сил у России больше нет. Есть толпы вооруженных людей в шинелях и бушлатах. Они не могут и не хотят сражаться. Их можно понять – власть поменялась трижды за полгода и теперь уже никто не понимает, за что же он должен проливать свою кровь.

Это досадное недоразумение отнюдь не случайно. Уничтожением армии Ленин решал сразу несколько задач: во-первых, избавлялся от упреков «союзников», во-вторых, разваливал то, что было непригодно использовать в новых революционных условиях. Теперь на «просьбы» из Парижа и Лондона Ильич мог развести руками, честно глядя в лицо партнерам. Хотели как лучше, а получилось как всегда! Чем я теперь с немцами воевать буду? И хотел бы упорствовать с Берлином дальше, но только не могу! Нет у нас больше армии – вся разбежалась. Своим недюжинным умом Ленин также прекрасно понимал, что старая армия не годится для его целей. Нужна армия новая, но создать Красную армию можно было, только разрушив до конца царские вооруженные силы. Армия революции должна базироваться на новых, совершенно других принципах.

Однако вернемся в Брест-Литовск, где на нервном заседании большевики огласили свое «странное» требование. Немцы взяли на себя обязательство не перебрасывать войска па Запад. Одновременно германское руководство предложило присоединиться к мирным переговорам и остальным странам Антанты. Надежда на общий мир водила рукой германской делегации. Но их надежды не оправдаются. Англия, Франция и США не приедут на переговоры и даже никак не ответят на мирные предложения. Потому что организаторам Первой мировой войны нужно не окончание кровопролития, а достижение своих целей, ради которых война, собственно, и начиналась. Первая промежуточная цель достигнута – Российская империя рухнула. Теперь нужно добиться второй – уничтожения Германии.

В период от Октября до начала переговоров с большевиками германские войска эшелонами перебрасывались на Запад. Теперь английские разведчики могут спокойно передохнуть – этот губительный для их родины поток остановлен. Кто же скажет, что интересы Британии и Франции в Брест-Литовске никак не представлены? Наоборот, большевистская делегация с пеной у рта отстаивает пункты соглашения, нужные своим «союзным» кураторам. Мы помним, что она предложила перемирие на шесть месяцев. Во время его действия Германия обязуется не перебрасывать войска на Запад. Согласись немцы на это – и полгода они не смогут забрать ни одного солдата из России. У Англии и Франции никаких ограничений нет, они могут как им вздумается перегруппировывать свои силы. Поэтому германцы сочли предложенный советской стороной срок перемирия слишком длительным. В результате его ограничили сроком до 12 января 1918 года (п. ст.), с автоматическим продлением, если не последует отказа одной из сторон[41].

Заключение перемирия – обязательное условие начала мирных переговоров. Ведь воюющие стороны не могут просто взять и сесть за общий стол. Теперь, когда оно заключено, можно официально открыть мирную конференцию. На нервном заседании 9 (22) декабря 1917 года инициативу снова захватывают большевики. Они предлагают свою программу мира, состоящую из шести пунктов. Это:

- 1) недопущение присоединения захваченных территорий;
- 2) национальное самоопределение;
- 3) восстановление самостоятельности оккупированных стран;
- 4) обеспечение культурной автономии тех, кто отделяться не хочет;
- 5) отказ от контрибуций[42];
- 6) последний, шестой пункт предлагает все остальные вопросы межгосударственного урегулирования решать на основе первых пяти.

Когда современные историки лихо обвиняют Ленина в возврате немцам «долга» в виде заключения невыгодного договора, в предательстве русских интересов на переговорах с Германией, складывается впечатление, что они предложений большевистской стороны в глаза не видели. Ленинские предложения отлично отвечают русским интересам. Фактически речь идет о признании отделения тех, кто и так отделится. Главное – сама Россия, без малого, сохранится. К удивлению многих, председательствующий на переговорах немецкий министр иностранных дел Кюльман заявляет, что «пункты русской делегации могут быть положены в основу переговоров о мире»[43]. Большевики предлагают вывести русские войска из занимаемых ими областей Австро-Венгрии, Турции и Персии. Но в ответ Германия должна освободить Польшу, Литву, Курляндию и другие области России. На первый взгляд справедливо, но только на первый. Немцы прекрасно осознают, что Ленину верить нельзя. Если германские войска уйдут из Прибалтики и Польши, туда завтра же войдут большевики. Согласись немцы на такой красивый с виду вариант, и зона нестабильности, хаоса и террора подойдет вплотную к немецким границам. И может вызвать революцию, а затем и крушение германского рейха! Ведь большевики своих целей даже не скрывают. Глава австро-венгерской делегации Оттокар фон Чернин много беседует с главой советской делегации товарищем Иоффе. Консенсуса найти не удастся. Большевик грезит мировой революцией, чопорный граф полон скепсиса и сарказма. «Мы пока воздержимся от подражания русским теориям и категорически отвергаем всяческое вмешательство в наши внутренние дела, – жестко говорит глава австрийского МИДа. – Если же он (Иоффе. – Н. С.) намерен и дальше настаивать на своем утопическом желании насаждения и у нас своих идей, то было бы лучше, если бы он уехал со следующим же поездом, потому что в таком случае мир все равно невыносим». Ответ главы большевистской делегации граф фон Чернин не мог забыть всю жизнь: «Я все-таки надеюсь, – сказал товарищ Иоффе, – что нам удастся вызвать у вас революцию»[44].

Вот в такой теплой и дружественной обстановке переговоры и идут. И чем дальше, тем больше растут настороженность и подозрения немцев. Они готовы согласиться с правом народов Польши, Литвы, Курляндии на самоопределение, но до конца войны они должны

оставаться под немецкой оккупацией. Германские войска останутся также на территории Эстляндии и Лифляндии. Вывод немецких вооруженных сил с оккупированных территорий России невозможен, пока продолжается война на Западе. Прибалтика и Польша дают Германии продукты и необходимые для борьбы военные и промышленные товары. Германская делегация излагает эти требования ошеломленным большевикам. Некоторые участники переговоров со стороны большевиков даже не скрывают слез. В тот же день они отбывают в Москву для консультаций, беря десятидневный перерыв.

Беспрерывные совещания проходят и в Берлине. «Я указал, что ввиду намечающегося удара на Западе требуется скорейшее заключение мира на Востоке, так как лишь в том случае, если мир будет заключен в ближайшее время, мы получим возможность надлежащим образом совершить переброску войск»[45], – пишет в своих воспоминаниях генерал Людендорф. Немцы начинают спешить. Еще немного промедления – и можно просто не успеть перевезти солдат, развернуть части для нанесения удара по англичанам и французам на Западном фронте.

У немецкого руководства могло быть два подхода к стратегии выхода из военного тупика. Первый заключал в себе немедленный мир с Россией, вывод войск с Восточного фронта и наступление на Западе. Второй подход требовал полностью обобрать Россию, пользуясь ее временной беспомощностью, и, используя в качестве «второго дыхания» русские природные и продовольственные ресурсы, опять же продолжить борьбу на Западе. Кайзер выбрал ограбление России. Это приведет Германию к гибели через неполные восемь месяцев. Выступая на заседании ВЦИКа 3 октября 1918 года, Лев Троцкий скажет о крушении Германии: «Нет надобности доказывать, что значительная доля этой катастрофы была подготовлена в Бресте немецкой дипломатией, военной, как и штатской»[46].

Так почему же Германия встала на гибельный путь ограбления и расчленения России? Почему она не стала заключать с большевиками справедливый мир «без аннексий и контрибуций»? Потому что для заключения мирного договора его, как минимум, надо подписать с обеих сторон.

А немецкое руководство ясно видело, что большевики:

- преследуют интересы Англии и Франции;
- не торопятся заключать мирный договор;
- всячески затягивают переговоры;
- выставляют неприемлемые требования;

- предлагают Германии пожертвовать имеющимися у нее преимуществами, по сути ничего не предлагая взамен

Да, война на Востоке благодаря большевикам остановилась. Но Германия от этого не получила ничего. Ведь в условиях войны на два фронта немцам нужен не просто мир с одним из противников, а возможность спокойно разгромить второго. А этого как раз и нет. Антанта делает вид, что никаких переговоров не ведется, и продолжает вести войну на уничтожение. А Германия уже не перебрасывает свои войска на Запад...

Именно из-за поведения ленинской делегации и ужесточались требования Германии! Немцы начинают чувствовать, что их обманули и продолжают водить за нос. Мы уже знаем, что германцы начинают спешить. Теперь нам будет совсем несложно догадаться, как поведет себя делегация Советской России. Правильно – большевики берут курс на затягивание переговоров!

«Правительство Российской республики считает необходимым перенесение дальнейших переговоров на нейтральную почву и со своей стороны предлагает город Стокгольм... Председатель русской делегации: А. Иоффе»[47].

Такую телеграмму вручили германским и австрийским дипломатам всего лишь через шесть дней после отъезда большевистской делегации. Зачем большевикам переносить переговоры в скандинавскую столицу, если вся Россия охвачена хаосом и только и ждет, что этого мирного договора? Им смысла нет, а англичанам резон простой. Брест рядом, Стокгольм далеко. Пока делегации туда доедут, пока расселятся, пока соберутся. Перемирие уже подходит к концу, из-за всех перемещений дипломатов его придется продлевать. А время-то идет, солдаты германские на Запад не едут. Поэтому и делают большевики все, что их настоятельно просят кураторы из британских и французских спецслужб. Делают это в ущерб революции, в ущерб своей стране. Просто потому, что не делать этого нельзя...

Германские дипломаты отказываются ехать в Стокгольм. Большевикам ничего не остается, как вновь отправить свою делегацию в Брест. Но на этот раз в ход идет тяжелая артиллерия. Большевистских дипломатов возглавляет не неопытный Адольф Иоффе, а сам Лев Давидович Троцкий. В своих мемуарах он подробно рассказывает нам о сложностях переговорного процесса. Показательна фраза, которой напутствовал его на переговоры Ленин, ее часто любят приводить историки: «Для затягивания переговоров нужен затягиватель».

У немцев прекрасное настроение: раз большевики приехали, думают они, значит, мир уже не за горами. Не тут-то было. «Затягивание переговоров было в наших интересах. Для этой цели я, собственно, и поехал в Брест»[49], – пишет далее Троцкий. Но почему, собственно, большевикам выгодны проволочки и откладывание подписания того самого мира? Чего они ждут? Ответ вы с легкостью найдете в учебниках истории: Ленин и Троцкий ждут мировую революцию!

Но ждут они МИРОВУЮ революцию почему-то ТОЛЬКО в Германии и Австро-Венгрии!

А произошло вот что. Методика разрушения государства путем стачек, мирных демонстраций и словоохотливых болтунов, говорящих одно, а делающих другое, уже отработана. Она с успехом применена на практике – Российской империи больше нет. Пришло время повторить успех, теперь уже в Германии и Австро-Венгрии. Откройте любые книги, посвященные тому периоду истории, лучше всего учебники. И вы увидите, что мировую революцию большевики почему-то ждут только в этих странах. Никто из них не ждет пробуждения рабочих Франции и Англии, никто не надеется на классовое чутье американских фермеров и итальянских батраков. Почему? Ведь большевики говорят, что революция ожидается не германская, а мировая!

Ответ прост. Лидеры большевиков получают указания от Антанты. И указание есть у них весьма конкретное – тянуть время. Ленину и Троцкому, знавшим, как сделан «Великий Октябрь», было ясно, что скоро произойдет в Берлине и Вене. И действительно, внутренняя обстановка в Германии в этот момент «неожиданно» обострилась. 25 ноября 1917 года в Берлине прошли демонстрации, на которых были выдвинуты лозунги окончания войны. В России тоже ведь начиналось именно так. Сначала «Хлеба!» и «Долой войну!», потом – не успели оглянуться, как не стало и страны. Вот и на улицах немецких городов стали появляться нелегальные листовки. Маховик внутренней нестабильности стал невероятно быстро раскручиваться. Произошли массовые стачки в Кельне, Мюнхене, Гамбурге и других городах. Наконец, 28 января 1918 года в Берлине вспыхнула крупнейшая забастовка. Практически впервые за историю мировой войны остановились немецкие военные заводы и даже кое-где начались баррикадные бои. Не обошлось без использования и самого важного российского революционного «ноу хау» – Советов рабочих депутатов. Самозванные депутаты собрались в берлинском Доме профсоюзов и предложили правительству... заключить мир на основе самоопределения народов, «без аннексий и контрибуций»[50]. То есть уйти из Прибалтики и Польши, лишиться важнейших источников продовольствия и дать зеленый свет дальнейшему разложению страны.

«Троцкий и Антанта радовались затягиванию переговоров... – пишет в своих воспоминаниях генерал Эрих Людендорф. – По радио он знакомил весь мир и главным образом германских рабочих со своими большевистскими идеями. Всякому не вполне слепому человеку становилось совершенно ясно, что цели большевиков сводятся к тому, чтобы возбудить у нас революцию, а следовательно, разгромить Германию...»[51]

Но в тот раз Германия устояла. Командующий берлинским гарнизоном объявил город на осадном положении и потребовал от рабочих немедленно приступить к работе. К неподчинившимся пообещали применить законы военного времени, то есть расстрел. Твердость, проявленная руководством страши, спасла ситуацию. Во все города, где проходили стачки, ввели войска, однако от прямого подавления бастующих отказались, определив крайним сроком окончания безобразий 4 февраля 1918 года. Такая гибкость наряду с угрозой расстрела быстро привела к установлению порядка[52]. В Австро-Венгрии власть оказалась более слабой и нерешительной. Почти одновременно с Германией, в ноябре 1917-го, по стране прокатилась волна митингов и антивоенных демонстраций. 14 января 1918 года забастовали рабочие военных заводов Будапешта. На следующий день их поддержали рабочие Вены. «Дурные вести из Вены и окрестностей, –

запишет в свой дневник граф фон Чернин, – сильное забастовочное движение, вызываемое сокращением мучного пайка и вялым ходом брестских переговоров»[53].

Следом за забастовкой, как под копирку, – создание рабочих Советов. 16 января 1918 года создан первый в стране, а через два дня – первый в столице, в Вене. Стачка продолжалась до 25 января, и в результате нее венское правительство пообещало руководителям социал-демократической партии не выдвигать в Бресте «аннексионистских претензий»[54]. 1 февраля 1918 года вспыхнул уже настоящий военный бунт. Произошло это в порту Коор (Катаро) среди моряков австро-венгерской эскадры. Требования взбунтовавшихся моряков нам хорошо знакомы: мир «без аннексий и контрибуций». Есть и новшества. Да еще какие: самоопределение народов австрийской империи и образование демократических правительств![55] На самом деле – это свержение монархии и распад страны. Германская твердость и здесь спасает ситуацию: немецкие подводники подавляют мятеж.

А что же в странах Антанты? Откройте учебники истории, достаньте толстые монографии. Вы не увидите ни одного конкретного указания на беспорядки, стачки, выборы Советов рабочих депутатов и прочие признаки разложения в Англии и Франции в период с октября 1917-го по март 1918-го. Но не могут же авторы учебников совсем ничего не написать, поэтому в главе «Революционное движение в странах Антанты» вы просто прочтаете: «отмечался рост стачечного движения»[56]. Ни цифр, ни дат, ни конкретных описаний баррикадных боев. Ничего. Почему?

Потому что социальный взрыв будет там, где его готовят, где на него выделяют огромные средства.

Крах государства будет там, где его противникам путем ежедневной пропаганды удастся внушить населению антигосударственные воззрения.

Словно мыльный пузырь лопнет та империя, чья элита решит себе за благо «сдать» Родину в обмен на материальные блага.

Так погиб Советский Союз, так погибла Российская империя. Так же уйдут в небытие и Германская, Австро-Венгерская и Турецкая империи.

Но кроме собственного опыта есть у русских большевиков и четкая информация. От «друзей» из британской и французской разведок. Они часто посещают Ленина и Троцкого прямо в кабинетах, в кармане у них спецпропуска. Они расскажут большевистским лидерам, что планируется сделать в ближайшее время. И попросят время на переговорах потянуть, не спешить подписывать протоколы и договора. Сделаете, как просим, – не получит поддержки Добровольческая армия. Никому не поможем вас свергнуть, дорогие большевики. Если же наоборот, мир с немцами будет быстро заключен и перемирие (а с ним и полная неопределенность) не продлится, то мы вам, дорогие друзья, ничего обещать не можем. Такие узурпаторы, как вы, разогнавшие Учредительное собрание, долго не протянут. А когда вы будете свергнуты, то привычный путь эмиграции в Европу будет для

вас надежно закрыт. Будет очень жаль, господа революционеры, но правительство Франции или Великобритании выдаст вас новому русскому руководству как мятежников и путчистов...

После таких встреч и едет в Брест-Литовск не дипломат Иоффе, а «затягиватель» Троцкий. Слишком велики ставки, поэтому Ленин посылает самого умного, самого талантливого. Единственного, кто знает все, – Троцкого. 27 декабря (9 января) начинается новый раунд переговоров. Теперь инициативу захватывают немцы. Прибывшая русская делегация невозмутимо приступает к своей основной задаче – тянуть время. Германцы объявляют недействительной декларацию большевиков, состоящую из шести пунктов, ту самую, на которой базировались первоначальные договоренности. Начинаются бесконечные препирательства по процедурным и организационным вопросам. Инициатива немцев начинает вязнуть и липнуть в паутине большевистской говорильни. Понимая, что с большевиками, возможно, договориться не удастся, немцы меняют вектор своей политики. Теперь большие надежды германцы возлагают не на сепаратный мир с Россией, а на сепаратный мир с ее частью – с Украиной. Именно из-за затягивания переговоров со стороны «германских шпионов» большевиков Берлин решает расчленить территорию России!

Какова реакция? Главный «удлинитель-затягиватель» товарищ Троцкий настолько покладист, что даже «не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах». Никакого предлога для прерывания переговорного процесса немцы не получают. Любезный Лев Давыдович даже переходит в своих выступлениях на немецкий язык. И говорит, говорит, говорит. А его слова повторяют европейские, а особенно немецкие и австро-венгерские газеты. Их читают рабочие и служащие Берлина и Гамбурга, Будапешта и Вены. И бастуют, и требуют мира...

Еще пару месяцев таких переговоров – и от монархии в Германии не останется и мокрого места. Терпение Берлина начинает иссякать, сроки переброски немецких войск с Востока для начала наступления на Западе начинают потихоньку «гореть». Поэтому 18 (31) января 1918 года немцы просто положили на стол карту и попросили советскую делегацию с ней ознакомиться. На ней была прочерчена новая русская граница: Россия теряла 150 тыс. км² своей территории. Троцкий предложил устроить десятидневный перерыв, «дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира». Немцы это предложение не принимают – просто потому, что от первоначально очерченного срока перемирия прошел еще один месяц. Дальше ждать им нельзя – можно сорвать свое наступление на Западном фронте. Надо срочно подписывать мир. Несмотря на несогласие немцев, Троцкий преспокойно уезжает к Ильичу в Москву.

Именно в это время «германские агенты» большевики решили подальше от передовых позиций немецкой армии перевезти ЦК партии из Петрограда. Потом подальше от немцев перенесут в Москву и столицу.

Через одиннадцать дней делегация Троцкого вернулась назад. Прошло уже два раунда переговоров, но ни одной цели немецкие дипломаты не достигли. Мира нет, ясности нет. Приходится договариваться с украинцами. Проведя закулисные переговоры и пообещав

им свою поддержку, немцы спровоцировали 24 января (6 февраля) 1918 года Центральную раду на провозглашение независимости своей страны. Германия подписывает с Украиной сепаратный мир[57]. По договору Центральная рада обязывалась до 31 июля того же года поставить Германии и Австро-Венгрии 1 млн тонн хлеба, 400 млн штук яиц, не менее 50 тыс. тонн мяса в живом виде, сахар и многое, многое другое[58]. В ответ немцы обещали оказать помощь украинцам в борьбе против... своих «шпионов» большевиков.

Отъезд большевиков для консультаций и события на Украине стали своеобразным рубежом германской политики. Это была последняя возможность спастись для Германской империи. Подписывая мир с Центральной радой, Германия брала курс на дезинтеграцию России, что не могло в итоге привести к прочному миру. Такое решение подписывало окончательный приговор Российской империи. Подписав договор с Украиной, Германия расписалась в нем кровью своих солдат. Немецкий историк Ф. Фишер констатирует: «Особенностью этого мира было то, что он был совершенно сознательно заключен с правительством, которое на момент подписания не обладало никакой властью в собственной стране. В результате все многочисленные преимущества, которыми немцы владели лишь на бумаге, могли быть реализованы лишь в случае завоевания страны и восстановления в Киеве правительства, с которым они подписали договор»[59].

Германские солдаты будут нужны на Украине, чтобы завоевывать для фатерлянда «млеко» и «яйки». Причем воевать придется... с большевиками. Поток немецких эшелонов на Запад так и не начнется. Почему? Большевики, как мы видим, и ранее вели себя на переговорах нагло и раскованно[60]. Но тут уж произошло что-то невероятное.

Большевики выступили по радио с обращением к немецким солдатам, в котором призвали их к неповиновению своим командирам![61] Эта прокламация была перехвачена, и ее текст, призывающий германцев к убийству императора и генералов и к братскому соединению с Советами, лег на стол кайзера Вильгельма. Что бы вы сделали на его месте в такой ситуации? Переговаривались с большевиками дальше? Когда нам говорят о грабительском Брестском мире, о жестокой необходимости его подписать, давайте не будем забывать о провокационных действиях Ленина и Троцкого, которые буквально вынуждали Германию круто поступить с нарушающей все мыслимые дипломатические нормы красной Россией.

Будем помнить и британских агентов, тех, кто стоял за спиной большевиков, кто настоял на совершении ими этой отчаянной, последней попытки разжечь революционный пожар в Берлине и Вене.

Реакция германского руководства была молниеносной. Вести переговоры уже не имело никакого смысла. Кайзер лично требует от своего министра иностранных дел немедленно предъявить большевикам ультиматум и, кроме оккупированных областей, потребовать еще Эстляндию и Лифляндию. Сам Ленин, рассказывая об этих драматических днях, скажет так: «... между нами было условлено, что мы держимся только до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем»[62]. «Между нами» – означает между Владимиром Лениным и Львом Троцким. С таким решением последний и ехал на переговоры.

И вот ультиматум предъявлен. Но такого ответа большевиков не ожидал никто!

«Именем СМ К Правительство РСФСР настоящим доводит до сведения правительств народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным».

Это и есть знаменитая формула Троцкого – «ни войны, ни мира». Позднее в советских учебниках истории писали, что Лев Давыдович нарушил инструкции и проявил ненужную самостоятельность. Это неправда. Гениальная формула Троцкого была одобрена на решающем заседании ЦК партии 11 (24 января) 1918 года[63]. На следующий день поздно вечером состоялось соединенное заседание Центральных Комитетов большевиков и левых эсеров, на котором она прошла подавляющим большинством. С одобренным решением внести полную неясность в ситуацию ехал Троцкий в Брест.

После своего ошеломляющего заявления в Бресте Троцкий не только не был осужден, но вновь получил поддержку революционного руководства. Через три дня после него ВЦИК принял резолюцию, начинавшуюся словами: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ВЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте»[64].

Такое одобрение выглядит достаточно странным, если вспомнить печальные последствия большевистского дипломатического демарша, отраженные в условиях «грабительского» мирного договора. Не будем удивляться. Вновь революционеры сделали прямо противоположное тому, на что рассчитывали германцы. «Это, естественно, создало полную неразбериху на востоке; нам же требовалась полная определенность. В любой момент на востоке могли сгуститься новые тучи, а нам предстояло ввязаться на западе в схватку не на жизнь, а на смерть. Военное положение требовало ясности...»[65] – пишет в мемуарах глава германской армии генерал Людендорф.

Произошло то, на что рассчитывали «союзники», подбрасывая немцам идею сотрудничества с большевиками. Вместо ясности в отношениях с Россией ситуация запутывается все больше. Троцкий, не давая никаких пояснений, покидает Брест. Ильича такой вариант вполне устраивает. Пусть себе немецкие войска стоят на русской территории, сейчас совсем не до них. Даже своим нахождением на русской территории германцы играют па руку Ленину. У него появляется козырь для торговли с Лондоном и Парижем. На следующий день после отъезда Троцкого по всем фронтам русской армии рассылается приказ Крыленко о прекращении состояния войны с противником и о всеобщей демобилизации.

Со стороны немцев поначалу было полнейшее замешательство. Все пытались интерпретировать беспрецедентное заявление Троцкого. Первоначально немецкие дипломаты провели совещание и сочли, что «хотя декларацией мир и не заключен, но все же восстановлено состояние мира между обеими сторонами». И только через три дня окрик берлинского руководства вернул их к реальности. Кайзер указал, что «не

подписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия»[66]. Никто ведь не может гарантировать, что назавтра русский фронт случайно не возродится[67].

Чтобы проглотить большой кусок от русского пирога, берлинскому руководству нужно будет пошире раскрыть рот. Для оккупации территории Украины, Латвии, Эстляндии нужны солдаты. Нужны резервы, а их в Германии на четвертом году войны уже нет. Кончились немцы в Германии. Откуда же взять резервы? Вопрос решается только одним способом – сиять с Западного фронта. Подведем итог большевистской дипломатии:

- начало переговоров с Германией и подписание соответствующего перемирия привело к приостановке перевозок германских войск на Запад;
- ведение консультаций и обсуждений не давало возможности немцам нормально готовиться к наступлению на Западе;
- заявление Троцкого привело к тому, что перемирие было расторгнуто, по результатам этого стали обратные перевозки немецких солдат с Запада на Восток.

Главная цель, ради которой германский Генштаб отправил Ленина в Россию, не была выполнена. Российская империя рухнула и распалась, но Германии от этого легче не стало. Кайзер Вильгельм создал правительство Владимира Ильича Ленина, а теперь ему от своего создания надо отгораживаться. И оставлять на Востоке войска, так необходимые на Западе.

...18 февраля 1918 года германские войска в составе 4 пехотных и 5 кавалерийских дивизий перешли в наступление на русском фронте. Задача проста – добиться ясности. И либо разгромить противника окончательно, либо вынудить его к подписанию мирного договора. Сопротивления им не оказывается: для этого нет ни сил, ни средств. Какова реакция «союзников»? Она однозначна – теперь надо подписывать договор с Германией. Именно это, как мы помним, Ленин и сделает. А словоохотливый Лев Давыдович Троцкий описывает в мемуарах и поведение представителей Антанты: «С момента немецкого наступления поведение французов, по крайней мере части их, резко изменилось... Некоторые из французских офицеров сами настаивали на подписании Брест-Литовского мира, чтобы выиграть хоть несколько недель для подготовки отпора: такую мысль защищал французский разведчик, аристократ-монархист»[68].

Между тем Ленин снова старается выиграть время и сманеврировать. Германия не получает никакого ответа на свое предупреждение об окончании перемирия. Начинается немецкое наступление большевики снова молчат. За пять дней германцы продвинулись на 250 км, захватив 2 тысячи артиллерийских орудий, сотни локомотивов и грузовиков, тысячи вагонов с различными грузами. 21 (8) февраля 1918 года взяли Киев. Ленин ответил на это декретом-воззванием «Социалистическое отечество в опасности!» 23 (10) февраля, в день создания Красной армии, германцы предъявили большевикам очередной

ультиматум, еще более жесткий, чем ранее. Они не шутят – в случае отсутствия ответа угрожают захватить Петроград. Для выполнения ультиматума даны всего 48 часов!

Требования немцев столь чудовищны, что на них не могут согласиться даже отпетые большевики. Условия мира были следующими: Латвия, Литва и Эстония должны быть немедленно очищены от русской армии, и в них вводилась немецкая полиция. Россия должна была заключить мир с Финляндией и Украиной, что означало согласие с их оккупацией немецкими войсками, а также обязывалась полностью демобилизовать армию, в том числе и вновь образованную большевиками Красную. На заседании ЦК случается скандал. «Левые» коммунисты, в том числе Бухарин, Коллонтай, Арманд, Радек и Куйбышев, и левые эсеры категорически против. По их мнению, такой договор – прямое предательство мировой революции и национальных интересов.

Ленин же неумолимо гнет свою линию, прекрасно понимая, что теперь, когда большевики выполнили свою миссию – развалили страну, поддерживать их извне никто более не будет. Кроме того, и эмиссары Антанты настаивают на подписании мира, чтобы еще больше запутать ситуацию. Ленину приходится убеждать своих истеричных соратников, подавших заявление об уходе со всех ответственных постов в знак несогласия с ленинским нажимом. В конце концов Ильич пригрозил своей отставкой, и это возымело действие. Мирный договор был подписан 3 марта 1918 года. Приехавшая в Брест русская делегация во главе с Сокольниковым молча, за один день подмахнула все бумаги. Сделай большевики это на месяц раньше, условия договора были бы совсем другие! Об этом пишет в мемуарах и глава германской армии: «Они держались с достоинством в несчастье, в котором были сами виноваты»[69].

Так зачем, а вернее для кого большевики ТАК вели переговоры с Германией?

В сложнейшей ситуации Ленин сумел сманеврировать между двумя борющимися международными силами. И опять остался в выигрыше. Согласившись на все требования германцев, Ленин сберег свою революцию. Его правительство становится для Берлина незаменимым – ведь другая русская власть может дезавуировать мирные договоренности. Выполнив до конца требование англичан: затягивать переговоры и создавать как можно больше неопределенности, Ленин получил возможность и к ним обращаться за поддержкой.

История очень быстро, в течение двух месяцев, подтвердила правильность его тактики развитием событий в Финляндии. 23 ноября 1917 года финляндский сейм большинством голосов принял решение о независимости страны. Однако в середине января 1918 года здесь тоже началась революция, а следом за ней и гражданская война. Будущий маршал Финляндии Манпергейм, тогда еще русский генерал-лейтенант, сумел мобилизовать в правительственную «белую» армию около 70 тыс. человек. Однако главную ставку в борьбе он сделал на Германию. Немцы во вспыхнувшем конфликте с готовностью приняли сторону «белых» финнов. Большевики оказали поддержку финским «красным» – в конце 1917 года их представители получили в Петрограде оружие с военных складов. Подписав Брестский мир с немцами, большевики отвели угрозу от себя, но навели ее на «красных» северных соседей. После ожесточенного сопротивления революционные финны были разгромлены в апреле того же года, и основную роль в этом сыграл 20-

тысячный экспедиционный немецкий корпус. Послушай Ленин Бухарина и Арманд, откажись от соглашения с Берлином – и эти германские солдаты вместо краснофиннов разогнали бы первое в мире рабоче-крестьянское правительство и оккупировали бы Петроград...

Тем временем германское командование старается опередит!, своих соперников из Антанты и нанести удар на Западном фронте, не дожидаясь концентрации на континенте большой массы прибывающих американских войск. 13 февраля 1918 года на совещании в Гамбурге Людендорф докладывал кайзеру Вильгельму: «Армия сосредоточена и, будучи хорошо подготовлена, приступает к разрешению величайшей задачи в истории»[70]. 21 марта 1918 года в 4 часа 40 минут гул артиллерийской канонады возвещает о начале решающей операции Первой мировой войны[71]. Сильнейший пятичасовой огневой удар с массовым применением химических снарядов обрушивается на «союзные» позиции. В результате этой операции германцы проникли в глубь неприятельского расположения более чем на 84 км и одержали победу, какой со времени установления позиционной войны не удавалось добиться ни французам, ни англичанам[72]. Всего общее наступление германцев на Западном фронте продлится 119 дней (с 21 марта по 18 июля 1918 года).

По проку от всех этих успехов нет никакого, и война будет немцами проиграна. Почему? Потому что благоприятный момент для стратегического разгрома противника Германией не был использован. Дело в том, что бросать в образовавшийся прорыв немцам было нечего! На Западном фронте германское командование страдает от отсутствия свободных резервов, а в это время в России находятся до полутора миллионов немецких солдат. Даже конницу немцам не бросить в прорыв, потому что вся германская кавалерия находится на русском фронте!

Вот такие «преимущества» получили немцы, заключив с большевиками договор. А мы до сих пор читаем в учебниках, что Брестский мир был очень выгодным Германии...

Две смены российской власти, Февраль и Октябрь, прошли относительно бескровно. Гражданская война в России никак не начиналась. Не начиналась в той самой страшной форме, с истреблением миллионов и полным разрушением всей экономики страны, как это было необходимо для тотальной ликвидации нашей страны как мировой державы. Русские не хотели воевать, демобилизованные солдаты хлынули из распущенной армии по домам. А для уничтожения и обескровливания России нужна была полномасштабная катастрофическая междоусобица. Всеобщее ослабление. Уничтожение всего и вся. В такой ситуации любое политическое движение, едва оно начинало реально контролировать ситуацию, автоматически становилось для британцев и французов врагом помер один. В планах наших «друзей» по Антанте не было места для сильной центральной власти в России, как бы она ни называлась. Теперь и большевики становились для «союзников» совсем нежелательными элементами...

ГЛАВА 4 ПОЧЕМУ ЗАПАД СДЕЛАЛ СТАВКУ НА БОЛЬШЕВИКОВ

Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец.

В. И. Ленин

- Откройте! ЧК! – слышались внизу суровые голоса.

Следом раздались удары в дверь. Настойчивые и решительные. Молодец секретарь, увидев подъезжающие автомобили с чекистами, он просто захлопнул дверь прямо перед их носом.

Капитан Френсис Аллен Кромби, английский военно-морской атташе и по совместительству глава резидентуры английской разведки в России, вздрогнул. Так быстро он чекистов не ожидал. Два его сотрудника суетливо жгли прямо на полу комнаты секретные бумаги.

- Откройте или мы выломаем дверь!

- Это произвол! Вы не имеете права! Безобразие! – секретарь британского представительства тянул время и прощупывал ситуацию. – Что вы себе позволяете?

- Я комиссар Смирнов, вот мои бумаги, – раздался снизу спокойный голос. – У меня предписание на обыск. Откройте, пожалуйста, и не мешайте нам его проводить.

Дверь была прочная, но это выигрыш не больше, чем пары минут. Секретарь продолжал громко возмущаться, когда входная дверь затрещала под ударами топоров.

Капитан Кромби был человеком неробкого десятка. Бумаги, подлежащие уничтожению, тонкой стопкой еще лежали на полу. Отдать их чекистам было нельзя.

- Жгите быстрее! – крикнул Кромби своим помощникам и выскочил на лестницу.

В самый раз: разломанная дверь отлетела в сторону, и в холл, оттолкнув секретаря, ворвались около десятка сотрудников ЧК. Чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайная комиссия. Вот и действия ее сегодня чрезвычайные. Но сегодняшнее поведение чекистов было вовсе необычным.

Капитан Кромби стоял на лестнице, держа в каждой руке по браунингу. С каким почтением советские представители раньше заходили в здание миссии, даже с благоговением. А теперь происходило немыслимое – обыск! Обыск в консульстве Великобритании! Такого себе не мог позволить никто из российских царей. А вот большевики позволяют.

- Господа, вы должны покинуть территорию миссии! – стараясь говорить спокойно, ответил Кромби, не спуская с вошедших дула своих пистолетов. Живым он не сдастся. Такого позора ему не пережить.

- Отойдите и не мешайте или мы пристрелим вас как собаку! – грозно рявкнул комиссар и потянулся к кобуре.

Наверное, успели сжечь. Далее тянуть не имело смысла. Сейчас они на фоне светлой двери, а он темной тенью стоит на лестнице. Их глаза привыкнут, и это мимолетное преимущество улетучится. Кромби дернулся влево, чтобы уйти от первых пуль и нажал сразу на оба спусковых крючка. Первые выстрелы поразили комиссара, он странно охнул и повалился назад.

И сразу чекисты начали стрелять в англичанина. Лестницу озарили револьверные выстрелы. Кто-то из большевиков вскрикнул и повалился сверху на лежащего ничком комиссара. Капитан Кромби нажимал курок, пока что-то тяжелое не ударило его в голову. Ноги его подкосились, потом что-то ударило его еще и еще. И стало темно...

Сидней Рейли торопливо шел по вечернему Петрограду. Промчался грузовик с красноармейцами, за ним другой.

Рейли ускорил шаг, свернул за угол, к английскому представительству и остановился. Вокруг все оцеплено. Прямо перед посольством лежало несколько трупов.

- Вы в посольство, товарищ? – ближайший часовой сделал шаг вперед. – Ваши документы?

- Вот мой мандат, пожалуйста. А что тут происходит? – спросил Рейли в свою очередь.

- Обыск у англичан, товарищ Релинский, – ответил часовой. – Оказано сопротивление. Убито двое наших и один посольский.

- Спасибо, товарищ, – ответил Сидней Рейли и положил свое удостоверение сотрудника питерского ЧК Сиднея Георгиевича Релинского в карман.

Однако решительно сработали ребята – не побоялись в посольство вломиться. Правда, этого следовало ожидать. Вчера, 30-го августа 1918 года в Петрограде убили руководителя ЧК Соломона Урицкого. В Москве тяжело ранен Ленин – вот ЧК и взбеленилась.

Надо было срочно уходить. Его будут искать, может быть даже уже ищут. Рейли поправил кожаную кепочку на голове и шагнул в переулок...

Классический сюжет голливудского боевика: ученый проводит эксперимент, по его результаты оказываются совсем неожиданными. Па свободу вырывается неведомая сила. Примерно так получилось в начале XX века. Используя революционеров для развала Российской империи, англичане не смогли правильно оценить потенциал, заложенный в русских бунтарях. Большевики удивили своих «союзных» родителей. Они были функциональны и жизнеспособны. Оказавшись в России, они не только быстро захватили власть, но и, несмотря ни на что, ее удержали. Вели себя решительно и смело. С октября 1917 года по январь-февраль 1918 года большевистская революция успела распространиться по всей стране. Распространение власти Советов по территории громадной страны шло таким быстрым темпом, что Ленин назвал его «триумфальным маршем». Ловко вышли большевики и из запутанной ситуации Брестского мира. Но самое страшное – они сумели за считанные месяцы наладить систему управления страной, которая могла реально функционировать в условиях полного хаоса и стопроцентной разрухи. Именно из-за этих своих успехов в восстановлении государства большевики становятся для «союзников» нежелательным элементом русской политической палитры. Ведь не ради торжества идей интернационала британские спецслужбы помогали Ленину и его компании взять власть. Нет – ради развязывания Гражданской войны. В ее огне должны были сгореть экономика, исчезнуть легитимные правители и «расплавиться» территория огромной империи.

Говоря языком Шекспира, родным для организаторов нашей революции. – «мавры» уже давно сделали свое дело, а уходить не собираются. Сюрприз неприятный – но решаемый. Начиналась новая большая политическая игра. Ведя переговоры и консультации с Лениным и Троцким, западные разведки начинают готовить их смещение с политической карты страны. Ленина и его компанию надо убирать. Слишком он хорош, этот Ленин. Не то, не ровен час, он со своей неукротимой энергией соберет Россию в кулак раньше, чем она станет совсем слабой и беззащитной. А то и по-новому договорится с немцами!

Чьими руками ликвидировать большевистскую власть? Руками их коллег революционеров. Англичане готовят переворот, первая часть которого вошла в нашу историю под названием «Мятеж левых эсеров», вторая – под наименованием «Заговор послов»...

Вольготно живет в новой России резидентура британской разведки. Для работы зарубежных спецслужб в Совдепии – полное раздолье. Контрразведки нет, полиции нет, жандармерии нет. Даже армии – и той нет! Кто же будет ловить шпионов? Может быть, только что организованная Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Феликсом Дзержинским? Нет, как следует из ее

названия, она борется с контрреволюцией, а значит, с офицерами, банкирами, генералами и казаками. Еще ЧК борется с саботажем, а что такое саботаж в 1918 году? Это не вредитель, что песок в подшипники сыплет, и не партизан, что поезда под откос пускает. Это бывшие служащие и чиновники, которые решили не работать и тем самым приблизить конец большевизма. Вот их строгие чекисты заставляют под угрозой «высшей меры социальной защиты» – расстрела – ходить на работу и службу.

Организация свержения большевиков не представлялась британской разведке сложной задачей. Это должен был быть мятеж в новой столице – Москве, с захватом всех важнейших правительственных зданий. Съезд Советов фиксировал и законодательно утверждал появление в России нового революционного правительства. Устранение планировалось руками левых эсеров, единственных союзников большевиков. Стоит напомнить, что в ленинское правительство, Совнарком, кроме членов РСДРП было включено четверо левых эсеров. Фактически они тоже были правящей партией, но, не понимая гениальности ленинских решений, считали Брестский мир предательством революции и страны. Левые эсеры не осознавали, что их стремления к расширению революционного пожара просто используются теми, кто хотел добавить к трем русским революциям еще одну. В случае успеха в учебниках появилась бы новая глава, рассказывающая не о «мятеже левых эсеров», а о Великой Июльской революции партии социалистов-революционеров. В те же сроки планировалось поднять антисоветские восстания в Рыбинске, Муроме и ряде других мест.

Посудите сами, какие перспективы открывались бы перед зарубежными разведками, удайся их план. Когда Ленин и его товарищи будут убраны с дороги, советский режим рассыплется как карточный домик. Снова в стране везде наступит вакуум власти. В Москве новое левозерское правительство. В центральной России восстания под руководством Бориса Савинкова, то есть правозерские. Между собой им не договориться, недаром они поделились на «левых» и «правых». Казаки на Дону ненавидят всех социалистов скопом. Добровольческая армия вместе с кубанскими казаками борется с большевистскими войсками, во главе которых стоит эсер Муравьев. Раскол и распад России гарантирован и неизбежен. Потом можно спокойно подождать окончания междоусобицы и, пользуясь хаосом, «назначить» на место властителя остатков России того, кто будет удобнее для вечных интересов британской короны.

И ведь это не все. Замысел был еще глубже. Для придания конфликту с Германией ноной динамики должен быть убит немецкий посол в России граф фон Мирбах. Итог полный хаос и новое втягивание Германии в войну на территории бывшей Российской империи. Территория дипломатических представительств обладает особым статусом. Ворваться в посольство Германии – означает напасть на Германию, захватить посольство США – значит оккупировать территорию этого государства. Убийство дипломата – это во все времена прямой вызов пославшей его державе. Разве его гибель не пощечина Германской империи, нанесенная новым русским правительством?

Самое главное, что сопротивления эсерскому перевороту не ожидалось. Население уже давно запуталось в сменяющих друг друга властях, и появление еще одного нового, тоже революционного, правительства будет встречено безразличием. Также безразлично встретит народ и исчезновение большевиков. Советы и прочая внешняя атрибутика при перевороте полностью сохраняются.

Жаркое лето 1918-го – это одна длиннейшая шахматная партия. На доске стоит судьба России, да во многом и судьба всего мира. Ведь мировая война входит в свою завершающую фазу. Надо нанести Германии еще один удар – и она рухнет вслед за Россией. Таким ударом могут быть новые бои с русскими большевиками или эсерами. Тогда цели мировой войны будут вполне достигнуты – империи-конкуренты ликвидированы. Операция в России очень важна для Туманного Альбиона, поэтому сюда направлены лучшие силы. Это сам глава дипломатической миссии Великобритании Брюс Локкарт, сотрудники его миссии, а также прибывший из Англии капитан Джордж Хилл. Помощь на месте осуществляет глава резидентуры британской разведки капитан Фрэнсис Аллен Кроми. Наконец, в начале 1918-го года прибывает и последнее недостающее звено заговора. Сам посол-агент Брюс Локкарт дал этому человеку самую высокую оценку: «Сидней Рейли таинственная фигура английской агентурной разведки, заслуживший репутацию лучшего в Англии шпиона»[74].

И вот этого мастера подковерной интриги в начале 1918 года направляют в бурлящую Россию. Это значит, что здесь «союзниками» замышляется что-то тайное, грязное и грандиозное. Едет Рейли в Россию не с пустым багажом. У Брюса Локкарта в кармане мандат Троцкого – «оказывать всяческое содействие членам английской миссии». Можно куда угодно идти с такой бумагой. Карманы Сиднея Рейли тоже не пустые: в них очередное рекомендательное письмо будущего наркома по иностранным делам Максима Литвинова[75]. На тот момент он советский представитель в Лондоне (неофициально официальный, как Локкарт в Москве). Литвинов просит помочь товарищу Рейли. Письмо подействовало – прибыв в Москву 7 мая 1918 года, британский агент почти сразу встретился с двумя высокопоставленными большевиками: управделами Совета народных комиссаров Бонч-Бруевичем и заместителем народного комиссара иностранных дел Караханом.

Уже через три недели Рейли имел документы на имя чекиста Сиднея Георгиевича Релинского! Вместо уничтожения заговоров и заговорщиков ЧК предоставляла им прекрасную «крышу» для свободного осуществления задуманного. Рейли активно берется за дело. Локкарт и остальные коллеги быстро выводят его на нужных людей. Одной из главных фигур, заинтересовавших шпиона, был Яков Петерс – командир дивизии латышских стрелков, временно замещавший Дзержинского на посту председателя ЧК. На руководителя тайной полиции большевиков Рейли имел отличный компромат: Петерс во время эмиграции женился на англичанке и скрывал это от товарищей по партии.

Английская разведка начинает плести нити заговора. Ленин, как кажется, ничего не подозревает. Много дел и забот у Троцкого. Скоро очередной съезд Советов, к которому и приурочен мятеж. В те же сроки в Москве созывается Всероссийский съезд партии левых эсеров. Это удобно: и руководство все в сборе, и каждый делегат – это лишний штык в возможных уличных боях. Но откровенными с эсерами англичанам быть нельзя. Они лишь пешки в британской игре. При написании сценария мятежа надо учитывать еще и их партийные особенности. Это щепетильность по отношению к большевикам, коллегам по Совету народных комиссаров. Заседая в одном Совнаркоме с ленинцами, убивать их эсеры не могут. Вот немецкие империалистические послы – совсем другое дело. А Рейли нужны трупы не только немецкого посла Мирбаха, но и большевистских главарей. Для террористической работы «союзникам» приходится привлекать правых эсеров. Они хоть

по названию такие же, что и левые, но не в пример круче по отношению к ленинцам. Бывший заместитель Керенского Борис Савинков получает деньги от Сиднея Рейли для обучения и вооружения террористов. Когда-то Савинков организовал убийство Великого князя Сергея Александровича, теперь его цели – Ленин и другие советские вожди.

Деньги англичанами и французами даются не зря. Первой ласточкой и пробой сил становится 20 июня 1918 года. 27-летний комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн) направляется в Петрограде на митинг железнодорожников. Там его уже поджидает правый эсер-боевик Сергеев. Охраны у большевистского министра никакой, его сопровождает один невооруженный шофер. У самого Володарского есть револьвер, но достать он его не успеет. Первая жертва террора падает от нескольких pistolетных выстрелов.

Левые же эсеры планомерно готовятся к мятежу. Резолюция их съезда гласит: «Разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор»[77]. Выполнение этого постановления съезд поручает ЦК партии, а тот в свою очередь перепоручает это ответственное дело Якову Блюмкину. Это очень интересный персонаж, на котором стоит остановиться поподробнее.

Детские годы мальчика Яши мы пропускаем и сразу переходим к его бурной революционной юности. В январе 1918-го Блюмкин, совместно с блатным Мишкой Япончиком, принимает активное участие в формировании в Одессе Первого Добровольческого «железного отряда». Скольких буржуев Яков со своим блатным помощником убил и ограбил – история умалчивает. Водит Яша дружбу не только с уголовниками, но и с представителями местной поэтической богемы. Один из них Петр Зайцев. Этот «поэтический» юноша становится начальником штаба у диктатора Одессы, эсера Михаила Муравьева. Деньги всегда производили на Блюмкина магическое действие. Всю свою жизнь он будет где-то поблизости от серьезных финансовых потоков. Глядя на своего нового приятеля Петра Зайцева, буквально купающегося в деньгах, Блюмкин понимает, что революция – это большие деньги. Очень большие.

Но помимо простой алчности было в Блюмкине и много талантов. Поэтому его последующий взлет был просто умопомрачительным. А для него ведь надо было молодому еврейскому пареньку собой что-то представлять. Блюмкин устраивает своих таинственных покровителей, и с этого момента в его карьере начинается стремительный рост. А он у Яши Блюмкина был невероятный, просто фантастический. В марте 1918 года не имеющего военного опыта 19-летнего Блюмкина рекомендуют на пост начальника штаба 3-й Украинской советской «одесской» армии (!), которой предстояло остановить наступление румынских и австро-венгерских войск[78]. Эта «армия» насчитывала всего около четырех тысяч солдат и подчинялась эсеру Муравьеву. Однако, так и не поняв пороку, она панически отступила при приближении противника. Несмотря на это, Блюмкина «за особые боевые заслуги» (!) назначают комиссаром Военного совета и помощником начальника штаба армии. Здесь наш герой участвует в сомнительной финансовой афере, пытаясь присвоить часть реквизированных, а значит казенных денег. Махинации Блюмкина стали хорошо известны, и под угрозой ареста он возвращает в банк 3,5 млн рублей. Дело благополучно заминается, и в конце апреля 1918 года Блюмкин покидает армию, где он уже прослыл вором, и приезжает в Москву.

И тут сразу становится во главе охраны ЦК партии левых эсеров![79] «Революция избирает себе молодых любовников», – писал о Блюмкине Троцкий, отмечая, что тот «имел за плечами странную карьеру и сыграл еще более странную роль»[80]. В будущем Яков станет правоверным троцкистом, но пока он еще левый эсер и именно в этом качестве войдет в историю. Его карьера неудержимо идет вверх. В мае 1918 года Блюмкин поступает на работу в ЧК. И не просто рядовым сотрудником Якова назначают на ответственную должность начальника секретного отдела по борьбе с контрреволюцией! Туда Блюмкин был принят по рекомендации ЦК левых эсеров «как специалист по раскрытию заговоров». О раскрытии Яшей к маю 1918-го хотя бы одного действительного заговора историкам ничего не известно. Почему же его взяли? За какие заслуги выдвигали?

Подготовка мятежа была в заключительной стадии, поэтому повсюду «союзники» руками эсеров расставляли нужных людей. Если отдел по борьбе с заговорами возглавит заговорщик, его коллеги могут спокойно готовиться к намечаемой акции. Обратите внимание на даты. Начало карьеры Блюмкина – февраль-март 1918 года. Еще не подписан Брестский мир, Ленин еще не отдал немцам пол-России. А «союзный» заговор против большевиков уже готовится. Он еще в самой начальной стадии – подбор и выдвижение людей, апробация их в деле. Левым эсерам ненавидеть большевиков рано, те еще просто не успели «предать» революцию. Так кто же тогда заговор готовит? Англичане. Потому что при любом исходе событий стратегия англичан всегда одинакова: последовательное уничтожение и обнуление любой государственности в России! Такова англосаксонская политика и в отношении современной Российской Федерации...

Разрушена Российская империя, отправился в политическое небытие Керенский, вот подоспела и очередь большевиков. В июне 1918 года карьера Блюмкина мягко выдвигает его на исходную позицию для броска на страницы учебников истории. Наименование должности молодого чекиста было уточнено: отныне Яков Блюмкин «заведующий отделением контрразведывательного отдела по наблюдению за охраной посольств и их возможной преступной деятельностью»[81]. Будущему убийце немецкого дипломата поручили охранять его жертву...

Операция по ликвидации графа Вильгельма фон Мирбаха была весьма непростой. Блюмкин начал издали – с родственника посла, офицера австрийской армии Роберта фон Мирбаха, который находился в русском плену. В апреле 1918 года он был освобожден и проживал в одной из московских гостиниц. В этой же гостинице снимала номер шведская актриса Ландстрем, любовница молодого Мирбаха. Неожиданно, без видимых причин, она кончает жизнь самоубийством. Вероятно, бедная актриса была убита Блюмкиным и его помощниками. На эту мысль наводит дальнейшая цепь событий.

Расследование смерти шведской подданной ведут чекисты отдел Якова. Роберт фон Мирбах ими арестован, а родственник- дипломат пытается ему помочь. Фон Мирбах обращается в ЧК с просьбой освободить его и одобрения посла Германии.

В это время Яша Блюмкин и начинает отрабатывать свою головокружительную карьеру своим друзьям из английской разведки. В конце июня именно он убеждает руководство

партии левых эсеров убить посла Германии, для того чтобы спровоцировать «революционно-освободительную войну против немецких империалистов»[82]. События идут к кровавой развязке: открывается съезд Советов. Граф Мирбах посещает первое заседание, где выслушивает множество проклятий как в свой адрес, так и в адрес представляемой им страны. Эсеровские ораторы кроют немцев и большевиков на чем свет стоит. Посол Германии лишь усмехается. К таким сотрясениям воздуха кадровый дипломат привык давно. Но он не знает, что одним сотрясением воздуха дело на этот раз не ограничится...

На официальном бланке ЧК было отпечатано направление для переговоров с послом Германии «по делу, имеющему непосредственное отношение к самому германскому послу». Член ЦК партии левых эсеров Прошьян подделал подпись Дзержинского на документе, а эсер Александрович, в то время занимавший должность заместителя Дзержинского, «приложил» к мандату печать и распорядился выдать Блюмкину машину ЧК. Подготовка была безупречна: настоящий начальник отдела ЧК Яков Блюмкин с настоящими документами «настоящей чекистской машине ехал к послу по делу о его родственнике, которым по-настоящему занимался именно он.

6 июля 1918 года в 14 часов Блюмкин и Андреев вошли в здание германского посольства и потребовали аудиенции. Пришедшие проявляли завидное упрямство и настаивали на личной встрече с послом. Осторожный Мирбах все-таки выходит к настырным визитерам. Блюмкин в течение пяти минут излагает ему «историю» ареста его племянника, а затем лезет в свой портфель якобы для того, чтобы достать нужные документы. Но внезапно выхватывает из портфеля револьвер и стреляет, а затем бросает бомбу, которая и становится для графа Мирбаха роковой. Блюмкин и его подручный Андреев прыгают в окно, садятся в машину и уезжают. В машине обнаруживается, что Блюмкин ранен и не в состоянии самостоятельно передвигаться. Его переносят в штаб эсеровского отряда Попова и перевязывают.

Далее начинается интересная комбинация. Информация о месте нахождения убийц посла странным образом моментально попадает к Дзержинскому. Он приезжает на место, где скрываются убийцы, чтобы их задержать, и оказывается в ловушке. Поехал «железный» Феликс в отряд Попова без охраны и без тени сомнения, так как это отряд особого назначения ЧК, а значит, ехал Дзержинский к собственным подчиненным. Однако командир левых эсеров (и будущий махновский командир) Дмитрий Попов без колебаний арестовал руководителя советской контрразведки.

Штаб отряда становится центром эсеровского мятежа. Именно сюда по плану был перебазирован ЦК, здесь левые эсеры сосредоточили свои главные силы. Они захватывают телеграф, для того чтобы сообщить всей России, что все депеши за подписью Ленина не надо передавать, они теперь «вредны» для советской власти. Правда, во всем остальном эсеры медлят и теряют инициативу, большевики, наоборот, действуют быстро и решительно. Эсеры упускают важный момент – на свободе остается живой и невредимый Ленин. Ленин дает верным латышским и красногвардейским отрядам приказ жестко ликвидировать левоэсеровский мятеж. Прямой наводкой из пятнадцати орудий большевики расстреляли квартал, где засели путчисты. Те не выдержали и стали отходить.

А что же Блюмкин? С ним снова происходят чудеса! 9 июля 1918 года ему удается совершить побег из усиленно охранявшейся больницы, как он вспоминает, при помощи «внепартийных друзей». Друзья эти берегут своего агента. Да и кто же они, если не эсеры? Впоследствии Блюмкин напишет: «В августе 1918 гола я жил в окрестностях Петербурга очень замкнуто, занимаясь исключительно литературной работой, собирая материалы об июльских событиях, и писал о них книгу»[83]. Одним словом он сделал свою часть работы, и не его вина, что мятеж провалился и между Россией и Германией война снова не началась. А ведь она была так нужна! Немецкие войска рвались к Парижу, шло последнее немецкое наступление этой войны. Решающее. И открытие заново Восточного фронта было бы куда как кстати. Кому? Внепартийным «друзьям» Якова Блюмкина из британской разведки.

Но чудеса в жизни Якова Блюмкина еще только начинались. Прятался убийца Мирбаха от карающей руки пролетарского правосудия совсем недолго. Особая следственная комиссия, по согласованию с Президиумом ВЦИК Советов, приняла решение об амнистии Блюмкина. За какие заслуги, почему столь милосердно поступили суровые чекисты, не совсем понятно. Но вся биография Блюмкина из таких непонятных «чудес» и состоит. Поэтому просто примем к сведению – везет парню, и все тут. А он после своей амнистии в середине мая 1919 года не просто прятаться перестал, а снова страстно захотел работать в ЧК. Строги чекисты, беспощадны к врагам трудового народа. Но Яше Блюмкину отказать не могут и берут его в ЧК во второй раз! Чем он там занимался, точно неизвестно: то он во главе какого-то чекистского отряда, то он законспирированный агент по борьбе со шпионажем, то, по сообщению официальной печати, он занимается подрывной работой в тылу петлюровских войск.

Но вернемся во взбудораженную Москву. Мятеж левых эсеров подавлен, начинается расследование. ЧК, фактически прозевавшая заговор в собственных рядах, проявляет чрезвычайное рвение – ведь па кону честь мундира. Словно мираж в мареве пустынного пейзажа, из мрака проявляются все новые и новые подробности. Становится ясно, что удалось уничтожить лишь следствие, причина же по-прежнему сидит в «союзных» представительствах. Но прямых доказательств подрывной деятельности «союзников» нет. Чтобы вывести всю теневую структуру западных спецслужб на божий свет, ЧК предпринимает смелую операцию. Первую в своей истории. Ключевым звеном в ней становится латышская стрелковая дивизия иод командованием заместителя Дзержинского товарища Петерса.

По другую сторону «шпионских баррикад» царит недовольство. Сидней Рейли раздосадован – левые эсеры оказались никчемными заговорщиками. Он немедленно предлагает своим хозяевам другой план – внутреннего переворота, предполагая уничтожить власть большевиков не военными действиями, а внутрикремлевским бунтом. Сделать это могут лишь латышские стрелки. Рейли начинает плести сети нового заговора. Его аргументы – компромат на командира дивизии Петерса, обещания высоких постов в будущем независимом латышском государстве и деньги. Много денег. Они открывают Сиднею Рейли все двери и запоры. Его агенты проникают в Генеральный штаб Красной армии. Английский шпион не стесняясь говорит, что запечатанные приказы по Красной армии «известны в Лондоне раньше, чем их вскрывают в Москве»[84].

Не дремлет и ЧК. Операция советской спецслужбы начинается с появления у Брюса Локкарта двух человек. Посетители передают английскому посланнику письмо от капитана Кроми, английского военно-морского атташе в Петрограде и по совместительству главы резидентуры английской разведки в России. «Я всегда опасался провокаторов, – пишет в мемуарах Локкарт, – поэтому я внимательно осмотрел письмо, но оно, несомненно, было от Кроми»[85].

Посетители не простые – оба офицеры высоких чинов в той самой латышской дивизии. Один из них – Берзин, начальник охраны Кремля. Латыши говорят, что готовы договориться с англичанами, так как не верят в победу большевиков и более не хотят драться на их стороне. Локкарт едва сдерживает свои эмоции. Просто невероятная удача: столь нужные люди пришли сами. Он выдает красным командирам около 1 млн 200 тыс. рублей для подкупа других латышских офицеров и отправляет их к Сиднею Рейли. «Два дня спустя, – вспоминает Локкарт, – Рейли сообщил, что переговоры проходят гладко и что латыши не намерены идти ко дну вместе с большевиками. Он надеялся с помощью латышей организовать после нашего отъезда контрреволюционное восстание в Москве»[86].

План Рейли был дерзок, прост и навеян неудавшимся эсеровским путчем. 28 августа 1918 года в Большом театре должно состояться чрезвычайное заседание ЦК партии большевиков. В одном здании соберутся все руководящие деятели Советского государства. Охрану несут латышские стрелки: по сигналу Берзина они закроют двери и возьмут на мушку всех сидящих в зале. После ареста Ленина и верхушку планируется ликвидировать. Без Ленина Советам не выжить.

Приготовления подходят к концу, когда латыши с досадой сообщают, что заседание ЦК партии переносится с 28 августа на 6 сентября. Обидно, но ничего. Будет время для дополнительной проработки и уточнения всех деталей будущего переворота. Сидней Рейли отправляется в Петроград на встречу с капитаном Кроми. К 6 сентября 1918 года Рейли должен вернуться обратно в столицу. Здесь, в московской квартире любовницы английского шпиона, балерины Дагмары, хранятся крупные суммы денег. А без них, как известно, не сделать ни одной революции, ни одного переворота. Когда средства заканчиваются, черпаются новые суммы из бездонных ресурсов английского посольства.

Тем временем план Сиднея Рейли начинает выполняться. Утром 30 августа 1918 года на Дворцовой площади Петрограда появился велосипедист. Это был молодой человек в клетчатом кепи, бриджах и длинных желтых перчатках-крагах. Он небрежно поставил велосипед у стены и уверенно вошел в дом помер пять по Гороховой улице, где помещалась Петроградская ЧК. Начинался рабочий день, в фойе было пустынно, и на молодого человека никто не обратил внимания. Он преспокойно уселся в кресло и уткнулся в газету. Около десяти часов у дома остановился служебный автомобиль Моисея Соломоновича Урицкого. Глава питерской ЧК вошел в подъезд и направился к лифту. Здесь его догнал «велосипедист» и выстрелил ему в голову. Охраны у Урицкого не было, но был револьвер. Как и убитый ранее Володарский, он его достать не успел. Убийца, член партии правых эсеров, студент Петроградского университета Леонид Каннегиссер, был задержан.

В тот же день вечером в Москве Ленин выступал на митинге на заводе Михельсона. Как всегда, Ильич обрушился на «гнилую» западную демократию: «Где господствуют демократы – там неприкрашенный, подлинный грабеж. Мы знаем истинную природу так называемых демократий... пока помещики великолепно устроились во дворцах и волшебных замках, до тех пор свобода собраний является фикцией и означает свободу собираться разве на том свете»[87].

По иронии судьбы сам вождь мирового пролетариата через несколько минут сам едва там не оказался. Один из террористов задержал выходящих с митинга рабочих, создав затор, а правая эсерка Фанни Каплан два раза выстрелила в Ильича в упор[88]. Пули были сточены и отравлены ядом кураре. Одна из них попала Ленину в легкое повыше сердца, другая – в шею, рядом с артерией. У вождя мирового пролетариата нет никакой охраны, нет никакого оружия. Он тяжело ранен.

Почему я подчеркиваю крайнюю беспечность большевистской верхушки и отсутствие у них элементарной охраны? Да потому что уже два месяца назад был убит Володарский и можно было принять меры для сохранения собственной жизни, для сбережения здоровья вождей и руководителей партии. Ведь кругом враги! Почему Ильич, обычно столь предусмотрительный, больше занимается вопросом сравнения пролетарской и буржуазной демократий, а не создания эффективной системы безопасности? Вспомним, что он является главой ЦЕНТРАЛЬНОГО РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, и тогда такое поведение мы можем смело назвать преступной халатностью. Большевики ничего в этой сфере не делают – даже Ленин ходит фактически без охраны. Откуда у них такая уверенность, что ничего ни с кем из них не случится?

И правда, переворот большевики совершили в октябре 1917 года, врагов наплодили себе моментально и бессчетно, а первый успешный террористический акт против них состоялся только через девять месяцев – в июне 1918[89]. Эсеры, и правые, и левые, были и раньше, только сначала девять месяцев бездействовали, а потом вдруг в одночасье стали убивать ленинцев, как по команде. Почему ничего не делали раньше? Ведь, как мы видим, беспечность руководство большевиков проявляло самую крайнюю. Ответ один: сохранение жизни и отсутствие покушений входило «в пакет» договоренностей между большевиками и «союзниками». Пока шли их тайные переговоры (а шли они примерно с января по июль 1918 года), им были даны гарантии безопасности, поэтому и ходили коммунисты так беззаботно. Но англичане не были бы верны сами себе, если бы не попытались подло предать и большевиков. И вот в один прекрасный день пистолеты в карманы положили Леонид Каннегиссер и Фанни Каплан...

Именно гнев, праведный гнев объясняет дальнейшие ответные действия ЧК. Действия очень жесткие. Принцип простой: вы нарушили гарантии безопасности, мы нарушим неприкосновенность ваших послов. Отряд чекистов оцепляет здание английского посольства в Петрограде. Затем следует штурм дипломатического представительства. Итог – убито двое чекистов, застрелен военно-морской атташе Великобритании и по совместительству глава резидентуры английской разведки в России капитан Фрэнсис Аллен Кроми.

В Москве большевики с западными дипломатами также не особенно церемонятся. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года были проведены аресты представителей британской и французской дипломатических миссий. Невзирая на их неприкосновенность, на Лубянку были доставлены: французский генеральный консул Гренар, генерал Лавернь и сам глава британской миссии Брюс Локкарт. Он был арестован чекистами и провел несколько дней сначала на Лубянке, а затем в Кремле. Интересная деталь: аресты заговорщиков-дипломатов производятся по приказу заместителя председателя ВЧК Якова Петерса. Того самого, что, по их планам, должен был арестовать Ленина и других вождей. Через три дня большевистская пресса делает заявление, опубликовав подробный план мятежа. Про Сиднея Рейли ничего не писалось, но в его поиск активно включилась вся ЧК.

Он ушел в подполье, на нелегальное положение перешел и капитан Джордж Хилл. Обоим в тот раз удалось благополучно вырваться из России и вернуться в Англию. Дальше снова настала пора чудес. На этот раз – дипломатических. Арестовав послов Англии и Франции, большевики совершили акт произвола международного масштаба Перчатка брошена в лицо двух сверхдержав того времени. На дворе сентябрь 1918-го – до краха Германии ровно два месяца, а это значит, что англо-французы уже без пяти минут победители в мировой войне. Все уже практически решено. Они не просто сверхдержавы, а вместе с США – единственные сверхдержавы. Вот этим-то махинам нанесено страшное оскорбление. Да и какую прекрасную шумиху можно устроить! Узурпаторы и мучители русского народа только на словах за мир, а на деле нарушают все мыслимые законы. Можно припомнить большевикам все их грехи: и свержение Временного правительства, и незаконный разгон «Учредилки». Их странные декреты можно смешать с грязью и вывалить в мусоре. Наглый произвол!

Покачать извергов рода человеческого! У большевиков в руках информационных козырей нет: связь между покушениями и Брюсом Локкартом не доказана, Сидней Рейли и вовсе не пойман. Отмываться Ленину будет нечем.

Можно всеми силами навалиться на большевиков и принести идеалы свободы народам России. Войска Антанты уже находятся на территории России. Но вместо эскалации конфликта и педалирования ситуации последовал... пшик. В любом учебнике истории вы прочитаете, что реакция британского правительства на эти крайне враждебные действия большевиков почему-то была очень сдержанной. Оно лишь интернировало Максима Литвинова и направило телеграмму большевистскому правительству, в которой пригрозило репрессиями в отношении Троцкого и Ленина в случае, если жизни британских подданных в России будут в опасности (обратите внимание: опять только Ленин и Троцкий!). И все.

А ведь арестовали не одного Локкарта – чекисты накрыли всю английскую шпионскую сеть. И ведь брали в ЧК не только граждан Туманного Альбиона. Для ассортимента в камеры отправляли и других. Например французов. А советские тюрьмы – это совсем не санаторий. Капитан Эдуард Вакье из французской службы разведки арестован в Петрограде в ночь с 1 на 2 сентября 1918 года. Только через две недели ему удосужатся предъявить обвинения. Они очень тяжелые: заговор против безопасности государства, членство в контрреволюционной организации. Пройдет еще два месяца допросов и вопросов, пока 23 ноября 1918 года большевистский следователь Делафар[90] неожиданно не заявит французу, что Чрезвычайная комиссия не имеет против него

никаких обвинений. После этого, раз человек ни в чем не обвинен, его обычно выпускают на свободу. Но только не в советской тюрьме: капитан снова помещен в Бутырку, где просидит еще почти два месяца, до 16 января 1919 года.

Все, что происходило с бравым французским капитаном, называется одним простым словом – издевательство. В таких случаях консул, посольство, правительство страны должны сделать все, чтобы вытащить своего гражданина из тюрьмы. Особенно если он сидит там, будучи невиновным. Представьте себе, какой крик подняли бы «союзные» дипломаты, если бы французского капитана упекли ненароком в каталажку жандармы Николая II. Но молчат французы, молчат и британцы. Хотя в горячке арестов одних англичан чекисты прихватили около двухсот человек, уж половину из них наверняка случайно. Эту тему можно раздувать и раздувать: невинные жертвы большевистских застенков! Но молчат англичане – словно воды в рот набрали. Тише воды и французы. Ведь возмущаясь на уровне официальном, на закулисном они знают – большевики правы. И их удар вполне адекватен состоявшемуся предательству. Однако совсем ничего не делать для своих арестованных нельзя – это будет странно. Поэтому, возмущаясь на словах, на деле британцам и французам приходится просто сотрясать воздух. И готовиться к новым закулисным переговорам.

Сначала решаются самые простые вопросы. При посредничестве нидерландского посланника в Москве начинаются переговоры об обмене Литвинова и 50 его сотрудников на 200 граждан Британии и Франции, захваченных большевиками. Приглядитесь к цифрам: договаривались менять 50 на 200. То есть всех на всех. Британцы действительно отдали всех советских граждан, но чекисты отпустили лишь Локкарта и 130 других иностранцев.

Еще более 60 человек, но определению большевиков, «буржуазные мужчины призывного возраста», были оставлены в Петропавловской крепости и на Лубянке. Те из них, кто выжил, ЧК выпустит на свободу только через год! Так поступают только те, кто уверен в своей силе и правоте. И такие действия вызывают уважение. Смерть капитана Кромби тоже чекистам легко прощена. Зачем нужен Британии резидент, проваливший спецоперацию? Его героическая гибель – это наилучший для всех исход. Кромби и сам это понимал, поэтому и полез на рожон, ведь кроме него никто не сопротивлялся ни в одном посольстве! Он – единственная жертва со стороны «союзников»...[91]

Рассказывая о мощном ударе, нанесенном большевистскими спецслужбами по «союзному» заговору, нельзя не упомянуть о сильной избирательности ленинского гнева. Удары поистине точечные: арестовывают и преследуют только тех, кто, по мнению большевиков, нарушил договоренности и предал Ленина и его соратников. Поэтому арестован Брюс Локкарт. Это под его крылом работал Сидней Рейли. Но дипломата отпустят, а вот участь самого Рейли совсем незавидна. В ходе чекистской операции «Трест», много позже, он будет выманен в Советскую Россию и арестован. Чтобы его английские хозяева не беспокоились, в печати появится сообщение, что британский шпион Сидней Рейли был застрелен при попытке перехода советско-финской границы. На самом деле он жив и активно сотрудничает ГПУ, делаясь опытом и помогая молодой большевистской спецслужбе вставать на ноги. И эта помощь будет столь ощутимой, что британцы заподозрят подвох. Придется Рейли официально умереть еще раз. Чекисты признают, что британский шпион у них, на нем висит заочный приговор по «Делу

послов», отменить смертную казнь нельзя. В один из дней 1923 года труп «расстрелянного» Рейли выставляется на всеобщее обозрение на Лубянке. Столь странная демонстрация покойника призвана убедить британскую разведку Ми-6, что больше никаких ее секретов и методик работы чекисты не получают. На самом деле

Сидней Рейли проведет остаток жизни в комфорте, но лишенный свободы, под постоянной охраной. Его вклад в формирование ЧК – О ГПУ огромен...

По-разному сложатся судьбы «союзных» разведчиков. Капитан Жак Садуль в вакханалии арестов, пос лежавших за покушением на Ленина, совсем не пострадает. В Москве находится не только дипломатическое представительство Франции, но и французская военная миссия. Ее сотрудники регулярно отправляли в Париж донесения. Вот одно из них: «12 октября, примерно 12.30, выходы из здания Екатерининского института, где находилась военная миссия, были заняты агентами ЧК, которые начали первые аресты офицеров и солдат, выходящих из здания. Так, были арестованы капитан Садуль (отпущенный сразу после предъявления специальной карточки), мл. лейтенант Жийанс-Лавернь и примерно десяток рядовых»[92].

Удивительно, что чекисты отпускают французского капитана? Нет, аресты арестами, но переговоры и консультации Ленину с «союзными» спецслужбами надо вести и дальше. А для этого нужен «контактер» и «переговорщик». Чтобы с ним ничего не случилось, и дается французскому капитану такая бумага-карточка, после предъявления которой его всегда сразу отпускают. Но вот беда: как объяснить всем остальным французским военным, которых большевики по-настоящему арестовали, почему Жак Садуль на особом положении? Не расскажешь же им всю подноготную. Конечно, нет. Оттого и возбуждается на Родине уголовное дело против бравого разведчика, чтобы прикрыть истинную подоплеку странной любви советских властей к молодому капитану французской армии. Поэтому и приговорен Жак Садуль заочно к смертной казни во Франции в 1919 году, что годом ранее многие офицеры и солдаты французской военной миссии видели, как он показывал чекистам специальную карточку! А когда он вернется домой в 1924 году, после исполнения задания, после смерти своего визави Ленина, то все обвинения вмиг растут как дым в зале парижского суда...

Покушения и убийства, восстания и мятежи привели Ленина к решению железной рукой выжечь крамолу в стране. Надо показать свою силу и решительность. Партнеры из разведок понимают только язык силы. Всего лишь через пять дней после попытки убийства Ильича, 5 сентября 1918 года, на свет появляется «Постановление СНК о красном терроре». Результатом его стала беспримерная жестокость Гражданской войны и гибель десятков тысяч русских людей. В ответ на решение большевиков расстрельные команды заведут у себя и все белые правительства. Однако если вчитаться в текст «Постановления Совета народных комиссаров о красном терроре», становится понятным, к кому обращаются большевики: «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

Национальность и подданство заговорщиков в опубликованных документах не указываются. Это... сигнал. Месседж. Англичанам наглядно говорится – будем

расстреливать всех. Не остановимся перед тем, чтобы пустить в расход послов и даже персонал посольств поголовно. Мы способны на все!

Большевики могут вести переговоры, соблюдать договоренности, но ноги о себя вытирать не позволят. И это вызывает уважение. Большевики серьезные люди, с ними можно иметь дело. На удар они отвечают ударом и «бесплатно» мутузить себя не позволят. Ну а что большевики жестко разговаривают, так и «союзники» говорят с ними на таком же языке ультиматумов...

Прямо в работах Ленина, в его выступлениях на многочисленных конференциях, митингах и съездах той поры иногда проскакивает информация о том, как британские разведчики и дипломаты ведут себя на переговорах: «... Еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта... Они уважали нейтральность так великолепно, что пользуются всем, что плохо лежит. Причем достаточным основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать»[93].

Вот так и ведут диалог воспитанные английские джентльмены: аргументы на уровне каменного века. У нас есть дубина-броненосец, значит – мы правы, а у вас такой дубины нет, значит – неправы именно вы. Справедливости ради заметим, что и по истечении почти 90 лет с тех событий аргументы мировой политики не претерпели изменений. Только вместо броненосцев теперь авианосцы и ядерные ракеты...

Так дело и идет. Партнеры по переговорам друг друга ненавидят всей душой, но договариваться надо. Интересы «союзников» и большевиков принуждают их искать новый консенсус. В политике это обычная ситуация. Пока цели большевиков и англичан совпадали полностью – они двигались параллельными курсами. Но вот начались разногласия, наступил период конфликтов. Начались покушения на Ленина и других большевиков, вспыхнули мятежи, высадились «союзные» десанты. Потом большевики наносят ответный удар – это хороший тон перед началом переговоров. Каждая сторона стремится нарастить свои плюсы и вести торг с позиции силы. И всегда готова предать партнеров при первой возможности.

О чем договорились Ленин и британская разведка, мы можем только догадываться. Сам факт этих переговоров, не говоря уже об их результатах, всегда обходился советской историографией стороной. Современные исследователи больше заинтересованы замазать грязью коммунистов и их гениального вождя и для этого подробно смакуют лишь «немецкую» составляющую удивительной жизнестойкости большевиков. А ведь она не главная. Большевизм пришел в Россию, пользуясь попустительством английской марионетки Керенского, завоевал Россию с его помощью только потому, что был нужен для уничтожения нашей страны. Причина выживания ленинского правительства и его победы в Гражданской войне точно такая же. Консенсус с англосаксами снова был Лениным найден – в этом мы можем быть уверены. Потому что покушений на руководителей Советского государства с момента разгрома «заговора послов» больше не было! «Союзных» дипломатов и военных в Советской России гоже больше не арестовывали.

Зато в биографии главы ВЧК Феликса Дзержинского есть малозаметный, но очень интересный эпизод. Сразу после разгрома «заговора послов» он неожиданно уезжает отдохнуть... в Швейцарию! Представьте себе: конец 1918 года, разруха, голод. Гражданская война, красный террор, тиф. ЧК не покладая рук раскрывает заговоры, расстреливает заложников. А ее глава в отпуске! Катается на лодочке, хорошо кушает, наслаждается природными красотами. Причину столь странного поведения Феликса Эдмундовича историки находят весьма убедительную. Дзержинский якобы по настоянию товарищей едет отдохнуть в Берн к своей семье[94], Его жена работает в Швейцарии, в советском представительстве.

Казалось бы – чисто семейная история, хоть и странная. При чем тут «союзные» спецслужбы? Сейчас поймете.

В сентябре 1918 года в Берне открывается большевистское представительство.

В октябре 1918 года в Швейцарию едет «в отпуск» глава красной спецслужбы.

В ноябре 1918 года в соседней Германии произошла революция.

Миссия «отпускника» Дзержинского сверхсекретна и архиважна. Германия накануне краха, для немецкой революции нужны деньги, огромные деньги. Канала удобнее, чем швейцарский, для их закачки в Германию не придумать. История Брестского мира подходит к завершению: «германские агенты» большевики выполняют очередное задание своих британских и французских друзей. В конце октября 1918 года Дзержинский выехал в Москву из Швейцарии именно через Берлин, а к середине ноября Германской империи уже не существовало. Швейцарские власти тут же закрывают советское представительство и разрывают дипотношения с большевиками аж до 1946 года. Дело сделано, концы в воду...

Снова Ленин продемонстрировал свою адекватность и умение оказывать ценные услуги. В ответ идут на уступки и англичане. Большевики и «союзники» договорились о том, что:

- в Гражданской войне не будет оказана помощь противникам Ленина;
- интервенция в Россию осуществится, но «союзные» войска в боях с Красной армией участвовать не будут, они лишь возьмут под контроль важные для их правительств участки русской территории.

Но ничто в этом мире не дается задаром. Чтобы достичь соглашения с англичанами, большевики еще должны бросить нечто весомое на чашу колеблющихся весов. Жизнь и смерть членов Династии – это разменная монета на столе переговоров, за которым Ленин и англичане искали новый консенсус...

ГЛАВА 5 КТО ЗАСТАВИЛ ЛЕНИНА ЛИКВИДИРОВАТЬ РОМАНОВЫХ

Belsatzar ward in selbiger Naclit Von seinen Knechten umgebracht.

(В эту ночь Вальтасар был убит своими холопами.)

Надпись на стене комнаты Ипатьевского дома, где была расстреляна семья Николая II

Суть истребления Романовых можно понять, только анализируя еженедельно, ежедневно меняющуюся обстановку и понимая долгосрочные и текущие интересы немцев, Антанты и большевиков. Того самого «любовного треугольника» русской политики. Только надо правильно понимать интересы сторон в середине 1918 года. Иначе истинные причины и истинные убийцы так и останутся нам неизвестны...

Вернемся в март 1918 года, на котором мы остановили рассказ о страшной участи членов царской династии. Сразу по приезде в Пермь сосланного туда Михаила Романова ждет неприятный сюрприз. Местный Совдеп выносит постановление об аресте всех привезенных. Михаил возмущен и протестует. Отказавшись от верховной власти, он вынужден теперь просить о сохранении ему свободы. Он ведь так договорился. Только не знает, что договариваться с большевиками можно, но это в итоге ничего не значит. 20 марта 1918 года Михаил отбивает телеграмму Управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу. Получив ее, тот поставил рьяных пермских товарищей на место. Великому князю разрешено жить под надзором ЧК в гостинице «Королевские номера».

Столь громкое название отель носил не за качество обслуживания, а по случаю. Раньше здание принадлежало некоему г-ну Королёву. Потом о нем забыли, а гостиницу назвали «Королевскими номерами», убрав две точки с буквы «Ё». В ней Михаил и живет со своим секретарем Джонсоном и двумя слугами. Правда недолго. В ночь с 12 на 13 июня 1918 года в начале первого часа ночи к Михаилу Романову явились трое вооруженных неизвестных в солдатской форме. Они предъявили ему какой-то ордер на арест, после чего вместе с Великим князем и его секретарем куда-то уехали. Живыми Михаила Романова и Джонсона более никто не видел. Как будет выяснено уже белыми властями, захватившими Пермь позднее, их увезли в Мотовилиху, на завод, лежащий в нескольких километрах от Перми. Там претендента на русский трон № 1 и Джонсона[96] убили. Трупы бросили в заводскую доменную печь. Длинный список погибших в революционной буре Романовых был открыт.

Следующими жертвами убийц будут претенденты на трон № 2 и № 3: цесаревич Алексей Николаевич и его отец, бывший император Николай II. Вместе с ними в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге будут убиты все члены семьи и сопровождавшие их слуги. Предлог для расправы – приближение к городу чехословацких частей, борющихся с большевиками.

На следующий день, 18 июля, наступил черед алапаевских узников. Убийцы разбудили их, говоря, что к городу приближаются те же белые и чехословаки. У подъезда ожидали крестьянские повозки. Романовым объяснили, что это для их перевозки в другое место, где они будут в безопасности. Рядом с Алапаевском находятся старые заброшенные шахты. Туда Романовых и повезли. Убийцы решили даже не тратить патроны, и несчастных стали забивать дубинами Великий князь Сергей Михайлович, поняв, какая участь всех ждет, оказал сопротивление и был прикончен револьверным выстрелом в голову. Остальных еще живыми кинули в шахту. Сверху, чтобы обрушить ее стены, бросили гранату. Смерть несчастных была мучительной...

Но вот что удивительно: поведение большевистских властей в случае с Михаилом и алапаевскими узниками было одним, а в случае с семьей Николая Романова – совсем другим. Только про расстрел Николая II власти сообщили официально. Про гибель Михаила и других Романовых не писали ничего. Наоборот, власти искали похитителей и говорили о большой вероятности побега, замаскированного под похищение.

Сразу после уничтожения Михаила Романова ЧК начало его искать. По-настоящему, а не просто для отвода глаз. На следующий день после исчезновения Великого князя и его секретаря руководство Пермской ЧК отправляет в Москву телеграмму: «Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски – пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры».

Убили Великого князя именно местные пермские чекисты, сейчас считается именно так. Неизвестно лишь дала Москва санкцию на такую казнь или нет. По интересней всего даже не попытки чекистов поймать «самих себя», а реакция на случившееся будущего палача семьи Николая II и алапаевских узников – главы Уральского облсовета Белобородова. Романовы находятся под его «юрисдикцией», он за них перед Москвой отвечает. И он очень обеспокоен! Он не знает, что Михаил Романов убит! Ведь если убежал Михаил – могут убежать и охраняемые им Романовы. Настоящее, неподдельное беспокойство сквозит в его телеграмме в пермскую ЧК сразу после исчезновения Великого князя 13 июня 1918 года: «Немедленно телеграфно сообщите: когда был привезен [в] Пермь Михаил, кому сдан, каковы были указания [о] режиме, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп [по] усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, [а] также показания?»

Вопросов задает глава Уральского облсовета много, но по сути он один: как же случилось, что Великому князю удалось бежать? Белобородов серьезно подходит к возложенной на него миссии охраны царской семьи и по-настоящему обеспокоен. А значит, не знает, что Великого князя убили чекисты. Если бы он был «в курсе», ему никаких телеграмм слать не надо. Достаточно просто усилить охрану под предлогом случившегося в Перми. И спокойно ждать команды на ликвидацию узников Ипатьевского дома и Алапаевска.

Меры безопасности усиливаются. Именно возможность побега и будет потом мотивацией для решения участи несчастных узников: Романовых надо ликвидировать, иначе они убегут, как Михаил. И опять мы видим странную ситуацию: если есть один «московский»

план ликвидации членов венценосного семейства, если злодей Ленин из Кремля руководит избиением Романовых, то зачем нужна вся эта игра? К чему весь этот цирк? Надо просто передать на места директиву о том, что необходимо сделать. И ликвидировать всех, кто мешает революции. Вместо этого большевики водят за нос друг друга, что опять наводит нас на мысль: команду на ликвидацию давали не московские главари. Но тогда кто? Кто таинственный режиссирует страшные спектакли, где в финале будут закалывать штыками детей и сбрасывать живых людей в шахты?

В Алапаевске же после уничтожения Романовых начинается та же канитель, что и в Перми с Михаилом. Мол, «неизвестные» напали, увезли пленников и скрылись. Во время похищения в Алапаевске у здания опустевшей школы вроде даже шел бой. Сейчас говорят, что это была инсценировка чекистов. Они якобы изобразили бой и похищение Романовых неведомыми нападавшими. В качестве доказательства состоявшегося сражения вывели из тюрьмы мужика, убили и подбросили его труп в здание, обманув местных жителей и местный

Совет. Обманув даже бдительного главу Уралсовета Белобородова. Потому что он, до того спрашивавший о случившемся в Перми, теперь сам прислал в Москву телеграмму, рассказывающую о случившемся в его епархии. Ее позднее найдут белогвардейцы: «Алапаевский Исполком сообщил о нападении утром восемнадцатого неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Есть жертвы обеих сторон, поиски ведутся...»

Объяснение может быть только одно: не знает Белобородов о том, кто напал на алапаевских узников, и пишет в Москву чистую правду. Как не знал о том, кто ликвидировал Михаила. По кто же организует убийства и похищения, если местные красные главари об этом ничего не знают? Ответ есть: некая сила, не ставя в известность местную советскую власть, планомерно старается ликвидировать всех или почти всех Романовых. Делает эта сила свое дело скрытно и методично. С местной властью ей разговаривать незачем. Отсюда такая похожесть ситуаций с Михаилом в Перми и с его родственниками в Алапаевске. С бывшим монархом ситуация другая. Николая Романова ликвидировать можно «официально», есть хоть какой-то мотив и оправдание Николай Кровавый. Даже вроде суд готовился, но не успели, просто так шлепнули. Это рабочие и крестьяне поймут. Со всеми остальными Романовыми, включая его детей, ситуация другая. Их даже судить не за что, не то что казнить. А очень надо, чтобы они стали мертвыми. Тут надо действовать по-другому.

Нам важно понять, почему Романовых убили и кто за всем этим стоит. Не за каждой смертью в отдельности, а за всем процессом истребления правящей династии. А процесс этот, если верить современным источникам, очень странный и таинственный. Потратив немного времени, можно найти информацию, что все убийцы Михаила оказались руководителями

Пермской губчека. Решение убить Великого князя они приняли сами, с подачи своего руководителя Мясникова. Но зачем? Варианты ответов у современных историков

оригинальностью не отличаются: просто так; чтобы войти в историю; очень не любили Романовых.

Но на дворе время суровое, с такой самостоятельностью можно и пулю от своих товарищей из Москвы схлопотать. Но пусть смерть Великого князя Михаила и его секретаря Джонсона на совести чекистов-энтузиастов, как говорят историки. Остальных вопросов от этого меньше не становится. А кто решил убить узников Алапаевска? Педант Белобородов, что забросал Пермь вопросительными телеграммами? Тоже просто так? Нет ответов, нет ясности. Более или менее понятна ситуация лишь с расстрелом семьи Николая Романова: есть документы, подтверждающие процесс согласования экзекуции с Москвой. По остальным убийствам фактов нет никаких. Любимая отговорка историков подходит тут как нельзя лучше: так получилось!

Версии, домыслы, догадки. За прошедшие годы история гибели Романовых стала похожа на снежный ком – от обилия прилепившихся гипотез. Только рассмотрение всех событий в совокупности помогает нам избежать ошибки в оценке разворачивающейся драмы. Решил Мясликов убить Михаила Романова – это можно объяснить его кровожадностью. По как можно объяснить, что почти всех Романовых, убитых летом 1918 года, арестовали именно в марте 1918-го, когда для ареста ни малейшего повода еще не было? Когда еще не было и в помине чехословацкого восстания, которое началось в конце мая? Когда никто из белых не наступал, а из Романовых – не убегал и тихо сидел в местах своей ссылки?

Но режим становился тюремным для всех в одно и то же время. 24 марта 1918 года арестовали в Перми Михаила, а его старший брат Николай записал в своем дневнике:

«30 марта. Пятница. Что ни день, то новый сюрприз! Сегодня Кобылинский принес полученную им вчера бумагу из Москвы от Центр. [ального] Исполн. [ительного] Комитета к нашему отряду о том, чтобы перевести всех наших, живущих в том доме, к нам и считать нас снова арестованными, как в Ц. (арском) Селе...»

Дневник Николая называет это сюрпризом. Но это – планомерная подготовка будущих убийств. Первую часть этой работы с честью выполнил Александр Федорович Керенский. А вот со своей долей Владимир Ильич Ленин почему-то сильно затянул. Начался второй, большевистский этап подготовки уничтожения Романовых не в октябре 1917-го, а в марте 1918-го. Но если бы Ленин считал гибель всех венценосных особ необходимостью, то и действовать он должен был совсем иначе. Революция произошла в октябре, вот после нее взять и арестовать бы Романовых. Сразу после захвата власти. Предлог есть, найти его не сложно: их фамилия – это и есть и повод и предлог. Ладно, допустим, сразу после переворота нельзя, ждем Учредительного собрания и маскируемся под его горячих сторонников. Но в январе всю эту буржуазную демократию разогнал прикладами матрос Железняк. Теперь самое время заняться венценосными кровопийцами. Устроить показательный процесс: русский народ против Романовых. Но нет, наоборот, именно теперь и получает Михаил Романов от «доброего» управделами Бонч-Бруевича разрешение жить свободно и счастливо в новой красной России. И живет, пока вдруг в марте, без видимых на то причин, в одно и то же время не арестовывают и ссылают и его, и многих

его родственников. И отправляют поближе к палачам-энтузиастам, которые убивают их «просто так», но строю в порядке наследования ими престола? Случайно?

Сложна и туманна эта тема, поэтому будем двигаться постепенно. Зададим вопрос первый: а зачем вообще надо было Великого князя Михаила Романова арестовывать и куда-то ссылать? Живет он рядом со столицей – в Гатчине, лучшие чекисты могут спокойно за ним приглядывать. На Петроград наступали немцы, скажут нам историки, и Михаил мог попасть к ним в руки. Ответ, убеждающий лишь тех, кто с вопросом совсем не знаком. И что с того, что немцы идут на Петроград? Ведь это большевики – «немецкие шпионы», а не кто-то другой. Снова возникает маленький нюанс: что ж им со своими хозяевами берлинскими не договориться? Ведь мирный Брестский договор не признал никто из русских политиков, кроме самих большевиков. Ни справа, ни слева ни одна партия их не поддержала. Да что там чужие, Ленин едва от своих соратников отбился. Ведь Брестский мир, убеждают нас историки, это просто подарок Ильича своим берлинским партнерам. Он им русской территорией и ресурсами отдает долги. И вот на фоне этого убежит Михаил к германцам? Что он там сделает? Как навредит молодой советской власти? Подпишет с кайзером опровержение мирного договора? Пожмут Михаил и Вильгельм друг другу руки и опять воевать начнут? Причем Германия выделит денег и оружия Романову, чтобы он срочно собрал антибольшевистскую армию, разбил Ленина и продолжил воевать с ней против немцев вместе с Антантой?

Понятно, это невозможно. Но события в нашей стране в то время происходили нешуточные. И у них должно быть разумное объяснение. А нам предлагают абсурдное. Апеллируя к нашим эмоциям, опуская факты, нам говорят: арестовали и выслали Михаила потому, что время было тревожное, шла Гражданская война. И этот аргумент точно так же рассчитан на тех, кто историю не учит и не знает. Недаром мы столько раз обращали внимание на дату начала романовских несчастий: март 1918 года.

В том-то и штука, что Гражданской войны в тот момент не было! То есть хаосом объята была вся страна, но полномасштабных боевых действий не велось, потому что у большевиков практически не было противников! Настоящая война начнется на английские и французские деньги в конце мая, после мятежа чехословацкого корпуса. А прибыл Михаил Романов в Пермь, к месту своего последнего пристанища, 17 марта. Отнимите несколько дней на дорогу, и получится, что арестовали его в начале месяца. В том же марте начали собирать Романовых в Алапаевск, и у Николая строгости тюремные ввели, когда повода для этого в стране ситуация не давала. Какой же ветер нагонял тучи над домом Романовых?

Сопоставим даты. Вспомним, что подписали Брестский мир 3 марта 1918 года, но ясность, что он будет заключен, появилась чуть раньше, в самом конце февраля. Когда Ленин и «союзники» окунулись в очередной раунд переговоров. Когда британцы вынудили Кремль дать «добро» на высадку своих войск в Мурманске под милым предлогом, «что у них есть броненосец». Переговоры тогда закончились успешно – консенсус был найден. И вот сразу после этого, через пару недель начались аресты, строгости и высылки Романовых. Почему? Да просто потому, что жизнь Романовых была одним из предметов торга Ленина и «союзников».

Повторю: никакого повода для ареста и ужесточения режима содержания ситуация в стране не давала! Мы в этом легко сможем убедиться, почитав сочинения Владимира Ильича Ленина. Откроем работы, относящиеся к марту 1918-го. В это время Ленин сделал несколько весьма интересных для нас заявлений. 7 марта 1918 года Владимир Ильич выступает с «Докладом о войне и мире» на VII съезде РКП (б): «Гражданская война стала фактом... В этой гражданской войне большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко».

14 марта 1918 года Ленин делает доклад о ратификации мирного договора с немцами и говорит следующее: «Тот путь, которым шла наша революция с конца февраля 1917 года до 11 февраля текущего года, когда началось немецкое наступление, – этот путь в общем и целом был путем легких и быстрых успехов»

Суть ленинских мыслей в этих двух выступлениях такова: Гражданская война уже практически закончилась, большевики в ней победили. Но есть еще, товарищи, и трудности. С немцами! Сложно германским агентам большевикам: их «родное» немецкое командование, дававшее деньги на их революцию, теперь почему-то вместо хрустящих купюр доставляет одни неприятности. Лишь с началом немецкого наступления у «немецких шпионов» большевиков начались проблемы! А если бы его не было, то соответственно и трудностей бы не было у Советской власти никаких! Смешно, да и только. Если действительно считать большевиков германскими агентами, то начальство в германских спецслужбах самое бестолковое. Отчаянно бьется с собственными наймитами вместо того, чтобы просто им приказать!

Спасаясь от возможного германского наступления, Ленин и правительство спешно переезжают в Москву, где собрался IV Чрезвычайный съезд Советов. Перемещение большевистской власти происходит в самом начале марта 1918 года. Опасность действительно была: от наступающих немецких частей, что 23 февраля дали повод будущему празднику, разогнав красногвардейцев под Псковом. Поэтому лавировать между «союзниками» и немцами Ленину удобнее и уютнее из Москвы. А раз уехало красное правительство в первопрестольную, так и вывезите Михаила Романова туда же. Поближе к себе. Он ведь лоялен и послушен, как овечка. Но нет, большевики отправляют его в Пермь, где через два месяца начнется антибольшевистский мятеж. Зачем? Где логика? Ведь если кто-то для вас опасен, логично держать его поближе к себе, под присмотром. Нет, и в случае с Романовыми все логично. Просто логика другая. Логика уничтожения. Как и семью Николая, Михаила отправляют туда, где в скором времени будет нестабильно. Эта нестабильность и поглотит всех основных претендентов на престол.

Может, все же трудности впереди и потому так строга с Романовыми советская власть? Дадим слово вождю мирового пролетариата. Полистаем работу Ленина «Очередные задачи советской власти». Опубликована она 28 апреля, а написана в марте-апреле 1918 года. Ленин решил сложный вопрос с Брестским миром, убедил непонимающих его политических маневров товарищей. Спас революцию от глупости самих революционеров. Теперь ему можно писать программу дальнейших действий. «Очередные задачи советской власти» такой программой и являются. Читаем: «Но в главном задача подавления сопротивления эксплуататоров уже решена в период с 7-го ноября (25 октября) 1917 года до (приблизительно) февраля 1918 г...»

Теперь нам понятно, что такое «путь в общем и целом... легких и быстрых успехов» из ленинского доклада IV Чрезвычайному съезду Советов. Это он говорил о «подавлении сопротивления эксплуататоров». Можно за Владимира Ильича только порадоваться – его революция почти бескровна. Власть свою установили большевики, сопротивление подавили «до (приблизительно) февраля 1918 года»! Теперь на повестке дня совсем другие задачи. На них Ленин в «Очередных задачах советской власти» останавливается подробно: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде – именно такие лозунги... становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента»[103].

Удивлены? А Владимир Ильич продолжает перечислять задачи молодой советской власти: повышение производительности труда, организация соревнования, развитие советской организации...

А как же Гражданская война? А как же опасность заговоров и убийств? А опасность реставрации монархии? Как же так? О чем это говорит Ленин? Что за странная слепота на него напала? Ведь через месяц все вспыхнет вновь и впереди у России будет еще три года страшной Гражданской войны! Разве «организация соревнования» самая главная задача советской власти в братоубийственной бойне?

Так и встает перед глазами следующая картина: дивизии Первой Конной армии па марше. Впереди на вороном жеребце командарм Буденный, рядом на белом коне Ворошилов. А сзади вьется красное знамя. И написано на нем: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй»...

Конечно, Владимир Ильич не был наивным «кремлевским мечтателем». Как не был и кровожадным головорезом. Это холодный, расчетливый политик. Для каждого своего действия этот гениальный тактик находит самое подходящее время. Именно поэтому в момент, который Ленин считает подходящим, советская власть проводит амнистию осужденным и арестованным за политические дела. 28 апреля 1918 года публикуется ленинская работа «Очередные задачи советской власти», а 1 мая объявляется прощение всем тем, кто боролся с этой самой властью. Именно по этой амнистии выходит на свободу один из убийц Распутина – Пуришкевич[104]. Гибок, бесконечно гибок Ильич. Поменялись обстоятельства, и моментально меняется его позиция. Закрутилась лихая интрига щедро оплаченной «союзниками» русской Гражданской войны: Ильич с Троцким оперативно реагируют. Совет народных комиссаров постановляет объявить Москву на военном положении 29 мая 1918 года.

В том и была сила Ленина как политика, что его действия всегда соответствовали обстановке. Если мы победили – занимаемся восстановлением хозяйства, учимся управлять государством. Снова началась война – значит воюем. Никогда

Ленин не пытался выдать желаемое за действительное, как это делал Керенский. Если армия воевать не может, глава Временного правительства начинает наступление, заканчивающееся крахом. Ильич в такой же ситуации заключает противником «похабный» мир. Неужели Керенский дурнее своего земляка? Дело не в этом, просто действия Керенского направлены на сознательное ухудшение ситуации в стране, такова его задача. Ленин же играет в политические шахматы с целью партию выиграть. Отсюда и разница в подходах.

Поэтому опасность «контрреволюционных заговорщиков» Ленин увидел, когда она реально проявилась, – в конце мая 1918-го. А на середину апреля Ленин считал задачу подавления сопротивления революции уже делом решенным и собирался переходить к следующему, чисто хозяйственному этапу. Теперь, зная это, спросим себя еще раз: зачем нужно было в конце марта перевозить Михаила Романова в Пермь? Зачем в то же самое время лишили свободы и привезли в Алапаевск Великих князей Иоанна, Игоря и Константина, которые вообще никогда политикой не интересовались? Почему привезли туда Великого князя Сергея Михайловича? Зачем арестовали Великую княгиню Елизавету Федоровну? Почему их не амнистировали? Вероятно потому, что они ни в каком заговоре не участвовали, и амнистия на них потому не распространялась...

Как обычно оправдывают убийство Романовых большевиками? Не детей – этому вообще нет оправдания, а взрослых. Мол, наступали белые армии, создавалась угроза побега, ну и т.д. Здесь нагромождена не просто ложь, а ложь в квадрате и кубе. Даже при побеге Романовых к белым они бы просто уехали за границу, нисколько во внутренней борьбе не участвуя. Так и было: никто из Романовых у белогвардейцев не служил по одной простой причине: все белые боролись за Учредительное собрание. Они – республиканцы, и негоже представителям династии под такие знамена вставать, и нельзя демократам Романовых под такие знамена брать. Чтобы еще раз осознать всю лживость мотивировки расстрела

Романовых, прочитаем формулировку постановления Совета народных комиссаров об объявлении столицы на военном положении: «Ввиду обнаруженной связи московских контрреволюционных заговорщиков, в центре коих стоят правые социалисты-революционеры...»[105]

Душа заговора, его мозг – правые эсеры. И это является стопроцентной гарантией, что Романовы в этом заговоре не участвуют! Потому что мужа Великой княгини Елизаветы Федоровны, генерал-губернатора Москвы, разорвала в клочья бомба террориста Каляева, а организовал это покушение не кто иной, как Борис Савинков. К весне-лету 1918 года именно он глава правых эсеров. Все террористические акты против руководителей советской власти, эра которых еще только через три (!) месяца будет открыта убийством Володарского, организует именно Савинков. Но даже этих актов террора еще нет! Если говорить о «гениальном» предвидении будущего терроризма молодыми чекистами и аресте Романовых как профилактики, то все равно концы с концами не сходятся. Княгиня с убийцей своего мужа в одной антисоветской интриге ни за что не переплетется! И никто из Романовых за один стол с ним не сядет!

Тогда снова на поверхность всплывает вопрос: зачем же арестовали всех Романовых в марте, если никаких причин для этого не было? Опасности они не представляли, в заговор

не вступят, ситуация в стране в марте-апреле спокойная. Ведь никакой опасности Ленин не видит и в своих работах не указывает. Одни только задачи административные: национализация банков, промышленности! Значит, причины, по которым началось закулисное движение вокруг Романовых, совсем другие. Вот здесь и начинается самое интересное. Ленин потому так легок в своих оценках ситуации, что считает свои обязательства перед всеми заинтересованными сторонами выполненными. Немцы получили мир и Украину с Прибалтикой, чист Владимир Ильич и перед «союзниками»: до последнего дня он выставлял германской делегации нелепые требования не перебрасывать войска на Западный фронт. И тянул с подписанием «похабного» мира до последней возможности, пока фронт совсем не развалился.

Поэтому Ильич так оптимистичен. Он прекрасно понимает, что Гражданская война в России может вспыхнуть, только если кто-то подольет к тлеющим углям бензина. А он со всеми договорился, все взятые на себя обязательства выполнил. Значит, не будет горячего, а следовательно не будет и внутренней войны. Вот этот оптимизм и выплеснулся на страницы весенних работ Ленина и Троцкого в виде странных хозяйственных лозунгов. Но Ленин недооценил «союзных» эмиссаров. Это он считает свои обязательства выполненными. А с точки зрения «союзников», легитимность власти будет окончательно прервана только со смертью основных претендентов на русский престол. Пока есть законные наследники русского престола, такие, чьи права на власть бесспорны, осуществление планов геополитических соперников России по ее уничтожению под угрозой.

В это самое время «союзники» начинают подготовку к отстранению от власти самих большевиков – по причине их излишнего прагматизма и неожиданной толковости. Все красиво и логично: сначала большевики ликвидируют потенциальных венценосцев, затем левые и правые эсеры ликвидируют их самих. Просто и эффективно.

Надо ответить на вопрос, кому была нужна смерть Романовых, тогда станет понятно и все остальное. Вариантов ответа всего три: большевикам, немцам, «союзникам». Когда рассматривают убийство царской семьи, объясняют причины кровавого злодеяния, все внимание историки сосредоточивают на первых двух предположениях. И это понятно. Если рассматривать убийство в отрыве от истории возникновения мировой войны и революции, если не брать в расчет все «странности» и «удивительные совпадения», проанализированные нами в этой книге, то будет совершенно непонятно, чем могли помешать Михаил Александрович и Алексей Николаевич

Романовы своим «союзникам» по Антанте. Но в том-то и дело, что для понимания всех причин трагедии русской империи начинать исследование надо даже не с 1914-го, и не с 1905-го, а года этак с 1850-го!

Исследуя частные события в отрыве от общей логики, трудно уловить незримую нить, связывающую их в единое неразрывное целое.

В отличие от современных историков, мы рассмотрим все три версии смерти Романовых. И начнем с самой популярной: в гибели венценосцев были страшно заинтересованы большевики. Рассматривая убийства, надо ответить на несколько вопросов.

- Какие плюсы несет Ленину смерть Романовых?
- Какие минусы получит он от этого?
- Почему именно так организована ликвидация?
- Почему именно в этот период убили Романовых?

Все исследователи гибели семьи Николая Романова любят приводить отрывок из мемуаров Троцкого. Написан он Троцким через семнадцать лет после описываемых событий: «В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом.

- Да, а где царь?

- Конечно, – ответил он, – расстрелян.

- А семья где?

- И семья с ним.

- Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

- Все! – ответил Свердлов. – А что? – он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

- А кто решал? – спросил я.

- Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях!»

Даже на первый взгляд минусов от смерти Романовых большевикам достается куда больше, чем плюсов. Единственное возможное «достижение» Троцкий как раз и приводит: не дать врагу живого знамени. Убийство монарха – ведь это не шутка. Это очень серьезно. Это сердцевина, это апогей любой революции. После этого и вправду назад уже пути нет. Но прошло уже без малого сто лет, а Ленина и рожденный им режим

до сих пор попрекают убийством невинных царских детей. Заслоняют они достижения советской власти, ее успехи и прорывы. Потому как покоится все это на зыбком фундаменте из крови четырех дочерей и сына Николая II. До сих пор их смерть – это страшный аргумент антикоммунистов всех мастей. Зачем же большевикам было давать своим врагам такой отличный козырь? Лучше отпустить Романовых или оставить жить внутри страны, как просил Великий князь Михаил, и потом гордиться этим. Показывать иностранным послам – как проявление великодушия и терпимости новой власти.

Кровь невинных испортит любое благое начинание. Бывшего монарха Николая Романова можно засудить и казнить, а все остальные пусть катятся! Пользы от них для Белого движения будет куда меньше, чем вреда для большевиков от тайного убийства детей и совсем посторонних лиц вроде 17-летие- го князя Владимира Палея. Ведь если можно строить светлое будущее, в крови его не марая, то надо этим шансом пользоваться, Это очень важно в Гражданской войне – иметь сильные!! пропагандистский козырь. В обычной войне солдат воюет за свою Родину, а его противник – за свою. Им не договориться: Родины разные и благо одной прибавится за счет уменьшения благ на другой стороне окопа. В Гражданской войне у всех противников Отечество одно, и кто будет убедительнее за свою Россию агитировать, тот и победит. Ведь есть у каждого солдата шанс перейти с одной стороны баррикад на другую. Из белой России в другую, красную, и наоборот. Хороший пропагандистский козырь – это страшная сила. Ведь во многом большевики победили в войне именно благодаря своей блестящей агитации. И понимая это – противнику старались не подставяться!

Но предположим, Ленин патологически желает смерти членов генеалогического древа Романовской семьи, жаждет гибели всех его побегов и отростков, включая самые юные.

Тогда дело это надо готовить тщательно и скрупулезно. Всех по-тихому ликвидировать – и концы в воду. В таком случае надо Ленину дурачком прикидываться, чекистам дать приказ следствие вести, чтобы самих себя ловить. Тогда понятным становится все поведение большевиков, кроме одного важного момента. Ведь в случае зверского убийства детей и взрослых без суда и приговора главное – это сокрытие следов. Если начать готовить убийство в марте, то к июню можно все идеально подготовить. Так должно быть. А в действительности все наоборот. Трупы несчастных Николая Романова и его детей уничтожались с огромной тщательностью, и их найти не удалось вплоть до наших дней. По сам факт убийства был официально зарегистрирован и расследован следователем Соколовым. В итоге, упрятав тела, сам факт злодейства скрыть не удалось. Может быть, просто не хватило времени? Белые наступали, говорят нам историки, вот убийцы и торопились, потому и не успели замести следы.

Это очередная ложь. Белогвардейцы действительно наступали, только как-то очень странно, словно давая и повод, и время для ликвидации семьи Николая II. Главная ударная сила – чехословацкий корпус наступал не спеша. Удивительно «рвались» доблестные чехи к дому инженера Ипатьева! Пала Тюмень, уже взяты все крупные города вокруг, а Екатеринбург, где находятся Романовы, никто не занимает! Не идет никто спасать семью Николая! Обходят, сторонясь, Екатеринбург с юга: занимают города Кыштым, Миасс, Златоуст и Шадринск. Чехословаки вступают в город лишь через девять дней (!) после казни Романовых. Словно давая возможность убийцам замести все следы преступления. И

это можно было сделать! По большевики следов оставляют столько, что следователь Соколов напишет целую книгу!

Со смертью алапаевских мучеников та же история. Следы преступления вообще не были хоть немного прикрыты. Хотя времени на уничтожение и трупов и улик было более чем достаточно. Город Алапаевск был занят белыми почти через три месяца (!) после убийства, в сентябре 1918 года. Однако ничего большевиками не было сделано! Вместо скрытности, тщательности и подготовленности – одна фаната, брошенная вслед за Романовыми в шахту. И опять тот же колчаковский следователь Соколов достаточно быстро, с помощью жителей, обнаружил трупы убитых. Тела найдены, факт гибели и злодейского способа умерщвления запротоколирован. Разве так следы замечают? Разве так готовятся к ликвидации?

Нет. Везде в смерти Романовых спешка, ошибки, импровизация, а не тщательная подготовка. Значит, не готовились заранее к злодейству убивавшие венценосцев большевики. Получается интересная ситуация: с одной стороны, нет подготовки, а с другой, она есть – ведь арестовали всех Романовых как по команде. Как такое может быть? Словно какая-то неведомая сила заставила Ленина отдать распоряжение о лишении свободы всех будущих смертников. Но, отдавая приказ об аресте, Ильич еще не знает, что они смертники, потому что эта сила в марте просит (или требует) просто лишить Романовых свободы передвижения. Арестовать, а не убивать. Большевики это и делают. Но потом неуклюже и зверски всех убивают, выставляя себя не борцами за всемирное счастье, а кровавыми палачами! И это в то время, когда никакого «красного террора» еще нет и в помине. Убивают через пару месяцев после своей амнистии всем политическим противникам...

Подведем итог.

- Большевики к убийству Романовых не готовились.
- Опасности для большевиков Романовы никакой не представляли. Весь дальнейший ход Гражданской войны это подтвердит. Никто из оставшихся членов династии не сыграет в ней никакой роли.
- Убийство Романовых, совершенное таким зверским способом, не помощь революционной власти, а ее страшная дискредитация.
- Наоборот, живые Романовы, мирно живущие в новой России, – это ее приятная визитная карточка для населения страны и мирового общественного мнения.

Тем не менее следы подготовки большевистской власти к чему-то имеются, и об этом говорит одновременность арестов. Смерть заглянет в глаза Романовым позднее. Вынудили Ленина дать согласие на смерть Романовых. Или просто поставили перед свершившимся фактом. Вопрос только: кто? В описываемый нами исторический период имелись только

две мировые силы, на такое способные. Между ними Ленин как раз и лавирует: это «союзники» и немцы.

Могли ли немцы инициировать убийство Романовых, надавив на своих «шпионов» большевиков? Ликвидация ведь была проведена именно силами революционной власти. Охотников убить бывших властителей судеб российского государства было предостаточно. Но субординация была и в среде большевиков. Царя и других Романовых убьют после получения инструкций из Москвы. Могли ли немцы вынудить Ленина так поступить?

Анализируя поведение германского руководства до и сразу после заключения Брестского мира, приходишь к выводу, что не могли. Это было совсем не в интересах Германии. Немцам живые Романовы не помеха. Скорее даже наоборот. Ведь все, что надо Германии в тот момент от России, – это мир, дающий возможность всеми силами обрушиться на Западный фронт Антанты. Мирный договор – это предел мечтаний немецкой политики. Кайзер Вильгельм неоднократно предлагал его Николаю II, но тот всегда отказывался от малейших контактов. Потом появились большевики и долгожданный мир дали. Но в Берлине скоро поняли, что брестская сделка с большевиками может очень дорого обойтись. Понимание пришло быстро, а вместе с ним и попытки найти в России других, более цивилизованных «переговорщиков». Чувство брезгливости вызывал у немцев не только неопрятный полпред товарищ Иоффе, но и большевистские методы и идеи. Генерал Людендорф, фактически руководящий военными действиями германской армии, пишет генералу Тренеру 12 июня 1918 года: «Германское ВГК предоставит казакам из Киева необходимое оружие и боеприпасы (под предлогом защиты немецких военнопленных в казачьих районах казаки должны быть вооружены против большевиков). В дальнейшем ВГК будет снабжать казаков и северокавказские народы оружием и боеприпасами также из Тифлиса».

Вот такая шаткая дружба сложилась между Лениным и кайзером Вильгельмом. Резких движений такая ситуация не терпит. Поэтому обе стороны осторожны. Для немцев лучше всего было бы, если германский кайзер смог договориться о мире с русским царем. Это «освятило» бы Брестский мир и избавило бы щепетильных германских офицеров от сотрудничества с большевиками, вызывающими острое желание повесить их на ближайшей березе. Ради такого развития событий немцы даже готовы вернуть России Украину, понимая всю несправедливость ее отторжения. Какое еще новое русское правительство возможно поздней весной и в начале лета 1918 года в России? Временное правительство полностью под контролем «союзников»: его лозунг – война до победного конца и верность Антанте до фоба. На сепаратный мир осколки «временщиков» не пойдут ни за что. Германии остается только копнуть в глубину русской власти еще дальше и извлечь на свет божий монархический режим в любой форме, с любым законным наследником на троне. Поэтому немцам Николай Романов, цесаревич Алексей и Михаил Романов нужны именно живыми. Одного из них можно вернуть к власти и заключить новый договор уже с ним.

Немцы должны желать сохранения жизни Николая Романова и еще по одной причине – просто из монаршей солидарности. Кайзер Вильгельм не может санкционировать убийство своего родственника, «кузена Ники», и его жены, тоже своей родственницы. Он не может желать смерти их детям – германскому монарху они никоим образом не опасны.

Наоборот, облегчить страдания венценосцев это и долг германского монарха, и хорошая ступенька к будущим переговорам с новым – старым русским царем. Не может желать гибели царской семьи и остальная верхушка германской аристократической элиты. Родной брат жены Николая II, великий герцог Гессенский, один из крупнейших немецких военачальников, муж ее сестры принц Генрих – стоит во главе германского флота. Примешиваются к большой политике и личные чувства. Есть свидетельства, что кайзер Вильгельм II, когда-то влюбленный в Великую княгиню Елизавету Федоровну, сестру последней русской императрицы, дважды посылал к ней, уже вдове и монахине, графа Мирбаха с предложением выехать в Германию. Но она отказалась и осталась под арестом в Алапаевске, и оказалась на дне уральской шахты.

Романовы не шли на компромисс. Николай, узнав о Брестском мире, называл его «изменой России и союзникам» и смотрел на него «как на позорнейший для чести Родины акт». Сдвинуть его с места оказалось невозможно. В тот момент, когда жить его детям оставаясь считанные месяцы, Николай Романов рубил дрова и ничего и не понимал в текущем раскладе политических карт. И продолжал хранить верность своим идеалам. Оттого и писал из Тобольска 7 (19) января 1918 года своей сестре Ксении, что «мучилась» под арестом в Крыму: «Тяжело чрезвычайно жить без известий – телеграммы получаются здесь и продаются на улице не каждый день, а из них узнаешь только о новых ужасах и безобразиях, творящихся в нашей несчастной России. Тошно становится от мысли о том, как должны презирать нас наши союзники»[107].

Но попытаться втянуть его в «переговорный процесс» немцы были просто обязаны. Монархическая Германия не раз поднимав вопрос об участии царской семьи в переговорах с большевиками. Потому и не арестовывали чекисты Романовых до марта, что ситуация с немцами не была еще прикрыта Брестским миром.

Ленин, безусловно, венценосцев считал вредными насекомыми, но мараить их смертью себя и новую власть накануне переговоров с Германией было бы очень неразумно. Монархисты, немцы с убийцами лиц голубой крови вообще могут за стол переговоров и не сесть. Возьмут и прихлопнут молодое советское государство, как комара, что вдоволь хлебнул романовской крови. Сразу после подписания Брестского мира ситуация начала стремительно меняться. Высохли чернила на договоре, и Романовых начали арестовывать. Но Германия не может нарушить заключенное официальное соглашение с большевиками из-за нарушения неофициальной договоренности с ними же об облегчении участи членов династии. К тому же у большевиков есть прекрасная отговорка на первое время: бардак и самодеятельность на местах. Когда посол фон Мирбах выказал обеспокоенность Берлина за судьбу царской семьи, Яков Свердлов ответил ему следующим образом: «Когда лошадь лягается и отказывается идти в конюшню, бесполезно применять силу. Погладьте ее, и, возможно, она пойдет добровольно. Что мы можем сделать? У нас еще нет надлежащей административной машины, и мы вынуждены разрешать местным советам самим принимать решения по многим вопросам. Дайте Екатеринбург успокоиться»[108].

Слышу гневный голос историков: по почему же немцы не попросили большевиков выдать Романовых раньше? Например, при подписании мирного договора? Конечно, определенные попытки оказания содействия царской семье дипломатическим путем предпринимались. Карл фон Ботмер, советник германского посольства в Москве, убедителен и лаконичен в своих дневниках: «Нам здесь часто задают вопрос, почему

Германия в Брестском мире не потребовала выдачи царской фамилии нейтральному государству, например Дании, с взятием обязательств с соответствующего правительства о недопущении возвращения в Россию членов императорской семьи с целью оказания поддержки контрреволюции... Подобное требование с нашей стороны Россия приняла бы, как и все другие, без сопротивления. Похоже, что наше правительство руководствовалось двумя соображениями. С одной стороны, наши левые партии расценили бы такой шаг как вмешательство во внутренние дела России и поддержку реакции, с другой – не было уверенности, что если с выдачей царя согласятся, то ей воспрепятствует покушение на царя и его убийство, которое произойдет, естественно, «против воли и к большому сожалению правительства Советов»»[109].

Большевики не репрессировали Романовых до марта, чтобы немцы не заволновались, а Германия не просила о выдаче Николая II, чтобы не давать повода к его убийству. Заколдованный круг.

Упорные слухи о смерти царской семьи, начавшие циркулировать в конце июня, тем не менее вызвали сильное беспокойство германского руководства. 24 июня 1918 года полномочный представитель Советской России в Германии, уже знакомый нам товарищ Иоффе, написал Ленину о возможных последствиях казни Николая II для отношений Москвы и Берлина: «... Необходимо, что на случай если действительно что-нибудь произойдет, мы могли опубликовать вполне убедительный материал, доказывающий нашу непричастность. Это совершенно необходимо»[110].

Товарищу Иоффе, сидящему в Берлине, абсолютно ясна вредность и ненужность убийства Николая Романова. О том, что детей и супругу монарха казнить нельзя, он даже не говорит – это настолько очевидный факт, что писать об этом не стоит! Обращение Иоффе в Москве услышали – именно поэтому 25 июня центральные большевистские «Известия» в № 129 печатают информацию о том, что председатель Екатеринбургского Исполнительного комитета категорически опровергает слух об убийстве Николая Романова. Накануне в № 128 «Известия» уже поднимали эту тему: «Слухи об убийстве Николая Романова – провокация»[111]. Но раз немцы так беспокоятся, то опровержение можно и повторить.

Однако Романовых в Екатеринбурге все же убивают. Через четыре дня после злодеяния, 20 июля 1918 года, товарищ Иоффе пишет письмо наркому иностранных дел Чичерину о реакции в Германии на казнь русского царя:

«Сегодня все газеты приносят сообщение, что 16 июля расстрелян Николай Романов по распоряжению советского правительства на Урале. В сообщениях говорится, что в Москве это больше не отрицается и будто бы в советских кругах в Москве подтвердили это сообщение. Все газеты по поводу будто бы происшедшего убийства высказывают свое возмущение...»[112]

Последняя строка официального представителя красной России в Германии просто поразительна и весьма показательна: «Какие у Вас сведения по поводу судьбы Николая Романова?» Убийство царя настолько спонтанное и неожиданное, что большевистские

дипломаты о нем не оповещены и заранее не выработана никакая официальная позиция! Как надо отвечать на запросы немцев, советский посол не знает, он растерян и просит снабдить его сведениями. Странная «подготовка» для такого важного события, как расстрел бывшего монарха. Особенно если вспомнить, что Иоффе – посол в единственной державе, которая на тот момент реально может уничтожить Советскую власть. И от его слов во многом зависит реакция Берлина на состоявшееся злодейство. Но ему ничего не сообщают.

На следующий день, 21 июля 1918 года, советский посол отправляет новую телеграмму в Москву: «... Вместе с тем фон Буше сообщил мне, будто бывший царь убит [в] Екатеринбурге по постановлению местного совдепа, будто Свердлов в речи оправдал это и прочел выдержку из статьи «Правды», где это убийство разъясняется и в отношении Германии употребляется выражение «разбойничий империализм», против чего протестуют. Указав, что это убийство сильно повредит нам во всем мире, он официально попросил озаботиться сохранением жизни бывшей царицы и детей. На все это я ничего не ответил, ибо не знал положения дел, заявил, что приму к сведению»[113].

Осведомленность дипломата равна нулю. Неон информирует немецкую сторону, а германские деятели доносят новости из России до советского посла, зачитывая товарищу Иоффе выдержки из большевистских газет. Он же только хлопает в ответ глазами и говорит: «Приму к сведению».

Есть у недобросовестных историков один хороший прием. Он прост и незатейлив, но с его помощью можно истолковать факты как угодно. Заключается этот метод в том, что о важных взаимосвязанных событиях рассказывается совершенно в разных местах книги. Обычный читатель на даты внимания особого не обращает. Он их быстро забывает, а чтобы он заметил совпадения между двумя событиями, об этом надо написать отдельно и поместить их рядом. Если разнести факты далеко друг от друга – читатель связать их не сможет. Это историкам и нужно. Потому об убийстве Романовых и об убийстве графа фон Мирбаха никогда рядом и не пишут. А ведь произошли они почти в одно и то же время и взаимосвязь между ними самая прямая.

Судите сами. Вернемся к событиям, которые мы подробно рассматривали в предыдущей главе. Германский посол граф фон Мирбах не только возглавляет немецкое посольство. Он наивысший представитель Германии в большевистской России. Через него идут все финансовые нити, связывающие революционеров и немцев. Фон Мирбах – это ключевая фигура русско-германских отношений. К тому же он еще глава неофициального «штаба» по спасению Романовых. Ведь царственные дома России и Германии связаны множеством родственных ниточек. И война войной, но спасением своих Гоген-цоллерны не пренебрегают.

Именно графа фон Мирбаха и убивают 6 июля левые эсеры Блюмкин и Андреев.

Понимаете? Это красивый двойной удар: убивается главный переговорщик по романовским делам и одновременно создается повод для ссоры Ленина с кайзером.

Немцы в шоке. Барон Карл фон Ботмер оставил великолепный дневник. 10 июля он прямо записывает в него: « Убийство посланника было в интересах социалистов-революционеров и Антанты...»[114]

Ох, непростую акцию совершил Яша Блюмкин. Недаром организовывали английские разведчики «чудеса» в его стремительной карьере. Он даже не представлял себе, сколько разных проблем, словно матрешек, вставленных одна в другую, доставит смерть Мирбаха Германии и... Ленину.

Представьте на минутку, что вы Владимир Ильич Ульянов. Только что товарищи левые эсеры и Антанта, стоящая за ними, попытались вновь столкнуть вас с Германией и ликвидировать ваше главное достижение – Брестский мир. Он висит на волоске, ведь стоит немцам изобразить обиду и начать наступление, как будущее советской власти становится туманным и неопределенным. Кроме того, вы знаете, что германцы вас ненавидят и уже начали понемногу помогать генералу Краснову и антибольшевистским правительствам Украины и Грузии. Теперь у них есть прекрасный повод вовсе нарушить Брестский договор и попытаться установить в России другое правительство, возможно даже монархическое, с которым мир можно будет подписать заново. Но уже без вас, Владимир Ильич, и без вашей советской власти! Великий Социалистический Эксперимент может закончиться, так толком и начавшись. Ваши действия?

Логично, если вы попытаетесь разрядить ситуацию, загладить свою вину и удержать немцев от решительных шагов. Так большевистские вожди сразу на следующий день после трагического инцидента и поступают. В германском посольстве их встречает уже знакомый нам Карл фон Ботмер: «Первым из прибывших представителей советского правительства был Радек, который, как я позднее услышал, даже в этой обстановке не смог скрыть свой малопривлекательный характер. Следом за ним появились Чичерин и Карахан. Войдя в дом, Чичерин сказал мне, что эту весть он воспринял с глубоким прискорбием, но он убежден, что этот удар был нацелен в первую очередь против правительства, а не против нас»[115].

В ответ германский дипломат замечает: «Ваша скорбь теперь не поможет, правительству следовало принять более серьезные меры против открытых подстрекательств и для защиты посланника». Это ответ советника посольства Германии. Реакция самого Берлина пока непонятна. Большевики стоят на краю пропасти, и почва медленно колеблется под ними. Ситуация настолько серьезна, что, по свидетельству фон Ботмера, в посольство «вскоре прибыли Свердлов, Ленин и пользующийся дурной славой председатель Чрезвычайной комиссии Дзержинский». Приехала вся верхушка большевистской власти, чтобы на месте успокоить немцев, разобраться в ситуации и срочно усилить охрану германской миссии. Чтобы германские дипломаты почувствовали себя защищенными, оружие выдается немецким военнопленным (!), ожидающим отправки домой. Их размещают в соседнем с посольством особняке.

Равновесие шаткое. Общее впечатление Карла фон Ботмера от настроения большевистских главарей таково: «... правительственные круги обеспокоены и напуганы тем, что германская империя может сделать очень серьезные выводы и что, кроме этого, это политическое убийство развяжет внутреннюю борьбу. Нарком юстиции Глушко

самолично ведет расследование»[116]. Вот как подставил Ленина Яша Блюмкин! Ильич лично приносит соболезнования, его министр юстиции товарищ Глушко забросил все дела и ведет допросы, а глава ЧК Дзержинский сам руководит усилением охраны германской дипмиссии. Больше руководству большевиков заниматься нечем? Да нет, просто Ленин их всех поставил на уши, объяснив, чем все это чревато!

Проходит два дня, но разрядки ситуации нет. Даже наоборот: 8 июля похороны германского посла, а немцы демонстративно не приглашают на похороны представителя большевистской власти!

«Русское правительство из-за невыясненных отношений не только не было приглашено участвовать в панихиде, но даже не поставлено официально в известность о предстоящей отдаче почестей доблестному человеку, ставшему жертвой ничем не оправданной ненависти»[117], – пишет Карл фон Ботмер. Это уже серьезно. Погребальный колокольчик, так сказать. По большевистской власти и мировой революции. Трудно сказать, сколько валерьянки выпили в эти дни в Кремле. Наверное, много. Все висит на волоске...

Что ж, оставим большевистское руководство наедине с их проблемами. Лучше сделаем то, что так тщательно прячут от нас доблестные историки, разводя связанные события в разные концы книг и монографий. Мы сопоставим даты и посмотрим на полученный результат.

Похороны графа фон Мирбаха состоялись 8 июля 1918 года. Проходит всего одна неделя (!), и в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля убивают семью Николая II!

Лучшего времени для расправы просто не найти. Гениальный тактик Ленин, еще не уладив конфуз с убийством германского посла, наносит новое оскорбление Германии. Теперь для Берлина пощечина стала двойной. Ведь из далекой столицы Германии дело выглядит так: В России убит германский посол, занимавшийся спасением Романовых, чтобы за время отсутствия «переговорщика» и, следовательно, самих переговоров на эту тему были уничтожены Николай Романов и его семья.

Это ставит немецкий план «легализации» Брестского мира за грань выполнимости. Разговаривать теперь Берлину не с кем: Михаила «убежали», Николая убили. Ленин теперь единственный переговорщик, единственное правительство с русской стороны. В ближайшее время других не появится. Для Ленина такой вариант блестящий. С одним «но»: если немцы вместо переговоров не начнут наступления. Палку перегибать нельзя, а большевики уже явно это сделали.

Карл фон Ботмер и германское посольство узнали о екатеринбургской трагедии 19 июля 1918 года. Проходит еще три дня, и немцы получают новую информацию. Ее не только записывает в свой дневник фон Ботмер, она поступает и германскому руководству: «Подробности убийства царя, которые постепенно становятся известны, – ужасные. Теперь уже, пожалуй, нет сомнения, что чудовищно убиты также царица и дети царя, что

распоряжение было дано здешним центральным правительством, а полномочия по выбору времени и формы исполнения были переданы Екатеринбургскому совету»[118].

Но дело не только в том, что большевики нанесли Германии новое оскорбление. Они еще не загладили предыдущее смерть посла фон Мирбаха. Новый германский посол Карл Гельферих напишет в своих мемуарах: «Русское правительство, показав, правда, большое усердие по части извинений за случившееся, обнаружило, однако же, гораздо меньшее усердие в преследовании убийц и зачинщиков. Хотя оно и представило в конце концов нашему представителю список, в котором значилось свыше ста человек, расстрелянных за участие якобы в покушении. Однако же в этом списке не было имен ни убийц, ни главных зачинщиков»[119].

Для кайзера и немецкого кабинета случившееся – это настоящий заговор. Большевики, обливаясь слезами и униженно извиняясь за гибель посла Мирбаха, тут же убивают и «кузена Ники», а скорей всего и императрицу-немку и малолетних детей. Значит, и немецкого посла убили они же – большевики.

Это кровавые маньяки и подлые лицемеры! Верить им более нельзя! И вообще, не слишком ли много оскорблений нанесли эти революционеры Германии менее чем за две недели? Вы, Владимир Ильич Ленин, можете быть уверены, что теперь, после второго ушата оскорблений, немцы не начнут войны?

Пусть Ленин давно хотел уничтожить Романовых. Пусть мечтал ликвидировать потомков императора Александра III в отместку за казнь своего брата Александра Ульянова. Но ведь убивать Романовых именно в этот момент было для него просто безумием! Худшего времени не найти: сделать это раньше – не было бы оскорбляющей Берлин смерти фон Мирбаха. Подождать немного тоже было бы правильно: до краха Германии осталось всего четыре месяца, а до «красного террора» вообще всего полтора. Тогда с Романовыми можно покончить спокойно и без ненужных осложнений. Но нет, дает Кремль санкцию на уничтожение, рискуя революцией, рискуя всем, что было спасено благодаря вовремя заключенному Брестскому миру. Здравый политик Ленин делает явную глупость. Ни до ни после он такого не совершат Кто же его вынудил так подставиться?

Это явно не революционеры. Это явно не немцы. Выходит – на большевиков навалила третья сила. В тот момент это могла быть только Антанта. «Союзники». Именно «союзники» более всех заинтересованы в смерти Романовых. Забудем на секунду о прерванной легитимности власти. Не станет основных претендентов на русский трон, не будет в России монархии – тогда:

- обещанные проливы, Дарданеллы и Босфор, отдавать русским не надо;
- отчет по царскому золоту, размещенному Николаем II на Западе, давать будет некому;

- сильная русская империя неожиданно не воскреснет. Уничтожение всех основных наследников престола – это основная задача по недопущению быстрого собирания русских земель воедино. Под знамена того, чьи права на власть бесспорны, могут в результате собраться все участники внутреннего конфликта. Можно западным разведчикам спать спокойно, убив лишь первых трех претендентов на престол. Останется кто-то из второстепенных и третьестепенных Романовых, так это уже не так важно. Нет у них нужной безоговорочности своих прав на престол. Уж слишком много разных минусов имеют претенденты: кто состоит в неравном (морганатическом) браке, кто с красным бантом приходил присягать на верность Временному правительству. Так и получится: вся русская эмиграция не сможет выставить одного претендента на престол после гибели Николая Романова, его сына Алексея и брата Михаила. Претендентов сначала будет два: Великий князь Кирилл Владимирович и Великий князь Николай Николаевич. Потом останется один, но безоговорочность права на престол его и его потомков вызывает сомнения в монархической среде и по сей день.

Цель, средоточие «союзных» интересов определено. Улыбчивые «союзные» эмиссары требуют на закулисных переговорах от Ленина окончательно решить «романовский вопрос». Возможно, даже и не говорят впрямую, что надо всю семейку под корень вырезать, а просто поначалу просят отправить Романовых подальше, взять их под контроль. И причина тому есть, дорогой Владимир Ильич: рано победу в Гражданской войне празднуете! Все еще только начинается. Время нынче беспокойное, будут еще мятежи и восстания. Зачем же вам, дорогой друг, самому отдавать контрреволюционерам такое роскошное знамя, как живой претендент на престол.

Говорить об этом «союзникам» легко и просто: сам финансируешь мятежи, сам о них и рассказываешь. Что им русские борцы с большевизмом, если обстоятельства того потребуют, «союзники» могут и собственное наступление противнику выдать! Ради достижения своих целей британская и французская разведки готовы на все и могут предать кого угодно. И начинаются перемещения Романовых. Ленин, как обычно, маневрирует. Требования противоборствующих сторон к нему, как и в случае с Брестским миром, диаметрально противоположны.

Немцы требуют сохранить монарху жизнь, «союзникам» нужны романовские трупы. Но влияние «союзников» на Ленина было больше с самого начала операции по его заброске в Россию в plombированном вагоне. Британцы и французы просто и честно говорят, что в организованной ими Гражданской войне могут поддержать белых. Но могут и не поддержать. Если Романовы будут убиты...

Выбора у Ленина нет. Романовы ему ненавистны, смысла бороться за их жизнь при столь очевидных угрозах ему нет никакого. Он соглашается. А поскольку реакция Берлина на смерть русского царя может быть очень жесткой, разыгрывают большевики комедию с телеграммами, нападениями неизвестных и побегами. Но поскольку сами большевики такой расправы не планировали, то и проводятся акции бездарно, следы толком не замечают. Только те, кто имел на Ленина огромное влияние и оказывал на него сильнейшее давление, могли заставить его совершать глупости. Правда, эта же сила могла доступно объяснить Ленину, что отрицательных последствий от таких экзекуций не будет. Именно ее представители, мягко выпуская сигарный дым, беседуют с Владимиром Ильичом. И обещают большевикам, что ничего страшного не случится. Что, убрав всех

Романовых, Ленин останется единственной приемлемой фигурой для Берлина на русской политической доске. И поэтому в случае смерти царя Германия оскорбление проглотит и советская власть сохранится.

Так оно и получится. Немцы узнают о злодействе и ничего не сделают. Есть только один нюанс: все это станет известно потом, задним числом. Поэтому тот, кто весь расклад Ильичу выдает до самих событий, должен вызывать у него глубокое доверие. Не к самой персоне, а к ее источникам информации. Какая разведка и спецслужба считается одной из лучших, если не самой лучшей и сегодня? Какая могла быть лучшей тогда, когда американской еще не было, а русской не было уже? Британская...

Иногда мозг отказывается верить фактам. Невозможное становится возможным. Происходят «чудеса» и необъяснимые события. В этот раз все опять будет, как обещают ему «союзные» эмиссары. Точнее, не будет ничего: 26 июля 1918 года в немецкое посольство в Москву пришло сообщение: «Берлин отклонил идею отмежевания от Ленина и товарищей»[120].

Протянув девять дней с момента казни царской семьи, Берлин решил «делу хода не давать». Почему кайзер Вильгельм так легко сдал своего «кузена Мики»? Политика вообще жестокая вещь. К тому же в глазах Берлина Николай II был полностью ответственен за возникновение мировой войны. Понятно, что подстрекателями и организаторами были англичане и французы, но именно неумное правдолюбие, поразительное доверие к Парижу и Лондону вкупе с неуместной воинственностью русского монарха позволило «союзникам» запустить свой план сокрушения европейских монархий. Германское руководство решило, что будет лучше сделать вид, что ничего не произошло, и с большевиками пока не рвать.

Как же могли просчитать реакцию Берлина «союзники»? Очень просто. Сокрушение Германии было делом ближайших месяцев. Как когда-то перед февралем 1917-го в мощном теле Российской империи уже копошились политические черви, за какие-то полгода доведшие страну до краха, теперь и Германская империя была заражена тем же недугом. Фигуры для заключительной партии уже были расставлены в парламенте Берлина и доках Гамбургского порта. Будущие лидеры, те, кому подписывать грабительский Версальский договор, уже готовились стартовать в будущее. Агентура «союзников» готовилась вслед за Россией разрушить и Германию. И подготовка катастрофы была в самой конечной стадии, на исходе, как и военные силы Германской империи. Именно такое положение дел позволяло улыбчивым «союзным» разведчикам обещать Ленину мягкую реакцию Берлина. Да и в случае ошибки ничего страшного не случилось бы. Готовился «заговор послов», и большевикам все равно уходить в политическое небытие.

Ну ошиблись! Спросить за ошибку все равно будет некому. В конце августа на английские деньги в Ленина будут стрелять правые эсеры...

Ленин сделал так, как настаивали «союзники», и вышел абсолютно сухим из-под кровавого дождя романовских смертей. Владимир Ильич будет верить «союзным»

эmissарам до того самого момента, пока сам чуть не погибнет от пули эсеровской убийцы. Тогда, убедившись в справедливости изречения «бойтесь данайцев, дары приносящих», Ильич нанесет сокрушительный удар по «союзным» посольствам. В результате уважение к нему только увеличится и реальных попыток свергнуть его власть «союзники» больше предпринимать не будут.

А что Романовы? Их страдания смертью алапаевских узников не закончились. Путь на Голгофу многочисленной семьи Романовых начался одновременно – в марте 1918 года. Поэтому нас не удивит, что очередной декрет, посвященный членам правящей династии, был опубликован в петроградской «Красной газете» именно 26 марта 1918 года. Великие князья Николай Михайлович, Дмитрий Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович Романовы высылались из Петрограда. В июле они будут арестованы, а в августе посажены в Петропавловскую крепость. Потом произойдет убийство Урицкого и покушение на Ленина. Потом появится на свет декрет о «красном терроре». 6 сентября 1918 года газета «Северная коммуна» опубликовала первый список заложников, которые подлежали расстрелу в случае, если будет убит кто-либо из советских работников. Список начинался арестованными Великими князьями Романовыми. Никакого отношения бедные Великие князья к антисоветским заговорам не имели, но это было не важно. Внесение в список заложников давало возможность расстрелять их, когда это станет необходимо. При этом сохранялась видимость законности. Не в лесу тайком в шахту бросать живых людей, а честно и открыто расстрелять. Это нормальное правосудие революционной поры.

Просидели Романовы в Петропавловской крепости и раскрытие чекистами «заговора послов». Провели там все время от обмена арестованных британских дипломатов на группу полпреда Литвинова. Сидели, как на пороховой бочке, в самом центре «красного террора». Страшной и кровавой вакханалии, захлестнувшей страну. По всей стране волны «красного террора» смывали в небытие офицеров, представителей дворянства и буржуазии. Людей расстреливали быстро и без проволочек. И еще списки расстрелянных вывешивали. Для устрашения.

Романовы первые в списке заложников. При такой очередности ждать расстрела долго не придется. Максимум неделю, минимум дня два или три. Почему же Великие князья ждали своего расстрела пять месяцев? Если все заложники будут так долго сидеть в кутузках, то вся большевистская машина принуждения встанет. Тюрьмы должны освобождаться быстро. Нечего «контриков» кормить – здесь не санаторий, а место, где вершат пролетарское правосудие. А Великие князья, с которыми «и так все ясно», все сидят и едят народные харчи.

Ничего не говорят нам историки о причинах странной волокиты ЧК. Ограничиваются лишь общим рассказом о страданиях узников и их финальном конце. Потому что нет вразумительного объяснения. А оно лежит на поверхности: Великие князья так долго засиделись в казематах, потому что именно в это время шел торг между большевиками и «союзными» разведками. Если бы смерть Великих князей была нужна самому Ленину и Троцкому, их бы просто расстреляли в первой партии заложников «в порядке красного террора». Именно большевики не спешили отправить на тот свет очередных представителей фамилии Романовых и сделали это только под давлением англичан, выторговав себе очередные преференции.

К слову сказать, и сами узники не воспринимали свое положение трагически. Как и жертвы Перми, Екатеринбурга и Алапаевска, петропавловские арестанты надеялись на свое скорое освобождение. Потому что они, как и Николай II, совершенно неверно представляли себе то, что творилось тогда в России. Не понимали они, как и Михаил Романов, кто стоит за словно пожар разгорающейся смутой. А значит – не могли и понять целей устроителей русских несчастий. Поэтому были оптимистами. Ведь с точки зрения арестованных ЧК Великих князей дело представлялось так:

- Михаил Романов исчез, увезенный неизвестными, то есть сбежал;
- алапаевские узники отбиты неизвестными и тоже исчезли;
- семья Николая Романова, возможно, жива.

Достоверно было известно только одно: большевики казнили Николая II. То есть одного и самого виноватого представителя династии. Следовательно, остальным Романовым бояться нечего. Их отпустят, разобравшись и извинившись. Расстреливать ведь их не за что! Они не только не виноваты ни в чем, но даже в своей жизни не могли сделать ничего дурного своему народу. Пусть вас не сбивают с толку генеральские звания всех без исключения Романовых. Служба в армии – это, так сказать, дань фамилии. Из всех арестованных только Великие князья Дмитрий Константинович и Павел Александрович были военными в чистом виде. Сын последнего – Владимир Палей уже лежал на дне алапаевской шахты, но отец этого не знал. Сам Павел Александрович был тяжело болен. Пройдет чуть больше года после смерти Распутина, и его, отца убийцы Распутина Великого князя Дмитрия Павловича, большевики понесут на расстрел на носилках.

Великий князь Николай Михайлович вообще человек сугубо штатский. В юности увлекался энтомологией, выпустил девятитомный труд «Мемуары о чешуйчатокрылых», за что в 1877 году был избран членом французского Энтомологического общества. Он известный историк, доктор русской истории Московского университета, председатель Русского географического общества, председатель Русского исторического общества, доктор философии Берлинского университета, член французской Академии. Отличался от других представителей правящей династии радикальными политическими взглядами и даже выступал за конституционную монархию. Поэтому написал Николаю письмо с призывом создать «ответственное министерство» и тоже подписал просьбу простить Великого князя Дмитрия Павловича.

Георгий Михайлович Романов был среди Великих князей самым заядлым нумизматом и признанным авторитетом в этой сфере. Являясь обладателем одного из лучших собраний русских монет, он был автором известного издания «Русские монеты XVIII и XIX веков». Болея душой за денежную тематику, Георгий Михайлович лично финансировал издание 15-томного свода документального нумизматического труда по истории денежного обращения России. И в довершение ко всему он – управляющий Русским музеем. За что же его расстреливать?

Романовских узников Петропавловской крепости пытались освободить, пусть не всех, но хотя бы двух, наиболее «штатских» и безобидных. Освобождение готовило датское правительство. Оно, естественно, ничего не знало о готовящейся расправе и закулисных переговорах. Но надежду в Великого князя Николая Михайловича вселяло. В своем письме из тюрьмы от 5 октября 1918 года он даже спрашивал «о днях отплытия шведских пароходов, чтобы я смог к ним приспособиться». Однако в декабре 1918 года датский посланник Харальд Скавениус был вынужден покинуть Советскую Россию. Тогда в дело вступили русские ученые. Ими было составлено специальное обращение к Совету народных комиссаров с просьбой освободить из тюрьмы великого князя Николая Михайловича, являвшегося, как говорилось в обращении, «на протяжении многих лет председателем Императорского Исторического общества». Просил за него перед Лениным и Максим Горький. Ну скажите, в чем опасность для новой власти в энтомологе-историке и нумизмате?

Ответ Ленина известен. «Революция не нуждается в историках», – ответил глава советского государства. Слова эти теперь преподносятся нам как образец ленинской ограниченности и жестокости. На самом деле все совсем не так. Решение о смерти Великих князей, как и решение об убийстве в Екатеринбурге, Алапаевске и Перми, Ленину навязали «союзные» организаторы ликвидации России. Можно сказать, что продолжившееся избиение Романовых вошло составной частью в «пакетное соглашение», о котором мы говорили ранее. Когда было решено, что в Гражданской войне помогать «союзники» будут не белым, а красным...

Представьте себя снова на месте Владимира Ильича. Вы договорились с «союзниками», с теми, что помогали вам и одновременно оплачивали выстрелы в вашу спину. Вы ненавидите их всей душой, но во имя революции с ними надо общаться. Вы с удовольствием расстреляли бы своих партнеров по переговорам во дворе, а вместо этого угощаете их чаем и сигаретами. И ищите, ищите консенсус. Иначе через неделю, через две рухнет советская власть. Ваше детище и надежда. И вы договариваетесь во имя будущего. Во имя того, чтобы дети из рабочих кварталов имели вечером стакан молока. Чтобы не умирали рабочие с голода, чтобы революция победно прошагала по всей планете. Вы все сделаете для этого. Для своей мечты, своего идеала. А ваши партнеры, улыбаясь холеными английскими лицами, просят, мягко требуют истребления Романовых. Выбор у вас невелик – революция, ее продолжение или жизнь безобидного энтомолога, историка и нумизмата – директора Русского музея. А рядом с вами стоит пролетарский писатель Максим Горький, смотрит на вас своими большими умными глазами и говорит, сильно «окая»:

– Владимир Ильич, надо Николая Михайловича отпустить.

- Что вы сможете ему сказать? Правду, что Великих князей надо расстрелять потому, что этого требуют англичане? Так он вам не поверит. А дальше рассказывать нельзя. Не скажете же вы ему про свои тайные переговоры, про деньги и советы, что давали вам «союзные» эмиссары. Нельзя и упомянуть, почему и как произошел Октябрь, как Керенский вам подыгрывал изо всех сил. Как никто, кроме вас и Троцкого, в конечную победу не верил, потому что всей этой закулисной грязи не знал. Как объясните Горькому убийство невинных детей Николая Романова? Разве может он понять, почему вы взяли

этот грех па свою душу, а потом плакали, прижавшись лицом к холодной стене? И когда все это за несколько секунд пронесется в вашей распухшей от усталости и проблем голове, тогда вы вновь посмотрите в добрые глаза Алексея Максимовича Горького и выдохнете явную, очевидную глупость:

– Революция не нуждается в историках...

29 января 1919 года четверо Великих князей из Дома Романовых были расстреляны в Петропавловской крепости...

... За год до своей гибели, в феврале 1919 года, верховный правитель России адмирал Колчак приказал отправить в Англию все собранные вещи, принадлежавшие царской семье и не имевшие непосредственного отношения к следствию. Ксения Александровна Романова должна была получить одежду, украшения семьи погибшего венценосного брата, предметы их домашнего обихода, книги, иконы. Отправлялись в Лондон фрагменты, вырезанные из пола и стен в подвале, где произошло убийство. Все было упаковано в 50 ящиков и направлено специальным поездом во Владивосток. По прибытии в порт выяснилось, что часть груза бесследно исчезла. Оставшиеся 29 ящиков были погружены на английский крейсер «Кент» и отплыли к берегам Туманного Альбиона. Но если пропажу в России можно было списать на смуту и воровство, то дальнейшие события так просто объяснить невозможно.

По прибытии в английский порт выяснилось, что из большинства ящиков содержимое исчезло, а тара оказалась набитой разным мусором[121].

Британская разведка заметала следы, чтобы никто и никогда не узнал правды...

А она страшна. Все Романовы, о чьей безопасности так трогательно «пекся» сам глава «демократической» России Александр Федорович Керенский, были мертвы. Они были убиты в Екатеринбурге, Перми, Алапаевске и Петрограде. Но была еще одна большая группа представителей царской семьи. Им повезло больше – они спаслись. Потому что их безопасностью занимался куда более ответственный человек – сам Владимир Ильич Ленин...

ГЛАВА 6 ПОЧЕМУ ВЛАДИМИР ЛЕНИН ОХРАНЯЛ РОМАНОВЫХ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО

Бывают заблуждения, имеющие видимость истин.
Луций Анней Сенека

... Граф Николай Владимирович Татищев стоял на краю гидрокрейсера «Румыния» и смотрел в синее январское небо. Несмотря на ярко светившее солнце, капитан гвардии абсолютно околел, потому что стоял на палубе в одном нижнем белье. Проплывавшие мимо облака были единственным, на что мог смотреть Николай Владимирович. И не то чтобы граф очень любил смотреть на небо, просто ничего другого он видеть уже не мог.

Его руки, до предела отведенные назад и связанные веревками у локтей и кистей, страшно затекли. Начали ныть и ноги графа Татищева, грубо перетянутые в нескольких местах и крепким морским узлом привязанные к тяжелому грузу. Голова, оттянутая за шею назад, к намертво закрепленным рукам и ногам, была устремлена в небо. Именно поэтому Николай Владимирович и не мог видеть ничего, кроме облаков. Натянутая как тетива веревка глубоко врезалась в горло и нестерпимо душила.

Рядом на краю палубы «Румынии» стояли такие же связанные и беспомощные люди. Сейчас граф не мог их видеть, но он знал, что они стоят справа и слева от него – они вместе сидели в трюме проклятого гидрокрейсера.

- Господи, спаси и помилуй, господи, – неистово шептал кто-то справа от капитана.

- Молись, молись шкура, – раздался сзади злобный голос. – Все равно не поможет!

Подполковник Константин Павлович Сеславин, штабс-ротмистр Федор Федорович Савенков, штабс-капитан Петр Ипполитович Комарницкий, полковник Арнольд Валерианович Сев- римович, подполковник Евгений Алексеевич Ясинский – всех их Николай Владимирович Татищев знал лично. Это жители Евпатории, офицеры, отдававшие долг Родине на полях сражений Первой мировой войны, в том числе и в Румынии. Какая горькая ирония судьбы. Германские и австрийские пули их миновали – а злобная месть взбесившихся матросов застала врасплох.

- Да что ж вы делаете! Люди вы или нет? – заходился где-то слева в истерике женский голос.

Вероятно, это – Ирина Петровна, жена инженера, с забавной для русского уха фамилией Мамай. Татищев знал ее первого мужа, Сергея Егоровича Крицкого, и даже частенько поигрывал с ним в карты. И стоило ей потом менять столь пристойно звучащую фамилию на «Мамай»?!

Николай Владимирович даже усмехнулся, но веревка впилась в горло еще сильнее. Сволочи, связали на совесть.

Большое облачко, похожее то ли на барашка, то ли на маленького жеребенка, проскочило над палубой, а лукавое солнце неожиданно выглянуло из-за него. Граф зажмурился, в носу у него защекотало, и он громко и неожиданно чихнул. Оттого и не заметил, как сзади подошел матрос в расстегнутом кителе.

- Пшел! – сильный пинок в спину, и Татищев полетел в воду.

Последнее, что он услышал в своей жизни, был хохот матросов гидрокрейсера «Румыния». Потом всплеск, голубая бездна и – тишина...[122]

Хороша крымская природа: солнце, море, зелень. Благословенный край. В любом путеводителе по местным курортам вы сможете прочитать, что «Ялта (Евпатория и т.д.) – город-курорт на берегу Черного моря, в Крыму, один из самых живописных и интересных городов мира». Стройные кипарисы и пальмы, дворцы, брызги моря под нежным солнцем, креветки и рыба, фрукты, прекрасное вино. Таким главный крымский курорт и встретил русское лихолетье.

Февральская революция была для крымчан, как и для всех русских подданных, полной неожиданностью. Невероятное удивление вызвала она и у властей гражданских. Растерялся первоначально и командующий Черноморским флотом адмирал Колчак. Получив первые известия о беспорядках в Петрограде, он приказал коменданту Севастополя немедленно прервать всякую связь Крымского полуострова с остальной Россией, включая телеграфную и почтовую. Таким образом Колчак стремился сохранить порядок и боеспособность во вверенном ему флоте. Новости приходили самые тревожные. Сообщали их... немцы. На плохом русском языке противник в своих радиопередачах сообщал о беспорядках и вооруженных столкновениях. Позднее германцы заговорили о восстании Балтийского флота в Кронштадте и массовом убийстве там матросами своих офицеров.

Именно этого и старался избежать в своей вотчине командующий Черноморским флотом. Ситуация же была абсолютно непонятной. Но прошло несколько дней, и положение прояснилось – к власти пришло Временное правительство. Именно Колчак первым добился принятия присяги личным составом флота новой власти[123]. Ирония судьбы – будущий Верховный правитель, фактически диктатор, стал горячим сторонником парламентаризма. Именно за эту его лояльность Временному правительству, энергично принявшемуся разрушать Россию, «союзники» и усадят позднее Колчака на сибирский

«трон» верховного правителя. Однако, оказавшись у власти, он очень быстро станет не послушным орудием в руках англичан, американцев и французов, а руководителем, жестко и бескомпромиссно отстаивающим интересы вверенной ему державы. Патриотом Колчак окажется большим, чем демократом, а потому и поплатится за любовь к России своей жизнью...

Но в марте 1917-го все смотрели в будущее с оптимизмом: заканчивались приготовления к десанту на Босфоре, в случае успеха приводящему к быстрому завершению всей мировой войны. Он не состоялся – помешал начавшийся развал страны, армии и флота. Признаки разложения быстро появились по всей России, но в благословенном Крыму все происходило значительно медленнее. Только в середине марта организовались на Черноморском флоте первые Советы. И большевиков в их составе почти не было, а преобладали меньшевики и эсеры. Но потом в апреле приехал в Россию Ленин – и началось! Временное правительство не мешало Владимиру Ильичу раскачивать ситуацию и разваливать Россию. Уже разложенный большевиками Балтийский флот прислал на Черное море делегацию из пяти человек, которые за считанные дни нанесли колчаковской дисциплине смертельный удар. Матросы начали массами проситься в отпуск и косо поглядывать на офицеров с немецкими фамилиями. Прошел еще месяц, и они начали косо смотреть вообще на всех офицеров. 3 (16) июня в Генштаб ушла телеграмма: «Положение в Севастополе резко ухудшается вследствие направленной сюда агитации большевизма»[124].

Но мер никто никаких не принимал, если не считать постоянных митингов и уговаривания солдат и матросов выполнять свой долг и оставаться патриотами и людьми. Ни одна армия и ни один флот в истории не могли воевать, скрепленные лишь словами, а не спаянные железной дисциплиной, а вот ее-то навести было как раз нельзя. В стране объявлены свобода и равенство, распространен Приказ № 1 и Декларация прав солдата. Поэтому большевистских агитаторов теперь трогать нельзя, нельзя расстрелять трусов и дезертиров.

И покатился Черноморский флот вместе со всей Россией в тартарары. Сначала на эскадренном миноносце «Жаркий» команда отказалась выходить в море, потому что его командир «слишком рискованно управляет миноносцем и часто подвергает опасности людей». Колчак, еще пытавшийся остановить развал, приказал спустить на судне флаг, но это только подлило масла в огонь. Требование снять командиров выдвинули команды эсминца «Керчь» и вспомогательного крейсера «Дакия», начались волнения матросов на броненосце «Три Святителя», линкоре «Синоп» и других кораблях. Дело дошло до того, что уговаривать матросиков не бунтовать прибыл лично военный министр Александр Федорович Керенский. К сожалению, армия у России была большая, а военный министр был всего один, поэтому на всех военнослужащих его уговоров не хватало. За митинговыми страстями и полными призывов выступлениями Керенского все яснее проступали признаки будущей катастрофы русской армии и флота: недоверие к офицерам, развал дисциплины и яд большевистской пропаганды. Не может быть в вооруженных силах демократии – это ясно любому здравомыслящему человеку. Военный министр Керенский этого «не понимает» и вместо принятия жестких мер уговаривает, уговаривает, уговаривает...

К июню власть на флоте практически полностью уходит из рук командующего. Фактически начинается открытый бунт. Бурлят митинги, собрания, большевистские агитаторы не слезают с трибун. В итоге 6 (19) июня Севастопольский Совет под давлением судовых комитетов постановляет: личное оружие у офицеров отобрать, произвести обыски у них на квартирах, Колчака от должности отстранить. Адмирал уезжает с флота, выбросив свою георгиевскую саблю в море...

Следующие месяцы развал и анархия на Черноморском флоте заходили все дальше. Но настоящая советская власть установилась в Крыму позже, лишь в декабре 1917 года большевики начали реальные действия по его подчинению своей власти. Именно в это время в Севастополь вернулся отряд матросов, направленный для перехвата идущих на Дон белых добровольцев. Основательно потрепанным и потому безмерно злым возвращался матросский отряд в город. Описание «братишек» оставил в своих мемуарах барон Врангель, видевший их своими глазами: «С наглыми, зверскими лицами, обвешанные пулеметными лентами и с ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались в Севастополь, врываясь в пассажирские вагоны, выбрасывая женщин и детей и избивая станционных служащих»[125].

Севастопольский Совет был распущен, а вместо него создан Военно-революционный штаб. И немедленно, в тот же день (!) начались кровавые расправы. Верховодил захватом власти в Крыму большевик Гавен (Дауман). Со своей задачей он справился блестяще: под его руководством матросы устроили в городе бойню ни в чем не повинных офицеров. За одну ночь, с 16 (29) на 17 (30) декабря 1917 года, было расстреляно 32 человека на Малаховом кургане, а всего в главной базе Черноморского флота погибло 128 русских офицеров[126].

Это были первые знаки будущих ужасов, первые «эксцессы» новой рабоче-крестьянской власти. От Севастополя начали распространяться по благословенному полуострову кровавые отростки большевистских советов и военно-революционных судов. Отсюда пошел и страшный счет жертвам русской смуты в Крыму. Запомним. Большевистские убийства в Крыму начались именно в Севастополе.

Тогда же, в январе 1918-го, произошли первые столкновения революционных войск с крымскими татарами, недовольными насилиями и грабежами разнузданной солдатни. Но поступь ленинской власти поначалу была действительно триумфальной, и уже 14 (27) января с помощью восставших рабочих красные вошли в Симферополь. Буквально через неделю весь Крым становится советским. Даты являются для нас очень важными в этой главе, поэтому запомним их. Большевики захватили власть в Крыму только в середине января 1918-го. Это их первое «пришествие» продлится совсем недолго – до апреля того же года.

Если бы местные жители знали, какой ужас приплыл в Ялту вместе с несколькими сотнями революционных черноморских матросов, то они наверняка бросились бы вон из города. Но советской власти тогда еще никто в глаза не видел, а от ее первых декретов никакой кровожадностью не веяло. Значительно позже Антон Иванович Деникин создаст специальную комиссию по расследованию злодеяний большевиков. Материалы этой комиссии бесстрастно фиксируют: «13 января 1918 года г. Ялта и ее окрестности после

четырехдневного сопротивления со стороны вооруженных татарских эскадронов и офицерских дружин были заняты большевиками, преимущественно командами матросов с миноносцев «Керчь» и «Хаджи- бей» и транспорта «Прут». Немедленно, закрепившись здесь, большевистский военно-революционный штаб приступил к аресту офицеров. Последних доставляли настоявшие в порту миноносцы, с которых после краткого опроса, а часто и без такового отправляли или прямо к расстрелу на мол, или же помещали предварительно на один-два дня в здание агентства

Российского общества пароходства, откуда почти все арестованные в конце концов выводились все-таки на тот же мол и там убивались матросами и красноармейцами»[127].

Кровавая вакханалия охватила Ялту. Иногда осатаневшие от крови и безнаказанности большевистские матросы просто убивали свои жертвы прямо на улицах, на глазах жителей: «Расследований о расстреливаемых никаких не производилось; пощады почти никому не давалось; бывали два-три случая, когда заключенные, считавшие себя обреченными, неожиданно освобождались, причем причина освобождения оставалась столь же неизвестной, как и причина заключения»[128].

Барон Петр Николаевич Врангель, находившийся в эпицентре кровавой драмы, оказался счастливчиком. Ему невероятно повезло: его не расстреляли, а освободили, благодаря мужеству его жены, не побоявшейся вступить за мужа перед лицом осатаневших от безнаказанности «революционных» матросов. Судьба хранила будущего вождя Белой гвардии, но многих других честных и ни в чем не повинных русских офицеров провидение обрекло на мученическую смерть. «... Со слов очевидца, старого смотрителя маяка, на его глазах за три дня были расстреляно более ста человек. Трупы их, с привязанным к ногам грузом, бросались тут же у мола в воду»[129], – напишет в мемуарах барон Врангель.

Крым – это курорт, здесь всегда поправляли здоровье те, кому это было необходимо. В то время в Ялте также находилось множество санаториев. Во время войны их основными постояльцами были раненные на войне офицеры. Ни в чем не виноватые, они пополнили собой список жертв: «На улице был убит прапорщик Петр Савченко, вышедший только что из обстреливаемого оружейным огнем санатория Александра III, где он находился на излечении; убил его матрос за то, что офицер не мог ответить, куда направились татарские эскадроны. Обобрав труп убитого, матрос приколот убитому погоны на грудь и стащил его затем на бойню»[130].

В крымских городах русское военное командование разместило и госпитали. Ужасный конец постиг многих их обитателей: «Ни болезнь, ни раны, ни увечность не служили защитой против зверств большевиков: в революционный штаб был доставлен несколько раз раненный в боях с немцами юный офицер на костылях, его сопровождала сестра милосердия. Едва увечный воин вошел в комнату, где сидел красноармеец Ванька Хрипачев, как тот вскочил и на глазах сестры из револьвера всадил офицеру пулю в лоб; смертельно раненный юноша упал, стоявший тут же другой большевик, Ян Каракашида, стал бить несчастного страдальца прикладом тяжелого ружья по лицу»[131].

У будущего командира Дроздовской дивизии Антона Туркула во время этих событий был убит родной брат: «В Ялте начались оканные убийства офицеров, – пишет он в своей пронзительной книге «Дроздовцы в огне»[132]. – Матросская чернь ворвалась в тот лазарет, где лежал брат. Толпа глумилась над ранеными, их пристреливали на койках. Николай и четверо офицеров его палаты, все тяжело раненные, забаррикадировались и открыли ответный огонь из револьверов. Чернь изрешетила палату обстрелом. Все защитники были убиты»[133].

Не зная за собой никакой вины, раненные и здоровые офицеры не собирались прятаться или сопротивляться. Апатия, охватившая страну за время правления Временного правительства, сказалась и на них. Пассивность эта будет стоять им жизни:

«Всего в первые два-три дня по занятии Ялты было умерщвлено до ста офицеров, не принимавших никакого участия в Гражданской войне, проживавших в Ялте для укрепления своего здоровья или лечившихся в местных лазаретах и санаториях. Большинство убитых офицеров с привязанными к ногам тяжестями бросались с мола в море. Трупы безвинно казненных были извлечены с морского дна и похоронены в братской могиле через пять месяцев, когда Крым оказался занятым германцами»[134].

Но, может, именно в Ялте среди большевиков собрались самые отпетые негодяи и садисты, а другим городам Крыма повезло больше, и их коммунисты были нормальными людьми? Материалы все той же деникинской комиссии показывают, что насилие и зверства были визитной карточкой новой власти на всем крымском побережье.

Но самое страшное произошло не в Ялте, а в Евпатории.

«Вечером 14 января 1918 года на взморье вблизи Евпатории показались два военных судна – гидрокрейсер «Румыния» и транспорт «Трувор». На них подошли к берегам Евпатории матросы Черноморского флота и рабочие севастопольского порта. Утром 15 января «Румыния» открыла по Евпатории стрельбу, которая продолжалась минут сорок. Около 9 часов утра высадился десант приблизительно до 1500 человек матросов и рабочих. К прибывшим тотчас присоединились местные банды, и власть перешла в руки захватчиков»[135].

Дальше начались обыски и аресты. Врывавшиеся большевики отбирали не оружие, а все то, что попадало им под руки. Словно ангелы смерти, шныряли по Евпатории матросы «с вымазанными сажей лицами или в масках». Они арестовывали офицеров и всех заподозренных в контрреволюции.

«Арестованных отводили на пристань в помещение Русского общества пароходства и торговли, где в те дни непрерывно заседал Временный военно-революционный комитет, образовавшийся частью из прибывших матросов, а частью пополненный большевиками и представителями крайних левых течений г. Евпатории. Обычно без допроса арестованных перевозили с пристани под усиленным конвоем на транспорт «Трувор», где и размещали по трюмам. За три-четыре дня было арестовано свыше 800 человек. Обхождение с

арестованными было наглое, грубое, над ними издевались, и первый день им ничего не давали есть»[136].

По словам очевидца, задержанных не кормят даже по двое суток, потом вдруг приносят ведро бурды, миски и одну ложку. Оказывается, офицеров было приказано кормить только остатками, собранными из мисок прочих арестантов. Далее следовал «справедливый» пролетарский суд и один приговор для всех – смерть. Мучительная... «Казни производились сначала только на «Румынии», а затем и на «Труворе» и происходили по вечерам и ночью на глазах некоторых арестованных. Казни происходили так: лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательств, пристреливали, а затем бросали за борт в воду»[137].

Этим еще крупно повезло. Бросали за борт и живых. Озверевшие матросы расставляют связанных людей вдоль борта, а потом ударом ноги отправляют их в море. На берегу весь этот ужас наблюдают родственники приговоренных: «Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись»[138].

Как это ни страшно звучит – но сброшенные живыми в воду были просто счастливыми. Революционные матросы, еще девять месяцев назад вытягивающиеся во фронт перед офицерами, теперь быстро теряли человеческий облик. Материалы деникинской комиссии без содрогания читать невозможно:

«... Со слов очевидца, картина этих зверств была такова: перед казнью по распоряжению судебной комиссии к открытому люку подходили матросы и по фамилии вызывали на палубу жертву. Вызванного иод конвоем проводили через всю палубу мимо целого ряда вооруженных красноармейцев и вели на так называемое «лобное место» (место казни). Тут жертву окружали со всех сторон вооруженные матросы, снимали с жертвы верхнее платье, связывали веревками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу, а затем отрезывали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки, и в таком виде жертву бросали в воду. После этого палубу смывали водой и таким образом удаляли следы крови. Казни продолжались целую ночь, и на каждую казнь уходило 15–20 минут. Во время казней с палубы в трюм доносились неистовые крики, и для того чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» пускал в ход машины и как бы уходил от берегов Евпатории в море. За три дня, 15, 16 и 17 января, на транспорте «Трувор» и на гидрокрейсере «Румыния» было убито и утоплено не менее 300 человек»[139].

Словно мрачное Средневековье накрыло собой Россию, ее самые жизнерадостные крымские курорты. Большинство тел жертв большевистских зверств было потом выброшено морем. Ужасу евпаторийских жителей не было предела: в прибрежных водах плыли трупы с рваными ранами, с простреленными черепами, с отрубленными руками и даже – с оторванными головами.[140] Похоже, что не новая гуманная советская власть устанавливается в тихом курортном уголке, а кровавая орда гуннов набросилась на совершенно чуждое им покоренное население. Чудом уцелевший Врангель в те дни много слышал о большевистских зверствах: «Особо кровавые дни пережил Симферополь. Здесь было расстреляно огромное количество офицеров, в том числе почти все чины крымского штаба во главе со зверски замученным полковником Макухой»[141].

Расстрелы идут в январе повсеместно. По самым скромным подсчетам, число жертв никак не менее тысячи, в том числе в Симферополе, где офицеры и крымские татары пытались сопротивляться, расстреляно до 700 человек. В феврале в маленькой Феодосии убито до 60 офицеров, несколько отставных военных убито в Алуште. Пройдя круг по Крыму, молох террора вновь возвращается в Севастополь. В день, который потом долгие годы будет праздноваться как дата создания Советской армии, в ночь с 23 на 24 февраля происходит вторая севастопольская резня: «На этот раз она была отлично организована, убивали по плану, и уже не только морских, но вообще всех офицеров, всего около 800 чел. Трупы собирали специально назначенные грузовые автомобили. Убитые лежали грудками. Их свозили на Графскую пристань, где грузили на баржи и вывозили в море»[142].

Это тоже важный для нас момент.

В Севастополе не только начали убивать людей первыми на Крымском побережье, но и продолжали делать это вновь, в самых жутких формах. Запомним это и двинемся дальше. Это творится в то время везде, повсеместно, но нас интересует именно Крым. Почему – вы поймете чуть позже. О грабежах и насилиях над мирным населением мы даже не будем говорить. Большевики всегда так поступали в «завоеванных» ими русских городах. Такое же варварство творилось и в Ялте:

«Перед разграблением санатория Александра III таковой был сначала обстрелян орудийным огнем миноносца «Керчь», причем па ходатайство главного врача санатория пощадить больных и раненых, находившихся в нем, получился ответ: «В санатории одни контрреволюционеры, санаторий должен быть уничтожен так, чтобы камня на камне не осталось». Угроза, впрочем, до конца не была доведена, обстрел прекратился, но зато приказано было администрации эвакуировать всех больных из санатория в течение двух часов. После эвакуации и начался общий разгром всего имущества этого ценного учреждения. Награбленное по гостиницам, магазинам, складам и квартирам добро меньшею частью попадало в распоряжение комитета большевиков, а в большей части присваивалось обыскивателями. Подобным разгромам, кроме Ялты, подверглись Алушта, Алуика, Дереккой, Бахчисарай, Массандра и другие близлежащие селения. Дереккой перед грабежом был обстрелян артиллерийским огнем миноносца; население бежало в горы, и когда спустя сутки вернулось к своим домам, то увидело, что матросами все их имущество уничтожено. Жители, пользовавшиеся до того достатками, внезапно оказались бедняками»[143].

Это даже не власть, это произвол, это насилия, сопоставимые с теми, что творили викинги, совершая набеги на Западную и Восточную Европу: «Малейшая лишняя просьба или возражение – и дуло револьвера у виска, штык у груди, приклад над головой...»[144]

Еще случай: на улице Евпатории схвачены два торговца татарина. Их вывезли за город и убили. Когда тела обнаружили – у одного оказалось несколько штыковых ран и была вырезана грудь, а у его брата голова была раздроблена ударами приклада. Вероятнее всего бедные торговцы имели несчастье взять с собой достаточную сумму денег и заплатились

за это жизнью. Но это, так сказать, свободное творчество революционных масс, а был грабеж и официальный. «Буржуев», а точнее сказать, все население городов, облагали контрибуцией, данью, так как те же викинги собирали с покоренных ими народов. Коммунистический комитет в Ялте потребовал с горожан 20 млн рублей. Это огромные деньги, но их неуплата повлечет за собой новые расстрелы. Сумма поборов фантастическая, но надо собирать. Однако в течение трех месяцев в казначейство большевиков поступило только около 2 млн рублей. Поэтому находчивые революционеры «сделали распоряжение по всем банкам снять с текущих счетов «буржуев» все суммы, превышающие 10 000 рублей, и перечислить их на текущий счет комитета в Народный банк»[145]. Под конец своей власти, перед приходом немцев, борцы за равенство и братство «вооруженною силою похитили всю денежную наличность в сумму 1 200 000 рублей из кассы Ялтинского отделения Государственного банка»[146], то есть совершили банальный грабеж.

Теперь самое время утереть холодный пот, выступивший от описания всех этих ужасов, и задать себе несколько вопросов.

- Для чего же мы с вами погрузились в этот кровавый кошмар?
- При чем здесь наши доблестные «союзники»?
- Почему именно к Крыму приковано наше внимание?

Сейчас поймете. Великий князь Александр Михайлович Романов, женатый на сестре Николая II, отец жены князя Феликса Юсупова, оставил нам великолепные мемуары. Они интересны невероятно. Они просто фантастичны. Никто и никогда не комментировал нам их чудесное содержание. А зря – потому что если их прочитать, то хочется сделать один странный вывод. Бывают большевики добрые и злые. Находятся они в одно и то же время не только в одной партии, но и в одном месте – в Крыму. Все зверства творят большевики плохие, а хорошие большевики – вежливые и учтивые ребята. Вы не верите? Такого не может быть? Не спешите – русская революция благодаря английским спецслужбам превратилась в сплошное чудо и страшную сказку. А в сказках, как известно, случается все...

Новее по порядку. Вернемся назад, в март 1917-го, когда еще только случилась Февральская революция и Николай Романов отрекся от престола. Все еще только начинается. Но прежде чем дать слово самому Великому князю Александру Михайловичу Романову, обрисую его в нескольких словах. Высокий обаятельный красавец был необыкновенно близок к последнему русскому монарху, который приходился ему племянником. «Дядя Сандро», как называл его Николай II, был практически ровесником императора и стал его другом еще по детским играм. Свою роль сыграла их дружба и когда решался вопрос о женитьбе Великого князя. Николай II приложил максимум усилий, чтобы его родная сестра Ксения стала женой милого ему родственника. В феврале 1914 года дочь Ксении и Сандро, Ирина, стала женой князя Феликса Юсупова, вошедшего в нашу историю в качестве убийцы Григория Распутина.

Это – что касается дел семейных. В делах службы Великий князь стал более известен «по летной части», в 1910 году основав Качинское училище летчиков, носившее название «Севастопольская офицерская школа авиации». На это пошла часть средств, собранных среди граждан России Комитетом по восстановлению флота после Русско-японской войны, ни много ни мало – 900 тысяч рублей. Огромная по тем временам сумма. Но и пользу принесла эта школа стране немалую: со дня своего основания до октября 1917 года школа подготовила 609 летчиков: 376 – из офицеров и 233 – из солдат. Многие из них отличились в боях Первой мировой и Гражданской войны. Вот за это и именуют даже сейчас Великого князя Александра Михайловича родоначальником русской авиации.

В конце марта 1917-го он был арестован и вместе со всей семьей сослан... в Крым! В его собственное поместье Ай-Тодор. Этот период своей жизни Великий князь достаточно подробно описал в мемуарах: «Наше путешествие совершилось под конвоем матросов. По приезде в Ай-Тодор мы получили длинный список того, что мы не должны были делать, от некоего господина, носившего громкий титул «Особого комиссара Временного правительства». Мы состояли под домашним арестом и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения, на полутора десятинах между горами и берегом моря. Комиссар являлся представителем Временного правительства, матросы же действовали по уполномочию местного Совета. Обе эти революционные власти находились в постоянной вражде. Матросы не доверяли комиссару, комиссар же с ужасом смотрел на ручные гранаты, заткнутые за пояс революционных матросов»[147].

Беспокойства матросы доставляли семье Романовых много: их периодически обыскивали, искали оружие и контрреволюционные письма. Особой радости не доставляли и представители Временного правительства. Но человек привыкает ко всему – несли свой крест и Романовы, арестованные и размещенные в Ай-Тодоре. По время шло, в стране произошел большевистский переворот, эхо которого в ноябре докатилось и до далекого Крыма. Но если вы приготовились сейчас прочитать о новых, неизвестных вам большевистских зверствах, то будете сильно удивлены. Впрочем, слово самому Александру Михайловичу:

«Мы должны были готовиться к встрече с новыми правителями России. В полдень у ворот нашего имения остановился запыленный автомобиль, из которого вылез вооруженный до зубов гигант в форме матроса. После короткого разговора при входе он вошел ко мне без доклада.

- Я получил приказ Советского правительства, – заявил он, – взять в свои руки управление всем этим районом. – Я попросил его сесть.

- Я знаю вас, – продолжал он, – вы бывший Великий князь Александр Михайлович. Неужели вы не помните меня? Я служил в 1916 году в вашей авиационной школе.

Под моим начальством служило две тысячи авиаторов, и, конечно, я не мог вспомнить его лицо. Но это облегчало установление отношений с нашим новым тюремщиком. Он объяснил, что «по стратегическим соображениям» мы должны будем переехать в соседнее

имение Дюльбер, принадлежавшее моему двоюродному брату, Великому князю Петру Николаевичу.

- Я уже долго не слышал этого военного термина. Что общего имели «стратегические соображения» с содержанием моей семьи под стражей? Разве что можно было ожидать турецкого десанта? Он усмехнулся.

– Нет, дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский Совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский Совет попытается захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его стенами, легче защищать, чем Ай-Тодор. Здесь местность открыта со всех сторон.

Он достал план Дюльбера, на котором красными чернилами были отмечены крестиками места для расстановки пулеметов. Я никогда не думал о том, что прекрасная вилла Петра Николаевича имеет так много преимуществ с чисто военной точки зрения. Когда он начал ее строить, мы подсмеивались над чрезмерной высотой его толстых стен и высказывали предположение, что он, вероятно, собирается начать жизнь Синей Бороды. Но наши насмешки не изменили решения Петра Николаевича. Он говорил, что никогда нельзя знать, что готовит нам отдаленное будущее. Благодаря его предусмотрительности Севастопольский Совет располагал в ноябре 1917 года хорошо защищенной крепостью»[148].

Вот это и вправду неожиданно – отряд матросов присылается не для расправы над беззащитными офицерами и буржуями, а для их защиты! И не кем-нибудь, а самим товарищем Лениным!!!

«События последующих пяти месяцев подтвердили справедливость опасений новых тюремщиков. Через каждую неделю Ялтинский Совет посылал своих представителей в Дюльбер, чтобы вести переговоры с нашими неожиданными защитниками. Тяжелые подводы, нагруженные солдатами и пулеметами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского Совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров роста, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких случаях было предложено не выходить из дома, слышали через открытые окна обычно следующий диалог:

- Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский Совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский Совет держит за собою незаконно. Мы даем пять минут на размышление.

- Пошлите Ялтинский Совет к черту! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отведать севастопольского свинцу!

- Они вам дорого заплатили, товарищ Задорожный?

- Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

Председатель Ялтинского Совета донесет о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

- Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключенных. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я старый большевик. Я принадлежал к партии еще в то время, когда вы сидели в тюрьме за кражу.

- Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

- Убирайтесь к черту!

Молодой человек в кожаной куртке и таких же галифе, бывший представителем Ялтинского совдепа, пытался нередко обратиться с речью к севастопольским пулеметчикам, которых хотя и не было видно, но чье присутствие где-то на вершине стен он чувствовал. Он говорил об исторической необходимости бороться против контрреволюции, призывал их к чувству «пролетарской справедливости» и упоминал о неизбежности виселицы для всех изменников. Те молчали. Иногда они бросали в него камушками или же даже окурками».

Странно все это. Дисциплина у революционных «севастопольских пулеметчиков» поразительная. Суля по описанию Великого князя, речь идет о событиях марта 1918 года. А ведь севастопольский отряд состоит из тех же матросиков, что совсем недавно, 23 февраля того же года, резали в своем городе офицеров, а потом расстреливали татар в виноградниках. В декабре 1917-го эти же люди убивали своих флотских офицеров на Малаховом кургане. Они осатанели от крови и безнаказанности, привыкли убивать всех без разбора по своей прихоти, а тут в Дюльбере у них вдруг появляется поразительная дисциплина и невероятная выдержка. Товарищ из Ялты, топивший офицеров живыми в море, очень хочет расстрелять Романовых, а севастопольские матросы, офицеров стрелявшие и коловшие штыками, под угрозой «неизбежности виселицы для всех изменников» готовы их защищать. Что же с ними произошло, почему Романовы стали для этого отряда дороже и ближе таких же большевиков, как они сами?

Забавно получается: ни с того ни с сего разнузданные большевики в одночасье стали человечными и дисциплинированными. Выходит, что в Ялте большевики злые, а в Севастополе – добрые? По для того мы с вами и погружались в кровавый кошмар, творившийся во всем Крыму, чтобы убедиться, что все устанавливавшие там советскую власть товарищи были одинаково кровожадными палачами вне зависимости от города своей дислокации. Так откуда же в охваченном революцией Крыму берутся столь добрые и отзывчивые люди, как командир чудесного отряда матрос товарищ Задорожный?

Добрый невероятно, фантастически, настолько, что ради спасения нескольких членов семьи Романовых он и его люди готовы воевать со своими революционными братьями!

Ответ на этот вопрос дает сам Задорожный в мемуарах Великого князя: «Я получил приказ Советского правительства, – заявил он, – взять в свои руки управление всем этим районом»[150]. Обратите внимание – приказ не Севастопольско- го Совета, а нового правительства, Совнаркома. Глава Совнаркома Ленин – значит, приказ его. Ленинский посланец готов сражаться, готов стрелять по революционным ялтинским солдатам ради спасения жизни нескольких представителей царской фамилии. Вы о таком когда-либо слышали?

Непостижимо и другое: по всей стране развал и анархия, дисциплины нет даже в свежее испеченных частях Красной гвардии. Вся страна стонет от банд мародеров и бандитов, в которые превратилась большевизированная часть старой русской армии, демобилизованная и отправленная по домам. В том же Крыму – террор, анархия и никакой, абсолютно никакой дисциплины. И только в одном отряде в России порядок старый, добрый, дореволюционный. Это отряд революционных матросов охраняет не Ленина, не Троцкого, не съезд Советов... а нескольких Романовых. Совершенно случайно, разумеется. И конечно, только по прихоти случая в этой группе находятся:

- Великий князь Александр Михайлович Романов;
- вся его семья: жена Ксения Александровна родная сестра Николая II, его дети – сыновья и дочери (пять человек);
- Великий князь Николай Николаевич Романов бывший главнокомандующий русской армией, двоюродный брат Александра Михайловича. Спасен он (то есть арестован) не один, а со своей супругой Великой княгиней Анастасией Николаевной и ее сыном князем Сергеем Георгиевичем, герцогом Лейхтенбергским;
- его брат Великий князь Петр Николаевич со своей семьей;
- вдовствующая императрица Мария Федоровна, в молодости – датская принцесса Дагмар. Мать императора Николая II.

Вот за эту соль земли русской и готовы пожертвовать жизнью не гвардейские офицеры, не отпетые монархисты, а революционные матросы Севастопольского Совета? Вам это не кажется странным? Ведь если между большевиками есть хоть какая-то связь, если разные советы между собой разговаривают хотя бы по телефону, то за пять месяцев сидения Романовых в Дюльбере можно было выяснить между собой, кому их сподручнее расстрелять. Так нет, все ходят и ходят ялтинцы к имению, вместо того чтобы добиться в Севастополе одобрения на ликвидацию группы бывших правителей России. Значит, не дают добро в Севастополе, а почему? Что же можно ответить на «справедливое» требование ялтинских товарищей выдать им романовскую камарилью? Почему

севастопольцы такого приказа не дают, ведь командир отряда, охранявшего узников, отвечает однозначно: «Им возражал чрезвычайно красноречиво Задорожный, что каждому из его подчиненных было бы чрезвычайно лестно расстрелять Великого князя, но не ранее, чем Севастопольский Совет отдаст об этом приказ»[151].

Может, сидят в Севастопольском Совете добрые большевики, совесть у них проснулась неожиданно, и поэтому они злым ялтинцам отказывают? Свидетельства очевидцев говорят нам об обратном: нет между большевиками никакой географической разницы, все они одинаковые убийцы и насильники. Живут севастопольцы и ялтинцы душа в душу, вместе борются с мировой контрреволюцией путем бессудных казней, грабежей и насилий. Кто из них ужасней и кровавей еще надо считать и смотреть. И только в вопросе о нескольких членах династии Романовых получают у них коренные разногласия! Только при произнесении фамилии бывшего царя разглаживаются морщины на лбу севастопольских витязей революции, смягчается их стальное сердце и появляется в их каменных душах искра сострадания. Выходит, так?

Давайте вспомним, кто же в Севастополе главный большевик. Неужели он такой добрый, что всех остальных своей преступной добротой заразил? Нет, глава местных коммунистов – Юрий Петрович Гавен-Даумап, направленный Лениным в Севастополь. Иными словами, товарищ проверенный. Он-то и превратил за три месяца черноморских матросов в зверей. По делам своим товарищ Гавен злой, по словам Врангеля тоже, а в ситуации с «узниками Дюльбера» добряк первостатейный. Никак он не дает приказ товарищу Задорожному выдать Романовых ялтинским анархистам. А те просят постоянно! Но ведь пять месяцев просто так отмолчаться не удастся, иначе тебя самого «контрой» объявят, да с грузом на ногах отправят кормить черноморских рыб. Надо ялтинским товарищам ответ дать, да еще мотивированный. Должны в Севастополе ответить что-то типа «есть распоряжение от товарища Ленина беречь этих Романовых, потому и расстрелять их нельзя». Но ведь не может товарищ Ленин отдать такой приказ в Севастопольский Совет кому попало, открыто. Не поймет матросская вольница всех этих политесов, из повиновения выйдет. Такой приказ можно только тайно отдать товарищу проверенному, например тому же Гавелу, да вместе с распоряжением отправить его загодя в Севастополь с заданием устанавливать там советскую власть. А заодно ждать приезда отряда Задорожного и тянуть время, не допуская ни в коем случае расправы над Романовыми. Вся крымская эпопея Романовых продлится пять месяцев. От описываемых событий марта 1918-го потерпеть осталось совсем чуть-чуть. Почему? Потому, что в начале апреля 1918 года в Крым вступят немецкие войска, и Романовы будут спасены.

Давайте не будем забывать, что в это самое время товарищ Ленин, столь добрый для Александра Михайловича и его спутников, отдает приказы об аресте Михаила Романова, о высылке семьи Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург. Но они – наследники трона, а потому, как основные претенденты на престол, должны быть ликвидированы. Великий князь Александр Михайлович и старая мать императора Николая на трон не претендуют, поэтому могут и должны быть спасены. Тем временем жизнь в Дюльбере идет своим чередом. Живут Романовы и их «тюремщики» душа в душу. Великий князь Александр Михайлович помог охране наладить работу прожекторов, чтобы они могли его еще лучше стеречь. Не было такого взаимопонимания со своими охранниками ни у Николая Романова, ни у других членов его многочисленного семейства. Не надо удивляться – в нашем случае это ведь не тюремщики, а охрана! Она не столько не дает «заключенным» совершить побег, сколько спасает их от кровавой расправы. Великий

князь Александр Михайлович почти со своими «тюремщиками» крепко подружился, так крепко, что остальные Романовы даже удивлялись.

«Великий князь Николай Николаевич не мог понять, почему я вступал с Задорожным в бесконечные разговоры.

– Ты, кажется, – говорил мне Николай Николаевич, – думаешь, что можешь переменить взгляды этого человека. Достаточно одного слова его начальства, чтобы он пристрелил тебя и нас всех с превеликим удовольствием.

Это я и сам прекрасно понимал, но должен был сознаться, что в грубости манер нашего тюремщика, в его фанатической вере в революцию было что-то притягательное. Во всяком случае я предпочитал эту грубую прямооту двуличию комиссара Временного правительства. Каждый вечер, пред тем как идти ко сну, я полушутя задавал Задорожному один и тот же вопрос: «Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?»

Его обычное обещание не принимать никаких «решительных мер» до получения телеграммы с севера меня до известной степени успокаивало. По-видимому, моя доверчивость ему нравилась, и он спрашивал у меня часто совета в самых секретных делах. В дополнение к возведенным укрытиям для пулеметов я помог ему возвести еще несколько укреплений вокруг нашего дома, помогал ему составлять рапорты Севастопольскому Совету о поведении бывших Великих князей и их семейств и т.п.»[152]

Страна должна знать своих героев – незаслуженно забыто имя славного «матроса» Задорожного. Это уникальный человек. Это первый в советской истории борец за права человека. Да что там – скажем правду: это единственный большевик, готовый пожертвовать жизнью за своих классовых врагов. Ему памятник ставить надо, а фигурирует он только на страницах великокняжеских мемуаров...

Воспоминания Великого князя настолько хороши, что их почти даже не надо комментировать. Все настолько очевидно и настолько же невероятно. Сама фигура командира отряда покрыта ореолом таинственности: единственное, что о нем можно найти, это всего один малозначащий факт его биографии. В прошлом Задорожный якобы писарь Харитоновского сахарного завода Харьковской губернии. Такое полнейшее отсутствие информации наводит на странные мысли: ни спасенные Романовы ничего о нем узнать не пытаются, ни архивы большевиков ничего не говорят. Так и хочется назвать Задорожного чекистом, но вот беда – ЧК создается в декабре 1917 года, значительно позже того ноябрьского утра, когда он приступил к выполнению своей миссии. Однако чувствуется в товарище Задорожном непростая закалка – писарю Харитоновского завода такая задача явно не по плечу. Но если не ЧК – то кто же мог повернуть такую блестящую операцию и почти полгода, рискуя жизнью, дурить голову ялтинским товарищам? Большевистской спецслужбы еще нет, а в операции «Дюльбер» чувствуется четкая организация и холодный расчет. Вчерашним революционерам и ссыльным каторжанам такого не организовать.

Вывод этот подтверждается очень легко. Представим себе на минуту, что Владимир Ильич Ленин поручил бы охрану важного пролетарского объекта «Дюльбер» местным товарищам, ялтинским или севастопольским, не важно. Тогда берегли бы их революционеры так, как они это умеют. Привезли бы самых сознательных матросов, пригласили политически грамотных рабочих с окрестных заводов. Провели бы с ними беседу и разъяснили, как важно для партии, чтобы ни один волос с головы заключенных не упал, потому что ждет их суровый пролетарский суд и заслуженное возмездие. Прониклись бы все товарищи важностью задачи и приступили бы к ее выполнению. Как они это умеют: семечки бы лужали, на часах на табуреточках сидели. И разговаривали бы с охраняемой «контрой» жестко и без излишнего пиетета. А зачем? Пусть спасибо скажут, что не расстреляли!

Генерал Врангель тоже слышал о живущих поблизости от Ялты Романовых: «Императрица Мария Федоровна и прочие Члены Императорской Фамилии были все поселены в имении Великого князя Петра Николаевича Дюльбер, где жили под охраной матросов. К ним, конечно, никого не допускали, хотя в марте молодой княгине Юсуповой удалось добиться разрешения видеть мать свою Великую княгиню Ксению Александровну и бабушку свою Императрицу Марию Федоровну. Юсуповы жили вблизи от нас, и мы часто с ними виделись. От них мы узнали, что команда, охраняющая Императрицу и Великих князей, относилась к ним с полным уважением и большой внимательностью. Начальник команды, матрос Черноморского флота, проявлял подчас совершенно трогательное отношение к заключенным. По приходу в Крым немцев то же самое подтвердили мне Великий князь Александр Михайлович и Великая княгиня Ксения Александровна»[153].

Прав Врангель – отношение поистине трогательное. Разрешены свидания, командир Задорожный полон уважения и внимательности. А вокруг в Ялте, Севастополе, Симферополе – аресты, расстрелы, грабежи и убийства. Сам Врангель, как приплывут в Ялту матросы-севастопольцы, прячется у друзей, а в Дюльбере – все хорошо и спокойно. Прямо оазис благополучия в бушующем революционном море, причем благодать распространяется не только на территорию самого поместья Дюльбер, но и на окрестные дома. С Романовыми по соседству, в своем имении Кореиз, живут Феликс Юсупов и его жена.

Именно поэтому уверен я, что приехал столь странный отряд товарища Задорожного из Петрограда, а не был набран на месте. Слишком велика ответственность, слишком велика ставка. Наберешь в Севастополе убийц, так чем же они будут отличаться от своих других местных коллег? Разве захотят своей жизнью во имя странного задания пожертвовать? Ведь если возьмешь местных в охрану, то получится, что нападающие и охрана знакомы лично, как тогда спасешь Великих князей от расстрела? Нет, отряд такой надо в Петрограде набирать, однако и там с кадрами проблема. По всей стране дисциплина стала никудышная, и каждый по-своему трактует понятие революционной необходимости. Хаос везде. После Октябрьского переворота в Петрограде погромы винных складов. Чтобы остановить безобразие, большевики посылают отряд за отрядом, но они вместо прекращения бесчинств напиваются в стельку вместе с погромщиками. Приходится объявить за погромы расстрел, а в иных погребках, находящихся в подвалах Зимнего дворца, установить пулеметы. Но и после этого бардак закончился только тогда, когда закончилось само вино.

Все это для Дюльбера не годится. Дисциплина, осознание важности задачи и приказ – вот три кита, на которых держится загадочный отряд комиссара Задорожного. Готовясь к серьезной обороне имения, он даже в мыслях не думает передать Романовых ялтинским, севастопольским или каким угодно другим палачам. Он ждет «телеграммы с севера», а отнюдь не распоряжения Севастопольского Совета, как заявляет местным большевикам. Он имеет приказ из Петрограда и выполняет его. Приказ этот от самого товарища Ленина: любой ценой спасти Романовых. Даже ценой собственной жизни. Для такого задания и люди нужны особые. Где же Ильичу их взять? Кроме, как в Петрограде, нигде. Если же мы примем версию о «петроградском» происхождении отряда товарища Задорожного, то получается весьма интересная картина. Великий князь Александр Михайлович указывает нам месяц появления отряда Задорожного в Крыму: «... Севастопольский Совет располагал в ноябре 1917 года хорошо защищенной крепостью». Итак, прибыли ребята в Крым в ноябре.

«События последующих пяти месяцев подтвердили справедливость опасений новых тюремщиков», – вновь указывает далее Великий князь. Значит, закончилась эпопея в апреле 1918 года. Проверить это легко – окончанием интересующих нас событий стало вступление в Крым немецкой армии, а это действительно случилось в первых числах апреля 1918-го. С другой стороны, большевистский переворот произошел 25 октября. Итак, проведем элементарный подсчет: начало апреля минус пять месяцев – это начало ноября. Отнимем еще дня четыре-пять на дорогу, и получается у нас удивительная картина. Не просто в ноябре, а в начале ноября 1917 года (но новому стилю!) Ленин отправляет в Крым товарища Задорожного с тайной миссией! Через несколько дней после Октябрьского переворота!

Единственная задача его отборного отряда – это спасение членов семьи Романовых, не являющихся наследниками престола. И являющихся родственниками английских монархов[154]. Ильич отправляет в Крым невероятно сознательных «товарищей» в тот момент, когда все кругом дают его правительству срок жизни максимум две недели. В тот момент, когда он разрывается между всевозможными съездами и выступлениями, когда советская власть только начинает свое распространение по стране. Когда каждый верный человек, а уж тем более отряд на счету. А Владимир Ильич направляет Задорожного в Крым, где большевики у власти пока не находятся и где его отряд совсем и не будет устанавливать рабоче-крестьянскую власть, потому что будет безвылазно заниматься охраной Великих князей?

Что, других забот у Ильича в первые, самые сложные дни нет, кроме как организовать охрану некоторых членов венценосной семьи? Ау, историки! Как вы нам объясняете казнь семьи Николая II? Мсть Ленина за брата? Хотел всех Романовых извести? Кровавый маньяк был Владимир Ильич? Все это пустышки, призванные прикрыть суть. История чудесного спасения Лениным и Задорожным членов семьи Романовых может открыть нам глаза и на всю революцию целиком. Вот живет рядом с Дюльбером в своем имении Кореиз жена Феликса Юсупова – Ирина Александровна Романова-Юсупова. Между прочим, внучка Александра III. Этот русский император когда-то повесил родного брата Владимира Ильича Ленина – Александра Ульянова[155]. Многие историки казнь всей семьи Николая II объясняют простой личной мстью пролетарского вождя убийце своего брата. Но вот в Крыму еще одна внучка императора спокойно живет, и никто ее убивать не собирается. Да что там внучка – в Дюльбере живут жена и дочь Александра III, и их по

приказу Ленина спасают от расправы! Где же знаменитая ленинская логика? Ее нет и в помине, зато хоть отбавляй не менее знаменитой ленинской гибкости. Вот только вопрос, кто же заставил Ильича, проявляя ее, спасать своих «кровных» врагов?!

Только организаторы нашей революции могли обязать Ленина спасти тех, перед кем они сами имеют определенные обязательства. Ситуация у Ленина традиционная – надо выполнить договоренности и Романовых спасти. Только объяснить, почему это делается, никому нельзя: ни Севастопольскому, ни Ялтинскому Совету, ни даже товарищам из Совета народных комиссаров. Можно найти только одного умного и честного человека и поручить это дело ему, просто потому, что уверен в его беззаветной преданности. Фамилия этого верного большевика – Задорожный. Он и будет обеспечивать организационную часть задания: беседовать с разными «товарищами» и улаживать все конфликты. Он говорит ими на одном языке и для крымских большевиков является своим.

Но проблема для Ленина в другом. Из кого набирать отряд? Одного вменяемого исполнителя найти можно, но где взять двадцать-тридцать дисциплинированных и преданных одной идее революционных матросов и солдат? Особенно если эта идея – спасение матери, сестры, дяди, племянницы ненавистного свергнутого монарха. Здесь на помощь Ильичу приходят «союзники». Вместе с заданием спасти Романовых пролетарский вождь и получает от них инструмент для его выполнения – специальный отряд «революционных» матросов. Только «союзные» спецслужбы были способны в условиях всеобщего развала провести успешную операцию по спасению Романовых. Не всех Романовых, не царской семьи, а только тех Романовых, кто нужен был англичанам и французам живым. Семья бывшего императора и его несчастный брат Михаил были милее нашим «союзникам» в виде трупов, поэтому их никто и не спасал. Только во власти западных спецслужб было создать спаянный поистине железной дисциплиной отряд, из состава которого все переговоры с внешним миром будет вести только один человек – Задорожный. Потому что именно он является единственным настоящим большевиком!

Вы можете себе представить революционного матроса образца 1917–1918 годов: весь в пулеметных лентах, лицо недоброе, чуть что – хватается за оружие. Среди них большая доля анархистов, которые вообще никакой власти не признают. И вот их какой-то «молодой человек» обзывает изменниками революции и грозит виселицей. Я, слава богу, живьем «революционных матросов» не видел, но мне кажется, что рсак ция на слова представителя Ялтинского Совета должна была быть в их рядах бурной. Его наверняка обозвали бы самого предателем в ответ и стопроцентно послали бы по-русски куда подальше. А то и спустились бы вниз разобраться, кого эта штатская гнида назвала предателем. Или гранату бы сверху бросили. Но так будет, только если в отряде Задорожного настоящие «братишки» и «товарищи»...

Напрасно представитель Ялтинского Совета сотрясал воздух. Молчат товарищи «севастопольские пулеметчики», только камушками в обидчиков кидают да окурками. Потому что они псе вовсе не те, за кого себя выдают. Отсюда и реакция их другая. Матросы отряда товарища Задорожного просто... говорят по-русски с сильным английским акцентом, а то и не говорят вовсе!

Похоже, что эта часть удивительно дисциплинированной охраны была укомплектована сотрудниками западных спецслужб. Поэтому и не посылали они никуда молодого человека из Ялтинского Совета, не дискутировали с ним и не били ему морду. Если я хочу прослыть американцем, не зная английского языка, то в ответ на какие-либо претензии мне надо молчать и молчать, ну разве что-нибудь в противника бросить. Вторая часть отряда – русские. Нельзя набрать «революционный» отряд из одних иностранцев – это будет слишком заметно.

А дисциплина «русской» части отряда не хуже, чем ее «английской» и «французской» составляющих. Поскольку же добрых большевиков и добрых революционных матросов мы с вами нигде в то время не видели, вывод напрашивается весьма интересный: в отряде этом вообще большевиков, кроме Задорожного, не было! Все его русские участники – это офицеры- монархисты. Поэтому и кажется логичным, что отряд в готовом виде прибыл из Петрограда, где свое гнездо все «союзные» разведки свили, где находится масса их коллег из русских спецслужб и других преданных династии людей. Их можно найти, разыскать и быстро укомплектовать отряд: 20–30 человек с «железобетонным» мандатом лично от товарища Ленина. Русские офицеры согласятся, «союзные» будут выполнять приказ. Только они могут быть так дисциплинированы: англичане – выполняя тайное задание своего правительства, а русские – спасая жизни невинным Романовым. В конце концов и миссия благородная: спасать людей, а не убивать их.

К выводу об иностранном участии приходишь, продолжая анализировать и тот уровень охраны, который был достигнут отрядом Задорожного в Дюльбере. Можно смело сказать: в 1917–1918 годах в Советской России никого так не охраняли. Ни Смольный, ни Кремль, ни Ленина, ни Троцкого. Никого, кроме Великого князя Александра Михайловича и его спутников! После большевистского переворота в стране апатия, охраны у новых руководителей страны почти никакой. Разболтанность редкая, обычно она длится до первого прокола. И вот в середине января 1918 года на Ленина совершено первое покушение. Он едет в машине со своей сестрой, организатором «пломбированного вагона» Фрицем Платтенем и водителем[156]. Раздаются выстрелы – Ильич легко ранен в руку. Нет ни телохранителей, ни сопровождения Никого. Даже после этого выводов никто не делает, поэтому в июне 1918-го застрелят Володарского, а затем в августе Урицкого и вновь ранят Ильича, на этот раз очень тяжело.

Здание ЧК, где застрелят ее питерского главу Соломона Урицкого, толком не охраняют, сам же Ленин ездит выступать вовсе без охраны, даже когда эсеровские террористы уже начали отстреливать большевиков. Для того и нужны «союзные» представители в отряде, чтобы поднять дело охраны имени Дюльбер на «импортную», недоступную уже рухнувшей России высоту. Романовы обеспечены самой вежливой, самой толковой и самой дисциплинированной охраной в стране. Но не всех представителей царского дома так берегут, а только нужных. Семью Николая II охраняют невоспитанные хамы, ворующие у домочадцев бывшего императора вещи, а в Крыму, по словам барона Врангеля, «команда, охраняющая Императрицу и Великих князей, относилась к ним с полным уважением и большой внимательностью».

А дальше... дальше, согласно всем канонам драматического жанра, в истории Романовых наступает кульминация.

«Около полуночи Задорожный постучал в дверь нашей спальни и вызвал меня. Он говорил грубым шепотом:

- Мы в затруднительном положении. Давайте обсудим, что нам делать. Ялтинская банда его-таки пристрелила...

- Кого? Орлова?

- Нет... Орлов спит в своей постели. С ним все обстоит благополучно. Они расстреляли того болтуна. Как он и говорил, они потеряли терпение, когда он явился с пустыми руками, и они его пристрелили по дороге в Ялту. Только что звонил по телефону Севастополь и велел готовиться к нападению. Они высылают к нам пять грузовиков с солдатами, но Ялта находится отсюда ближе, чем Севастополь. Пулеметов я не боюсь, но что мы будем делать, если ялтинцы пришлют артиллерию. Лучше не ложитесь и будьте ко всему готовы. Если нам придется туго, вы сможете по крайней мере хоть заряжать винтовки.

Я не мог сдержать улыбки. Моя жена оказалась права.

- Я понимаю, что все это выглядит довольно странно, – добавил Задорожный, – но я хотел бы, чтобы вы уцелели до утра. Если это удастся, вы будете спасены.

- Что вы хотите этим сказать? Разве правительство решило нас освободить?

- Не задавайте мне вопросов. Будьте готовы, – он быстро удалился, оставив меня совершенно озадаченным»[157].

Итак, ялтинские большевики, обозленные «хамством» Задорожного, невнятными объяснениями Москвы и непонятной позицией Севастополя, решают действовать и напасть на Дюльбер. Причина для такого радикального образа действий проста – к Ялте приближаются немецкие войска. Пленники могут ускользнуть. Именно такая же причина – приближение белочехов – будет через три месяца официальным предлогом для уничтожения Николая Романова и его семьи. Расстрел всех «дюльберовских» Романовых под таким же предлогом был бы идеальным вариантом. Ялтинские большевики именно такой вариант ликвидации «при попытке к бегству» Москве и предлагают. Но положительного ответа явно не получают либо получают нечто, что с их точки зрения есть настоящее предательство дела революции. Поэтому ялтинские товарищи решают атаковать изменнический отряд «большевика» Задорожного. Он же в свою очередь готов защищать своих пленных до последней капли крови. Это очень важный момент. Раньше дело не шло далее разговоров с мальчиком в галифе из Ялтинского Совета, но теперь предстоит реальное столкновение мнимых революционных матросов с настоящими. Это настолько необычное явление, что даже Великий князь Александр Михайлович не знает, как его описать правильно. Так, чтобы истинная подоплека событий не всплыла между

строк его мемуаров. Поэтому на страницах своего произведения Великий князь «засыпает». «Пробуждается» он, когда все уже кончено, все дальнейшие события пропустив:

«Когда я вновь открыл глаза, я увидел Задорожного. Он стоял предо мной и тряс меня за плечо. Широкая улыбка играла на его лице.

- Который сейчас час, Задорожный? Сколько минут я спал?

- Минут? – он весело рассмеялся. – Вы хотите сказать часов! Теперь четыре часа. Севастопольские грузовики только что въехали сюда с пулеметами и вооруженной охраной.

- Ничего не понимаю... Те из Ялты – должны быть здесь уже давным-давно? Если...

- Если... что? Он покачал головой и бросился к воротам. В шесть часов утра зазвонил телефон. Я услышал громкий голос Задорожного, который взволнованно говорил: «Да, да... Я сделаю, как вы прикажете...» Он вышел снова на веранду. Впервые за эти пять месяцев я видел, что он растерялся.

- Ваше Императорское Высочество, – сказал он, опустив глаза, – немецкий генерал прибудет сюда через час.

- Немецкий генерал? Вы с ума сошли, Задорожный. Что случилось?

- Пока еще ничего, – медленно ответил он, – но я боюсь, что если вы не примете меня под свою защиту, то что-то случится со мною.

- Как могу я вас защищать? Я вами арестован.

- Вы свободны. Два часа тому назад немцы заняли Ялту. Они только что звонили сюда и грозили меня повесить, если с вами что-нибудь случится.

Моя жена впиалась в него глазами. Ей казалось, что Задорожный спятил с ума.

- Слушайте, Задорожный, не говорите глупостей! Немцы находятся еще в тысяче верст от Крыма.

Мне удалось сохранить в тайне от вас передвижение немецких войск. Немцы захватили Киев еще в прошлом месяце и с тех пор делали ежедневно на восток от 20 до 30 верст. Но, ради Бога, Ваше Императорское Высочество, не забывайте того, что я не причинил вам никаких ненужных страданий! Я исполнял только приказы!

Было бесконечно трогательно видеть, как этот великан дрожал при приближении немцев и молил меня о защите.

- Не волнуйтесь, Задорожный, – сказал я, похлопывая его по плечу. – Вы очень хорошо относились ко мне. Я против вас ничего не имею.

- А Их Высочества Великие князья Николай и Петр Николаевич?

Мы оба рассмеялись, и затем моя жена успокоила Задорожного, обещав, что ни один из старших Великих князей не будет на него жаловаться немцам»[158].

Можно понять беспокойство Задорожного именно за свою судьбу. За весь отряд его комиссарское сердце не болит. Оттого он так обеспокоен своей судьбой, что, похоже, действительно является единственным большевиком в своем странном отряде. Того и гляди, не разобравшись, немцы, насмотревшиеся в Крыму на художества революционных матросов, возьмут и повесят. Ведь германские водолазы еще долго будут подымать из глубины трупы заживо утопленных офицеров, которые с камнями на ногах СТОЯЛИ жуткими рядами у берегов крымских городов...

Где вы видели большевистского комиссара, счастливого от осознания того, что Великие князья им довольны? Да комиссара не простого, а личного посланца Ильича. Но как раз поэтому Задорожный и может честно смотреть в глаза Ленину: он достойно выполнил свое задание. Прибытие же именно немецких войск нас смущать не должно – британских и французских войск просто поблизости нет и быть не может. Они появятся на Юге России лишь практически через год. Поэтому честь спасения Романовых возлагается на немцев. Благо почти все сидящие в Дюльбере – дальние или ближние родственники еще и... кайзера.

Дальше происходит чрезвычайно трогательная сцена. То ли Задорожный раскрывает перед пленниками карты, то ли Великий князь Александр Михайлович уже догадался, что за отряд его опекает. Поэтому вопреки всякой логике он просит у германских властей, чтобы именно эти люди и продолжали его охранять! Ведь именно Задорожный и его люди будут стоять за Великого князя насмерть. Таков их приказ, их тайная миссия. Немецкие командиры этого знать не могут и не должны, поэтому их изумлению от просьбы Романова нет пределов. Обратите внимание, что впервые за весь рассказ не автор этой книги, а сам Великий князь Александр Михайлович берет слово «революционные» в кавычки! Это его оговорка. По Фрейду.

«Ровно в семь часов в Дюльбер прибыл немецкий генерал. Я никогда не забуду его изумления, когда я попросил его оставить весь отряд «революционных» матросов, во главе с Задорожным, для охраны Дюльбера и Ай-Тодора. Он, вероятно, решил, что я сошел с ума. «Но ведь это же совершенно невозможно!» – воскликнул он по-немецки, по-видимому возмущенный этой нелогичностью. Неужели я не сознавал, что Император Вильгельм II и мой племянник Кронпринц никогда не простят ему его разрешения оставить на свободе и около родственников Его Величества этих «ужасных убийц»? Я должен был дать ему слово, что я специально напишу об этом его Шефам и беру всецело на свою ответственность эту «безумную идею». И даже после этого генерал продолжал бормотать что-то об «этих русских фантастах»»[159].

Барон Врангель полностью подтверждает эти слова, с одной только разницей, что отказ от германской охраны оговаривает не Александр Михайлович, а Великий князь Николай Николаевич. Обусловлена столь странная привязанность к «революционным матросам» пикантностью ситуации, когда бывшего русского главнокомандующего не могут охранять германцы: «На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили Великого князя Николая Николаевича в имении Дюльбер, где находились все Члены Императорской Семьи. Великий князь Николай Николаевич через состоящего при Нем генерала барона Сталя передал прибывшим, что, если они желают видеть Его, как военнопленного, то Он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд есть простой визит, то Он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит Великим князем, и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что Великий князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной Его охране. Барон Сталь, по поручению Великого князя, передал, что Великий князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать»[160].

Бедный немецкий генерал – он так и останется в недоумении. Да и сам Врангель не обращает внимания на удивительную ситуацию, когда описанные им же матросы «с наглыми, зверскими лицами» показали себя с самой лучшей стороны в деле охраны столь высокопоставленных особ.

Однако давайте пожалеем и советских историков, которым надо было хоть как-то объяснить эти чудеса. Чтобы выполнить эту нелегкую задачу, они выбрали три способа.

Первый – самый простой, вообще ничего не объяснять, пропуская практически всю историю. Совсем недавно в Петербурге были перезахоронены останки вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Вопрос о том, как удалось ей выбраться из охваченной смутой России, обойти было нельзя. Так вот отовсюду звучала именно такая «куцая» версия: Романовы были арестованы и сосланы в Крым, там они жили под арестом, потом пришли немцы, и арестанты спаслись.

Второй метод гоже не блещет оригинальностью: все произошедшее списывается на непредсказуемость революционного времени. Мол, революция – это стихия, а значит, все возможно, все может случиться. Вот Николаю II не повезло, а пленникам Дюльбера удача

улыбнулась. О том, что «удача» уж очень выборочна и хорошо организована, разумеется, ни слова.

Третий способ сокрытия истины по сравнению с первыми двумя более прогрессивен, но и он не выдерживает самой поверхностной критики. Он, как и два первых, рассчитан на тех, кто мемуаров Великого князя не читал, а если и читал, то ничего особенного в них не заметил. Объяснение в третьем случае такое: в Севастопольском Совете заседали летчики, выпускники летной школы, организованной ранее Великим князем Александром Михайловичем. Они, мол, и тянули резину пять месяцев, спасая Романовых. Недаром Задорожный, представляясь при самом своем первом появлении, говорит: «Я служил в 1916 году в вашей авиационной школе». Отсюда и строят свои выводы горе-историки.

Хорошо, пусть Севастопольский Совет, состоявший в действительности в подавляющем большинстве из моряков, почему-то оказался оккупированным многочисленными летчиками. Пускай и ленинский эмиссар Юрий Петрович Гавен-Дауман оказался яростным поклонником небесной стихии. Допустим даже, что весь странный отряд товарища Задорожного состоял исключительно из авиаторов, но и тогда такое предположение ничего нам не объясняет. Ведь все свои решения надо севастопольцам согласовывать с Москвой. Ведь ждет Задорожный «телеграмм с севера», а Ялтинский Совет постоянно общается с Совнаркомом, с ленинским правительством. Там что, тоже летчики собрались? Чем же Ильичу и Троцкому, Свердлову и Урицкому так дорог Великий князь Александр Михайлович, а с ним и часть (а не все!) Романовых, что именно для них (даже не для себя!) в разоренной России устраивается маленький оазис старого доброго царского времени с вежливыми охранниками и хорошим питанием?

Тут закономерен вопрос: почему же англичане спасли не только старую императрицу, но и еще нескольких представителей семьи Романовых? Есть ответ на этот вопрос. Хаос, войну и анархию можно в России тщательно выращивать и поддерживать, но к чему все это в итоге приведет заранее не может знать никто. Закончится Гражданская война распадом на десятки «демократических» и «суверенных» республик или же в невероятном напряжении наша страна сохранит свое основное ядро – заранее неизвестно. При определенных обстоятельствах для англичан может стать выгодным возрождение русской монархии. Но не той мощной империи, что была ранее, а урезанной, во главе с зависимым несамостоятельным персонажем. Поэтому надо иметь в запасе тех, кто при определенном раскладе может занять вакантный русский трон: несколько Романовых надо оставить в живых. Когда же вы будете решать – кого, тогда главным критерием выбора будет предсказуемость и покладистость рассматриваемой личности. Вместе с ними, естественно, спасались и члены их семей и те из родственников, кто оказался рядом. Возможно, были и другие мотивы, почему именно эти представители рода Романовых были спасены. Ведь в те же дни решалась и участь семьи Николая II. Шансов спастись у бывшего русского императора и его невинных детей не было. Для них английской разведкой планировалась могильная плита в виде бочки с серной кислотой или безымянной канавы...

Вся операция по спасению удалась потому, что из Смольного, а затем и Кремля ее прикрывал Ленин. Он безусловно знал, зачем британцы опекают некоторых членов романовской семьи, но это его не пугало. История подтвердила его правоту: спасенные Великие князья так «союзникам» и не пригодились. Монархию было решено не реставрировать. Зато своим поведением Ильич вновь продемонстрировал организаторам

русской революции свою гибкость. С ним можно иметь дело даже в самых пикантных и невероятных ситуациях. Он нужен, он необходим. Опять обратимся к датам – честный большевик Задорожный встречал немцев на пороге дворца в Дюльберге в апреле 1918 года. В это самое время Ленин вовсю говорит в своих работах о бескровной победе революции в России.

Но дело свое, с точки зрения англичан, Владимир Ильич уже сделал. И вот уже в мае 1918 года следует мятеж чехословаков, начинается Гражданская война. Потом в середине июля расстреляют царскую семью. И только в августе 1918 года последует первое серьезное покушение на самого Ленина.

Для полноты картины нам надо еще получить представление, как подыграл «союзникам» в деле спасения нужной части Романовых незабвенный Александр Федорович Керенский. Февральский переворот Великий князь Александр Михайлович встретил в Киеве, так как с 1916 года он был назначен командующим авиацией Южного фронта русской армии, а в этом городе был дислоцирован ее штаб. Революция поначалу была вовсе нестрашной. Однако потом, словно по команде, тон прессы резко поменялся. Началась кампания по дискредитации русского государства путем поливания грязью его многовековой опоры правящей династии. Теперь Романовых в прессе не именовали иначе как «врагами народа». Выходит, что и это словечко, как и «комиссар», придумали отнюдь не большевики, а их «демократические» предшественники.

Тучи тем временем потихоньку сгущались надо всем домом Романовых: сначала Петроградский Совет потребовал ареста всех без исключения членов Российского императорского дома, в том числе и вдовствующей императрицы. Однако Временное правительство Марию Федоровну не арестовало, но ограничило ее возможности к перемещению. Жена покойного Александра III была по национальности датчанкой. Поэтому за нее активно хлопотал датский королевский двор и посланник Дании в России Скавениус. Хлопоты датчан сделали свое дело: 10 (23) сентября 1917 года, в самом конце собственного существования, правительство Керенского дает принципиальное разрешение на выезд вдовствующей императрицы в Данию. Но дальше пустых слов дело не пошло, а после Октября и спросить за это стало уже не с кого. Мария Федоровна так и застряла в своей охваченной хаосом империи.

Желающим спастись в наступившем лихолетье пора было уже задуматься о своих будущих действиях. Великий князь пишет об этом так: «Вернувшись из Ставки, я должен был подумать о моей семье, состоявшей в то время из Императрицы Марии Федоровны, моей жены Великой княгини Ксении Александровны, моей невестки – Великой княгини Ольги Александровны, моих шестерых сыновей и мужа Ольги Александровны. Куликовского. Моя дочь Ирина и ее муж – князь Юсупов, высланный в свое имение близ Курска за участие в убийстве Распутина, присоединились к нам в Крыму немного позднее...»[161]

В хаосе революции место пребывания играет решающую роль. Для будущего спасения надо вовремя оказаться в нужном месте, так же как и для будущей гибели надо отправиться к месту своей будущей безвременной кончины. Великий князь Александр Михайлович безошибочно выбирает единственное спасительное направление. Вернее

сказать – ему его подсказывают. Тех, чьи советы спасут жизнь ему и его близким, «дядя Сандро» скромно именует «своими бывшими подчиненными»[162].

Какое все таки невероятное количество летчиков было в царской России! Толпы авиаторов в недалеком будущем заполнят собой черноморские Советы, а пока они плотно оккупировали штабы императорской армии. Они просто везде, эти «летчики», они всегда оказываются в самых ключевых точках судьбы Великого князя. Они готовы помогать ему ценой собственной жизни и всегда дают правильные советы. Им с высоты птичьего полета все видеть.

«Мои бывшие подчиненные навещали меня каждое утро и просили уехать в наше крымское имение, пока еще можно было получить разрешение на это от Временного правительства. Приходили слухи, что Император Николай II и вся Царская семья будет выслана в Сибирь, хотя в марте ему и были даны гарантии, что ему будет предоставлен выбор между пребыванием в Англии или же в Крыму»[163], – пишет Александр Михайлович.

Помните, как мотивирует Керенский перевозку семьи Николая в Тобольск, как он объясняет отказ бывшему царю отправиться в Крым: для безопасности бывшего царя. А «бывшие подчиненные» Великого князя точно знают, что Керенский отказывает в поездке к теплему морю ТОЛЬКО свергнутому монарху, а Александру Михайловичу Романову он свое разрешение даст. Надо только попросить, причем сейчас, немедленно. «Дядя Сандро» просит – и с семьей направится в небезопасный Крым, а Николай II, который попросит о том же, будет отправлен со своими домочадцами в Сибирь. Снова развилочка: кому за границу, а кому и на тот свет.

И снова мы видим «чудеса»: Советы, которые, по словам Керенского, так хотели арестовать бывшего монарха и противились его отъезду, в случае с «врагом народа» Александром Михайловичем Романовым не возражают против его отъезда. Временное правительство через своего комиссара передает приказ Александру Михайловичу немедленно отправиться в Крым вместе с членами его семьи. Местный Совет одобряет это решение, так как считает, что «пребывание врагов народа так близко от фронта представляет собой большую опасность для революционной России». Что и говорить, прав Совет: все Романовы ужасно опасны, поэтому и высылают их одинаково далеко от фронта. Кого в Крым, а кого в Сибирь...

Говоря о Великом князе Александре Михайловиче и его чудесном спасении, нельзя не вспомнить и трех его родных братьев. Старший Николай Михайлович, обладатель желчного характера, считал себя республиканцем и демократом. Феликс Юсупов так описывает его: «... совмещал удивительные противоречия в своем характере. Ученый-историк, человек большого ума и независимой мысли... по своим политическим воззрениям был крайне либеральным человеком. В самой резкой форме высказывая критику тогдашнего положения вещей, он даже пострадал за свои суждения и на время был выслан из Петербурга в свое имение Грушевку в Херсонской губернии»[164].

Имея возможность использовать семейный архив дома Романовых, этот венценосный экстремист издал несколько трудов об эпохе Александра I, чем сделал себе имя как историк. После Февраля, окончательно забыв совесть и совершенно не понимая дальнейшего хода событий, предлагал Керенскому свои личные средства на памятник декабристам. Великий князь Николай Михайлович Романов, несмотря на паевое увлечение историей, видимо, забыл, что декабристы собирались иод корень вырезать всех членов династии. Возможно, он вспомнит об этом чуть позже. Когда его вместе с другим братом, Георгием Михайловичем, известным коллекционером-нумизматом, поведут на расстрел ранним январским утром 1919 года новые декабристы – большевики.

Да, да, именно за этого горе-историка и пришел к Ленину замолвить слово Максим Горький. Странная это была семья: одного брата Ленин настойчиво спасает, двух других братьев нашего мемуариста расстреливает в Петропавловской крепости. А еще один – Великий князь Сергей Михайлович – надае простреленной головой на дно шахты в Алапаевске. Он тоже был приверженцем республиканского строя и после Февральской революции даже был недоволен, что семью отрекшегося императора «недостаточно надежно охраняют». Что ж – его самого большевики охраняли отлично...

Зря пролетарские историки не рассказывали нам о столь разной судьбе братьев Александра и Николая Михайловичей. Потому что это еще одно доказательство невероятной, фантастической гибкости Ильича. Если попросят «нужные» для революции господа, он готов даже членов семьи тирана спасать и охранять, когда необходимость в этом отпадает – не пожалеет родных братьев с таким трудом спасенного им человека. Нет никаких догм, никакой морали – только голая целесообразность. Именно с таким настроением и выигрываются войны, и делаются революции...

Но это будет позже. Для узников Дюльбера все мытарства закончились с приходом немцев. Пройдет полгода, и германские войска покинут Крым, так как их Родина Первую мировую войну проиграла. 24 ноября 1918 года на Севастопольском рейде появились британские боевые корабли. Правда, снова англичане проявили «широту» своей души: спасти они собирались не всех, а только тех, кто находился под охраной комиссара Задорожного, то есть вдовствующую императрицу Марию Федоровну и всех ее домочадцев. Старая царица проявила благородство и отказалась ночью тайком бежать из своей бывшей империи. Она потребовала, чтобы вместе с ней были вывезены и все ее друзья, знакомые и слуги, разделявшие с Марией Федоровной ее тяготы и невзгоды. Скрепя сердце британцам пришлось согласиться, правда, подготовка к отплытию заняла у них почему-то пять месяцев.

Вдовствующая русская императрица 8 мая 1919 года прибыла в Лондон, где была тепло встречена своей сестрой, королевой Анной и ее сыном, британским монархом Георгом V. Английский монарх щедро одаривал тетушку знаками своего внимания, оплачивал ее счета и, конечно, ни словом не обмолвился о том, что именно его отказ предоставить убежище погубил жизнь детям и внукам Марии Федоровны. Да и ласка эта была небескорыстна, как и весь план сокрушения могучей России. Все дело... в шкатулке с драгоценностями, где бывшая русская царица хранила одну из лучших в мире коллекций бесценных украшений. Британцы знали, что Мария Федоровна умудрилась вывезти ее из России. Датчанка по происхождению, бывшая русская императрица поселилась в Копенгагене. Сразу после ее смерти, 13 октября 1928 года, из Лондона в датскую столицу

немедленно направился специальный посланник – Барк, последний министр финансов царской России. Он сумел уговорить дочерей императрицы передать драгоценности ему для хранения их в Великобритании.

Еще тело Марии Федоровны не было погребено, а ее шкатулка уже торопливо вывозилась в Англию. Ценности эти и сейчас можно в дни больших праздников видеть на членах британского королевского дома. Это овальная бриллиантовая брошь с бриллиантовой застежкой, принадлежащая ныне принцессе Кентской; бриллиантовая тиара V-образной формы с уникальным сапфиром в центре, которая принадлежит Елизавете II, и многие другие ценности. Их несколько десятков. Но не подумайте ничего дурного, они не были украдены или присвоены – английские монархи купили их у наследников царицы. Вопрос только – за какую цену и насколько она была адекватной самим сокровищам...

Романовы и Юсуповы покидали охваченную Гражданской войной страну, где когда-то ее первый император Петр I правильно понял механизм и суть имперской мощи. Первым камнем в фундаменте будущего Российского государства стал маленький ботик царя Петра. Вскоре могучий русский флот стал надежной защитой родным берегам. Мало начать в России смуту, мало убить ее монархов. Для уничтожения Российской империи англичанам надо было обязательно ликвидировать основу военной мощи любой страны – ее флот.

Началась охота за русскими кораблями...

ГЛАВА 7 ПОЧЕМУ ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ УТОПИЛИ РУССКИЙ ФЛОТ

У России только два союзника: ее армия и флот. Все остальные при первой возможности на нас ополчатся.

Император Александр III

Страшно смотреть на агонию корабля. Он словно раненый человек, изгибается в муках, бьется в судорогах, переламывается и тонет, издавая при этом страшные утробные звуки.

Тяжело вдвойне если гибнет свое, родное судно. И совсем невыносимо – если его топишь ты сам!

Эсминец «Фидониси» покачивался на волнах в лучах заходящего солнца. С расстояния четырех кабельтовых промазать было невозможно. Торпеда скользнула в воду, секунды ожидания и миноносец буквально разорвался пополам, словно распираемый неведомой страшной силой. Его корма и нос приподнялись отдельно друг от друга и, перевернувшись на правый борт, скрылись в морской воде.

Гибель «Фидониси» послужила сигналом для уничтожения других кораблей. Топили их на славу. Одним открытием кингстонов дело не ограничилось. Столь примитивно затопленный корабль можно легко поднять, откачать воду и снова ввести в строй. А пролежи он на дне небольшой срок, так и повреждения судна будут минимальными! Здесь все было основательнее. Специальные команды закладывали подрывные патроны в машинные отделения, открывали кингстоны и клинкеты и даже отдраивали иллюминаторы. Со слезами на глазах, с непроходящим комком в горле. Сделав свое дело, молча прыгали в шлюпку, отгребали подальше и смотрели, смотрели, смотрели...

Один за другим уничтожаемые русскими моряками, шли на дно Цемесской бухты русские эсминцы-новики «Гаджи-бей», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов». Ушли под воду миноносцы «Сметливый» и «Стремительный». Всего двенадцать кораблей.

Теперь можно было сделать самое главное. Над водой еще возвышалась колоссальная громада линкора «Свободная Россия». Эсминец «Керчь» подошел к кораблю и дал залп из двух торпед. Его командир старший лейтенант Владимир Кукель молча смотрел, как торпеды поражают красу и гордость русского Черноморского флота. Первая взорвалась под кораблем, вторая прошла мимо. Для такого гиганта одно попадание было совсем не существенно. Корабль стоял над водой как ни в чем не бывало. Лишь столб черного дыма поднялся над его боевой рубкой. Пришлось выпустить третью торпеду, но даже после этого корабль не только остался на плаву, но даже не накренился. Потом взорвалась четвертая торпеда, но линкор «Свободная Россия» был сделан так великолепно, что и после этого он по-прежнему держался на поверхности воды!

Кукель не верил своим глазам – судно явно не хотело тонуть и боролось за жизнь всеми возможными средствами. Следующая, пятая торпеда, выпущенная в середину его корпуса, внезапно повернула на обратный курс и понеслась к самому эсминцу! Но, увы, линкор был обречен, и шестая торпеда завершила дело. Раздался страшный взрыв. Столб бело-черного дыма поднялся выше мачт и закрыл своим основанием почти весь корабль. Когда дым несколько рассеялся, глазам моряков представилась ужасная картина: броня с обоих бортов отвалилась и в корабле появилась огромная просвечивающая насквозь брешь. Прошло еще пару минут, и линкор стал медленно крениться на правый борт. Спустя еще несколько минут корабль перевернулся вверх килем. И застонал, как тонущий человек. Срывающиеся со своих оснований, огромные трехорудийные 12-дюймовые башни скатывались по палубе «Свободной России» в воду, круша и сминая все на своем пути, поднимая огромные столбы воды и фонтаны брызг. Примерно через полчаса корпус линкора скрылся под водой.

Теперь настала очередь и самого эсминца «Керчь». Около 10 часов вечера 18 июня 1918 года в эфир ушла последняя радиограмма: «Всем. Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель – позорной сдаче Германии».

Русский Черноморский флот перестал существовать. «Свободная Россия» пошла на дно...

Две точки опоры существует у любого государства. Одной ногой – армией – оно опирается о сушу, другой военным флотом – крепко стоит на морях и океанах. И две эти ее опоры совсем неравнозначны. Сухопутная армия, даже в пух и прах разбитая, восстанавливается быстро. Подрастает новое поколение, порошу не нюхавшее, остается только их вооружить и в форму одеть. Дело это затратное, но всем странам, на роль сверхдержав претендующим, всегда оказывалось по карману. А вот гонка морских вооружений по стоимости ни в какое сравнение с гонкой вооружений сухопутных не идет. Взять и разом отстроить новый флот не под силу ни одной державе. Поэтому разгром сухопутной армии это поражение, а уничтожение флота – КАТАСТРОФА.

После прерывания легитимности русской власти, уничтожения основных претендентов на трон следующей задачей англичан становилось уничтожение нашего флота. Только после этого можно было считать успешно осуществленным ликвидацию конкурирующей с британцами Российской империи. Для этого использовались все доступные средства: давление на большевистское руководство, прямое военное уничтожение, «сотрудничество» с белогвардейцами. Будем справедливы: свою цель «союзники» упорно преследовали в течение всей русской смуты. И – воплотили свои замыслы в жизнь. По сравнению с довоенным периодом Россия оказалась практически без флота. Пройдут тяжелые годы коллективизации, минуют страшные военные годы, и Советский Союз создаст мощный океанский флот. Чтобы во второй раз за одно столетие он был «обнулен» ловкими действиями политиканов. За время перестройки и последовавшего за ней ельцинского хаоса будут сданы на металлолом практически достроенный авианосец и распилены подводные лодки самых новейших серий. Вы удивлены? Не стоит, все это уже было в нашей истории в 1918 году. Просто мы это хорошенько забыли...

Потерпев поражение в Русско-японской войне 1905–1906 годов, потеряв в неудачных морских сражениях весь цвет русского флота, правительство Николая II разработало большую судостроительную программу. Она, эта русская программа действий, пришлась на период общего рывка мировой «морской» гонки вооружений. Последним словом тогдашней военно-морской науки стали усовершенствованные линейные корабли (линкоры). Их стали называть дредноутами. Свое название, ставшее нарицательным, они получили от «пилотного» английского корабля под названием «Дредноут» («Неустрашимый»), построенного в 1905–1906 годах. Созданные по последнему слову науки и техники, эти суда были более живучи и непотопляемы. Огромные, приземистые корабли с пушками очень большого калибра становились весомыми аргументами в будущей мировой схватке. Дредноуты стали строить опережающими темпами во флотах всех соперничающих держав. Стоимость таких кораблей, количество стали и брони, расходуемое на производство этих монстров, были просто умопомрачительны. Именно дредноуты являлись олицетворением мощи государства и его веса на международной

арене. Бронированные дорогостоящие гиганты, «пожиратели бюджетов» служили показателем его финансового благополучия, экономического расцвета, уровня развития науки, техники и промышленности. Но мало того, развитие самих бронированных монстров шло так быстро, что через пять лет вопрос стоял уже о выпуске «сверхдредноутов», вдвое превосходящих прежние дредноуты...

Россия начала строительство дредноутов позднее других держав, поэтому на начало мировой войны в строю не было еще ни одного корабля. Но на разных стадиях постройки их было двенадцать. В 1917 году последние из русских дредноутов должны были встать в строй. Судьба распорядилась иначе. К концу Гражданской войны в России их осталось всего четыре, и из них лишь три в жалком, но боеспособном состоянии. Снимем шапки, вспомним погибшие русские корабли и зададим один резонный вопрос: а с чего это вдруг напал на них такой мор? Разве проиграл русский флот генеральное морское сражение, такое как Цусима в Русско-японской войне? Нет, не проиграл. Просто потому, что такого сражения для нашего флота в Первой мировой войне не было. Откуда же такие большие потери?

Ни один из русских кораблей-титанов не погиб в бою, как и подобает настоящему военному судну. Все они стали жертвами случившейся в России смуты. Самые новейшие и мощнейшие корабли-сверхдредноуты «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин» так и не «родились», будучи ликвидированными еще в «утробе» судовой верфи. А какими красавцами они должны были стать! На них предполагалось установить наиболее мощное по тем временам артиллерийское и зенитное вооружение. Но не получилось. И не стоит винить в гибели кораблей одних только большевиков. Ликвидацию флота начало еще Временное правительство. Летом 1916 года морское министерство надеялось на ввод первенца серии «Измаила» в строй осенью следующего, то есть 1917 года. Но как только монархия в России пала, правительство «новой свободной России» сразу перенесло срок готовности башен «Измаила» на конец 1919 года, а остальных кораблей на 1920-й. Затем деньги от правительства Керенского перестали поступать совсем. Большевикам боевые корабли были нужны еще меньше, чем «временщикам». Постановлением от 19 июля 1922 года недостроенных мастодонтов исключили из списков флота, а затем постановлением Госплана в мае следующего года разрешили их продажу за границу. Корабли приобрела «в целом виде» германская фирма «Альфред Кубац», чтобы уже в своих доках разрезать на металл...

Остальные русские дредноуты были ликвидированы с использованием целого арсенала политических средств. Предательство, подкуп, ложь, клевета – всему этому нашлось место в короткой истории уничтожения наших кораблей. Но точно также в этой короткой эпопее нашлись и герои, положившие свою жизнь за русский флот!

Но все по порядку. Основные силы наших кораблей перед Первой мировой войной были сосредоточены в Балтийском и Черном море. На первом этапе войны русский флот в Балтийском море получил чисто оборонительную задачу защиты Рижского и Ботнического заливов от вторжения противника. Немцы также держались пассивно, поэтому потери обеих сторон были минимальны. В 1915 году с появлением в своих рядах дредноутов «Севастополь», «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут» русский флот уже мог вести себя активнее, но он был прочно «закупорен» германцами в своих водах. Однако в связи с немецким наступлением его действия становились более напряженными:

корабли стали поддерживать сухопутные войска. В 1916 году на коммуникациях противника появились семь наших новых подводных лодок типа «Барс», а также английские субмарины, присланные британскими «союзниками». Осенью немецкие корабли попытались прорваться в Финский залив и потеряли на нашем минном заграждении 7 (!) новейших миноносцев. Наши потери составили 2 эскадренных миноносца и 1 подводную лодку. Как видим, до начала русской смуты никаких катастрофических поражений русский Балтийский флот не понес. Свои задачи он выполнял, а потери немцев при этом даже превосходили наши.

1917 год должен был стать годом нашего наступления. Но революции этого года направили события совсем в другое русло. Общее разложение вооруженных сил в большой степени коснулось и флотского организма. Дисциплина и боеспособность судов теперь оставляли желать много лучшего. За время правления Керенского и компании матросы превратились из боевой силы в толпу люмпенов, ни за что не желающих рисковать своей шкурой в настоящем бою. Героической гибели они предпочитали расправы над собственными офицерами. Процесс разложения зашел так далеко, что в октябре 1917, в момент захвата немцами Моонзундских островов, экипажи просто боялись выходить в море. Так, команда заградителя «Припять» отказалась заминировать пролив Созлозунд. Судовой комитет не дал своего одобрения на эту операцию, так как мины пришлось бы ставить в пределах дальности действия корабельной артиллерии противника, а это «слишком опасно». Другие революционные суда просто позорно бежали от противника либо отказывались покидать стоянку под забавным предлогом, что «там стреляют».

И все же русский флот огрызнулся: в результате захвата Моонзундских островов немцы потеряли эсминцы S-64, T-54, T-56 и T-66, патрульные суда «Альтаир», «Дельфин», «Гутель», «Глюкштадт» и тральщик М-31. Русский флот потерял броненосец «Слава» и эсминец «Гром». Снова мы видим интересную картину: даже в период бурного разложения дисциплины и резкого упадка боеспособности русский флот наносил противнику ощутимые потери.

Затем эстафету разложения русского флота у Временного правительства подхватили большевики. 29 января 1918 года Совет народных комиссаров издал декрет о роспуске царского флота и организации флота социалистического. Строительство «нового» Ленин совершенно справедливо начинал с полного разрушения «старого». Но если в сухопутной армии это означало всеобщую демобилизацию, то на флоте основным следствием ленинского решения стало массовое увольнение с кораблей кадровых офицеров, как силы заведомо контрреволюционной. А на корабле роль офицера несравнимо важнее. Если сухопутная армия, доведенная большевистской пропагандой до ручки, подменялась новыми отрядами Красной гвардии и худо-бедно могла попытаться удержать фронт, то на море ситуация была на порядок хуже. Флот, лишенный офицеров, совершенно не мог воевать, а заменить его другим, «красным» флотом было невозможно. Дело даже не в том, что орущей матросней более некому было командовать, просто для стрельбы из орудий сверхмощного дредноута требуется знание множества сложных дисциплин. На глазок на расстоянии десятков километров не стреляют. Ушли специалисты – корабли превратились просто в плавучие казармы и перестали быть боевыми единицами. Офицеры массами увольнялись. Списав их на берег, большевики сразу вывели Балтийский флот из игры и приковали его к пирсам портов. И именно в этот момент начали происходить с

Балтийским флотом «странные» вещи. Ленин и Троцкий отдали приказ... Балтийский флот уничтожить-

Произошло это следующим образом. Очередным этапом трагедии русского флота стало подписание Брестского мира. Статья № 5 кабального договора гласила следующее: «Россия незамедлительно обязуется произвести полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь образованные ее теперешним правительством. Кроме того, свои военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит. Военные суда государств, пребывающих и далее в состоянии войны с державами четверного союза, поскольку эти суда находятся в сфере власти России, приравниваются к русским военным судам...»[166]

Вроде бы ничего страшного. Надо перевести флот в русские порты – переведем, отчего же нет. Но так кажется только на первый взгляд. Снова вступает в дело флотская специфика.

Во-первых, корабли плавают по воде, во-вторых, пристать к берегу они могут только в строго отведенных для этого местах. Количество таких мест невероятно мало и называется портами. По для стоянок целого флота, включающего огромные суперсовременные дредноуты, подходит и не каждый порт. В результате, подписав Брестский мир, никто не удосужился посмотреть, а куда, в какие русские порты корабли можно перебазировать.

Собственно говоря, и раньше количество стоянок русского флота на Балтике было минимально: Ревель (Таллин), Гельсингфорс (Хельсинки) и Кронштадт. Все, больше нигде не было соответствующей инфраструктуры, должной глубины и других вещей, необходимых для размещения кораблей. Подписав Брестский мир, Россия признавала независимость Финляндии и отторжение Эстонии. Следовательно, для базирования Балтийского флота оставался только один русский порт – Кронштадт. Начались скитания русских кораблей. Сначала немцы заняли Ревель. Часть флота, расположенная там, перебазировалась в Гельсингфорс, пройдя сквозь льды. Но нахождение в финской столице проблемы не решало, а лишь откладывало ее решение на пару недель. Финляндия ведь тоже стала независимой. К тому же именно в этот момент немцы откликнулись на просьбу «белого» финского правительства, оказав ему помощь в борьбе с «красными» финнами. 5 марта 1918 года германцы высадили десант, начав продвижение в глубь северной страны. Теперь положение Балтийского флота стало совсем печальным. Белофинны и немцы, заканчивая уничтожение финской Красной гвардии, приближались к местам стоянки кораблей. И вот командующий германской эскадрой предъявил ультимативное требование, чтобы весь русский флот, стоявший в Гельсингфорсе, был передан немцам до 31 марта. Удивляться наглости Берлина не стоит. После заключения Брестского мира Германия последовательно шантажирует большевиков, выставляя им новые и новые требования. Немцев можно понять – чувствуя военную беспомощность ленинского руководства, они торопятся получить от России как можно больше. В погоне за ощутимой выгодой германское руководство упускает из виду одну важную деталь. Кризисы в отношениях с Россией, спровоцированные ими же самими, не дают немцам возможности резко и быстро вывести войска с Восточного фронта на Западный. Это приводит к обесцениванию преимуществ, полученных Германией путем соглашения с большевиками. На это и рассчитывали «союзники», когда заключали с немцами «джентльменское» соглашение о заброске группы Ленина в Россию.

Следуя букве договора с Германией, флот следовало немедленно перевести в чисто русский порт, в Кронштадт. Однако сделать это было невозможно ввиду сложной ледовой обстановки. Именно так «считали» в большевистской верхушке. Несколькими днями ранее часть русских кораблей уже успешно прорвалась через льды из Ревеля в Гельсингфорс и тем самым показала, что такой переход возможен. Но большевистское руководство не приказывает флоту перебазироваться из Гельсингфорса в Кронштадт, через те же, уже ими преодоленные льды и торосы. Почему? Потому что думают Ленин и Троцкий не о спасении кораблей. Германия требует оставить корабли в Гельсингфорсе, возможно намереваясь их захватить. В то же самое время представители Антанты требуют не допустить захвата кораблей немцами. Надо выполнить два взаимоисключающих «приказа», и от этого зависит судьба пролетарской революции. Вот Ленин с Троцким и ищут вариант, удовлетворяющий требования «союзной» Сциллы и германской Харибды, а не решение, которое позволит спасти флот для России!

Много туману напустили советские и зарубежные историки, прикрывая истинные причины большевистского рвения в попытках утопить собственный флот. В этой кромешной тьме фальсификаций и неправды редко, но все же пробивались робкие лучи страшной правды о судьбе русских кораблей. Балтийский моряк, офицер Г. К. Граф прямо пишет о странной позиции большевистского руководства: «Инструкции Москвы были все время двусмысленны и сбивчивы: то они говорили о переводе флота в Кронштадт, то об оставлении в Гельсингфорсе, а то – о подготовке к уничтожению. Это наводило на мысль, что на советское правительство кем-то оказывается давление»[167].

После увольнения с флота почти всех офицеров Балтийский флот остался без командующего и кораблями руководит коллегиальный орган – Центробалт. Однако шумная матросская вольница для выполнения щекотливых поручений не подходит, нужен конкретный исполнитель, на которого в случае чего можно будет свалить всю вину. И такого находит сам Троцкий. Выполнять директиву Центра должен будет спешно назначенный Алексей Михайлович Щастный. Это морской офицер, командир корабля. Его новая должность адмиральская, но поскольку большевики отменили все воинские звания, он на момент своего назначения стал называться Наморси (Начальником морских сил) Балтийского моря. Можно смело утверждать, что именно он является спасителем Балтийского флота. Именно благодаря Щастному Россия сохранит свои корабли на Балтике и мощные орудия русских линкоров встретят нацистов на подступах к Ленинграду через 23 года.

Приняв командование над кораблями, стоящими в Гельсингфорсе, новый командующий оказывается в сложнейшей ситуации. Расчет Троцкого был на то, что, оказавшись в страшном цейтноте и под прессингом Москвы, он покорно выполнит любые указания большевистской верхушки и отправит корабли на дно, а не будет думать о спасении флота. Британская разведка также не собирается спокойно взирать на развитие событий. Чтобы склонить Щастного к взрыву судов, «союзная» агентура передает ему фотокопии нескольких телеграмм германского командования советскому правительству. Фальшивые они или нет, нам неизвестно, однако при их чтении у Наморси должно было сложиться впечатление, что Ленин и Троцкий выполняют немецкие директивы и являются предателями. Свой интерес – тотальное уничтожение русского флота – «союзники» маскируют под простую заботу о том, чтобы противник Антанты не получил усиления.

«Морской агент кэптен Кроми несколько раз ездил в Гельсингфорс, чтобы добиться от капитана первого ранга А. М. Щастного потопления флота»[168], – пишет Г. К. Граф.

Кроми – этот тот самый резидент британской разведки, что через полгода будет застрелен чекистами в английском консульстве Петрограда. Чтобы Щастный не терзался сомнениями в деле уничтожения Балтийского флота, англичане показывают ему пример «беззаветного служения Родине». На базе нашего флота в Ганге, в нескольких десятках километров от Гельсингфорса, в то время находится стоянка английских подводных лодок, в 1916 году присланных британцами на Балтику. Английские субмарины «Е-1», «Е-8», «Е-9», «С-19», «С-26», «С-27» и «С-35», их база «Амстердам», а также три парохода взрываются по приказу британского командования. В литературе, посвященной этим событиям, вы найдете упоминание о том, что английские подлодки якобы были взорваны в связи с невозможностью их перевода в русский порт. Это полная чушь, развеять которую можно одним простым фактом: все русские подводные лодки, стоявшие в тех же льдах, были благополучно эвакуированы из Гельсингфорса в Кронштадт. Хотели бы спасти англичане свои подлодки, они бы имели полную возможность это сделать. И совсем не потому отправились на дно английские субмарины, что русские моряки, занятые решением своих проблем, не хотели спасать «союзные» корабли.

Все значительно хитрее. В шахматах для достижения крупных успехов принято жертвовать пешками. Так вот, затопление подлодок – это для британцев, конечно, удар по своим. Одновременно – это понятный и простой пример для русских моряков. Мы, англичане, взрываем семь наших подводных лодок. Ну а вы, русские, взорвите весь свой флот! Чтобы он не достался немцам. Руководил уничтожением британских субмарин все тот же наш старый знакомый – капитан Фрэнсис Кроми. Кадровый английский разведчик взрывает подлодки, и на этом основании многие исследователи того периода записывают его в подводники. Хотя служил brave капитан совсем в другом «ведомстве». Потому что одновременно, для подстраховки, Кроми вел переговоры и с тайной организацией морских офицеров. Мысль, внушаемая британским разведчиком и Щастному и офицерам, очень проста: оставление испорченных кораблей в финской столице – это явное выполнение Лениным и Троцким заказа своих германских хозяев. Что в этом случае должны сделать настоящие русские патриоты?

Обратите внимание, что вариант спасения эскадры путем ее передислокации англичане не предлагают. Ничего лучше потопления кораблей они посоветовать не могут. Да это и понятно, ведь им нужно именно уничтожение флота.

Вот здесь мы немного прервемся и подумаем. Германия знает, что больше всего на свете Ленин боится продолжения немецкого наступления. Оно будет означать крушение советской власти, крушение всего. Когда представится второй случай провести эксперимент по построению социалистического общества, не знает никто. Скорей всего что никогда. Поэтому Германии на Ленина можно давить и мирным договором его шантажировать. «... Кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит советскую власть», – писал в эти дни Ильич. Мир Ленину нужен как воздух. Как же его сохранить? Очень просто: соблюдать мирный Брестский договор и не давать немцам повода для его нарушения. Это и есть вернейший способ сохранить столь нужный Ильичу мир. Буква мирного договора гласит, что есть у большевиков для этого две возможности. Альтернатива у Ленина простая: хочешь сохранить мир – либо переведи корабли в

Кронштадт, либо оставь разоруженными у финнов, что на деле означает передачу Германии. Итак, вариантов действий всего два. Трактовки дальнейшего поведения Ленина и Троцкого историки тоже дают две. Первая гласит, что были они немецкими шпионами и всячески отрабатывали предоставленные Германией деньги, совершая разные действия в ее интересах. Вторая утверждает, что хоть большевики и были красными интернационалистами, но все-таки действовали всегда в интересах своего народа. Вот давайте и оценим дальнейшие действия Ильича, все вышесказанное в голове имея.

Что должен сделать немецкий шпион?

Под разными предлогами заблокировать выход Балтийского флота из финской столицы и постараться целехоньким передать его своим германским хозяевам.

Что должен сделать патриот своей страны?

Постараться сохранить флот и вывести его из возникшей западни в Кронштадт.

Что же делает большевистское руководство?

Советское правительство не делает ни того, ни другого-, оно дает официальное распоряжение выполнить предъявленное немцами требование, но при этом корабли привести в негодное состояние.

Это значит, что Ленин выбирает третий вариант. В чьих же интересах привести в негодность русский флот? В немецких? Нет, для немцев флот уже не опасен, заключен мирный Брестский договор и русские пушки больше немцев не стреляют. Флот немцам нужен целехоньким, с германскими экипажами на борту. Чтобы его можно было использовать в боевых действиях. Затопление или порча кораблей большевиками, с немецкой точки зрения, это и есть неповиновение. Это вовсе не помощь «немецких шпионов» своим хозяевам. А ссориться с немцами Ленину нельзя. Потому что они сами еще толком не знают, что им с Россией делать.

Если бы большевики действительно выполняли немецкую волю, то они постарались бы передать флот Германии целым. Это же так очевидно. Между тем очень часто в литературе можно встретить информацию, что, мол, флот надо было взорвать, чтобы он не достался немцам. По мнению авторов, именно так и должны были поступить пламенные революционеры с кристально чистой совестью, не имевшие никаких финансовых контактов с немецкими спецслужбами. Допустим, что это так, однако в таком случае совершенно непонятно, почему полстраны Германии отдать можно, а три сотни кораблей – нет? Почему для спасения революции можно пожертвовать Украиной, Литвой, Латвией, Польшей, Эстонией и Грузией, а флот немцам отдать нельзя? Раз товарищи большевики столь щепетильны в делах распродажи собственной Родины, то не надо было вообще мирный договор с кайзером заключать. Если уж сказали «А», то придется и «Б»

говорить. Нелогично получается – сначала все, что германцы потребовали, сделать, а потом из-за какого-то флота с ними снова вступать в конфликт.

Да и вообще, какие такие интересы трудового народа требуют русские корабли утонуть и уничтожить? В интересах мировой революции надо было бы единственный в мире Красный флот сохранить, а не уничтожать и не портить. Помимо всего прочего, линкоры и дредноуты просто стоят уйму денег и если новой социалистической России флот не какой-то неведомой причине больше не нужен, то его же можно просто продать. Ведь будут же большевики позже продавать культурные ценности, отчего же заодно и корабли не толкнуть? На вырученные деньги можно купить продовольствие и накормить голодных питерских рабочих, их женщин и детей.

Вот и выходит, что ни интересы Германии, ни интересы России, ни интересы трудящихся всей планеты ленинский приказ об уничтожении флота не преследовал. Тогда кто же водил рукой Ильича, когда он столь серьезное распоряжение отдавал? Для кого сильный русский флот – это ночной кошмар? Для англичан, для этой корабельной нации, любой сильный флот – ночной кошмар. Именно поэтому британцы тщательно топят французский флот при Абукире и Трафальгаре, но всячески воздерживаются от сухопутных битв с Наполеоном[169]. Истребление русского флота для них задача, как бы сказал Ильич, «архиважная». Даже беспокойством за усиление немецкого флота в случае захвата наших кораблей не объяснить настойчивое стремление британцев их потопить. «В частности, если германский флот был меньше английского почти в три раза, то русский был слабее германского раз в пять, – пишет в своей книге капитан 2-го ранга Г. К. Граф, – Из активных сил нашего Балтийского флота имели значение только четыре современных линейных корабля, присоединение которых к германскому флоту не дало бы ему все-таки возможности состязаться с англичанами. Очевидно, англичане боялись не этого, и у них были свои какие-то особые соображения...»[170]

В Москве Брюс Локкарт, Жак Садуль ведут постоянные консультации с Лениным и Троцким. Ильич лавирует, английские и французские разведчики настаивают. Они делают такое предложение советской верхушке, от которого отказаться нельзя. А план «союзников» все тот же, как и в случае с Романовыми. Раз не захотели пришедшие к власти фанатики-большевики сгнать сразу после разгона «Учредилки» и нарушения легитимности русской власти, то должны выполнить всю грязную работу. Ленину и компании предстоит быстренько, с марта по июль:

- развалить страну;
- ликвидировать основных претендентов на трон;
- потопить флот;
- полностью дезорганизовать армию, государственное управление и промышленность.

После чего волны «народного» возмущения, щедро оплаченные теми же англичанами и французами, сметут ненавистных большевиков. Спросить будет нес кого...

Красиво все было задумано английской разведкой, и лежать бы Балтийскому флоту на дне, если бы не Алексей Михайлович Щастный. Он нарушил блестящую комбинацию и за это заплатил своей жизнью. Наморси принимает единственно полезное для интересов России решение, он принимает вариант, который ему никто не предлагал: ни Троцкий, ни британские агенты. Русский патриот, морской офицер решает снасти флот! «Все старания Кромни ни к чему не привели. А. М. Щастный определенно заявил, что он во что бы то ни стало переведет флот в Кронштадт»[171].

Это был беспримерный акт мужества. 12 марта 1918 года из Гельсингфорса в сопровождении ледоколов выходит первый отряд кораблей. Рейд, получивший название Ледового перехода, проходил в крайне тяжелых условиях, и не только из-за мощности льда и торосов. Спасению флота мешала неукомплектованность кораблей офицерами и даже матросами. Большевицкая политика привела к увольнению первых и активному дезертирству вторых. Сложилась ситуация, когда судами было просто некому управлять. Проблему частично удалось решить, разместив на борту солдат Свеаборгского гарнизона. Движению наших кораблей также тщетно пыталась помешать своим огнем финская батарея на острове Лавенсаари. По под угрозой огромных орудий дредноутов она быстро замолчала. Через 5 дней, 17 марта 1918 года, русские корабли благополучно прибыли в Кронштадт. Вслед за ними отправилась вторая группа судов, а последние корабли Балтийского флота ушли из Гельсингфорса в 9 часов утра 12 апреля, за три часа до прихода туда немецкой эскадры. Ледовый переход, считавшийся невозможным, был осуществлен. Всего из 350 боевых судов Балтийского флота было спасено 236 кораблей, в том числе – все четыре дредноута.

Однако радоваться и отдыхать было рано. Английскую разведку спасение Балтийского флота совсем не устраивало. Пришлось еще серьезнее надавить на Ильича. Раз флот не затопили, большевикам придется уступить в другом важном вопросе.

Когда Щастный спас Балтийский флот?

17 марта 1918 года.

Что еще важного происходило в этом месяце?

Правильно – во второй половине марта арестован Михаил Романов и другие члены династии. 30 марта 1918 года семье Николая Романова объявляется о введении тюремного режима. Жизнь Романовых обменивается на сохранение большевицкой власти. Не справились с кораблями с первого захода – придется отличиться в другом щепетильном деле. В эти же дни успокоенный Владимир Ильич пишет свою программную работу «Очередные задачи советской власти», где Гражданская война описывается как уже выигранная и завершенная. Ленин так спокоен за свое будущее потому, что снова смог

договориться с «союзниками». Приходится ему и Троцкому взять на себя не только кровь детей Николая II, но и гибель русского флота...

Заглянув за кулисы мировой политики, снова вернемся на капитанский мостик балтийского линкора. Наморси Щастный и рядовые моряки считали свою задачу выполненной, а корабли спасенными. В этот момент из Москвы пришла новая неожиданная директива.

Всего через 12 дней после Ледового перехода наркомвоенмор Троцкий прислал в Кронштадт секретный приказ – подготовить флот к взрыву.

Удивлению и возмущению Щастного, получившего такую депешу 3 мая 1918 года, не было границ. Спасенный с таким трудом Балтийский флот предполагалось затопить в устье Невы, дабы избежать его захвата немцами, наступление которых на город большевистское руководство считало возможным. Не надеясь особо на сознательность матросов, в той же директиве Троцкий приказал создать особые денежные смета в банке для исполнителей будущего взрыва!

Патриот Щастный сделал эти секретные приказы достоянием «морской общественности», что немедленно взбудоражило флот. Даже революционные братишки-матросики, ознакомившись со столь интересными приказами товарища

Троцкого, почуяли неладное. Особенное возмущение экипажей вызвал тот факт, что за взрыв собственных кораблей предполагалось заплатить деньги. Это настолько попахивало банальным подкупом, что экипажи потребовали объяснений. «А в то же время в самом флоте упорно распространяются слухи о том, будто советская власть обязалась перед немцами особым тайным пунктом договора уничтожить наш военный флот»[172], – говорит об этом сам виновник возникновения чудовищных слухов Лев Давыдович Троцкий. Удивление сквозит в словах великого борца за свободу. Согласитесь – никакой почвы для таких мыслей у моряков быть не может. Нет никаких оснований заподозрить большевистскую верхушку в прямо-таки маниакальном стремлении затопить собственные боевые корабли.

11 мая 1918 года экипажи минной дивизии, стоявшей на Неве в центре города, постановили: «Петроградскую коммуну ввиду ее полной неспособности и несостоятельности предпринять что-либо для спасения родины и Петрограда распустить»[173]. Всю власть для спасения флота моряки потребовали передать морской диктатуре Балтийского флота. А уже 22 мая на III Съезде делегатов Балтийского флота матросы заявили, что флот будет взорван только после боя. Таким образом, обнародовав тайный приказ об уничтожении флота и тот факт, что за это предполагалось платить деньги, Щастный сумел второй раз сорвать замыслы британской разведки. Оценить его действия просто: герой. Но это современный взгляд. Троцкий дает действиям Наморси другую оценку: «Его задача была явно другая: пропустить сведения о денежных вкладах во флот в широкие массы его, вызвать подозрения, что кто-то кого-то хочет подкупить за спиной матросских масс для каких-то действий, о которых гласно и открыто говорить не хотят. Совершенно ясно, что таким путем Щастный делал совершенно невозможным

подрыв флота в нужную минуту, ибо сам же искусственно вызывал у команд такое представление, будто бы этот подрыв делается не в интересах спасения революции и страны, а в каких-то посторонних интересах. иод влиянием каких-то враждебных революции и народу требований и покушений»[174].

Нас же во всей этой истории интересуют только два вопроса.

Отчего Ленин с Троцким с таким маниакальным упорством пытаются спасенные корабли затопить?

Откуда у рабоче-крестьянской власти появилась столь странная идея, как выплата морякам денег за уничтожение собственных судов?

И до и после этих событий воевали большевики всегда за идею, за светлое будущее, за мировую революцию. Никогда не слышал я, чтобы красные цепи поднимались в атаку за деньги или повышенные банковские проценты. Никто не рассказывал нам о коннице Буденного, идущей в атаку за контрольный пакет акций или увеличение заработной платы. Пройдет двадцать с небольшим лет, и немецкие войска окажутся снова у стен Петрограда-Ленинграда, по никому и в голову не придет предлагать питерским рабочим записываться в ополчение за деньги. Ленинградцы будут умирать с голоду, но не сдадутся врагу, и никаких премий и поощрений им за это Гие будет нужно. Потому что сражались они за Родину и за идею, а все эти деньги и счета, все это – понятия из другого, буржуазного мира. А тут на тебе – революция, 1918 год, красные матросы и... банковские вклады! Что-то концы с концами не сходятся. Кто же придумал выплачивать деньги революционным матросам?

«Он (Щастный. – Н. С.) прямо говорит, что советская власть хочет «подкупить» моряков для уничтожения родного флота. После этого по всему Балтийскому флоту пошли слухи о предложении советской власти расплатиться немецким золотом за уничтожение русских кораблей, хотя в действительности дело обстоит наоборот, то есть золото предлагали англичане, ибо дело шло о том, чтобы не сдавать флота немцам».

Вот все и начинает проясняться, благодаря ма-а-аленькой оговорочке Льва Давыдовича. Золото предлагали англичане! Вот кому так свойственна вера во всемогущество золотого тельца, вот кто подкинул Троцкому идею подкупить моряков путем открытия им банковских счетов. «Союзникам» для полной ликвидации России как великой державы необходимо потопление кораблей. Они давят на Ленина и Троцкого и обещают, как говорит Черчилль, «что они не будут вмешиваться во внутренние дела России», то есть позволят советской власти устоять. Цена этому нейтралитету – головы Романовых и затопление большевиками русского флота. Но Троцкий не был бы Троцким, если бы не попытался и в этой неприглядной истории выставить себя в благородном свете. Поэтому революционному трибуналу, позднее судившему Щастного, Лев Давыдович подробно объяснил что к чему (простите за длинную цитату):

«... При обсуждении вопроса о подготовительных мерах на случай необходимости уничтожения флота было обращено внимание на то, что в случае внезапного нападения немецких судов, при содействии контрреволюционного комсостава на нашем собственном флоте, на кораблях у нас может создаться такое положение дезорганизации и хаоса, которое сделает совершенно невозможным действительный подрыв судов; чтобы обезопасить себя от такого положения, мы решили создать на каждом корабле безусловно надежную и преданную революции группу моряков-ударников, которые, при всякой обстановке, будут готовы и способны уничтожить корабль, хотя бы пожертвовав своею собственной жизнью... Когда организация этих ударных групп находилась еще в подготовительной стадии, к одному из членов морской коллегии явился видный английский морской офицер и заявил, что Англия настолько заинтересована в том, чтобы суда не попались в руки немцев, что готова щедро заплатить тем морякам, которые возьмут на себя обязательство в роковую минуту взорвать суда. Я немедленно распорядился прекратить всякие переговоры с этим господином. Но должен признать, что предложение это заставило нас подумать о вопросе, о котором мы, в суматохе и в сутолоке событий, не подумали до тех пор: именно об обеспечении семейств тех моряков, которые подвергнут себя грозной опасности. Я поручил сообщить Щастному по прямому проводу, что на имя моряков-ударников правительство вносит определенную сумму»[175].

Вот ведь штука какая. Когда вы умираете, защищая свою жену и детей, свою Родину и свой отчий дом, деньги вам предлагать не надо. Вам ясно и понятно, почему и зачем вы сидите в окопе или стоите у корабельного орудия. Деньги нужны для того, чтобы заглушить угрызения совести. Когда вы сидите не в том окопе, не с той стороны баррикад...

Что за англичанин пришел предлагать деньги за подрыв нашего флота? К счастью, была в примечаниях к речи Льва Давыдовича сносочка. Там фамилия сего добра молодца указана. И с этим новым знанием вся картина для нас с вами заиграет совсем новыми красками.

Вы уже догадались, как звался «видный английский морской офицер»? Конечно – капитан Кромби![176] Вот это уже действительно интересно. Не случайно этот британец уже многократно появляется в нашем повествовании, и всегда при весьма «мутных» обстоятельствах. Те, кто пытается убедить нас в том, что он простой и честный английский подводник, должны сначала Троцкого почитать да задаться вопросом: с чего это он вдруг начинает предлагать русским морякам деньги за взрыв их кораблей?! Неужели британские моряки с взорванных семи лодок пустили шапку по кругу? Уж так беспокоит их, «чтобы суда не попались в руки немцев», что готовы они отдать последние трудовые фунты, заработанные непосильным подводным трудом?!

Конечно, нет. Везде и всегда такие функции выполняют люди совсем из других ведомств, а для прикрытия они могут использовать абсолютно любую должность и форму. Были же убийцы Распутина «британскими инженерами». Теперь инженерам в России делать нечего, зато подводники могут находиться рядом с английскими субмаринами. Не надо быть наивным и смотреть на погоны и китель: останься в городе русско-британский госпиталь – быть резиденту английскому доктором, находишься рядом с Петроградом британский танковый полк – капитан Фрэнсис Кромби был бы танкистом. Заодно и более

понятной становится причина его «героической» гибели в посольстве от рук тех, с кем, собственно, британский резидент и вел закулисные переговоры. Снова чудесное совпадение – единственным погибшим иностранцем в результате ликвидации «заговора послов» стал не просто британский резидент, а человек, участвовавший в самых пикантных переговорах. Зная всю подноготную о связях британских спецслужб и революционной верхушки и потому бывший нежелательным свидетелем как для большевиков, так и для самих англичан. Может, и не было вообще никакого сопротивления в помине, а чекисты просто использовали ситуацию для ликвидации капитана Кроми.

Однако речь у нас идет не о полной приключений и опасностей жизни британских спецагентов. Вернемся в душевные матросские кубрики. Возмущение команд Балтийского флота уже не позволяло действительно подкупить кого-либо для подрыва кораблей. Суда остались целыми и потом очень дажегодились Ленину и Троцкому для обороны Петрограда от белогвардейцев. И награда благодарного советского правительства герою Щастному не заставила себя ждать. Через три дня после категорического заявления моряков о том, что свой флот они взорвут только после боя, 25 мая 1918 года он был вызван в Москву. Предлог пустяковый: Щастный якобы не уволил немедленно с флота двоих моряков, заподозренных в «контрреволюционной деятельности». Сразу по прибытии, после непродолжительной беседы со своим непосредственным начальником Троцким, 27 мая 1918 года наморен был арестован прямо в его кабинете. А дальше начались уж совсем странные вещи. Следствие было подобно молнии, за 10(!) дней материал по делу был собран и передан в специально (!) созданный для этого Ревтрибунал. Крыленко назначался гособвинителем, Кингисепп председателем суда. Единственный свидетель обвинения и вообще единственный свидетель... сам Троцкий.

Суд начался 20 июня 1918 года и был закрытым. Щастного признали виновным «в подготовке контрреволюционного переворота, в государственной измене» и па следующий день расстреляли, несмотря па официально отмененную советским правительством смертную казнь! Кому же так была нужна его голова? Ведь в действительности Щастный ни в каком заговоре не участвовал, наоборот – он дважды спас флот, и ему при жизни можно было ставить памятник. А его расстреливают. Ответ простой: Ленину и Троцкому надо своим партнерам по тайным договоренностям что-то предъявить, найти крайнего, виновного. Щастный, находившийся всего лишь месяц в должности командующего Балтфлотом, спас его от уничтожения, чем полностью сорвал закулисные договоренности и вот за это должен был ответить головой. Дело было настолько темным и загадочным, что когда после перестройки историки занялись этим вопросом, то выяснилось, что материалы трибунала даже не значатся в советских архивах. Главный информационный центр МВД СССР сведениями о них тоже не располагал...

Настойчивость «союзников» в выполнении своих планов нам известна. После безуспешных попыток взорвать флот «на высшем уровне» британцы вновь решают действовать рангом пониже. После провала капитана Кроми к делу подключается еще один знакомый нам персонаж. Его коллега. Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, командовавший обороной Петрограда в описываемый нами период, называет его в своих воспоминаниях так: «... Разоблаченный впоследствии профессиональный английский шпион Сидней Рейли, неоднократно являвшийся ко мне иод видом поручика королевского саперного батальона, прикомандированного к английскому посольству»[177]. Судьба русского флота не может оставить англичан равнодушными,

поэтому Сидней Рейли просто пришел «помочь» генералу Бонч-Бруевичу добрым советом[178]. Спасенные наморен Щастным корабли разместили в устье Невы. Это очень опасно. Но мнению Рейли (и британской разведки), их надо... правильно расставить: «Вручив мне старательно сделанную схему с обозначением стоянки каждого броненосца и с указанием расположения других кораблей, – пишет в своих мемуарах Бонч-Бруевич, – он начал убеждать меня, что такая передислокация большей части нашей эскадры обеспечит наилучшее положение флота, если немцы действительно предпримут наступательные операции со стороны Финского залива»[179].

Генерал Бонч-Бруевич человек опытный, такая трогательная забота кажется ему очень подозрительной. Проанализировав схему, видит он и цель прихода Сиднея Рейли: «... Подставить стоившие многих миллионов рублей линкоры и крейсера под удар германских подводных лодок»[180].

Предлагая спасти корабли от атаки, он их как раз под нее и подставляет. Послушай генерал английского шпиона, и дальнейшее развитие событий легко можно предсказать. Темной ночью неизвестная (разумеется, «немецкая») субмарина атаковала бы русские линкоры и отправила их на дно. Поняв игру британской разведки, Бонч-Бруевич делает свои выводы: «Доложив обо всем этом Высшему Военному Совету, я отдал распоряжение часть судов, входивших в состав Балтийского флота, ввести в Неву и, поставив в порту и в устье реки ниже

Николаевского моста, то есть совсем не так, как это предлагал Рейли, сделать их недостижимыми для подводных лодок, не способных пользоваться Морским каналом»[181].

Теперь перенесемся из хмурого Питера в солнечный Севастополь. В октябре 1914 года боевые действия на Черном море были открыты злополучным немецко-турецким крейсером «Явуз Султан Селим» («Гебен») и его «партнером» «Мидилли» («Бреслау»), Их германские матросы, переодетые в турецкие фески, обстреляли Одессу и другие паши портовые города. Поначалу у России на Черном море находились лишь устаревшие линейные корабли, но после ввода в строй русских дредноутов «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» соотношение сил на Черном море резко изменилось в нашу пользу. К тому же в конце июня 1916 года командование флотом принял адмирал Колчак. Именно с его появлением превосходство русских моряков и кораблей становится колоссальным. Назначенный с целью подготовки десантной операции для захвата заветных Дарданелл, Колчак развернул активные действия по минированию вражеской акватории и сумел фактически зажать турецкий флот в его собственных портах. Не меняет ситуации и трагическая гибель дредноута «Императрица Мария» 7 (20) октября 1916 года[182]. Теперь, после обеспечения полного господства на море, можно было проводить и десантную операцию по захвату Дарданелл. Она планируется практически одновременное мощным сухопутным наступлением. Срок – начало весны 1917-го. После двух мощных ударов планировалось выбить Турцию, затем рушилась Австро-Венгрия и Болгария, что приводило к неизбежному и быстрому поражению Германии.

Для десанта все готово: впервые в мире создана транспортная флотилия, соединение из специально оборудованных транспортов, приспособленных для приема войск и техники.

Это средства для высадки людей, боты, самоходные баржи, способные производить высадку десанта даже на необорудованное побережье. Отработано взаимодействие с сухопутными войсками. Англичанам медлить больше нельзя. Если протянуть пару месяцев, русская императорская армия и флот нанесут противнику мощнейший удар и захватят стратегические проливы. После этого Россию будет уже не сокрушить. В дипломатических переговорах «союзники» фактически соглашались на занятие русскими Босфора и Дарданелл. А их агентура в Петербурге немедленно приступает к решительным действиям. В столице империи начинаются беспорядки: наступает Февраль. Строительство кораблей резко снижает свои темпы. В результате dreadnought «Император Александр III» был все-таки сдан в октябре 1917 года уже с новым наименованием, полученным от Временного правительства: «Воля». Его собрату линкору «Император Николай I» не помогло новое звучное наименование – «Демократия». В строй он не войдет никогда и в 1927 году будет продан на слом.

Впрочем, новые власти, а за ними и большевики переименовали все суда, как или иначе связанные с «проклятым царизмом». И эти новые имена счастья кораблям не принесли. Не нашлось на Черном море героя, равного наморси Щастному, поэтому Черноморский флот пострадал от действий «союзников» значительно больше. Чтобы уничтожить красавцы черноморские линкоры и другие корабли действующего флота, британской разведке пришлось приложить немало усилий. Прологом трагедии и здесь послужил Брестский мирный договор. Статья №6 его гласила: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской народной республикой... Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии»[183].

Германия создала Украину в качестве собственной кормушки, чтобы гарантированно получать оттуда «сало, млеко, яйца». Скрипя зубами признали независимость Украинской рады и большевики. По договору надо территорию украинскую от русских войск очистить, флот увести в русские порты. Все просто и понятно, только на первый взгляд. В Балтийском море не было сомнений, какой порт является русским – это Кронштадт. На Черном море ясности такой нет, ведь никто о разъединении двух братских народов не мог помыслить и в страшном сне[184]. Поэтому границы между двумя странами просто нет. Точнее где-то, она есть, а где-то ее нет. И каждый может трактовать ее по-своему. В том числе и немцы, чьи остроконечные каски торчат из-за спины правительства независимой Украины. Но мнению германцев и украинцев, Севастополь уже не русский порт, а следовательно именно в нем согласно статье №5 Брестского договора корабли должны быть разоружены. Потому что и Новороссийск, куда можно флот перебазировать, тоже порт украинский.

Нет на Черном море Кронштадта, некуда деваться русскому флоту. Ох, следовало лучше думать, подписывая тот договор, скажут историки: маленькое исправление – и все могло бы быть по-другому. Но мы знаем, как и почему согласился Ленин на тот договор. Знают это и немцы. Знают и «союзники». И по-другому быть не могло. Германское руководство, как мы уже не раз видели, не очень-то надеется на лояльность своих успешных «шпионов» во главе с Лениным. Только что в марте Ильич с компанией увел из-под носа кайзера Балтийский флот из Гельсингфорса. О том, что все это сделал по своей инициативе, вопреки приказу, один смелый патриот Щастный, немцы не знают, да и не поверят.

Видя, что «германские шпионы» в своих действиях более ориентируются на «союзников» по Антанте, а не на берлинских «хозяев», немецкое руководство предпринимает отчаянную попытку Захватить для себя хотя бы корабли Черноморского флота. Благо юридические предпосылки для этого большевистские дипломаты им создали, подписав именно такую редакцию Брестского договора. В Берлине понимают, что Ленин под давлением своих «союзных» кураторов будет вынужден флот затопить, хотя для России смысла в этом действии никакого нет. 22 апреля 1918 года немецкие войска захватывают Симферополь и Евпаторию. Заканчивается удивительная миссия замечательного ленинского посланца моряка Задорожного, до самозабвения защищавшего членов семьи Романовых. Немцы в Крыму – оккупация Севастополя становится неизбежной перспективой ближайших дней.

Немцы обращаются напрямую к руководству флота – Центробалту. Германское командование предлагает поднять на русских кораблях желто-синие самостийные флаги. За это обещает, что оно не тронет корабли, которые присягнут на верность Украине, и признает их флотом союзного государства. Перед моряками встает сложная дилемма. Изменить присяге России, стать «украинцами» и сохранить корабли или, сохранив верность «красной» Родине, увести корабли с ясной перспективой их потерять.

Не дай бог никому такого выбора. Сложно осудить и ту и другую сторону. Часть русских моряков решили в Новороссийск не идти, остаться и поднять украинские флаги. Другая часть кораблей, настроенных пробольшевистски, снимается с якоря и покидает Севастополь. Среди них эсминец «Керчь», гордо поднявший на своей мачте красный флаг. Следующей ночью выходят в море оба мощнейших дредноута – «Свободная Россия» («Императрица Екатерина Великая») и «Воля» («Император Александр III»), вспомогательный крейсер, пять эсминцев, подлодки, сторожевые катера и торговые суда. Как только корабли подходят к проходу в боновых заграждениях, бухта освещается ракетами. Немцы успевают установить рядом с бухтой артиллерийскую батарею, которая открывает предупредительный огонь.

Это смешно, это – самоубийство. Одного залпа русских дредноутов хватит, чтобы перемешать немецких артиллеристов с красной крымской землей. С учетом разболтанности команд и отсутствия офицеров – трех, пяти. Но полномочный представитель Советской республики в Берлине товарищ Иоффе шлет в Совнарком предупредительные телеграммы: «Всякое оплошное, даже и мелкое провоцирование с нашей стороны будет немедленно использовано с военной точки зрения; необходимо ни в коем случае не допускать этого».

Один выстрел из 305-миллиметровых орудий дредноута – это даже не «мелкое провоцирование», а огромная многометровая воронка, полная ошметков немецких артиллеристов и оплавленных остовов их орудий. Поэтому стрелять нельзя, поэтому немцы не боятся открыть огонь на поражение. Эсминец «Гневный» получав! пробоину и выбрасывается на берег в Ушаковской балке. Экипаж покидает его, взорвав машины. Мелкие суда, подводные лодки, катера, опасаясь обстрела, возвращаются к причалам. Дредноуты спокойно выходят в море – по ним германские артиллеристы все же стрелять не решаются. Таким образом, в Новороссийск уходят 2 линкора, 10 эскадренных миноносцев типа «Новик», 6 угольных миноносцев и 10 сторожевых кораблей.

Но все это было только началом трагедии, а не ее концом. На самом деле повода для радости не было никакого. Германское командование предъявляет ленинцам ультиматум о сдаче Черноморского флота. Большевики отвечают согласием, хотя ситуация для них похожа на нерешаемую. Воевать с немцами нельзя – это спровоцирует окончательный разрыв и удушение ими «Страны Советов». Выполнить ультиматум, отдать флот Германии тоже нельзя – тогда западные разведки не смогут утопить русские корабли...

1 мая 1918 года немцы входят в Севастополь, 3 мая Троцкий присылает на Балтийское море свои замечательные приказы о взрыве флота и о денежных счетах матросам. Итак, противиться немцам нельзя, противиться «союзникам» тоже. Что же делать? Фантастическая гибкость Ленина помогает найти выход из сложившейся тупиковой ситуации. Немцы требуют от Ильича заключить мирный договор с Украиной и передать ей корабли – хорошо, начинаем переговорный процесс. Мы, большевики, хотим установить с Киевом добрососедские отношения, просто вопросов к обсуждению много: границы, визы, раздел царских долгов. «Союзники» требуют флот затопить – отправляем в Новороссийск своего человека, чтобы контролировать ситуацию и организовать уничтожение кораблей...

Происходящие далее события покрыты мраком неизвестности. Советские историки рисуют ситуацию полной безнадежности сопротивлению немцам, в которой Ильич и принял решение потопить флот. Однако если хорошенько поискать, то можно найти и совершенно другие факты, говорящие о том, что моряки готовили Новороссийск к обороне, а затем дипломатическая ситуация в отношениях с Германией вообще в корне изменилась. Германия согласилась признать права России на Черноморский флот и взяла на себя обязательство вернуть суда по окончании мировой войны. Такой вариант развития событий мог не устраивать только британскую разведку. Действия Ленина просто невозможно логично объяснить, если не учитывать ее мощное давление на главу советского государства. Корабли, лежащие на дне моря, для революции и России потеряны навсегда. А это значительно хуже пусть и туманной, но все же возможности, что немцы отдадут их России назад после мировой войны. Не о стране думал Ленин, принимая свое решение, а вновь и вновь о выживании своего детища – большевистской революции. Такую мысль высказал еще в 1924 году и Г. К. Граф в своей книге «На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию». Поэтому ее и направили в спецхраны: «Ясно, что уничтожение Черноморского флота... было важно не большевикам, все равно, если бы флот и подлежал выдаче, им было бы очень рискованно нарушить условия мира; если же он оставался в их руках, то топить его не было никакого смысла, потому что он находился в их полной зависимости. И если они его потопили, то только в силу требования союзников, предъявленного в тяжелый момент».

6 июня (24 мая) 1918 года на Черное море прибывает ленинский посланец. Это член Морской коллегии матрос Вахрамеев. С собой у него доклад начальника Морского генерального штаба с лаконичной резолюцией Владимира Ильича: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно». Задача специального эmissара Вахрамеева – сделать это. Чтобы с выполнением задания проблем не возникло, строптивый командующий флотом Михаил Петрович Саблин заранее вызывается в Москву. Удивительное совпадение: приглашение от Троцкого приходит практически в те же сроки, что и вызов в столицу наморси

Щастного! Можно не сомневаться, что Саблин там разделит бы его судьбу. Но он и сам догадывается о причинах вызова, а потому по дороге бежит и вскоре переходит к белым.

Новый командующий флотом, капитан 1-го ранга командир дредноута «Воля» Тнхменев действует в точности, как его коллега наморен Щастный. Он пытается спасти корабли. Он телеграфирует в Москву, что никакая реальная опасность от наступления германских войск «как со стороны Ростова, так и Керченского пролива, Новороссийску не угрожает, то корабли уничтожать преждевременно». Попытка отдачи подобного приказа может быть принята моряками за явное предательство.

Смушен и сам ленинский посланец Вахrameев. Теперь, когда он видит реальную обстановку, ему тоже не совсем понятно, почему так срочно надо топить корабли. Сказать, что ситуация сложилась запутанная – это не сказать ничего. И как всегда, в кризисный момент Владимир Ильич проявляет нечеловеческую гибкость. В Киеве большевистская делегация продолжает вести с немцами обсуждение сдачи кораблей. Одновременно в Севастополь оправляются приказы к их уничтожению. Тексты ленинских телеграмм по памяти приводит в своих воспоминаниях командир эсминца «Керчь» ярый большевик лейтенант Кукель: «13 или 14 июня (не помню) была получена открытая радиogramма от центрального правительства приблизительно следующего содержания: «Германия предъявила ультиматум флоту прибыть в Севастополь не позже 19 июля, причем дает гарантию, что по окончании войны флот будет возвращен России, в случае неисполнения Германия угрожает начать наступление на всех фронтах. Не желая подвергать страну новым неисчислимым бедствиям, предписывает флоту идти в Севастополь с расчетом прибыть туда не позже 19 июня. Все безумцы, противящиеся власти, избранной многомиллионным трудовым народом, будут считаться вне закона. № 141»». Одновременно получена была шифрованная радиogramма (приблизительно) нижеследующего содержания: «Опыт показал, что все бумажные гарантии Германии не имеют цены и доверия, а посему флот возвращен России не будет. Приказываю флот потопить до срока ультиматума. Радио № 141 не числить. № 142».

Макиавелли перевернулся в гробу! Кто хочет стать политиком – учитеcь у Владимира Ильича Ленина. Два приказа прямо противоположного содержания имеют входящие номера № 141 и № 142. Прямо один за другим. Действительно, интересно.

Но Ленин был гением, и потому в то же самое время руководство флота получает и еще одну, уже третью шифрованную телеграмму: «Вам будет послана открытая телеграмма – во исполнение ультиматума идти в Севастополь, но Вы обязаны этой телеграммы не исполнять, а наоборот, уничтожить флот, поступая согласно привезенного И. И. Вахrameевым предписания».

Делая вид, что он согласен выполнить немецкий ультиматум, Ленин открытым текстом по радио дает указание кораблям следовать в Севастополь для передачи немцам и украинцам. И тут же – шифрованная телеграмма флот потопить. А чтобы никто не сомневался, какой приказ правильный, – еще одна шифровка и дополнительно товарищ Вахrameев с секретной директивой «уничтожить все корабли и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске». Одновременная отправка двух взаимоисключающих приказов дает Ленину алиби и перед «союзниками», и перед немцами. Но совершенно очевидно, что

глава большевиков сильнее опасается вовсе не немцев, в чьи шпионы его так активно записывают современные историки.

Именно уничтожение кораблей по приказу англичан и французов, а не их отдача Германии является генеральной линией Ленина в этот момент. С «союзниками» Ильич всегда умел договариваться. Проблемы начинаются с собственными революционными матросами и офицерами. Капитан Тихменев решает предать гласности все тайные приказы Ленина. Для этого он созывает общее собрание командиров, председателей судовых комитетов и представителей команд. На этом же совещании присутствует ленинский эмиссар Вахrameев и комиссар флота Глебов-Авилов. К слову сказать, комиссар у Черноморского флота тоже весьма любопытный. Это отнюдь не рядовой товарищ. Николай Павлович Авилов (партийная кличка Глеб, Глебов) старый большевик и один из руководителей ленинской партии. Он даже входил в первый состав (!) Совета народных комиссаров и был соответственно наркомом почт и телеграфов. Всего в первом составе 14 (!) человек. И вот один из этих апостолов революции послан именно сюда, на Черноморский флот, и именно в мае, когда потопление кораблей начинает готовиться организационно. Это явно неспроста.

Но вернемся на палубу линкора «Воля», на матросское собрание. Командующий флотом Тихменев объявляет, что им получены чрезвычайной важности документы из Москвы, которые он просит выслушать самым серьезным и внимательным образом. И просит обоих комиссаров зачитать телеграммы в порядке их получения. Они попытались отказаться, однако Тихменев настоял, и в результате телеграммы стал зачитывать Глебов-Авилов.

Прочитайте телеграмму № 141, а сразу за ней № 142. Впечатляет. Произвели они впечатление и на черноморских матросов, поэтому их чтение сопровождалось громкими возгласами негодования. Однако для чтения текста третьей, секретной телеграммы духа у ленинского эмиссара не хватило. Тогда командующий флотом Тихменев заявил собравшимся матросам, что комиссар не прочитал еще одной телеграммы, по его мнению – самой важной. Сильно растерявшись, Глебов-Авилов попытался что-то пролепетать о секретности и несвоевременности такого объявления. В ответ на это Тихменев взял третью ленинскую телеграмму и прочитал ее собранию.

Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Даже у революционных матросов, топивших живьем своих офицеров, в наличии оказалась... совесть. Совесть русского моряка. Для братишек дело пахло откровенным предательством. Было очевидно, что, пытаясь утопить флот, Ленин снимает с себя всякую ответственность и при желании даже может объявить моряков «вне закона». Вахrameеву не удастся погасить возмущение. Теперь заставить моряков потопить свои корабли практически невозможно. Напротив, значительная часть экипажей, как и балтийцы, выразила решимость дать бой и только после этого уничтожить корабли, как и подобает русским морякам, как это сделали герои Цусимы и «Варяга».

Для Ленина это равносильно смерти. На следующий день проходит новое собрание. На этот раз помимо моряков на нем присутствует председатель Кубано-Черноморской республики Рубин и представители от фронтовых частей. И происходит невероятное!

Глава местной советской власти и солдатские депутаты не только не поддерживают линию большевистского центра, но наоборот, даже угрожают черноморцам в случае затопления ими кораблей! Старший лейтенант Кукель описывает это так: «Председатель в пространной и весьма талантливой речи убеждает никаких мероприятий с флотом не предпринимать, так как военное положение края блестяще... Представитель от фронтовых частей в самых оптимистических красках обрисовал состояние боевых частей и стратегическую обстановку, в конце речи горячо и твердо заявил, что предупреждает моряков, что в случае потопления судов весь фронт в количестве 47 000 человек повернет свои штыки на Новороссийск и подымет на них моряков, так как фронт спокоен, пока флот может защищать, хотя бы морально, их тыл, но как только флота не будет, фронт придет в отчаяние».

Вот это и есть разница между председателем Кубано-Черноморской республики, который не знает обо всех обязательствах своих московских руководителей, и Лениным–Троцким, находящимися в постоянном контакте с Садулем, Рейли и Локкартом. Не понять простому большевику всего расклада закулисных тайн, поэтому он может позволить себе рубить правду-матку и поступать по совести. Ленин же обязан соблюдать договоренности с «союзниками», поэтому и вертится, как уж на сковородке. Телеграф принимает гневные ленинские телеграммы: «Приказы, посланные флоту в Новороссийск, должны быть безусловно выполнены. Надо объявить, что за неисполнение их моряки будут объявлены вне закона. Надо во что бы то ни стало помешать безумной аванюре...»

Раз Вахrameев не справляется, то в ход идет «тяжелая артиллерия». По личному распоряжению Ленина в Новороссийск отправляется Федор Раскольников, получивший особые полномочия и единственный приказ – во что бы то ни стало потопить флот. Но пока он прибывает на место, проходит время. Не теряют времени зря и те, кто хочет спасти русские корабли, и те, кто страстно желает их гибели. В Севастополе находятся французская и английская военные миссии. Как и на Балтийском море, использующие эту «крышу» «союзные» разведчики отчаянно пытаются выполнить задание своего руководства. «Среди матросов Минной бригады сновали какие-то подозрительные личности, что-то предлагая, что-то обещая и о чем-то уговариваясь. В некоторых из них нетрудно было даже угадать национальность», – пишет капитан 1-го ранга Г. К. Граф.

Это французы. Поскольку все вопросы «революционной демократией» решаются на митингах, то, повлияв на мнение самых активных моряков, можно получить общий нужный результат. Методы влияния стары как мир – подкуп и взятка. Французские агенты раздают деньги морякам, не забывая и о посланцах Ленина: «Между прочим, Глебова-Авилова и Вахrameева видели вместе с двумя неизвестными лицами, – продолжает Г. К. Граф, – тоже, по-видимому, иностранцами, причем слышали, как один из комиссаров что-то многозначительно им обещал: «Не извольте беспокоиться – все, все будет исполнено, хотя бы относительно части»».

Патриоты тоже не теряют времени даром и пытаются спасти корабли. Методы убеждения «союзных» разведок русским офицерам недоступны, подкупить они никого не могут. Дисциплины на флоте тоже более нет, приказать командующий Тихменев не может, он может лишь убедить. Взывать к совести и разуму. Среди моряков, окончательно запутавшихся в хитрых переплетениях политических нитей, снова происходит раскол: 17 июня 1918 года Тихменев фактически уговаривает уйти в Севастополь дредноут «Воля»,

вспомогательный крейсер «Троян» и 7 миноносцев. Вслед уходящим кораблям на самом «большевистском» эсминце «Керчь» поднимается сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России».

Звучит красиво, но только командира этого эсминца лейтенанта Кукеля часто видят в компании офицеров из французской миссии, а 13 января 1918 года (всего пять месяцев назад!) именно под его командованием живых офицеров топили в море с грузом на ногах. Поэтому, говоря о затоплении большевиками Черноморского флота, надо помнить о человеческом облике не только тех, кто отдавал этот приказ, но и тех, кто его выполнял...

Можно обманывать некоторых и иногда, но никому не удавалось обманывать всех и всегда. Правда находит себе дорогу. Даже из пыльных спецхранов Советского Союза. И снова слово Г. К. Графу. Он лично беседовал с участниками тех событий: «Во французской миссии в Екатеринодаре сами же члены ее проболтались о похождениях некоего лейтенанта Беньо и капрала Гильома, агентов французской контрразведки, которым было поручено высшим командованием уничтожить Черноморский флот, не стесняясь ни способами, ни средствами. Лейтенант Беньо нисколько не отказывался тогда от своего участия в этом деле, но наоборот, весьма любезно сообщил некоторые подробности...»

Вот так французская разведка «готовила» приезд нового ленинского эмиссара. Немецкий ультиматум истекает 19 июня. Остаются считанные часы: 18-го в пять утра в Новороссийск прибывает товарищ Раскольников. Те, кто хотел спасти корабли, уже уплыли в Новороссийск. Команды оставшихся судов хорошо обработаны. Раскольников быстро и решительно организует затопление оставшейся части флота. Один за другим уходят на дно 14 боевых кораблей, среди них дредноут «Свободная Россия». Позднее отправляются на дно еще и 25 коммерческих пароходов. А в Москве получают лаконичный отчет-телеграмму Раскольникова о проделанной работе: «Приехав в Новороссийск... взорвал на внешнем рейде все находившиеся... к моему приезду суда».

Теперь карьера Раскольникова пойдет в гору. Почти одновременно Ревтрибунал при ВЦИК вынес смертный приговор А. М. Щастному. Это и есть справедливость с поправкой на «закулисы» мировой политики: спасителю русских кораблей – пуля, его губителю – будущие почетные должности и карьера...

Французским и английским разведчикам тоже есть что предъявить своему руководству: значительная часть флота Российской империи уничтожена. Но «союзникам» этого мало, необходимо потопить весь русский флот и вырвать с корнем саму возможность его будущего возрождения. Поэтому трагедия русского флота на этом не закончилась. Наоборот – она еще только начиналась. Русский флот надо было ликвидировать во что бы то ни стало. Как и Российскую империю, как и Белое движение. Пришла пора приглядеться к той помощи, что оказывали доблестные «союзники» борцам за восстановление России. И тут нас ждет масса неприятных сюрпризов...

ГЛАВА 8 КАК «СОЮЗНИКИ» БЕЛЫМ ПОМОГАЛИ

... Помощь союзниками

оказывалась постольку-поскольку:

с одной стороны, принимались

меры, чтобы большевики

не одержали решительный

верх, но с другой, чтобы и белые

не могли их низвергнуть.

Г. К. Граф

«Мы Россией не торгуем» – знаменитые слова генерала Деникина. Это и есть ответ на вопрос о причинах поражения Белого движения. Читая мемуары белогвардейцев, невольно поражаешься душевному благородству этих людей. Это патриоты, русские люди до мозга костей. Рискуя жизнью, они всеми силами пытаются спасти свою Родину. Генералы понимают борьбу с большевизмом как свой долг, как продолжение того служения стране, что убелило сединой их виски, а грудь осыпало орденами. Руководители Белого движения, все без исключения, совершают одну и ту же ошибку, которая будет стоить им поражения. Они считают «союзников» России такими же благородными людьми, как они сами, и наделяют качествами, которых у господ из Лондона и Парижа не было и в помине.

Если бы генералы Краснов, Деникин и Врангель хотя бы в общих чертах представляли себе, кто занимался разрушением России, они бы не ждали с этой стороны никакой помощи в деле ее восстановления. Если бы руководители Белого движения знали о закулисных договоренностях Антанты с большевиками, если бы заглянули вдруг в темные комнаты западных представительств в Москве! Если бы они знали, на какие деньги росли и крепили партии эсеров и большевиков!

Если бы, если бы, если бы...

«За Великую, Единую и Неделимую Россию» – поднимали тосты сражавшиеся с большевиками белогвардейцы. И не думали о том, что уже более ста лет цели британской политики были совсем другие: «За Слабую, Раздробленную и Разделенную Россию»! Как же ангlosаксы, преследовавшие диаметрально противоположные цели, могли помогать русским белогвардейцам? Да так и «помогали», четко придерживаясь собственных интересов. А руководители Белого движения не хотели замечать, не хотели задуматься о причинах предательского поведения вчерашних «братьев по оружию». Вместо постепенного воплощения в жизнь ликвидации России видели Деникин, Колчак и Врангель лишь необъяснимые вещи и странное поведение представителей Антанты.

Теперь самое время вспомнить о тех мифах Гражданской войны, что сложились за прошедшие десятилетия. В их создании были заинтересованы Запад, стремившийся упрятать концы в воду, и большевики, «чудом» удержавшиеся у власти. Первым надо было замаскировать свою помощь Ленину в захвате власти и в ее дальнейшем удержании. Вторым необыкновенно важно было скрыть зарубежные корни случившегося переворота и преувеличить собственные заслуги в одержанной победе. Так каковы же эти мифы? Их можно разделить по срокам возникновения: на старые «советские» и новые «антисоветские».

Советская историография оставила нам в наследство целый букет штампов-мифов о наших «союзниках» по Антанте:

- миф первый: была осуществлена иностранная интервенция, направленная на свержение советской власти;
- миф второй: «союзные» правительства в Гражданской войне поддерживали белых и предоставляли им огромную помощь.

В современном «антисоветском» изложении картина получится несколько другой:

- миф третий: в Гражданской войне «союзники» поддерживали хороших белых;
- миф четвертый: плохих красных поддерживали немцы.

И «новые» и «старые» мифы одинаково далеки от действительности. Возьмем, к примеру, сегодняшнее выпячивание тезиса о поддержке большевиков Германией. Если тупо принять его на веру, далее вырисовывается незамысловатая схема: немцы плохие, а англичане и французы, не помогающие красным, – хорошие. Просто и ясно. Собственно, для этого несложного умозаключения вся ложь о Гражданской войне и выстраивалась. Советская схема от современной отличалась незначительными деталями. Откройте любой наш учебник до 1985 года, и вы прочтаете, что в Гражданской войне и «союзники», и немцы поддерживали плохих белых, а хорошие красные умудрились всех их разбить исключительно передовым марксистским учением под руководством мудрой коммунистической партии. Что ж, будем разбираться.

Начнем с мифа первого: была осуществлена иностранная интервенция, направленная на свержение советской власти. Для прояснения ситуации обратимся к первоисточникам: «В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами».

Это формулировка Ленина. Спорить с Ильичем сложно – он прав на все сто процентов. В несколько недель можно было англичанам и французам большевистскую революцию задушить. Но тогда на карте мира вновь появилась бы большая Россия. Тогда не было бы Гражданской войны. Не разрушились заводы, не были бы уничтожены тысячи километров железнодорожных путей, сожжены мосты. Остались живыми миллионы русских людей, родились бы еще миллионы младенцев, и по сей день народ великой страны был бы единым и неделимым. Цели британской разведки были диаметрально противоположными...

Сложно поверить, но иностранная интервенция, которая началась в России, как нас уверяют официальные историки, для свержения советской власти, стартовала по «призыву» и с легкой руки Льва Давыдовича Троцкого. Первыми удостоились чести принять британских солдат наши северные порты. Собственно говоря, Мурманский порт и Мурманская железная дорога были построены в 1916 году для поставок в Россию военного снаряжения и материалов из Британии и Франции. К моменту выхода России из войны с Германией в портах Мурманска и Архангельска скопились миллионы тонн военных грузов. Именно наличие этой военной амуниции давало «союзникам» прекрасный официальный повод для вмешательства в дела России.

Ленин, лавируя между Антантой и немцами, выбирает второе – вариант сотрудничества. Для соблюдения внешнего приличия большевистские власти разыграли появление на русской земле «союзных» войск, как спектакль. Все уже было договорено на закулисных переговорах, но сам Петроград не мог просто пригласить интервентов – это было бы уже слишком. В Мурманске в тот момент правил Совдеп, председателем которого был бывший докер Алексей Юрьев. Когда маршал Маннергейм при помощи немцев разбил финских большевиков, возникла теоретическая возможность нападения финнов и германцев на Мурманск. 1 марта 1918 года Юрьев телеграфировал в Петроград о сложившейся ситуации и сообщил, что британский адмирал Кемп предлагает любую помощь, включая военные силы, для отражения возможного нападения германцев на порт. Теперь ситуация была другая – товарищи на местах просят поддержки. В ответ товарищ Троцкий дает указание Юрьеву «принять любое содействие союзных миссий».

На рейде Мурманска уже с 1915 года находились британские линкор, крейсер и шесть тральщиков – они сопровождали пароходы с военными грузами, поставлявшимися в Россию. Высадка десанта не представляла никаких трудностей, фактически британцам надо было просто сойти с палубы на берег.

Иными словами, министр советского правительства, правая рука Ленина, единственный, кто кроме Ильича был в курсе всех тайных договоренностей, дал добро на высадку британских интервентов. Забавная получается картина, просто театр абсурда: солдаты Антанты идут защищать «германских шпионов» Ленина и Троцкого от германских же войск...

Мировая политика, для вида хмуря брови, благосклонно взирает на разрушение Российской империи кучкой решительных большевиков. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на один весьма любопытный документ. Большевистские «Известия» вслед за всеми мировыми изданиями печатают «Четырнадцать пунктов» Президента США Вильсона. Это его предложения Германии и ее партнерам заключить мир. Опубликованы они в начале января 1918 года, то есть в самый разгар переговоров в Бресте.

Согласимся, мирные предложения – это всегда благо. Это хоть маленькая, но надежда, что миллионы мужчин вернутся к своим женам и детям, а миллионы женщин не станут носить черные вдовьи платки. Благороден порыв миротворца, но важно понять, что же именно предлагает американский президент. Раньше его обращения к Германии походили на пустые декларации. Теперь Вильсон конкретен и очень подробен. Пройдемся прямо по документу, излагая его суть. В скобках дадим перевод: поменяем дипломатический язык на человеческий. Итак, четырнадцать пунктов Вильсона, что так восхитили большевиков.

1. Надо начать переговоры о мире (рассмотреть условия капитуляции Германии и ее союзников, они указаны далее).
2. Свобода судоходства (германские подлодки должны нарушить блокаду Англии и перестать топить «союзные» корабли. Блокада самой Германии может продолжаться).
3. Свобода торговли (американская экономика полна товаров, их надо везти в разрушенную Европу, этому мешают те же немецкие подлодки).
4. Гарантии национального разоружения до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью (противники Антанты должны разоружиться).
5. Справедливое разрешение всех колониальных споров (чтобы таких споров больше не было, все колонии у Германии заберут победители).
7. Бельгию надо освободить и восстановить (за счет Германии, естественно).
8. Освободить территорию Франции (Эльзас и Лотарингию Германия должна отдать Франции).

9. Италии надо исправить границы (то есть добавить ей кусочки австрийской территории, на которые рассчитывали спровоцировавшие войну сербы).

10. Народы Австро-Венгрии должны получить широчайшую автономию (то есть Австро-Венгрия должна распасться и фактически перестать существовать).

11. Оккупированную немцами и австрийцами Румынию, Сербию и Черногорию надо освободить. Сербии еще и предоставить доступ к морю (опять за счет бедных австрийцев).

12. Турецкие области Османской империи должны получить суверенитет, другие народности этой империи тоже (конец Турецкой империи, ее распад); Дарданеллы должны быть открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций (полный контроль над проливами со стороны «союзников»).

13. Должно быть создано независимое польское государство со свободным доступом к морю (это можно сделать только из кусков русской и немецкой территории, Польше передадут немецкий порт Данциг (Гдыня) и отрежут от остальной Германии Восточную Пруссию).

14. Должно быть создано общее объединение наций (будущая Лига Наций, современная ООН).

Все конкретно и понятно. Но где же речь о России? Об этом пункт номер шесть. Мы его намеренно пропустили. Там речь как раз идет о нас. Но читать этот пункт лучше всего последним. В конце. Так сказать, для лучшего понимания и усвоения.

6. Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет.

Вот так. Вы что-нибудь понимаете в этом шестисложном предложении? Перечитайте его еще раз. Снова ничего не попятно? Можете попытаться еще. Хотя бесполезно. Никакой мысли в этой массе букв и слов нет. Кроме одной – сохранить себе, любимым, свободу рук. Получается забавно: Бельгию восстановить, Румынию освободить, Польшу создать, Сербии выход к морю. А что же России? Ей – «самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение». То есть ничего! Ничегошеньки, кроме пустых, ни к чему не обязывающих слов.

Заявление Вильсона в части нашей страны – лучшая иллюстрация четкой направленности Антанты на ликвидацию российской государственности. Помогать никому из противоборствующих в Гражданской войне сторон нельзя – волеизъявление русских должно быть свободным. У красных оружия полно – все склады царской армии, все военные заводы на их территории. А давать винтовки и пулеметы белым – это вмешательство. Нельзя давать и денег борцам за целостность России – это тоже будет нарушение «свободного волеизъявления». А у Ленина практически все сокровища Госбанка.

В такой ситуации исход борьбы белых и красных можно заранее предсказать. По сути, Гражданская война еще толком не началась, а борцов за восстановление русской государственности уже предали. Недаром печатают послание Вильсона советские газеты, потому так и радуются большевики – помощи белым не будет. Такая декларация дает свободу рук в совершении любых поступков в отношении России. Можно объяснить все, что душе угодно: мол, мы старались и – далее по тексту это шестиэтажное нагромождение пустых слов.

Ведь про всех участников войны, про всех сирых да убогих, про Польшу и Бельгию, Сербию и Румынию пишет президент США Вудро Вильсон прямо и конкретно. Только про Россию абстрактно и до предела расплывчато. Почему? Потому что если писать по сути, то должно получиться примерно следующее: территории русские освободить, узурпаторов власти прогнать и провести новые свободные выборы под контролем какой-нибудь международной комиссии, а то и созвать старое Учредительное собрание. Пусть решает, как жить России дальше. В такой России Ленину и большевикам места нет, а любое другое правительство не признает отделения национальных окраин, отпадения Украины и Закавказья. Станет снова Россия Великой, Единой и Неделимой. И потребует своего участия в репарациях и контрибуциях победителей в Первой мировой войне. Восстановление России перечеркнет все усилия и затраты на ее развал. Вот и выходит, что нельзя про Россию писать американскому президенту конкретно. А так можно устраивать коллоквиумы и диспуты по толкованию мутного текста вильсоновского шестого пункта, посвященного России. Ну-ка, кто понял, что такое «обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет»?

Настоящую обеспокоенность «союзников» вызывали совсем другие факты. Для уничтожения русской экономики, для превращения страны в руины нужна Гражданская война и кто-то должен ее начинать. Однако мужественное сопротивление казаков войска Донского и благородный порыв первых добровольцев вскоре должны были закончиться. Как бы ни были хороши казаки, против всей России устоять они не могли. Недовольство большевистской властью было, но оно не выливалось в открытую вооруженную борьбу в других местах русской земли. Разобьют казаков, прихлопнут большевики крохотную Добровольческую армию генерала Корнилова, все и закончится. Гражданской войны, разрушительной и беспощадной, – не будет. И тогда похоронным звоном по «союзному» плану прозвучат слова Ленина из статьи «Очередные задачи советской власти»: «Но, в главном, задача подавления сопротивления эксплуататоров уже решена».

Мало пользы с того, что британской и французской спецслужбам удалось привести к власти в России экстремистов и экспериментаторов. Простая логика государственного управления быстро заставит Ленина и его соратников не разрушать, а созидать. Представьте себе, насколько раньше восстановила бы свои силы Россия (пусть и красная), если бы Гражданская война закончилась, так толком и не начавшись. Или бы ее вообще не было...

Горячее для Гражданской войны нам преподнесли именно «союзники». Роль искры в бочке с порохом сыграли наши братья-славяне: чехи и словаки. Ныне они граждане двух различных государств, а тогда были подданными одной Австро- Венгерской империи. Во время мировой войны солдаты и офицеры славяне испытывали симпатии к России и предпочитали сдаваться в плен, а не сражаться «за кайзера и монархию». Сдача в плен солдат чешской национальности стала повсеместным явлением. Однажды на сторону России организованно перешло сразу более двух тысяч солдат и офицеров 28-го Пражского полка вместе со всем оружием и амуницией. Вот из этих доблестных вояк был сформирован корпус, что, словно канистра бензина, брошенная в тлеющий костер, вызвало взрыв и полномасштабную войну на территории России.

После Октября Россия списана с политической карты мира, с ней считаться более никто не собирается. В том числе меняют свою ориентацию и братья славяне. Руководство чехословаков ходатайствует перед французским правительством и президентом Пуанкаре о признании всех чехословацких воинских формирований частью французской армии. Согласие получено, и с декабря 1917 года чехословацкий корпус в России был формально подчинен французскому командованию. Большевики не возражали: что с того, что две великолепно вооруженные дивизии, обученные и оснащенные за счет русской казны, были объявлены составной частью французской армии!

(Фактически это французские, а не чешские войска проявили странную медлительность при наступлении на Екатеринбург, где дожидалась своей страшной участи семья Николая II. Тогда их неторопливость становится понятной и объяснимой.)

Дальше начались интриги. Было объявлено, что отправятся чехи на Западный фронт, но почему-то не через Мурманск, как планировалось ранее, а наиболее дальней дорогой – через Владивосток. Благодаря столь извилистому пути эшелоны чехословаков растянулись на большой площади – по Волге, Уралу и всей Сибири. Почему же они решили встравать в русскую междоусобицу и начали мятеж вместо того, чтобы побыстрее покинуть пределы России? Ответ прост – «союзные» представители дали им денег. Конечно, не каждому рядовому солдату, а их руководству. 3 марта 1918 года организация чехов «Национальный совет» получила первый взнос от французского консула в сумме 1 млн рублей. 7 марта – 3 млн пополняют казну чехословацких дивизий, 9 марта – еще 2 млн, 25 марта – 1 млн, 26 марта – 1 млн. Итого французский консул передал менее чем за месяц 8 млн рублей. Были и другие платежи. В газете «Прукопник Свободы» приводится общая цифра полученных активов: 11 млн 118 тыс. рублей. И это только от «благодарной» Франции. Англичане тоже подкинули 80 тыс. фунтов.

Чтобы тяжелая телега покатила к обрыву, кто-то должен ее подтолкнуть. Мятеж чехословаков начался в Челябинске – несколько офицеров корпуса были арестованы

местными чекистами «за связь с контрреволюционными элементами». В ответ чехи захватили вокзал и потребовали освобождения своих земляков. 25 мая 1918 года за подписью Троцкого был издан приказ о разоружении чехословацких частей, которые должны сдать оружие, но было уже поздно. Дисциплинированные войска 40-тысячного чешского корпуса быстро захватили огромную территорию. Вокруг них сгруппируются и национальные антибольшевистские силы. Собственно говоря, масштабная война на взаимное истребление русских началась именно чехословацкого мятежа. Позднее заслуги чехов и словаков не забудут – благодарная Антанта поспешит выкроить для них независимую Чехословакию.

Пожар русской междоусобицы зажжен. Главное теперь для «союзников» – не давать ему затухнуть. Белые необходимы как средство максимального ослабления Красной армии. Поэтому надо их подбадривать и поддерживать. Чтобы война длилась как можно дольше, чтобы Россия ослаблялась как можно сильнее...

Понимая логику поведения англичан и французов, мы легко поймем и всю абсурдность второго мифа: «союзные» правительства в Гражданской войне поддерживали белых и предоставляли им огромную помощь. Чтобы не быть голословными, начнем разбираться досконально. Сначала – в терминах. Что такое помощь? «Содействие в чем-либо, в какой-либо деятельности; поддержка» – говорит нам словарь. Давайте разбираться, была ли «поддержка», было ли оказано «содействие» белогвардейцам.

Начнем с поддержки дипломатической и правительственной. Это чрезвычайно интересная тема. В голове обывателя есть небольшая путаница. Так как большевиков историки называют «узурпаторами» и «захватчиками» власти, то у неискушенного читателя складывается впечатление, что красные захватывали Россию у законного правительства. Следовательно, они были мятежниками. На самом деле процесс взятия власти большевиками был настолько хорошо Керенским подготовлен, что захватывать страну, отбивать ее пришлось не красным, а белым! Именно они были мятежниками против центральной ленинской власти. В такой ситуации невероятно важным для борцов с большевизмом была легитимизация их действий. Необходимо было показать, что именно они являются законной властью в России, а захватившие Россию ленинцы – оккупанты и преступники. В такой ситуации только зарубежное признание белого правительства могло придать ему такой «законный» статус.

Именно поэтому «союзники» почти до самого конца Гражданской войны не признали официально ни одного Белого режима. Красных они тоже не признавали, и это давало Лондону и Парижу полную свободу маневра. Все отколовшиеся кусочки Российской империи получали признание Великобритании и Франции в считанные дни.

Глава британского правительства Ллойд Джордж тоже был откровенен: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании. Один из наших великих людей, лорд Биконсфилд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Британской империи».

А белые руководители ждали, когда у лидеров западного мира проснется совесть и они громогласно заявят, кто является законным правительством России. Это было крайне важно, ведь официальное признание влекло за собой много последствий:

- белые получали возможность использовать финансовые средства, принадлежавшие царскому и Временному правительствам, оставшиеся на Западе;
- посольства на захваченной большевиками территории должны были быть закрыты;
- контакты «заместителей» послов с Лениным и Троцким более не могли вестись официально;
- население России получало ясный и понятный сигнал, кому благоволят державы-победительницы (надеясь победить в реальной борьбе со всем миром не могли даже самые отпетые коммунисты).

Все это создавало серьезные предпосылки для поражения красных и победы белых. А вот этого-то как раз и надо было избежать. Особенно когда выяснилась упрямая настойчивость русских генералов и их нежелание торговать интересами своей страны. Ведь создание «санитарного» кордона между Россией и Германией было одной из непереносимых целей английской политики. Для этого создавались Латвия, Литва, Эстония, Украина, Польша и Финляндия. От России следовало отколоть и другие лакомые куски: Азербайджан, Грузию, Армению, Среднюю Азию. Признай верховный правитель России адмирал Колчак отделение от нее всего, что хотели отделить англичане, он стал бы для них милее Ленина, что так часто демонстрировал опасный талант организатора.

Итак, мы убедились, что политической поддержки Белое движение не получило. С военной помощью дело обстояло еще хуже. В начале июня 1918 года Троцкий сказал одному из работников германской дипломатической миссии: «Мы уже фактически покойники; теперь дело за гробовщиком».

Победить большевиков можно только путем быстрой организации русской армии. Надо спешить – Троцкий и его помощники расстрелами и уговорами комплектуют командный состав Красной армии. Скоро недисциплинированные банды грозят превратиться в дисциплинированную силу. Но пока ее нет, марш на Москву обещает быть легким. Красноармейцы будут сдаваться, переходить на сторону белых. Главное – показать, что Антанта поддерживает Белое движение, еще дать немного вооружения и денег – и победа уже в кармане. И ждут Краснов и Деникин помощи. А ее все нет и нет. Потому что быстрое окончание Гражданской войны «союзникам» не нужно. Не надо им и легкой победы белогвардейцев. Для них идеальный вариант: мучительная долгая борьба, в вихре которой исчезнут флот, экономика и царская семья. Исчезнет сама Россия...

Почти девять месяцев, самых сложных первых месяцев, «союзники» оставили Белое движение наедине со своей судьбой! В тот момент, когда у Ленина и Троцкого еще не было реальной боевой силы, «союзники» не дали белым ни своих войск, ни вооружения, ни денег. Генерал Деникин об этом говорит так: «Главным источником снабжения до февраля 1919 года были захватываемые нами большевистские запасы». Ему вторит барон Врангель: «Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника». А у плохо организованных (пока) советских войск всего в избытке. Чтобы лучше всего попятть вооруженность сторон в начале Гражданской войны, надо представить, что у красных было вооружение всей многомиллионной царской армии, а у белых только то, что они захватывали у красных! «Недостаток патронов принимал иногда катастрофические размеры, – пишет Деникин. – Обмундирование – одни обноски...

Санитарное снабжение можно считать несуществующим. Нет медикаментов, нет перевязочных средств, нет белья. Имеются только врачи, которые бессильны бороться с болезнями»[208]. Вот такая Белая армия: вшивая, босая и без патронов. Только когда по другую сторону баррикад выросла Красная армия – пошли поставки вооружений и амуниции. Иначе красные быстро разгромили бы белых...

Но может быть, англичане и французы дали борцам за Россию вместо оружия денег? Не могут войск прислать – но денег-то дать могут?! «От союзников, вопреки установившемуся мнению, мы не получили ни копейки», – развенчивает миф генерал Деникин.

Далее в своих мемуарах рисует Деникин грустную картину. Кроме пайка получал солдат Добровольческой армии денежное довольствие в 1918 году – 30 рублей в месяц, офицеры от прапорщика до главнокомандующего от 270 до 1000 рублей[209]. Прожиточный минимум для одного рабочего в то время 660–780 рублей! А ведь у офицеров и солдат семьи, жены и дети. Их ждет жалкое, голодное существование. И – ни копейки от англичан и французов...

Вернемся на Русский Север. После того как красногвардейцы и английские солдаты вместе боролись с белофиннами, ситуация немного поменялась. Белогвардейцы устроили переворот, и в Архангельске появилось правительство под председательством бывшего народовольца Чайковского. Вскоре его сменила военная диктатура генерала Миллера. Но суть дела не меняется. Власть принадлежит на русском Севере не русским, а англичанам. И они совсем не торопятся наступать на красный Петроград. У них совсем другие задачи. Главная из них – контроль над планомерной ликвидацией России. Все остальные текущие действия диктуются исполнением этой основной цели.

К августу 1918 года антантовских солдат на Севере уже более 10 тысяч. И они двигаются на Петроград. По крайней мере так пишут учебники истории. Но нашему удивлению не будет предела, когда в тех же книгах мы прочитаем, что, спеша «задушить» молодую Советскую республику, развивают английские войска удивительную прыть. За два месяца они продвинулись в глубь русской территории на целых 40 км! Двигутся с черепашьей скоростью, несмотря на отсутствие сопротивления со стороны красных. Потом и вовсе остановились. Генерал Марушевский, последний начальник генштаба русской армии при Временном правительстве, один из руководителей белогвардейцев на Севере, так

объяснял эту ситуацию: «Русское военное командование было лишено самостоятельности и исполняло предначертания союзного штаба. Все мои указания на необходимость наступления, особенно на Двинском и Мурманском фронтах, отклонялись союзниками по мотивам недостаточности войск и ненадежности населения, сочувствующего большевикам»[210].

В любопытной книге «Гражданская война 1918–1921» можно легко найти интересующие нас факты: «... После продолжительного затишья в ноябре 1918 года противник (англичане) пытался продвинуться вдоль Архангельской железной дороги». И далее: «Медлительность первоначальных действий английского командования позволила советскому командованию собрать достаточные силы для защиты советского Северного театра»[211]. Медленно прощупывая почву, «союзники» продвигались вперед, однако, встретив минимальное сопротивление Красной армии, сразу останавливаются. Мотивировка такой странной «скорости» движения англичан необычайно интересна. Оказывается, для успеха наступления командующему британскому генералу Пулю нужно еще по крайней мере пять батальонов. Вы сравните ценность этих двух величин:

- пять батальонов (несколько тысяч солдат);
- спасение России.

Если дать Пулю эти пять батальонов, то он возьмет Петроград, большевики будут разбиты, Гражданская смута закончится и измученная Россия вздохнет свободно. Величины несравнимые. Однако вы, наверное, уже не удивитесь, узнав, что ни английское, ни французское командование не смогло дать этих необходимых войск. Советские военные деятели, написавшие книгу «Гражданская война 1918–1921», подробно повествуют о «походе» британцев на Петроград, но их рассказ быстро начинает напоминать плохой анекдот:

«Обратились к высшей военной инстанции союзников – маршалу Фошу. Последний считал целесообразным, чтобы США отправили эти пять батальонов из Америки прямо в Архангельск. Однако правительство США отвергло эту просьбу. Таким образом, вопрос об отправке пяти новых батальонов в Архангельск разросся до международного события... Пуль стоял и ждал»[212].

Закулисные договоренности «союзников» с большевиками приводят к удивительным сложностям. Ни у англичан, ни у французов нет свободных пяти батальонов. Их армии составляют несколько миллионов человек, на дворе ноябрь 1918 года. Мировая война закончилась, но свободных войск у всей Антанты почему-то нет. Отправить или нет пять батальонов – решает не кто-нибудь, а сам президент США Вильсон.

Тот самый, что подписал в декабре 1913 года «Акт о Федеральном резерве».

Тот самый, что сформировал Федеральную резервную систему, создавшую мировую монополию доллара[213].

Строить которую невозможно, пока существовали золотой рубль и золотая германская марка...

Даст ли президент Вильсон свое согласие на отправку войск для сокрушения тех самых большевиков, что помогают ликвидировать громадную континентальную империю, обеспеченный золотом рубль? Они, борясь за «мировую революцию», ликвидируют конкурентов англосаксов. Несложно догадаться, что Вильсон своего согласия не дает. Пять батальонов не находятся. Большевики могут не беспокоиться за свой Северный фронт...

Проходит еще год. Вот во второй половине сентября 1919 года «союзники» быстро эвакуируются с Русского Севера. Как вы думаете, что сделают англичане с многочисленными военными запасами, скопившимися на пирсах северных портов, ради которых они якобы и высаживались в России? Зная истинные цели британцев, вы легко угадаете.

Перед уходом из Мурманска и Архангельска «союзники», вместо того чтобы передать запасы и снаряды русским, утопили все снаряжение. «Были сожжены или брошены в воду автомобили, аэропланы, снаряды, патроны, топливо и большое количество всякого обмундирования, то есть все то, в чем так нуждались русские войска»[214].

«Производилось это среди бела дня, на глазах многочисленных зрителей, оставляя похоронное впечатление»[215], – пишет очевидец. После ухода англичан снабжение велось в буквальном смысле слова со дна моря. Недавно в программе «Время» показывали репортаж из Архангельска. В порту начались извлечение и ликвидация множества снарядов и боеприпасов, лежащих на дне бухты. Рискуя жизнью, водолазы достают все это проржавевшее добро из воды. Так вот, это и есть запасы, утопленные англичанами осенью 1919 года, а вовсе не «эхо» Великой Отечественной войны.

Так в чем же заключалась помощь западных демократий белогвардейцам? Какова та поддержка, о которой постоянно говорили руководители Англии, Франции и США, а теперь говорят современные историки? Читая мемуары белых генералов, убеждаешься прямо в обратном: англосаксы не помогают. Первая мировая война закончилась. У «союзников» осталось много амуниции и разных военных мелочей, полезных только во время боевых действий. Деникин просит передать это ненужное имущество ему. Ответ отрицательный: «Французы не пожелали предоставить нам огромные запасы, свои и американские, оставшиеся после войны и составлявшие стеснительный хлам, не окупавший расходов на его хранение и подлежавший спешной ликвидации»[216].

Денег не давали, оружия бесплатно не присылали. Так о чем твердят учебники истории, чем же помогали «союзники» белым? Ответ прост, как приговор: ничем. «Мы ли были недостаточно логичны, французы ли слишком инертны, но экономические отношения с

Францией также не налаживались... Это была уже не помощь, а просто товарообмен и торговля», – замечает генерал Деникин.

Вся «союзная помощь» – это не помощь в обычном человеческом смысле, а **ПРИБРЕТЕНИЕ!** Все поставки покупаются за деньги или меняются на сырье, которым богата Россия. Появилось у Белой армии и золото: летом 1918 года в Казани белогвардейцы перехватили половину золотого запаса России. Потом золото отправили к Колчаку – сотни тонн золота, платины, серебра, драгоценностей на фантастическую сумму в 1 млрд 300 млн золотых рублей (в ценах 1914 года). По даже за эти деньги купить у «союзников» что-то было крайне сложно.

И весь ужас ситуации состоял в том, что Колчаку и Деникину негде покупать оружие и снаряжение, кроме как у тех. Торговля шла не обоюдовыгодная. Одна сторона всегда обманывала другую. Речь не о завышенных ценах и некачественном товаре. Мы говорим о системе, о прямом предательстве, когда одна сторона своими заранее спланированными действиями наносит ущерб другой. Вот только один пример. После присылки одного-двух транспортов с ничтожным количеством запасов французское правительство ультимативно заявило, рассказывает генерал Деникин, что «вынуждено остановить отправку боевых припасов», если мы «не примем обязательство – поставить на соответствующую сумму пшеницу»[217]. Это в разгар боевых действий. Пока не заплатите, патронов я вам не дам. Так говорит с русскими «союзное» французское правительство. Это чистое предательство. Но мягкий генерал Деникин как же мягко напишет в своих мемуарах, говоря о Франции: «В итоге мы не получили от нее реальной помощи: ни твердой дипломатической поддержкой... ни кредитом, ни снабжением»[218].

Уже, кажется, все виды «помощи» и «поддержки» мы перебрали. Но одну все же забыли. Могли «союзники» помочь Белой армии идеями, мыслями. Гражданская война – это и есть борьба идей в чистом виде. У кого пропаганда лучше, тот быстрее разложит противника, за тем пойдут колеблющиеся и сомневающиеся. Чтобы понять причины поражения белогвардейцев, надо просто почитать их документы, ознакомиться с лозунгами и идеологией, с которыми шли русские белогвардейцы в бой. Что же предлагалось русским людям взамен большевизма? Давайте почитаем. Вот первое политическое обращение Добровольческой армии к русским людям, вышедшее из-под пера генерала Деникина:

«Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения. Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предпринимали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созданного по водворении в стране правового порядка»[219].

Давайте бороться с большевиками, рисковать жизнью. За что? Непонятно. Но вот в Омске была установлена военная диктатура адмирала Колчака, объявившего себя верховным правителем России. Он разогнал местных болтунов «учредилонцев» и сразу после взятия власти, в ноябре 1918 года, издает манифест:

«Всероссийское Временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашаемые по всему свету»[220].

Что же мы видим? Снова – идите умирать за «великие идеи свободы, провозглашаемые по всему свету», «дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает». Кто-то кое-где у нас норой – эта строка из советской «милицейской» песни лучше всего характеризует программные документы всех белых руководителей. Они словно боятся произнести горящие слова, от которых зажгутся сердца патриотов и загорятся глаза уставших и деморализованных людей. Словно что-то мешает им произнести такие слова. Или кто-то мешает?

«Социалистическое Отечество в опасности!» – говорят большевики, собирая рабочих на борьбу с Деникиным, Колчаком и Юденичем. «За великие идеи свободы!» – отвечает им Колчак. О чем это он? Когда русские люди чувствовали всей грудью этот воздух свободы, за который теперь надо умирать? В Феврале, когда на улицах Питера лежали полицейские и жандармы с проломленными черепами? Во время правления Керенского, когда хаос и анархия выплеснулись на улицы? Никогда этого не было в России. Не дышали русские люди воздухом свободы, а потому и годились лозунги белых для США, для Франции, но никак не для России. Именно по этой причине «союзники» их и навязывали. Потому и не было «триумфального шествия» белогвардейцев по стране, а было триумфальное шествие советской власти!

«Если бы белые армии выдвинули идею мужицкого царя, мы бы не продержались и недели», – скажет позднее Троцкий. В этом весь смысл «союзной» политики – возглавить борьбу русских против большевиков. Обусловить свою помощь отсутствием монархических лозунгов, не допускать возникновения идей ее реставрации, но помощи никакой не предоставлять. Возглавить борьбу русских патриотов, чтобы направлять ее в нужное для себя русло. Возглавить, чтобы эту борьбу ликвидировать.

В результате во многих мемуарах белогвардейцев сквозит недоумение: на простые вопросы крестьян, за что они воюют и что несет белая власть простому человеку, образованные офицеры дать ответ затрудняются. Потому что этого ответа не знает никто. Все белые против большевиков. Это ясно. А вот за что они, не знает никто...

Историки нам все время пели, что «белая армия, «черный барон» снова готовят нам царский трон». Врали! Ни одна Белая армия не ставила своей официальной целью восстановление монархии.

Потому что тогда она бы не получила от «союзников» ничего. При первом подозрении в «реакционности» вой поднимали западные газеты, в унисон с ними возмущались деятели «демократической» оппозиции. Ведь за границей русских борцов с большевизмом представляют все те же персоны, кто за полгода разгула демократии при Керенском сумел быстро и эффективно разрушить страну. Один из ярких представителей этой когорты Борис Александрович Бахметьев. Кадет, профессор петербургского Политехнического института, в крематории которого сжигали труп Распутина. В годы Временного правительства товарищ министра торговли и промышленности, с апреля 1917-го – Чрезвычайный и Полномочный Посол России в США. Поскольку ни большевистского, ни какого другого белого правительства России США не признали, то получилась интересная дипломатическая ситуация. Господин Бахметьев представлял Россию и правительство, которого не было и уже никогда более не будет. И не просто представлял, а единолично (!) распоряжался активами Временного правительства, направленными в свое время в США на закупку там вооружений. Сумма у Бахметьева оказалась изрядная – около 50 млн долларов. Чтобы понять величину этой суммы, можно сравнить ее с золотым запасом Испании, вывезенным НКВД во время испанской гражданской войны в СССР: 500 млн долларов.

Огромными деньгами распоряжался скромный господин Бахметьев. На благо Родины, естественно. Из этой суммы он:

- уплачивал проценты по взятым Россией в США займам;
- помогал белым правительствам.

Самое интересное, что из этих же денег Бахметьев финансировал американский экспедиционный корпус в России. Таким образом, американские солдаты, столь мало сделавшие для борьбы с большевиками и столь сильно помогавшие организовать правильный вывоз русских ценностей за границу, находились в ней опять же за русский счет. Президент США Вильсон был за такую заботу Бахметьеву очень признателен, а последующие руководители страны дали Бахметьеву американское гражданство. На своей второй Родине «временный» посол быстро стал очень богатым человеком.

Настолько богатым, что до сих пор на проценты с его капитала содержится интереснейший архив. Полное его название: Бахметьевский архив русской, восточно-европейской истории и культуры. Фактически – это архив Белого движения. Это больше 200 коробок с документами, относящимися к Врангелю. Это почти 500 коробок архива русского посольства в Вашингтоне. Это личные архивы Деникина, Юденича, Миллера. Вся история борьбы за восстановление и спасение нашей страны. Все эти сокровища содержатся только на проценты от капитала основателя. Как у Альфреда Нобеля его Нобелевские премии. Как же заработал Бахметьев огромные средства, будучи в США простым профессором Колумбийского университета?

Не будем подозревать уважаемого посла в нечистоплотности. Вне всякого сомнения, он не присвоил себе ни цента из тех 50 млн, что раздавал по своему личному усмотрению. Когда в Сибири правили эсеры Авксентьев и Чернов, кадет Бахметьев деньги им давал.

Когда к власти пришел Колчак – перестал. Не получил ничего и генерал Деникин, когда вел смертельную борьбу с большевиками. Зато сменивший его барон Врангель получил помощь при эвакуации армии из Крыма. На борьбу Бахметьев средств не выделял, на ее окончание дал. А себе построил маленький скромный спичечный заводик, который и сделал его миллионером. Откуда деньги на строительство предприятия? Наверное, взял кредит. Беспроцентный и безвозвратный...

Современные мифы о Гражданской войне еще более далеки от реальности, чем их «советские» собратья. Напомним эти нехитрые выдумки:

- в Гражданской войне «союзники» поддерживали хороших белых;
- плохих красных поддерживали немцы.

Если развенчанию первого тезиса можно посвятить толстенные тома, то второй вопрос мы затрагивали лишь вскользь. Военную помощь и помощь оружием Германия большевикам практически не оказывала. Да и симпатии германских офицеров явно не на стороне красных. Полковник Дроздовский, один из наиболее ярких героев Белого движения, в начале

1918 года, в самый разгар мирных переговоров большевиков с Германией, сформировал отряд и направился к генералу Корнилову на Дон. Идти приходилось параллельно с немецкими войсками, а иногда прямо по занятой ими территории: «Странные отношения у нас с немцами: точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами – всегда на нашей стороне, безусловное уважение... – напишет в своем дневнике Дроздовский. – Мы платим строгой корректностью».

Постепенно симпатии простых офицеров превращаются в политику. Немцы поддерживают антибольшевистскую Грузию и Украину. Начинают они налаживать отношения и с восставшими казаками Краснова. Это от «союзников» не получит атаман ни одной винтовки, ни одного патрона. Германия ведет себя по-другому. Но, впрочем, слово самому атаману Краснову: «Все лежало в войске Донском в обломках и запустении. Самый дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены»[221].

Большевики наступают на казачьи станицы, выдвигаются на юг России и германские части. По-русски положение казачьих дел называется крепким матерным словечком, по звучанию весьма похожим на название одного пушного зверька. Красная волна готовится затопить станицы. Надо что-то срочно предпринять. И тут атаман Краснов решает на беспрецедентный шаг: сразу после своего избрания, 5 мая 1918 года, он пишет письмо... кайзеру Вильгельму! Атаман решает вступить в контакт с главой враждебной державы. Для того времени шаг феноменально смелый.

Обратите внимание на дату. Брестский мир уже давно подписан. И тут Краснов предлагает немцам союз против «выгодной» для Германии советской власти. Ответ Германии был молниеносным. И положительным – через три дня, 8 мая вечером, к атаману явилась германская делегация. Немцы заявили, что они никаких завоевательных целей не преследуют и заинтересованы в том, чтобы на Дону как можно скорее восстановился полный порядок. Сам Краснов в одном из своих выступлений перед казаками сказал прямо: «Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы Войска для борьбы в союзе с нами с бандами красноармейцев и водворения на Дону полного порядка. Зная строгую дисциплину германской армии, я уверен, что нам удастся сохранить хорошие отношения до тех пор, пока германцам придется оставаться у нас для охраны порядка и пока мы не создадим своей армии, которая сможет сама охранять личную безопасность и неприкосновенность каждого гражданина без помощи иностранных частей»[222].

Так чьими же союзниками были немцы, красных или белых? 5 июня 1918 года германские власти заявили об официальном признании атамана как государственной власти. Обратите внимание: «союзники» вплоть до 1920 года, то есть почти три года, не признавали ни одно белое правительство. Германия сделала это за один месяц!

Дальше – начались «межгосударственные» отношения. Германия не грабит казаков, не пытается обобрать их как липку, пользуясь моментом. Германия начинает правильную торговлю. «Для начала разобрались с курсом ваяют. За германскую марку давали 75 «донских» копеек»[223], – пишет атаман Краснов. В освобожденном от большевиков Ростове была образована смешанная Доно-Германская экспортная комиссия, регулировавшая торговые вопросы. Дон начал получать сахар с Украины, а затем должен был начать получать и другие дефицитные товары из самой Германии.

Глава донских казаков пошел по пути Ленина и смог договориться с Германией. За ее широкой спиной он и сумел отстроить и вооружить свою казацкую армию. Оружие и боеприпасы закупались также у германцев. На оккупированной германцами Украине были поистине неисчерпаемые запасы русского вооружения. Его немцы и продавали, а точнее меняли по установленной таксе: одна русская винтовка с 30 патронами – на один пуд пшеницы или ржи. Стрелковым оружием предложение не ограничивалось – Краснов заключил контракт на поставку аэропланов, орудий, снарядов. За первые полтора месяца немцы передали Дону, кубанцам и Добровольческой армии 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снарядов и 11 594 721 ружейный патрон. В войско Донское были отправлены даже тяжелые орудия, в посылке которых ранее германцы отказывали. Помимо этого арсеналы Краснова пополнились на 100 пулеметов, 9 аэропланов, 500 тысяч ружейных патронов и 10 тысяч снарядов.

До сих пор я не встречал нигде ни одного упоминания о совместных боевых действиях немцев и большевиков против белогвардейцев. Зато достоверно установлено, что в боях под городом Батайском красноармейцев совместно били германские войска, донские казаки и батальон Добровольческой армии. Немцы громили большевиков и самостоятельно. Краснов пишет: «Немцы со значительными потерями для себя отразили безумную попытку большевиков высадиться на Таганрогской косе и занять Таганрог. Немцы не особенно охотно вступали в бои с большевиками, но тогда, когда боевая обстановка этого требовала, они действовали вполне решительно, и донцы могли быть

совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята немецкими войсками. Вся западная граница с Украиной от Кантемировка до Азовского моря, длиною более 500 верст, была совершенно безопасна, и донское правительство не держало здесь ни одного солдата»[224].

Разве можно говорить о том, что немцы поддерживали большевиков? Факты заставляют нас признать, что немцы были союзниками не Ленина и его товарищей, а их противников казаков. А где же были французы, англичане, американцы? Слухи об их высадке ходили постоянно. Говорили об этом не только белые офицеры и казаки, но и красноармейцы. Краснов пишет об этом: «Большевики знали, конечно, о событиях на западе и повели сейчас же широкую пропаганду о том, что союзники никогда не будут помогать ни Деникину, ни донскому атаману, потому что демократия Западной Европы с большевиками заодно и не допустит, чтобы ее солдаты пошли против большевиков»[225].

Немцы помогали в основном казакам. Только лишь потому, что казаки этому не препятствовали и не выказывали враждебности германской армии. Помощь была бы оказана и Добровольческой армии Деникина. Если бы... не сопротивление и отказ от нее самого генерала Деникина. Казачий полковник Поляков, боровшийся в рядах Донского войска, оценивает упущенные возможности так: «Как тогда, так и теперь у меня нет сомнения, что возьми руководители Добровольческой армии иной курс в отношении немцев, нам бы совместными усилиями при помощи германцев быстро удалось использовать богатейшие запасы Украины и Румынского фронта, в короткий срок создать настоящие армии, каковые, двинутые в глубь России, легко бы справились с большевиками, не имевшими тогда, как известно, никакой организованной надежной силы»[226].

Но руководители антибольшевистских сил, определявшие политику белых, словно слепые котят, хранили верность «союзникам» и терпеливо ждали от них помощи. Хорошие они были люди, но очень плохие политики. Шанс на спасение России был, но для его использования надо было обладать гибкостью Ленина. И понять, что именно «союзники» России заинтересованы в ее ликвидации, а ее «враг» Германия может оказать реальную помощь. Но не поняли, не сообразили ли...

А потом наступил ноябрь 1918 года – и Германии не стало. Начиная с этого периода поддержку и оружие можно было получить только от Антанты. Вот здесь «союзники» и показали свое истинное лицо. Они внимательно следят за паритетом сил, приглядывают, чтобы белые не стали вдруг сильнее красных. Англичане и французы всю дорогу ведут себя непредсказуемо: то продают, то не продают. Регулируют тоненький ручеек поставок.

Раз наступает Колчак, то помощь пойдет Деникину, когда захлебнется Деникин, будут помогать Колчаку. Помощь «союзников» пойдет не туда, где она в данный момент нужна. Петр Николаевич Врангель свидетельствует: «Обещанная иностранцами широкая помощь уже начинала сказываться. В Новороссийск непрерывно прибывали груженые артиллерийским и инженерным имуществом, обмундированием и медикаментами пароходы. В ближайшее время ожидалось прибытие большого числа аэропланов и танков»[227]. Это как раз тогда, когда колчаковцы побежали, имея острый недостаток в боеприпасах. Потому, что все снаряжение приплыло к Деникину, а не к Колчаку!

Краник поставок открывается, но поток довольно скудный. «Военное снабжение продолжало поступать, правда, в размерах, недостаточных для нормального обеспечения наших армий, но все же это был главный жизненный источник их питания»[228] – это уже Деникин о том же периоде, второй половине 1919 года, когда англичане «щедро» снабжают его вместо погибающего Колчака. Регулировка ручейка поставок была делом достаточно простым. Надо уменьшить затягиваешь переговоры, говоришь об объективных сложностях. Надо ускорить поставку – ничего не говоришь, а быстро везешь нужное оружие. Многие десятки тонн золота были направлены Колчаком за границу, но ответные поставки задерживались. Уже в 1919 году он говорил: «Мое мнение – они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна». По за поставками шел все к тем же подлецам «союзникам». Ведь других-то поставщиков нет...

Вы попробуйте спланировать крупную наступательную операцию, имея в уме такой фактор, как непонятный график поставки оружия. Может, в сентябре привезут «союзные» пароходы оружие, может в октябре, а не ровен час – и не привезут вовсе. Или доставят не вам, а Деникину. То есть не в СИБИРЬ, а на ВОЛГУ. В ответ на ваше недоумение улыбнутся и скажут что-нибудь про «хаос на Транссибирской магистрали». А вашим солдатам стрелять все равно надо. И раненых перевязывать, и изношенное оружие менять. С другой стороны окопов – красные. У них все склады царской армии. Оружия хватает, продовольствие продотряды у крестьян отняли, самих крестьян в окопы загнали. Красноармейцы пусть плохо, но накормлены и одеты. Численность их в разы больше, чем у вас. Чтобы воевали хорошо, в частях комиссары сидят, кто побежит – пристрелят. Попробуйте такого противника разгромить без регулярных военных поставок, на одном энтузиазме.

А ведь еще у красных тоже есть золото. Ведь золотой запас противники между собой разделили почти пополам. И идут поставки вооружений большевикам. Только тайно, в рамках закулисных договоренностей. Прямые доказательства найти сложно, косвенные попадают часто. Профессор Саттон пишет, «что имеются данные госдепартамента о том, что большевикам поставлялось оружие и снаряжение. И в 1919 году, когда Троцкий публично выступал с антиамериканскими речами, он одновременно просил посла Фрэнсиса направить американские военные инспекционные бригады для обучения новой Советской армии».

Недаром Ильич назначил руководить Красной армией Троцкого, похоже, тот просто фокусник и иллюзионист. В середине 1919-го в Красной армии было 1,5 млн бойцов; в конце 1918-го – менее 400 тыс. Голодная разоренная страна за восемь месяцев одела, обула, вооружила и накормила более

МИЛЛИОНА НОВЫХ СОЛДАТ. Откуда же все это снаряжение взялось? Оно было куплено и поставлено англичанами, американцами и французами. Больше его взять просто негде: отнимать и экспроприировать уже не у кого, а купить можно только у победителей в мировой войне.

На первый взгляд и у белых армий жизнь налаживается. «С начала 1919 года мы получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда и 160 млн ружейных патронов»[229], – пишет Деникин. Еще приплыли из Англии 250 тыс. комплектов обмундирования. Это много или мало? Так сразу и не поймешь. Нужно с чем-то сравнить.

Открываем мемуары командира Дроздовской дивизии генерал-майора Туркула: «Тяжелый бой под Гейдельбергом (немецкая колония в Крыму. – Н. С.) напомнил нам бои Великой войны. Мы выпустили до пяти тысяч снарядов; красные, я думаю, раза в два больше»[230].

Ураганный огонь ведет белая артиллерия: пять тысяч выстрелов за один день! Посчитаем – при таком расходе снарядов английских поставок (1 685 522 снаряда) хватит на 337 дней боев. Пусть бой не каждый день, а раз в три дня, тогда почти на три года стрельбы привезли «союзники» боеприпасов. Спасибо им, поклонимся в пояс – хорошо они обеспечили деникинскую армию, три года может ее артиллерия стрелять без усталости. При одном условии... что состоит вся Белая армия только из одной Дроздовской дивизии!

И все снаряды доставлены на передовую, ничего не осталось на складе, не потеряно, не захвачено красными или гуляющими по тылам махновцами. Вот так можно избавиться от магии цифр: снарядов миллионы, а стрелять нечем, если поделить английские поставки на ВСЮ Белую армию...

Потому что для правительства Ее Величества нужно, чтобы победили красные, а не белые. Впрочем, был еще один вариант.

Какой? Поставьте себя на место организаторов русской катастрофы, отбросьте в сторону свою совесть, честность и человеколюбие. Все то, что в реальной политике камнем потянет вас на дно. И вам станет ясно, что единственной приемлемой альтернативой победе большевиков для западных правительств была только ничья, при которой оба врага дышат на ладан.

И действительно, «союзники» делают попытку создать две России. Вместо одной большой и сильной – две маленькие и слабые. Англичане предложили провести мирную конференцию на Принцевых островах (в Мраморном море, близ Константинополя). Белые и красные должны были сесть за стол переговоров и поделить Россию пополам, а заодно и признать отделение всех окраин. Подписать мирный договор, то есть зафиксировать расчленение Родины юридически. Чтобы не обращаться ни к белым, ни к красным, что могло быть истолковано как их фактическое признание Лондоном, приглашение к переговорам опубликовали в печати и передали по радио 23 января 1919 года. Красные быстро согласились. Ленин прекрасно знает, что в действительности надо «союзникам», поэтому большевики говорят, что «готовы идти навстречу желаниям союзных держав». Лев Троцкий в своей работе «О социал-демократической критике» приводит эти предложения: «1) признание долговых обязательств России; 2) отдача в залог нашего сырья, в качестве гарантии уплаты займов и процентов; 3) предоставление концессий – по их вкусу; 4) территориальные уступки в форме военной оккупации некоторых областей вооруженными силами Антанты или ее русских агентов. Все это мы предложили

капиталистическому миру радиотелеграммой от 4 февраля 1919 года в обмен на то, чтобы нас оставили в покое»[231].

Иными словами, большевики готовы сделать что угодно для сохранения своей власти. Они готовы на новый Брестский мир. Белые – те категорически против. Генерал Деникин отправляет личный протест маршалу Фошу. Адмирал Колчак сказал британскому офицеру, что потерял сон, услышав о Принцевых островах. Белые возмущены до глубины души: само предложение о переговорах с мучителями России их оскорбляет. Их упрямство портит такую хорошую идею. Было бы две России: Россия Ленина и Россия Колчака[232]. Можно было бы торговать оружием с обеими, натравливать их друг на друга и грабить богатства страны, искусственно разделенной надвое. Своих целей британские спецслужбы уже достигли: от России отпали все национальные окраины, экономика разрушена, транспорт уничтожен, потоплена значительная часть флота. Уже убиты все основные претенденты на трон. Можно и войну заканчивать, и начать зарабатывать на восстановлении страны, на грабеже естественных богатств России.

Ликвидация Белого движения «союзниками» – это исторический факт. Чтобы описать все ее тайны и весь ее ход, потребуется бесконечное количество томов. Поэтому мы выделим из всего ее объема только четкие и неоспоримые факты предательства англичанами и французами тех, кто старался спасти Россию от большевиков. Но и этой малой толики нам хватит с лихвой, чтобы четко осознать, кому обязаны белые армии своим поражением.

ГЛАВА 9 ЛИКВИДАЦИЯ ДЕНИКИНА

Добровольческая армия... интеллигентская, офицерская... рядом со знаменем «единой неделимой» воздвигла алтарь непоколебимой верности союзникам, во что бы то ни стало. Эта верность союзникам погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его Добровольческой армией.

П. Н. Краснов

Отходит Дроздовская дивизия. Казалось, до Москвы рукой подать, еще одно усилие – и падет красная столица, и снова станет златоглавым русским городом. Встретит она своих

избавителей колокольным звоном, хлебом, солью. И слезами! Горькими, солеными слезами тех, кто потерял в чекистских застенках близких и друзей, кто ежечасно рисковал попасть в заложники, кто жил в беспробудном ужасе долгие месяцы. И все это уже было. Был Харьков, был Курск, когда обезумевшие от счастья горожане забросали дроздовцев цветами, а девушки и женщины целовали и обнимали измученных бойцов. И усталость уходила. Что стоили все их лишения по сравнению с этим счастьем видеть простые русские лица, озаренные надеждой и радостью.

Полковник Туркул слегка пришпорил коня. В Харькове к его пыльному сапогу губами припала какая-то пожилая дама и целовала, целовала его в иступлении, пока солдаты буквально силой не оторвали ее. Где теперь она? Сдан Харьков, оставлен Курск, Севск, Дмитриев, Льгов. Оставлено все. Отходящая дивизия взрывает за собой мосты, водокачки, бронепоезда. Надо хоть немного оторваться от наседающих красных, иначе грозит полное окружение.

Но не страшно на душе, а больно. Никак не понять полковнику, его офицерам и стрелкам-дроздам в малиновых фуражках, почему начался такой откат. Почему они пошли назад?

- Слушай мою команду, – звучит голос командира, – Егерский марш!

Посреди полка выстроился полковой оркестр. Грянул марш. Его слышат все, сняли фуражки, перекрестились. Лица сосредоточенные, бледные. А музыканты стараются вовсю, поднимают дух и настроение. Так под музыку и отходят дроздовцы на станцию Славянскую по большаку, у самой железной дороги.

А смерть, вот она, рядышком. Справа, чернея и колыхаясь в мокром поле, туда же идет конница Буденного. Так и идут час за часом. От конной массы отделился разъезд, на полном скаку встали, шапками машут.

- Товарищи, какого полка, товарищи?

Молча идут дроздовцы, не отвечают. Кричат красные, а ближе подскать страшно. Странная часть идет в утреннем морозе. Молчаливая, с музыкой.

Не выдержали красные. Несколько эскадронов развернулись в лаву, скачут. И вновь:

- Почему молчите, товарищи? Что за часть?

Обычная переключка Гражданской войны. Молчат дроздовцы.

Остановилась красная кавалерия, открыла огонь. Ответили им залпами. Развернулись, ускакали, оставив пару лошадей и всадников на темнеющем поле. И понеслось!

Конные атаки. Одна за другой. Артиллерия Буденного бьет почем зря, дроздовская не отстает. Кавалерия налетает волна за волной, так же волнами отбиваются белые. Не прекращая свой отход, идут перекатами. Один батальон отбивает атаку, другой идет. Когда разворачиваются буденовцы назад, то отбившие их дроздовцы идут в голову колонны. Передохнут минут двадцать, и вновь залп следует за залпом...

В поле громоздятся трупы красных кавалеристов. Не пройти им, не рубануть шашкой по малиновой фуражке. Как страшные цунами, летят новые волны кавалерии. Уже скоро кончатся снаряды и патроны...

Сквозь грохот и пальбу слух улавливает знакомые звуки. Оркестр играет Егерский марш...

Весь 1918 год слабые и практически невооруженные силы белогвардейцев боролись за свою страну. Помощи от «союзников», как мы понимаем, не было никакой. В середине ноября 1918 года в Черное море вошла армада кораблей Антанты. То, что произошло сразу за Этим, историки нам объяснить не могут. Поэтому стараются обходить молчанием.

«... С приходом в Севастополь союзники подняли па наших судах свои флаги и заняли их своими командами»[233], – указывает Деникин в «Очерках русской смуты». Что это значит? Это значит, что англичане и французы потребовали у белых спустить русские Андреевские флаги на русских боевых кораблях, после чего просто их захватили. На каком основании это было сделано, никто никогда так и не объяснил. Не будем утомлять читателя перечислением названий захваченных судов. Однако факты таковы: иностранные флаги были подняты на всех исправных кораблях. Сделано это было так оперативно, что заставляет задуматься о том, что команды для русских кораблей были заготовлены и привезены с собой загодя. А значит – захват был отнюдь не случайностью, армада «союзников» плыла в Черное море с четко сформулированной целью: захватить здесь все остатки русского флота, что и сделала, несмотря на протесты белогвардейцев. Возникает резонный вопрос: а зачем это было сделано? Ответ прост – чтобы не дать корабли использовать, а затем их уничтожить.

Забавно читать исторические исследования, посвященные Белой армии и Гражданской войне. Возьмите практически любую книгу, и вы увидите интереснейшее явление: историки начинают приписывать Белому флоту мощь, не существовавшую у него в реальности. Происходит это потому, что абсолютное большинство исследователей находятся в плену стандартного штампа: «союзники» помогали белым и боролись с красными. Поэтому возможные действия англичан и французов историки анализируют исходя из этого постулата, а не реальных событий, домысливая то, что «союзники» должны были бы сделать! Обычная логика подсказывает нам, что если они действительно борются с большевиками и хотят помогать белым, значит должны были отдать все корабли Деникину. И не просто отдать, а еще и постараться помочь их побыстрее ввести в

строй, чтобы мощь корабельных орудий свела на нет огромное численное превосходство красных. Что же наделе?

«... Вскоре по побережью Черного и Азовского морей начались бои, и помощь флота стала необходимой. Снова, как в первые дни добровольчества, в дни деревянных бронепоездов и краденых пушек, офицерская молодежь снаряжала старые пароходы и баржи с тихим ходом и неправильным механизмом, вооружала их орудиями и ходила вдоль берегов, вступая в бой с большевиками, рискуя ежечасно стать жертвой стихии или попасть в руки врага. А боевые суда наши в это время томились в плену у союзников...»[234]

Это придумал не я, это снова цитата из мемуаров генерала Деникина. А пока наши суда «томятся в плену», он, словно лев, бьется за право владения русскими боевыми кораблями. Первый результат появляется только через два месяца ругани и пререканий. В декабре 1919-го группа из восьми морских офицеров отправилась из Новороссийска в Севастополь, надеясь получить в распоряжение Добровольческой армии хоть один военный корабль. Не тут-то было! Не дали. Пришлось, чтобы иметь хоть какое-нибудь судно, вооружить двумя 75-мм орудиями ледокольный буксир «Полезный», который и явился первым кораблем Добровольческой армии[235]. Это все равно, что обложить броней «запорожец» и на этом основании объявить его танком. Настоящие боевые корабли, уцелевшие после ленинского затопления, белым не передаются.

Никто не сможет ответить на множество вопросов о странностях английской и французской политики, пока не поймет простой, но страшной истины: их цель – разрушение России. Если смотреть под таким углом, то логика в «союзных» делах прослеживается железная. Примеров такого «странного» поведения «союзников» так много, что подробный рассказ о них займет отдельную книгу. Мы лишь упомянем самые важные из них. Сразу после появления кораблей Антанты и захвата русских судов французы высаживают десант в Одессе. Наивные белые генералы воспринимали это как начало реальной помощи. Действительность их быстро разубедила. Эмиссар Деникина, генерал Санников, прибывший в Одессу, так описывает свои впечатления: «Признавая [на словах] Добровольческую армию как один из самых могущественных факторов борьбы с большевиками, французское командование не только не оказывало нам поддержки, но наоборот, всячески тормозило нашу работу...»

«Союзники» запрещают (!) белым в Одесском районе мобилизацию, сославшись на то, что это может привести к беспорядкам и недовольству населения. Они не дают им ни одного патрона или снаряда из собственных запасов. Рядом с местом высадки французов, в Тирасполе, Николаеве и на острове Березань, находятся огромные склады имущества и вооружения старой русской армии. Если эти склады захватить и вывезти их содержимое, то снарядно-патронный голод пройдет у белых надолго. Проблема даже не в захвате, главная сложность – это перевозка. Нужны суда, нужен транспорт. Однако на просьбы генерала Санникова оказать содействие в вывозе этого имущества французы отвечают отказом. На свой страх и риск команда офицеров на барже вывозит лишь малую часть амуниции. Второго рейса не получается – сразу после их отплытия команда французского крейсера «Брюи» взрывает склады...[236]

На этом «странности» поведения французов не закончились. В апреле 1919 года весь французский контингент неожиданно эвакуируется. Причем так быстро, что ставит белых в чрезвычайно сложное положение. В Одессе находится 35 тыс. «союзных» солдат, множество артиллерии, флот. И вся эта сила бежит даже не от Красной армии, а от отряда атамана Григорьева, объявившего себя союзником большевиков, численностью 1700 человек. Историки говорят, что эвакуацию вызвало разложение французских солдат под влиянием большевистской пропаганды. Это полная чушь. Эвакуации Одессы вообще бы не произошло, если бы французы просто не мешали белым ее защищать.

Даже в одиночку, без помощи «союзников», белогвардейская бригада могла оборонять город. У генерала Тимановского было 3,5 тыс. штыков, 1,5 тыс. сабель, 26 орудий, 6 броневиков. Если добавить сюда мощь корабельных орудий «союзников», то станет ясно, что военных причин для эвакуации Одессы просто не было. Но эвакуация произошла. Причем она была не просто быстрой, она была молниеносной. Французское командование сначала приняло решение эвакуировать Одессу в трехдневный срок, а потом сократило время до 48 часов. Подготовиться у белых не было никакой возможности. Тем более что, как пишет генерал Деникин: «Французское командование не сочло нужным даже предупредить меня о готовящейся эвакуации Одессы»[237]. И сетует далее: «Это была уже не эвакуация, а бегство, обрекавшее десятки тысяч людей и вызывавшее невольно в их сознании мысль о предательстве»[238].

Ошибается Антон Иванович, это не предательство. Это качественно выполненная операция по ликвидации мешающего разваливать Россию Белого движения. Помните следователя ЧК со странной фамилией Делафар, что допрашивал на Лубянке арестованных французов? Правильное написание его фамилии – де Лафар. Потому что сей доблестный юноша тоже француз. «Делафар был явление совершенно для ВЧК необычное. Француз по национальности, аристократ по происхождению, юрист по образованию», – рассказывает нам биография «Дзержинский» А. В. Тишкова, изданная в незапамятное советское время. «... Он пришел в ВЧК с твердым убеждением в необходимости уничтожать контрреволюционные элементы ради скорейшей победы мировой революции»[239].

Подумайте: французский аристократ просто пришел и попросился в ЧК. Дзержинский лишних вопросов не задал и тут же назначил французского маркиза председателем банковского подотдела Отдела борьбы с контрреволюцией. Мало того, Делафар являлся членом коллегии ВЧК. Коллегия – ядро всей большевистской спецслужбы. Она избирала председателя ЧК, двух его заместителей и двух секретарей. За что французам такая честь[240]? Действия Дзержинского покажутся нам верхом наивности и идиотизма, пока мы не поймем, что квалифицированных специалистов по части разведки у большевиков нет. Вот дружественные спецслужбы им и помогают...

Сейчас причины внезапной эвакуации Одессы станут нам понятными и простыми. Жорж Делафар официально считается первым советским разведчиком! В октябре 1918 года он следователь ЧК, в апреле 1919-го он в Одессе, переводчик штаба французского командования[241]. И это самое командование вдруг, совершенно неожиданно эвакуирует город, ставя белых на грань катастрофы. С чего бы это?

Но вернемся назад. Лишь немногие сумели выбраться из Одессы, а большинство белогвардейцев и их семей оказались брошенными. Потому что суда, на которых могли спастись люди, оказались захваченными французами «для своих нужд». Уходя, они не забывают увести из порта почти все русские корабли. Почитайте мемуары Деникина, и вам все станет ясно: «Мы вели длительную переписку и разговоры по поводу захвата французами черноморского транспорта (из одной Одессы во время эвакуации ушли под французским флагом 22 парохода, которые потом с великим трудом и проволочкой... были частично возвращены»[242].

А после Одессы французы бегут и из Севастополя. Эвакуация Одессы – катастрофа для Белого движения. Продолжалась она, напомним, всего 48 часов. Потеряны люди и уйма средств. Делают ли «союзники» выводы из этого печального опыта? Безусловно! Поэтому они отводят на эвакуацию из Севастополя только... 12 часов! Дальнейшие поступки французов хорошо иллюстрируют, зачем им нужна ситуация хаоса и неразберихи. Только в такой обстановке они смогут безнаказанно расправиться с нашими кораблями, еще и выдав их потопление за заботу о белых. Их алиби простое: чтобы не досталось красным. Череда искусственно создаваемых кризисов будет повторяться в течение Гражданской войны не один раз. И каждый кризис будет ознаменован потоплением, уводом или повреждением только наших кораблей. Все английские и французские суда всегда благополучно эвакуируются.

Операция по уничтожению русских кораблей проводится молниеносно. Помимо французов, в ней участвовали и англичане (а как же без них!) с линкора «Эмперор оф Индия». Британцы с помощью буксирного парохода вывели одиннадцать русских подводных лодок («Орлан», «Гагара», «Кит», «Кашалот», «Нарвал», «АГ-21», «Краб», «Скат», «Судак», «Лосось» и «Налим») на внешний рейд Севастополя и потопили подрывными патронами на большой глубине. Двенадцатая подлодка, «Карп», была затоплена в Северной бухте[243].

Затем настал черед «портовых учреждений»: подрывные команды английских матросов взорвали пушки севастопольской крепости и сожгли в погребах крепости и военноморского склада порох. Ими были уничтожены цилиндры паровых машин на крейсере «Память Меркурия», эскадренных миноносцах «Быстрый», «Жуткий», «Заветный» и даже на старых номерных миноносцах, а также на служившем казармой транспорте «Березань». Погибли броненосцы «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Борец за свободу».

Весь этот ужас проходил на глазах белого командования. «... Союзники, при общем паническом настроении, топили лучшие наши подводные лодки, взрывали цилиндры машин на оставляемых в Севастополе судах, топили и увозили запасы. Было невыразимо больно видеть, как рос синодик остатков русского флота, избегнувших гибели от рук немцев, большевиков и матросской опричнины...»[244]

Остается лишь подивиться терпению и слепоте Антона Ивановича Деникина, написавшего эти строки, который даже после севастопольской трагедии продолжал смотреть на своих английских и французских партнеров сквозь розовые очки. Самое интересное, что, разгромив и затопив все что было возможно, моряки Антанты Севастополь не покинули. После срочной эвакуации русских войск и затопления русских

кораблей французы и англичане преспокойно оставались в городе еще 12 дней[245]. Нее это время красные части терпеливо ждали, пока «союзники» закончат разгром, и в город не входили. Так стоило ли спешить и устраивать срочную эвакуацию? Конечно, да, ведь именно кризис, вызванный этой поспешностью, отправил на дно уйму русских кораблей. Если же мы представим себе, что Гражданская война есть не что иное, как один огромный кризис, то ответ на вопрос, зачем она была нужна «союзникам», перестанет быть для нас сложным.

Катаклизм, вызванный русской междоусобицей, позволял, сохраняя все приличия, относительно быстро отправить «на дно» саму Россию.

И еще небольшой штрих: когда Деникин отправил во Францию свою военную делегацию, французы... не дали белым офицерам, ехавшим к ним для координации действий, визы! Вы это себе можете представить? Это не случайность. Это система. Это политика.

После череды описанных нами отступлений летом 1919-го белые вопреки всему вновь идут вперед. Никогда советская власть не была в такой опасности, как летом и осенью 1919 года, никогда не были так близки белые к победе, как в эти месяцы. Но блеск будущего триумфа оказался миражом. Корцы за «Единую и Неделимую» оказались разгромлены так внезапно, что стоит поговорить об этом поподробнее. Наступление белогвардейских армий оканчивается катастрофой. Под натиском внезапно окрепших красных белые армии начинают отход, который затем медленно перерастает в бегство и полный развал фронта. Везде пишут, что советская власть стояла осенью 1919-го на краю гибели, но потом вдруг в течение всего трех месяцев большевики в пух и прах разгромили Колчака и загнали деникинскую армию в южные порты, откуда она едва унесла ноги в Крым. Одновременно с этим были ликвидированы Северо-Западная армия Юденича, дошедшая до Пулковских высот под Петроградом, и армия генерала Миллера, оборонявшаяся на русском Севере. Столько славных побед в один короткий промежуток времени совершила советская власть, но мнению всех, уже стоявшая одной ногой в могиле. Причины большевистского чуда историки объясняют, как обычно: так получилось.

Давайте разбираться. У каждого загадочного политического явления обязательно должны быть земные и понятные причины. Так и с разгромом белых. Например, поражение деникинской армии, а следом за ней и всего Белого движения стало следствием... подписанной Деникиным директивы «на Москву». Она нарушает элементарные нормы стратегии: малочисленные войска борцов за единую Россию все дальше расходились друг от друга на бескрайних просторах Родины. Альтернативой этому было скорейшее соединение с Колчаком и движение двух основных белых армий друг навстречу другу. Красная армия обладала одним важным преимуществом: вся большевистская территория была единым монолитом, окруженным белогвардейскими войсками со всех сторон. Поэтому Троцкий и Ленин могли свободно перебрасывать свои войска с одного фронта на другой, громя врагов по очереди, а белые такой возможности не имели. Соединись Деникин и Колчак и они смогут так же свободно маневрировать. Но Деникин приказал идти на Москву и тем самым подписал белым смертный приговор. Почему же он так поступил?

«Я по-прежнему не сочувствовал принятому ставкой операционному плану. Необходимость скорейшего соединения наших сил с сибирскими армиями казалась мне непреложной.

Необходимость эта представлялась столь ясной, что на нее указывалось целым рядом лиц, в том числе и не военных»[246]

Это мнение барона Врангеля. Деникин этого очевидного факта не видит: его гибельный приказ остается в силе. Единственное, что мог в такой ситуации сделать генерал, – это попытаться донести до главнокомандующего свою точку зрения. Так Врангель и поступает, подавая главнокомандующему рапорт. Суть его проста:

- главнейшим и единственным операционным направлением должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака;
- при огромном превосходстве сил противника действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

Ответа никакого. Но барон не оставляет попыток прояснить для себя ситуацию и попытаться изменить будущие печальные события. Раз Деникин уклоняется от разговора, то Врангель пытается объясниться с его ближайшим окружением. Результат – тот же: «Все попытки мои говорить на эту тему с генералом Романовским оказались бесплодны, он явно уклонялся от обсуждения этого вопроса».

Генерал Романовский – начальник деникинского штаба. На эту самую важную тему он говорить с Врангелем не хочет. Это очень странно – барон один из самых видных руководи гелей Белого движения, всего лишь через полгода станет преемником Деникина на посту главнокомандующего. И он, Врангель, ничего не знает о причинах решения, приведшего в итоге к поражению белых во всей Гражданской войне?! Ведь Деникин и Романовский приняли именно этот план наступления на Москву, и у них, несомненно, были весомые аргументы так поступить. Так почему бы их не изложить барону Врангелю, самому значимому после самого Деникина белому полководцу? Он их выслушает и поймет. Он не может их не понять, если они здравые и разумные. Но Врангелю никто ничего не поясняет. А это говорит о том, что аргументы в пользу гибельного решения отнюдь не военного, а политического характера. Поэтому о них вслух сказать нельзя, а надо ограничиться коротким военным «выполняйте». Что же за тайные политические резоны могли летом 1919-го заставить Антона Ивановича Деникина принять столь сомнительное с точки зрения военной науки решение?

А последствия не заставили себя ждать. «Предоставленный самому себе, адмирал Колчак был раздавлен и начал отход на Восток»[247], – писал генерал Врангель. Потому что вместо наступления навстречу Колчаку деникинцы наступают совсем в другую сторону. Расстрелянный адмирал Колчак по понятной причине мемуаров не оставил. Антону Ивановичу Деникину повезло больше, мы можем читать его воспоминания и постараться

понять мотивы его поступков. «Директива 20 июня, получившая в военных кругах наименование «Московской», потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм, – пишет сам автор злополучной директивы. – Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом»[248].

Откуда же у Деникина такой большой оптимизм, что заставляет забыть элементарные правила проведения военных операций? Может быть, его армии неожиданно увеличились в несколько раз? Нет, практически в том же месте своих мемуаров он пишет: «Малочисленность наших сил и вопиющая бедность в технике и снабжении создавали положение вечного недохвата их на всех наших фронтах, во всех армиях»[249].

Картина все та же: нехватка людей, отсутствие вооружений. Основной способ пополнить боезапас – это взять его у Красной армии. Пополнения черпаются из того же источника:

«... за счет противника людским составом, частично добровольцами, а главным образом пленными»[250].

Такая же картина и у других белых дивизий. Типичные цитаты мемуаров той поры:

«В батарее было два пулемета на тачанках для прикрытия. Действовали они редко из-за недостатка патронов», – указывает поручик С. И. Мамонтов в своей книге «Походы и кони»;

«Расход патронов и снарядов был ограничен», – пишет В. Кравченко в своих мемуарах «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи».

Печем стрелять лучшим, самым боеспособным белогвардейским частям, что идут на острие наступления. Таково положение пехоты, а как мы знаем, именно конница играла в маневренной Гражданской войне решающую роль. Откройте любые воспоминания любого участника Белого движения, служившего в кавалерии. И вы увидите, что там ситуация была куда хуже. В 1954 году в далеком Буэнос-Айресе вышел юбилейный труд «Сумские гусары 1651–1951». Вся история славных гусар описана для благодарных потомков. Большой раздел посвящен Гражданской войне. Возрождение и формирование кавалерийского 1-го гусарского Сумского полка идет в начале лета 1919 года. Как раз накануне тех дней, когда Антон Иванович Деникин решит отдать приказ идти прямо на Москву. Читаем: «Вообще интендантское снабжение отсутствовало. Реализация военной добычи была единственным источником, дававшим возможность эскадронам продолжать формирование и развертывание в соединения...»[251]

Готовятся белые полки к наступлению на собственные средства. Отобьют у красных что-нибудь «ненужное» – продадут, купят что-нибудь «нужное». Белая конница пойдет вперед, до конца не сформировавшись, толком не вооружившись. «Ощущался большой недостаток в седлах и холодном вооружении»[252], – пишут далее гусарские летописцы.

Хорошая у Деникина кавалерия: без шашек, без седел и... без лошадей! Да-да – конница у Деникина была пешей. Формируются кавалерийские полки – но нет лошадей. Потом их покупают или захватывают у красных, но полноценной кавалерии опять не получается. Потому что нет седел. И практически во всех подразделениях конницы есть один или два пеших эскадрона. Они так и воюют, как пехотинцы, пока не подойдет их очередь получить коня и амуницию. А ведь случались с белыми конниками и еще более забавные вещи. Правда, не у Деникина, а у Колчака. Когда с амуницией были совсем большие проблемы, то белогвардейские всадники скакали в атаку, положив на коня вместо седла подушку...[253]

Итак, мы видим, что ничего нового с белыми войсками не произошло: их по-прежнему мало, они раздеты и плохо вооружены. Так, может быть, надо подождать с решительным наступлением на Москву? Сформировать полноценную армию, вооружить ее как следует. Создать резервы, навести порядок в тылу. Это ведь – очевидные истины. И вопрос «почему этого не сделали?» – вопиете каждой страницы мемуаров участников Белого движения. Вопрос есть, а ответа на него до сих пор не дали ни мемуаристы, ни историки всех мастей. Ведь даже когда наступление уже выдыхалось, Деникин, словно ожидая чуда, не принимал никаких мер для исправления ситуации. Врангель приезжает в ставку и видит удивительную картину: Антон Иванович Деникин, всегда бывший человеком здравого ума и рассудка, выглядит странно и неадекватно.

«После обеда генерал Деникин пригласил меня в свой рабочий кабинет, где мы пробеседовали более двух часов. Общее наше стратегическое положение, по словам генерала

Деникина, было блестяще. Главнокомандующий, видимо, не допускал мысли о возможности поворота боевого счастья и считал «занятие Москвы» лишь вопросом месяцев. Но его словам, противник, разбитый и деморализованный, серьезного сопротивления оказать не может... Восстанию разбойника Махно в тылу генерал Деникин также серьезного значения не придавал, считая, что «все это мы быстро ликвидируем». С тревогой и недоумением слушал я слова Главнокомандующего. В отношении нашей внешней и внутренней политики генерал Деникин не был столь оптимистичен. Он горько жаловался на англичан, «ведущих все время двойную игру»...

Почему именно англичане так расстраивают главу Белой армии? Потому что именно «союзники», а не состояние Красной или Белой армии, спровоцировали Деникина и Колчака наступать. А их поведение разительнo отличается от взятых ими на себя обещаний. Вот и грустит генерал Деникин...

Сначала дав многочисленные политические обещания и шантажируя свертыванием военных поставок, потребовать у Деникина и Колчака наступления, потом не дать обещанных ресурсов и помощи. И поставить вопрос о полном свертывании Белого движения. Это краткий смысл комбинации «союзников», которая поставила на белогвардейцах большой и жирный крест. Поэтому и молчит Деникин, потому отмалчивается глава его штаба Романовский. Даже Врангелю не расскажешь обо всех тайных обещаниях англичан, которые как никогда и не воплотятся в реальность. Но не

легче ли просто прекратить белым поставки и тем самым дать большевикам возможность их разгромить? Нет. Во-первых, для прекращения снабжения нужен повод, во-вторых – это бизнес. И в-третьих: не будут белые наступать, не имея оружия и амуниции. Если же они перейдут к обороне, сформируют новые части, пополнят старые, посадят кавалерию на лошадей, то Советская Россия может этого и не пережить. Выжидая, белые могли добиться победы. На начало 1919-го года они контролируют огромные пространства; на их территории нет голода, это у большевиков он свирепствует.

Чтобы Деникин пошел вперед, ему надо пообещать золотые горы и одновременно сообщить, что скоро в Англии и Франции выборы и новый кабинет будет менее лояльным, в парламенте не дадут возможности сохранить существующие объемы военной «помощи» и т.д. и т.п. Вот тогда перед руководителями белогвардейцев встанет дилемма: или остаться без оружия и поддержки, но, не торопясь, освободить свою страну, или постараться закончить Гражданскую войну в конце 1919-го – начале 1920-го, получив дополнительные военные поставки. Чтобы генерал Деникин забыл об элементарных правилах стратегии, ему обещают:

- решительное наступление и помощь от Польши;
- помощь в ликвидации большевиков на Украине от Петлюры;
- множество восстаний в тылу большевиков, организованных «союзной» агентурой и эсерами.

Все будет. Только наступайте немедленно, сейчас, не думая ни о чем, не вдаваясь в подробности. Ваш поход будет триумфальным шествием, а о таких мелочах, как Махно в вашем тылу, не беспокойтесь. Но ни одно обещание «союзников» не было выполнено. Петлюра не только не оказал поддержки белым, но при наступлении его войска начали активное сопротивление деникинцам. Потом бои прекратились, было заключено перемирие. По петлюровцы заключали перемирие и с большевиками, а позднее в большом количестве стали вливаться в Красную армию.

Как и обещали британские эмиссары, начались и восстания в тылу. Только у белых, а не у красных. Как раз в решающий момент наступления на Москву восстали Чечня и Дагестан, подняв зеленое знамя борьбы с неверными. Вспомним, как англичане оплачивали борьбу горцев с Россией во времена покорения Кавказа. Освежим в памяти название европейской столицы, куда в поисках убежища едут нынешние «борцы за свободу». Вот и осенью 1919 года так вовремя вспыхнувшее чеченское восстание в белом тылу не позволит Деникину перебросить хоть какие-нибудь резервы на трещащий по швам фронт.

А еще по бескрайним деникинским тылам гуляет 20-тысячная повстанческая армия батьки Махно. Вешает офицеров, захватывает города. Но если в поведении горцев четко читается рука Лондона и Парижа, то действия батьки Махно я, грешным делом, считал вполне самостоятельными. Пока не перечитал в огромном количестве мемуары белогвардейцев. И нашел. Свидетельства очевидцев дорогого стоят. Спасибо издателям замечательной

серии «Россия забытая и неизвестная. Белое движение», что донесли до нас через десятилетия впечатления и воспоминания участников Гражданской войны. Открываем седьмой том этой серии, читаем. Однофамилец и родственник знаменитого русского премьера А. Столыпин рассказывает в своих мемуарах о карательных экспедициях его кавалерийского полка против махновцев в августе 1919 года. Повстанцы разбиты и частью порублены, а частью взяты в плен. Вот тут и начинается самое интересное: «За нами, шагах в десяти, окруженные конным конвоем, шли пленные. Значит, все же взяли в плен. Шли они в облаках пыли, и некоторые говорили между собой... по-английски!»[255]

Вы только себе представьте в банде батьки Махно несколько жителей Туманного Альбиона. Они что, тоже анархисты? Тоже борются за свободную Украину против генералов, помещиков и коммунистов, за «анархию, мать порядка»? Удивленный автор мемуаров поворачивается к ним и спрашивает, как они попали к Махно. Ответ уникален: «Оказывается, это были рабочие, выписанные до революции из Англии для работы на наших оружейных заводах. Попали они к Махно случайно»[256].

Представьте себе портрет человека, отправившегося в Россию «за длинным фунтом». Будет он участвовать в русской борьбе на стороне анархистов? Конечно, нет. Сразу уедет домой. Ведь после Октября прошло уже почти два года. На Юге России много представителей «союзников», есть они и на Украине. Уехать можно всегда, благо уже много столетий сидит в наших гражданах огромное уважение к иностранцам. Ну, если не ко всем, то к англичанам и французам точно есть. А эти «рабочие» просто случайно скитаются вместе с войсками Махно. Они захвачены не в тылу, в уютной украинской хате за поеданием вареников, а во время жаркого боя с махновской воинской частью. Что же англичане там делают? Не догадываетесь? Они учат анархистов и малограмотных малороссийских крестьян взрывать мосты, устраивать засады. Такие «рабочие» называются военными советниками...

Помогают британцы большевикам и дипломатическими средствами. В самый разгар боев, когда Деникинны из последних сил рвались к Москве, польская армия вдруг остановилась, а потом Польша и вовсе заключила с Лениным перемирие. Следствием этого стало неожиданно большое количество красных войск, появившихся перед белыми. Оставив польский фронт, все эти силы направились на подступы к Москве. «Первой и основной причиной отступления корниловцев от Орла был невероятный перевес в силах противника, доходившего до 42 стрелковых и кавалерийских полков, против наших 3 ударных полков, что красные могли тогда сделать, благодаря заключению перемирия с Польшей Пилсудского»[257], – указывает поручик М. Н. Левитов в своей книге «Корниловский ударный полк».

Невеселое получилось у Деникина наступление. Никто его армии не помог, а вот мешать стали все, даже природа. В конце октября ударили морозы. Мы смеемся над солдатами гитлеровского вермахта, собиравшимися воевать в России без теплой одежды. Ударные части деникинской армии, корниловцы, марковцы, дроздовцы гоже ведут бои без зимнего обмундирования. Начинаются многочисленные обморожения: первыми страдают руки, ведь нет даже перчаток[258]. Ладно немецкие, но белые русские генералы тоже не знали, что в России зима начинается в конце октября? Этого предположить нельзя, зато легко представить себе, что оптимизм Деникина был обусловлен «союзными» обещаниями, что к морозам корниловцы и дроздовцы уже будут греться в московских квартирах. Этого не

случилось: переброшенные с польского фронта большевистские войска остановили белых, а потом и погнали их назад. Вместо помощи белым Польша помогла красным. Но она в своей политике несамостоятельна, а значит – жизненно важную поддержку Ленину и Троцкому оказала не Варшава, а Лондон и Париж.

Изучая «помощь» англичан и французов, оказанную ими Белому движению, очень легко стать провидцем. Вы можете предсказывать результаты «союзной» поддержки русских патриотов практически со стопроцентным успехом. Секрет тут очень прост.

Если англичане или французы что-то белогвардейцам обещали, то в 99 случаев из 100 они это не сделали.

Это правило универсально, оно безотказно действует в вопросах большой политики, таких как: обещания дипломатического признания, поставки вооружений, помощь британского флота и армий, отколовшихся от России окраин. Точно так же оно применимо и к мелким и незначительным (на первый взгляд) событиям. В любых, подчеркиваю, в любых мемуарах белогвардейцев вы найдете парочку фактов, убедительно подтверждающих целенаправленную и планомерную ликвидацию «союзниками» Белого движения. Воспоминания основных лидеров антибольшевистских сил мы обильно цитируем, поэтому сейчас в качестве примера возьмем малоизвестные мемуары К. П. Соколова «Правление генерала Деникина».

До революции автор был главным редактором кадетской газеты «Речь», после большевистского переворота был избран председателем ЦК партии. У Деникина он входил в правительство и процесс становления белой власти знал не понаслышке.

Открываем мемуары, читаем: «... На Юге России возникла новая, большой трудности, финансовая проблема...»[259] Звучит банально – нет денег. Но не в смысле отсутствия денежных активов, а значительно страшнее – в смысле отсутствия самих денежных купюр. «С большими усилиями было налажено «собственное производство» денег в нескольких пунктах нашей территории», – пишет Соколов. По этих мощностей не хватает, да и их еще надо отладить и запустить. Поэтому решение напрашивалось само собой – заказать деньги за границей. Так деникинское правительство и поступило в самом конце 1918 года. Для знающего истинные цели «союзников» в отношении России ответ на вопрос, как был выполнен этот заказ, труда не составит. Купюры «стали прибывать в Новороссийск... в январе 1920 года»[260], – пишет Соколов. Поясню: когда белые шли вперед, когда деньги были нужны для выплат войскам и семьям военнослужащих, для нормализации хозяйственной жизни в освобожденных от большевиков районах – их не было. Не хватало дензнаков для закупок продовольствия у крестьян, нечем было платить жалованье чиновникам и полицейским. Но как только армия Деникина была разбита и стремительно отступила к Новороссийску, как туда сразу же прибыли пароходы со свежееотпечатанными купюрами. В январе денежки только начали приплывать, а в начале марта уже наступил полный крах деникинской власти...

И только па первый взгляд отсутствие бумажных дензнаков может показаться малозначительным. «Важнее всего самый факт вечного денежного голода. В Гражданской

войне, где игра идет на «психологию», это факт огромного значения»[261], – делает вывод Соколов. Город захватывают красные – у них много денег, красным чиновникам, чекистам и офицерам платят хорошие оклады. Приходят белые – они раздеты и разуты, бедны и своим сторонникам платят гроши – ведь денег-то нет.

Вот второй пример из тех же воспоминаний. В Гражданской войне пропаганда – самое важное дело. Обращать надо не только противника, но и общественное мнение европейских стран. Ведь помощи от «союзников» не идет никакой. Если европейцы узнают настоящее лицо большевизма, если на страницы западных газет попадет правда о происходящем в России, правительствам стран Антанты будет куда сложнее и далее вести свою линию на ее окончательное уничтожение. «Огромной радостью было для нас поэтому узнать, что с 1 ноября 1919 года мощная радиостанция в Николаеве будет ежедневно рассылать свое радио по всему миру»[262], – указывает Соколов. Радиоприемники в то время в домах еще не стояли, поэтому чтобы сообщение белогвардейцев стало достоянием западной общественности, его должны принять их радиостанции и передать в средства массовой информации. Технических проблем с приемом быть не может: передатчик в Николаеве, мощностью 100 кВт, один из самых лучших на то время в мире. Правда о русской трагедии наконец появится в парижских и лондонских газетах...

Так думали в правительстве Деникина. Каковы же в действительности оказались результаты? Думаю, вы без труда угадаете. «Результаты получились, однако, самые плачевные, – пишет Соколов, глава деникинской пропагандистской машины. – До европейских центров, Парижа и Лондона, не доходило ничего. Из Лондона нам было объяснено, что просто Николаев не сумел заставить себя «слушать», «врывался в чужие разговоры и только все путал»»[263].

Представьте себе, что к вам в квартиру ночью забрались грабители и убийцы. Но разве можно кричать «караул» так громко и в такой неурочный час! Вы же своими криками «убивают», «помогите» и «вызовите милицию» метаете соседям спать. Крича благим матом, вы «врываетесь в чужие разговоры» и никак не можете заставить себя «слушать» и «только все путаете»...

А европейские газеты продолжали печатать дезинформацию, слухи и откровенную ложь, необходимую организаторам нашей братоубийственной войны. Поставьте в начале статьи слова «из непроверенных источников», и далее можете печатать о России все что угодно. Официальное сообщение деникинской радиостанции так перевернуть нельзя. Поэтому-то ее сообщения «союзные» радисты не слушали и в газеты не передавали...

Поверив «союзным» обещаниям, после своего триумфального наступления белые невероятно быстро снова оказались у Одессы. За страшной эвакуацией апреля 1919 года следует еще более кошмарная эвакуация 1920-го. Обе организованы «союзниками». Нам же интересен «сам процесс» создания этой катастрофы и судьба остатков русского флота, находившихся в Одессе. Ничто так наглядно не продемонстрирует нам, кто виноват в одесских ужасах, как доклад генерала Шиллинга, адресованный самому Деникину. Документ этот весьма любопытный, цитируется и упоминается во множестве мемуаров, в

том числе и у самого Деникина. Но самое интересное в его содержании почему-то всегда остается за кадром.

Войска под руководством Шиллинга откатываются к Одессе. Они деморализованы и фактически небоеспособны. Лучший вариант в такой ситуации – переправить войска в Крым, где они смогут прийти в себя и перегруппироваться. Генерал Шиллинг докладывает Деникину: «Отсутствие у наших войск тыла... брожения внутри занимаемого нами района и невозможность своевременной переброски войск Киевской области делали задачу удержания Одессы невыносимой. Однако условия политические (настойчивые представления союзников) требовали удержания Одессы и прилегающего района, о чем Вы сообщили мне телеграммой № 017264 от 18 декабря...»[264]

Деникин настоятельно требует Одессу удержать, хотя совершенно очевидно, что это белым не по силам. Причина – требования «союзников». До сих пор они выставляли много разных требований, касавшихся финансовых взаимоотношений, признания отколовшихся окраин и желательности тех или иных лозунгов. И вдруг: Одессу надо удержать. Поскольку военного смысла в обороне города уже не было, я вижу лишь один мотив в странных просьбах наших «друзей»: задержать белые войска в Одессе и сорвать эвакуацию. Это заставит погибнуть или сдаться в плен большевикам значительную часть их самых непримиримых противников.

Приказ есть приказ. Генерал Шиллинг обращается с письмом к начальнику британской миссии в Одессе и просит у «союзников» (раз они так настаивают на обороне):

- участия «союзного» флота в обороне подступов к городу;
- срочной присылки дополнительного оружия и патронов.

На случай провала обороны надо подумать и об эвакуации. Здесь помощь «союзников» не менее важна. Генерал Шиллинг просит содействия:

- в вывозе семейств офицеров и гражданских служащих;
- в восстановлении Бугазского моста, ведущего в Румынию;
- пропуска в Бессарабию части одесского гарнизона в случае невозможности посадить его на суда[265].

Ответа от англичан нет, а время неумолимо истекает. Тогда Шиллинг посылает в британскую миссию офицера с письмом и просьбой срочно ответить. Ответ англичанин напи- сал... немедленно, прямо сидя за столом[266]. Помощь морской артиллерией будет дана; 10 тыс. ружей уже плывут в Одессу; вопрос о восстановлении Бугазского моста не

может быть разрешен на месте и запрос послан в Париж. На первый взгляд, все идет неплохо: даже для вывоза семей и других беженцев англичане обещают прислать корабли. Одна беда: мост, ведущий в Румынию, а точнее в захваченную ею у России Бессарабию, без разрешения Парижа восстановить нельзя. Хотя мост нужен даже не для спасения гражданских лиц. Бронепоезда белым девать некуда! Единственную оставшуюся железнодорожную ветку перерезал Махно, которого Деникин за опасность не считал. Через восстановленный мост можно было бы бронепоезда провести и спасти. Хороший штрих к вопросу о самостоятельности румын: для восстановления моста в Румынии разрешение надо получать в Париже.

Этот штришок нам еще пригодится для оценки будущих событий. Запомним его и двинемся далее по рапорту генерала Шиллинга: «8 января последовало, однако, новое письмо начальника британской миссии... с указанием, что Одессе опасность там не предвидят и что для эвакуации 30 000 человек пароходов предоставлено не будет, а если бы таковые и были, то возникает затруднение в принятии их в другие страны»[267].

Все меняется очень быстро. Оказывается, пароходов не будет, а если бы и были, то людей на них везти некуда! Не хотят «союзники» принимать бедных офицерских детей и обезумевших жен. Их же надо кормить. Вот если они погибнут от голода или красноармейской шашки, то это не будет стоить английскому и французскому бюджету ничего. Сам Шиллинг, изумленный таким отпетом, мягко намекает англичанам, «что на обороне Одессы настаивало союзное командование», следовательно, оно и несет за это ответственность. И хотелось бы точно знать, чем оно в таком случае поможет. «Однако ответа на этот вопрос я не добился. Дальнейшая переписка и личные переговоры с англичанами носили все тот же присущий им дух уклончивости и неопределенности»[268], – продолжает свой доклад белый генерал.

Прошло две драгоценные недели (!) с начала этой странной игры «в вопросы и ответы» с англичанами, как Шиллинг получил от них первую конкретную информацию: «18 января глава английской миссии лично мне сообщил иод большим секретом, что он с большой достоверностью может гарантировать проход наших войск в Бессарабию»[269]. Обратите внимание, что официально англичане ничего не обещают. Это не случайно: когда позднее выяснится, что обещания были гнусной ложью, пятно позора на британский флаг не падет. Просто Шиллинг что-то не так понял. Устал, перетруился.

Тем временем катастрофа стала совсем близкой. До захвата Одессы Красной армией остается пять дней. Войска белых начинают разбегаться. Шиллинг снова пишет начальнику британской миссии и просит:

- выслать более мощные военные суда для обороны;
- транспорты для больных, раненых и семей;
- ускорить прибытие угля для пароходов и паровозов;

- ускорить получение разрешения румын на постройку переправ и такого нужного моста через Днестр[270].

Фактически он почти дословно повторяет свои просьбы и добавляет еще одну очень важную – уголь. Станным образом именно сейчас он и закончился. «К этому же времени относится наступление топливного кризиса, парализовавшего все переброски по железным дорогам»[271], – указывает в своем докладе Шиллинг. Без угля белым не сманеврировать войсками, кораблям без угля тоже не уйти, а англичане что-то не торопятся его подвезти. Лучшие мореходы мира забыли, что для пароходов нужно топливо? Нет, просто если уголь будет, то белые войска ускользнут из получившейся мышеловки. В результате: «Ко времени прибытия в Одессу английского угля ввиду небывалых морозов замерзание порта достигло уже такой степени, что никакие пароходы и катера небыли в состоянии двигаться...»[272]

На дворе ведь январь. При очень сильном морозе вода замерзнет и эвакуация вообще станет невозможной. 22 января (4 февраля) 1920 года Шиллингу уже совершенно ясно, что города не удержать. В надежде спасти хоть кого-то и немного разгрузить порт белый генерал решает на русском транспорте «Николай» № 119, специально приспособленном для перевозки лошадей, направить в Новороссийск казачью бригаду генерала Склярова. Однако неприятные сюрпризы поджидают генерала Шиллинга на каждом шагу. Он узнает, что «англичане завладели этим транспортом и... что ни одна лошадь перевезена морем не будет»[273]. Помимо английских, ложью оказались и американские обещания. «Тоннаж, обещанный нам американцами, не только не был предоставлен, но американцы сами просили дать им пароход «Александра», на что мы ответили отказом. Таким образом, помощь союзников по вывозу судов из порта реально ничем не сказалась»[274], – делает логичный вывод Шиллинг.

Наступал кульминационный момент в деле похорон англичанами деникинской армии. Параллельно они вновь готовятся топить русские боевые корабли. Понемногу, не так массово, как это делали раньше, но так же планомерно и неотвратно. Английские миноносцы вывели из порта практически достроенные подводные лодки «Лебедь» и «Пеликан». Но вместо того чтобы увести и спасти, англичане под предлогом закупки порта затопили подлодки в южном проходе. Вместо того чтобы орудийным огнем прикрывать отход последних белых частей, британцы топят русские корабли. «Английский флот был пассивен»[275], – пишет в своих воспоминаниях Деникин. Результат «союзной» помощи описывает в мемуарах и барон Врангель: «От адмирала Бубнова я узнал кошмарные подробности оставления Одессы. Большое число войск и чинов гражданских управлений не успели погрузиться. В порту происходили ужасные сцены. Люди пытались спастись по льду, проваливались и тонули. Другие, стоя на коленях, протягивали к отходящим кораблям руки, моля о помощи. Несколько человек, предвидя неминуемую гибель, кончили самоубийством»[276]. Самое время подвести итог:

- из-за ненужной обороны и не предоставленных англичанами судов в Одессе оказались брошенными огромное количество людей, материальных ресурсов и техники;

- из-за захвата британцами транспорта «Николай» № 119 не удалось вывезти хотя бы минимального количества лошадей; в Крыму вся кавалерия белых будет пешей;
- из-за того что Париж так и не дал разрешение восстановить железнодорожный мост, деникинцы бросили все свои бронепоезда.

Короче говоря, армия осталась без кавалерии, без артиллерии, без тяжелого вооружения. Это полный разгром. Оставшиеся войска, вооруженные только стрелковым оружием, под командованием назначенного Шиллингом генерала Бредова двинулись в сторону Румынии. Они надеялись, что будут пропущены на ее территорию. Белые загодя сделали нужное обращение и получили ответ самого Деникина, что с «союзниками» вариант отступления в Румынию согласован. При подходе к румынской территории произошла трагедия. Деникин пишет об этом так: «Войска генерала Бредова, подойдя к Днестру, были встречены румынскими пулеметами. Такая же участь постигла беженцев – женщин и детей»[277]. Поставленный в безвыходное положение, генерал Бредов свернул на север и с боями пробивался вдоль Днестра, пока не соединился с польскими войсками. Поляки потребовали разоружения белых, обещаясь его вернуть. Судьба борцов за «Единую и Неделимую» была страшной. «Их ждали разоружение, концентрационные лагеря с колючей проволокой, скорбные дни и национальное унижение»[278], – пишет генерал Деникин.

Давайте вспомним, как «независимы» в своих действиях румыны, насколько «свободно» в своих поступках молодое польское государство, являвшееся самым любимым детищем Антанты. И поймем, что это не румыны, тоже являвшиеся «союзниками» России, лупили из пулеметов по беженцам и не бывшие польские соотечественники заботливо направляли белых в концлагерь. Вся антирусская политика всех «маленьких» государств полностью направлялась и на сто процентов определялась сверхдержавами Антанты, победителями в мировой войне. Это англичане и французы стреляли по русским руками своих сателлитов!

Страшной оказалась участь гражданских беженцев. Румыны встретили колонну из 16 тыс. человек артиллерийским огнем. Потом, смирившись, разрешили пройти на свою территорию... только иностранцам, оставив русских подданных на льду во время сильных морозов. Людям было некуда деваться: сзади вот-вот должны были появиться красные, но румыны огнем пресекали все попытки перейти на их территорию. Тогда колонна беженцев двинулась вдоль пограничного Днестра в надежде набрести на польские или украинские войска. Через пару часов их атаковала красная кавалерия, чей наскок был отбит находившимися в толпе кадетами и офицерами. Затем атаки большевиков стали повторяться, и тогда люди, уповая на милосердие румын, в отчаянии перешли на их территорию. Румыны предъявили ультиматум: немедленно уйти, а когда усталые и обмороженные люди его не выполнили – открыли огонь из пулеметов по толпе. Стреляли и когда уже все перебежали на русский берег, стреляли по раненым, по тем, кто пытался им помочь...

А за оставлением Одессы была эвакуация Новороссийска. Ее снова «помогали» организовать англичане. По просьбе Деникина, разумеется: «Я просил о содействии эвакуации английским флотом. Встретил сочувствие и готовность»[279]. Просил

главнокомандующий русской армией у англичан и разрешения (!) использовать русские суда, стоявшие в Константинополе. Их ведь тоже надо заправить углем...

Готовность помочь – это визитная карточка истинного британского джентльмена. Только помощь его всегда выходила России боком. Поэтому оценка барона Врангеля нас совсем не удивит: «Эвакуация Новороссийска превосходила своей кошмарностью оставление Одессы. Стихийно катясь к морю, войска совершенно забили город. Противник, идя но пятам, настиг не успевшие погрузиться части, расстреливая артиллерией и пулеметами сбившихся в кучу на пристани и молу людей. Прижатые к морю наседавшей толпой, люди падали в воду и тонули. Стон и плач стояли над городом».

По итогам катастрофических эвакуаций в плен к большевикам попало около 30 тыс. белых солдат и офицеров. Были брошены огромные запасы вооружения, обмундирования. Все, чего не хватаю белым, когда они наступали на Москву, теперь было взорвано, сожжено или досталось противнику...

Трагедии. Смерть. Кровь. Теперь покинем юг России и перенесемся в Сибирь. Здесь ликвидация Белого движения была еще более страшной и ужасной.

ГЛАВА 10 ЛИКВИДАЦИЯ КОЛЧАКА

Ужасное состояние – приказывать, не располагая реальной силой обеспечить выполнение приказаний, кроме собственного авторитета.
Из письма А. В. Колчака к Л. В. Тимиревой

Спасения нет! Они уже близко. Скоро большевики возьмут станцию Тайга. Тогда начнется самое страшное. Колчаковцы еще отстреливались, из-под колес состава по приближающимся красным бил пулемет. Пули большевиков щелкали по стенкам, разбивали стекла в вагонах.

Но нет, ждать невозможно. Из соседнего поезда выскакивает полковник. Лицо чисто русское, небольшая борода с проседью. За ним высунулась из поезда дама лет 35.

- Ну что? Как?

Не дождавшись ответа, спрыгнула на снег. Подбежала к мужу и схватила его за плечо. И перекрывая грохот пулемета, закричала:

- Спасения нет?! Так?

Он тряхнул головой, расстегнул кобуру и, достав револьвер, пошел в сторону канонады. Жена схватила его за руку и что-то зашептала со слезами.

- Папа! Папа!

Девочка лет десяти в коротеньком платьице выпрыгнула на мороз и подбежала к родителям.

- Папа!

Полковник остановился и сделал несколько шагов по направлению к дочке. Потом остановился. Повернулся в сторону боя, махнул перед собой рукой, словно отгоняя мысли. Снова повернулся в сторону родных, взглянул на них, беспомощных, раздетых на тридцатиградусном морозе. Они смотрят на него, ищут в его лице ответы на все их вопросы.

Рука с наганом дрогнула. Он идет к ним. В его взгляде все: решимость, отчаяние и любовь. Любовь безграничная, как запорошенная тайга, охватывающая со всех сторон эту проклятую станцию с таким же названием. Смотреть и не наглядеться, запечатлеть в душе любимый образ.

Она его поняла. Чуть заметно кивнула, прижала свою девочку к груди, поцеловала и снова повернулась к мужу.

- Не отдам! Большевики будут издеваться над ними. Уйдем отсюда вместе! – крикнул полковник каким-то хриплым, странным голосом.

Поднял руку. Бах! Жена, как подкошенная, рухнула в снег. По нему моментально стало растекаться красное пятно. Девочка, оторопев от увиденного, бросилась к телу матери, рыдая. И тут же увидела холодное дуло револьвера, направленное ей в голову.

Она хватает его за руку, держащую оружие. Она заглядывает в его глаза. Это родные, любимые глаза ее отца.

- Папочка! Оставь меня! Дай мне жить! Большевики мне ничего не сделают! Не лишай меня жизни!

И голос дочери закрыл для полковника все. И звук канонады, и шум ветра, и голоса бежавших солдат. Усы дрожат от скрытого плача. Он так боялся этой минуты. Он готовился к ней, думал, как поступить, если другого выхода уже не будет. И знал, что не может в эту минуту встретиться с глазами дочки. Это жена поймет и простит. А дочка...

Полковник закрыл глаза и застыл с револьвером в руке. Она ребенок, ей ничего не будет. А девочка, стоя на коленях в снегу в своем коротком платьице, обнимает его ноги и плачет.

- Папочка, я хочу жить! Бедная мамочка. Папочка, жить! Оставь меня. Жить! Жить!

Этот ужас не может длиться вечно. Назад дороги уже нет.

– Прощай, Мариша! – прошептали его губы. – Я иду за тобой, Лизонька!

Бах!

... Девочка плакала, что-то причитала, закрывала свое лицо посиневшими от холода руками. Громко всхлипывала над трупами родителей. Пока кто-то не подхватил ее и не занес в поезд...[280]

Вновь нить нашего повествования о причинах окончательного крушения Российской империи пересекается с линией жизни Александра Васильевича Колчака. Его судьба за считанные годы совершила немало крутых виражей. Сначала он командовал Черноморским флотом, но вместо исторических лавров первого русского военачальника, взявшего Дарданеллы и Босфор, он превратился в командующего на глазах терявшего дисциплину флота. Потом последовал новый виток невероятной судьбы адмирала. Неожиданный интерес к его персоне проявили американцы. Военная миссия США обратилась к Временному правительству с просьбой командировать Колчака для консультирования союзников по минному делу и борьбе с подводными лодками. В России лучший отечественный флотоводец был уже не нужен, да и «союзникам» Керенский отказать не мог – Колчак отправляется в Америку. Миссия его окружена тайной, в печати упоминать о ней запрещается. Путь лежит через Финляндию, Швецию и Норвегию. Нигде

из вышеперечисленных стран немецких войск нет, однако путешествует Колчак под чужой фамилией, в штатской одежде. Так же замаскированы и его офицеры. Почему он прибегал к такой маскировке, биографы адмирала нам не объясняют...

В Лондоне Колчак совершил ряд важных визитов. Его принял начальник Морского генштаба адмирал Холл, пригласил к себе первый лорд адмиралтейства Джеллико. В беседе с адмиралом глава английского флота высказал свое частное мнение, что спасти Россию может только диктатура. Ответы адмирала история не сохранила, однако задержатся он в Британии прилично. Вероятно, душевные беседы с Колчаком вели люди и совсем из другого ведомства. Так исподволь прощупывается человек, узнается его характер, привычки. Рисуется психопортрет. Через пару месяцев в России произойдет Октябрь, союзная Великобритании страна рухнет в хаос и анархию. Воевать с Германией она уже больше не сможет. Самые высокопоставленные английские военные все это видят, знают они и рецепт спасения ситуации – это диктатура. По настоять, чтобы Керенский, плавно ведущий страну к большевистской революции, принял жесткие меры, британцы не смеют и даже не пытаются. Они только делятся умными мыслями в личных беседах с бывшим русским адмиралом. Почему именно с ним? Потому что волевой и энергичный Колчак наряду с генералом Корниловым рассматривался в качестве потенциального диктатора. Почему же не помочь волевому военному взять власть вместо тряпки Керенского? Потому что диктатор будет нужен не до Октября, а после! Россию сначала надо до Основания разрушить, а уж потом собирать и восстанавливать. И делать это должен человек, лояльно относящийся к Англии. Испытывающий к Туманному Альбиону приязнь и благодарность. Англичане подбирают будущего диктатора, альтернативу Ленину. Никто ведь не знает, как повернутся события. Поэтому необходимо иметь на скамейке запасных и своих революционеров, и своих Романовых, и благодарного волевого диктатора...

Пребывание Колчака в США по уровню его визитов никак не уступает пребыванию в Лондоне. Его принимает сам родной отец Федеральной резервной системы президент Вильсон[281]. Вновь беседы, беседы, беседы. Зато в морском министерстве адмирала ждал сюрприз. Выяснилось, что наступательная операция морских сил США в Средиземном море, ради консультирования которой его, собственно говоря, и пригласили, отменяется. Зачем же Колчак проделал огромный путь до американского континента? Чтобы мы не подумали, что именно ради душевных бесед тащили Колчака через океан, придумано красивое объяснение. Три недели ходит бывший глава Черноморского флота к американским морякам и рассказывает им:

- о состоянии и организации русского флота;
- об общих проблемах минной войны;
- знакомит с устройством русского минно-торпедного оружия[282].

Все эти вопросы, безусловно, требуют личного присутствия Колчака за тридевять земель. Никто, кроме адмирала (!), не может рассказать американцам устройство русской торпеды...

Здесь, в Сан-Франциско, узнал Колчак о свершившемся в России ленинском перевороте. И тут же получил... телеграмму с предложением баллотироваться в Учредительное собрание от партии кадетов. По не судьба была стать боевому адмиралу парламентским деятелем. Разогнал Ленин Учредительное собрание и лишил Россию легитимного правительства. Немедленно начался распад Российской империи. Не имея сил, большевики никого не держали. Отпали Польша, Финляндия, Грузия, Азербайджан, Армения и Украина.

Колчак переезжает в Японию и вновь круто меняет свою жизнь. Он поступает на службу к англичанам. 30 декабря 1917 года адмирал получил назначение на Месопотамский фронт. Но на место своей новой службы Колчак так и не доехал. О причинах этого он сказал на своем допросе: «В Сингапуре ко мне прибыл командующий войсками генерал Ридаут приветствовать меня, передал мне срочно посланную на Сингапур телеграмму от директора Intelligence Department осведомительного отдела военного генерального штаба в Англии (это военная разведка. – Н. С.). Телеграмма эта гласила: английское правительство... п силу изменившейся обстановки на Месопотамском фронте... считает... полезным для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток начать там свою деятельность, и это, с их точки зрения, является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте»[283].

На допросах перед расстрелом Колчак откровенничал, понимая, что это его последний шанс хоть что-то донести до потомков. В письме к своей возлюбленной А. В. Тимиревой от 20 марта 1918 года он лишь скромно говорит, что его миссия является секретной. Прошло чуть более полугода после душевных бесед Колчака, как невероятная судьба адмирала начала его вознесение на вершины российской власти. Англичане поручают ему сколачивать антибольшевистские силы. Место организации их – Сибирь и Дальний Восток. Первые задания малозначительны – создание белых отрядов в Китае, на КВЖД. Но дело стопорится: в России нет Гражданской войны. Настоящей, ужасной и разрушительной. Колчак возвращается в Японию, сидит без дела. Пока не случается чехословацкий мятеж, который эту самую ужасную из всех русских войн и начинает.

Важно понять причинно-следственную связь. Сначала Колчака «осматривают», беседуют с ним. Потом, когда он дает согласие на сотрудничество, официально принимают на английскую службу[284]. Затем следует ряд мелких поручений, режим ожидания. И наконец, «английского сотрудника» г-на Колчака резко выводят на сцену и почти молниеносно... назначают верховным правителем России. Правда интересно?

Сделано это было так. Осенью 1918 года Колчак прибывает во Владивосток. Приезжает наш герой не один, а в весьма интересной компании: вместе с французским послом Репье и английским генералом Альфредом Ноксом. Генерал этот не простой: до конца 1917 года он исполнял должность британского военного атташе в Петрограде. На его глазах, да не будем скромничать, при его активном участии прошли две русские революции. Теперь задача храброго генерала прямо противоположная – сделать одну контрреволюцию. Кого поддержать, а кого в этой борьбе похоронить, будут решать в Лондоне. На шахматной политической доске надо играть и за черных и за белых. Тогда при любом исходе партии ты в выигрыше.

Далее события развиваются стремительно. Так всегда бывает в карьере тех, в ком заинтересована британская разведка. В конце сентября 1918 года Колчак вместе с генералом Ноксом прибыл в столицу белой Сибири – Омск. Он не имеет никакой должности, он частное, штатское лицо. Но уже 4 ноября адмирал назначен военным и морским министром во Всероссийском Временном правительстве. Еще через две недели, 18 ноября 1918 года, решением совета министров этого правительства вся власть в Сибири передана Колчаку.

Колчак становится главой России через месяц с небольшим после своего прибытия в нее. Причем сам не устраивает для этого никакого заговора и не прикладывает никаких усилий. Все за него делает некая сила, уже ставя Александра Васильевича перед свершившимся фактом. Он принимает звание верховного правителя и становится фактическим диктатором страны, носителем высшей власти. Законных оснований для этого не было никаких. Правительство, отдавшее власть Колчаку, само было выбрано кучкой депутатов разогнанной «Учредилки». К тому же оно сделало свой «благородный» шаг в результате переворота, будучи арестованным.

Патриоты России вздохнули с надеждой. Вместо болтунов к власти пришел человек дела – так казалось со стороны. На самом деле, чтобы понять всю трагичность положения адмирала, надо помнить, что не сам Колчак пришел к власти, а ее ему отдали! За такой подарок как власть над всей Россией и условия были выдвинуты жесткие. Надо быть «демократичным», надо использовать во властных структурах социалистов, надо выдвигать малопонятные простым крестьянам лозунги. Все это кажется незначительной платой за возможность сформировать армию и разгромить большевиков, это ничто по сравнению с возможностью спасти Россию. Колчак соглашается. Он не знает, что именно эти факторы за год приведут его к полному краху...

Когда мы оцениваем Колчака как государственного деятеля, мы должны помнить, сколь короткий период занимал он высшее властное место России. Посчитать легко: верховным правителем он стал 18 ноября 1918 года, отрекся от власти 5 января 1920. Реальную же власть Колчак потерял уже в ноябре 1919-го, когда вся белая государственность в Сибири рухнула под тяжестью военных неудач и тылового эсеровского предательства. У власти стоял адмирал всего год.

И почти сразу он начал демонстрировать своим английским друзьям независимость и упрямый нрав. Вслед за генералом Ноксом в Сибирь пожаловали и другие представители «союзников». Для связи с армией адмирала Колчака Франция направила генерала Жанена. Посетив верховного правителя России, Жанен сообщил ему о своих полномочиях принять командование не только всеми силами Антанты на этом театре, но и всеми белыми армиями в Сибири. Иными словами, французский генерал потребовал у главы русского государства полного подчинения. В свое время и Деникин, и другие руководители Белого движения признали Колчака Верховным правителем России, то есть фактически диктатором страны. «Союзники» его не признали, но на тот момент не признали они и Ленина. К тому же Колчак не просто глава страны, но еще и глава вооруженных сил – Верховный главнокомандующий. Все белые армии формально подчиняются именно ему.

Благодаря подчиненности адмиралу всех остальных белогвардейцев французы фактически подминали под себя все Белое движение.

Отныне приказы русским патриотам должны были приходиться из Парижа. Это – полная потеря национальной независимости. Такая подчиненность убивала идею русского патриотизма, потому что Колчака можно было называть «шпионом Антанты» в ответ на обвинения Ленина и Троцкого в пособничестве немцам.

Колчак отвергает предложение Жанена. Через два дня француз приходит снова. О чем он говорил с Колчаком, доподлинно неизвестно, но консенсус удалось найти: «Колчак в качестве Верховного правителя России является командующим русской армией, а генерал Жанен всеми иностранными войсками, в том числе и чехословацким корпусом. Кроме того, Колчак поручает Жанену замещать его на фронте и быть его помощником».

Когда за твоей спиной стоят такие «верные помощники», твое поражение и гибель лишь вопрос времени. Своеобразно вели себя интервенты, якобы пришедшие помогать русским навести у себя порядок. Американцы, например, установили такие «добрососедские отношения» с красными партизанами, что сильно поспособствовали их усилению и дезорганизации тыла Колчака. Дело зашло так далеко, что адмирал даже поднимал вопрос об удалении американских войск. Сотрудник колчаковской администрации Сукин сообщал в телеграмме бывшему министру иностранных дел царской России Сазонову, что «отозвание американских войск является единственным средством для сохранения дружественных отношений с Соединенными Штатами»[285]. Борьба с большевиками в планы «интервентов» не входила. За 1 год и 8 месяцев «интервенции» американцы из примерно 12 тыс. своих солдат потеряли 353 человека, из них в боях – лишь 180 (!) человек. Остальные умерли от болезней, несчастных случаев и в результате самоубийств. Кстати, потери такого смехотворного порядка очень часто встречаются в статистике интервенции. О какой же реальной борьбе с большевиками можно говорить?

Хотя внешне американцы проводили полезную для белого правительства работу[286]. Они всерьез занялись проблемой Транссибирской магистрали, направив на поддержание ее нормального функционирования 285 железнодорожных инженеров и механиков, а во Владивостоке ими был развернут завод по производству вагонов. Однако такая трогательная забота вызвана отнюдь не желанием быстрее восстановить Россию и наладить перевозки внутри страны. Забота о русских железных дорогах необходима самим американцам. Именно по ним будут вывозить за рубеж значительную часть русского золотого запаса и множество других материальных ценностей. Чтобы делать это было сподручнее, «союзники» заключают с Колчаком соглашение. Отныне охрана и функционирование всей Транссибирской магистрали становится делом чехов, поляков и американцев. Они ее чинят, они обеспечивают работу. Они же ее охраняют и борются с партизанами. Казалось бы, белые войска высвобождаются и могут быть отправлены на фронт. Это так, только в Гражданской войне тыл иногда становится важнее фронта.

Колчак старался добиться признания Запада. Ему, приехавшему в Россию с подачи англичан и французов, казалось невероятным отсутствие их официальной поддержки. А она все время откладывалась. Постоянно обещалась и так никогда и не случилась. Надо

было быть еще более «демократичным» и менее «реакционным». Хотя Колчак и так согласился на:

- созыв Учредительного собрания, как только возьмет Москву;
- отказ от восстановления режима, уничтоженного революцией;
- признание независимости Польши;
- признание всех внешних долгов России.

Но Ленин и большевики всегда были еще более уступчивыми и более сговорчивыми. В марте 1919 года Колчак отверг предложение начать с большевиками мирные переговоры. Он вновь и вновь демонстрировал эмиссарам Запада, что интересы России для него превыше всего. Отказался от попытки поделить Россию и Деникин. И тогда англичане, французы и американцы окончательно решают сделать ставку на большевиков. Именно с марта 1919 года Запад берет курс на окончательную ликвидацию Белого движения.

А ведь именно весной 1919 года казалось, что белая победа уже близка. Красный фронт вот-вот рухнет окончательно. Великий князь Александр Михайлович Романов в своих мемуарах пишет: «Таким образом, большевики находились под угрозой с северо-запада, юга и с востока. Красная армия была еще в зародыше, и сам Троцкий сомневался в ее боеспособности. Можно смело признать, что появление тысячи тяжелых орудий и двух сотен танков на одном из трех фронтов спасло бы весь мир от постоянной угрозы»[287].

Надо только немного помочь белым армиям, совсем чуть-чуть, и кровавый кошмар закончится. Боевые действия идут масштабные, потому требуют большого количества боеприпасов. Война – это прорва, сжирающая в огромных количествах ресурсы, людей и деньги. Это как огромная тонка паровоза, куда надо кидать, кидать, кидать. Иначе – никуда не поедешь. Вот вам еще одна загадка. Оказали ли «союзники» помощь Колчаку в этот решительный момент? Подкинули ли «уголька» в его военную топку? Не мучайтесь в раздумьях – вот ответ из мемуаров все того же Александра Михайловича Романова: «Но затем произошло что-то странное. Вместо того чтобы следовать советам своих экспертов, главы союзных государств повели политику, которая заставила русских офицеров и солдат испытать величайшие разочарования в наших бывших союзниках и даже признать, что Красная армия защищает целостность России от поползновений иностранцев»[288].

Отвлечемся на минуту и вновь вспомним, что азарт наступления в 1919 году поразили Деникина, и Юденича, и Колчака. У всех у них армии не сформированы до конца, не обучены и не вооружены. И все же белые упрямо идут вперед навстречу своей гибели. Удивительно. Словно затмение какое-то нашло на них всех. Белые собираются брать Москву, но только наступают на нее не одновременно, а в разные сроки, по очереди. Это и позволит Троцкому разбить их по частям.

«Положение большевиков весной 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана действий»[289], – пишет в своих мемуарах «Катастрофа Белого движения в Сибири» профессор академии Генштаба Д. В. Филатьев, бывший у Колчака помощником главнокомандующего по части снабжения. Вновь повеяло на нас чудесами. В нашей истории они неизменно связаны с деятельностью британской разведки. Если посмотреть, под чьим давлением принимались военные планы Колчака, то нам станет совершенно ясно, кто и па этот раз стоял за кулисами русской смуты.

Весной 1919 года у верховного правителя России было два варианта действий. Их замечательно описал Д. В. Филатьев

Стоять на месте и, пользуясь полной пассивностью противника, закончить формирование, сколачивание и снабжение своей армии, а также непременно связаться с Деникиным, чтобы условиться о совместных действиях.

Немедленно действовать активно, чтобы не давать красным передышки.

«Осторожность и военная наука требовали принять первый план, чтобы идти к цели хотя и медленно, но верно»[290], – пишет генерал Филатьев. Адмирал Колчак выбирает наступление. Наступать тоже можно в двух направлениях.

Выставив заслон в сторону Вятки и Казани, главные силы направить на Самару и Царицын, чтобы там соединиться с армией Деникина и уж потом совместно с ним двинуться на Москву. (На такое же решение безуспешно пытался получить санкцию Деникина барон Врангель.)

Двинуться в направлении Казань-Вятка с дальнейшим выходом через Котлас к Архангельску и Мурманску, к огромным запасам снаряжения, там сосредоточенным. Кроме того, этим значительно сокращался срок подвоза из Англии, ведь путь к Архангельску несравненно короче, чем путь к Владивостоку[291].

Военное дело – это наука не менее сложная, чем ядерная физика или палеонтология. Есть у нее свои правила и догматы. Не нужно идти без особой необходимости на большой риск; нельзя давать противнику бить себя по частям, свободно передвигая силы по внутренним операционным линиям; самому следует бить врага всеми силами. Выбери Колчак наступление на Самару-Царицын, и будут соблюдены все правила военного искусства.

«Ни одного из этих преимуществ не давало направление всех сил на Вятку, потому что в этом направлении можно было рассчитывать на полный успех лишь в одном предположении, что большевики не догадаются сосредоточить силы против Сибирской армии, ослабив на время нажим на Деникина. Но базировать свой план на бессмысленных

или безграмотных действиях противника не было никаких оснований, кроме собственного легкомыслия»[292].

Не прав генерал Филатьев, вовсе не легкомыслие увлекло Колчака в сторону гибельного пути. Ведь к ужасу своих военных, Колчак выбрал... еще более неудачную стратегию! Третий вариант, самый неудачный, предусматривал одновременное наступление и на Вятку и на Самару[293]. 15 февраля 1919 года была обнародована секретная директива верховного правителя России, предписывавшая наступление на всех(!) направлениях[294]. Это приводило к расхождению армий в пространстве, действиям вразнобой и к оголению фронта в разрывах между ними. Такую же ошибку совершат гитлеровские стратеги в 1942 году, наступая одновременно на Сталинград и на Кавказ. Колчаковское наступление тоже закончится полным крахом. Почему же адмирал выбрал столь ошибочную стратегию? Его убедили принять ее. Между прочим, именно такой гибельный план наступления был рассмотрен и одобрен французским генеральным штабом. Англичане тоже горячо на нем настаивали. Их аргументация была неотразимой. О ней мы можем прочитать в «Белой Сибири» генерала Сахарова:

«Они («союзники». Н. С.) привозили все это во Владивосток и складывали в пакгаузы. Затем начиналась выдача не только под контролем, но и при самом тягостном давлении на вопросы во всех отраслях. Одним иностранцам не нравилось, что нет достаточной близости с эсерами, другие считали курс внутренней политики недостаточно либеральным, третьи говорили о необходимости таких-то именно формирований, наконец, доходили даже до вмешательства в оперативную часть. Указывая и настаивая на выборе операционного направления... Под таким именно давлением было выбрано направление для главного удара на Пермь-Вятку – Котлас...».

12 апреля 1919 года Колчак издает еще одну директиву и принимает решение о начале... общего наступления на Москву. Об уровне готовности белых хорошо говорит сталинский «Краткий курс ВКП (б)»: «Весной 1919 года Колчак, собравший огромную армию, дошел почти до Волги. Против Колчака были брошены лучшие силы большевиков, мобилизованы комсомольцы, рабочие. В апреле 1919 года Красная армия нанесла Колчаку серьезное поражение. Вскоре началось отступление колчаковской армии по всему фронту»[296].

Выходит, едва издав директиву (12 апреля) и начав наступать, войска адмирала были тут же, в апреле, разбиты. А уже в июне–июле красные, отбросив его армии, вырвались на оперативный простор Сибири. Пронаступав всего два месяца, колчаковские войска неудержимо бросились отступать. И как пробежали до самого конца и полного краха. Невольно на ум приходят аналогии...

... Лето 1943-го, советские войска готовятся нанести гитлеровскому вермахту страшный удар. Операция «Багратион» тщательно продумана. В результате нее престанет существовать крупная армейская группировка немцев. Это будет в действительности, а вот если бы сталинское наступление развивалось по принципам Колчака и Деникина, то вместо Варшавы советские танки оказались бы вновь под Сталинградом, а то и под Москвой. То есть крах наступления был бы полный. Да не одного наступления, а всей войны...

Подведем итог – наступать Колчаку было нельзя. Но он не только сделал это, но еще направил свои армии по расходящимся прямым. И даже в этом безграмотном плане совершил еще одну ошибку, направив наиболее сильную свою армию на Вятку, то есть на второстепенное направление.

Поражение армий Колчака (и Деникина, и Юденича) произошло не из-за невероятного стечения обстоятельств, а из-за элементарного нарушения ими азов тактики и стратегии, основы основ военного искусства.

Разве русские генералы были безграмотными офицерами? Неужели не знали основ военного искусства? Заставить их поступить вопреки здравому смыслу могли только те, от кого борцы «за Единую и Неделимую» полностью зависели...

Что ответят на это историки? Такие, мол, у Англии генералы. Случайно так вышло. Английский джентльмен просто плохо учился в школе и военной академии, вот и ошибся. Но все это, конечно, с улыбкой, от чистого сердца и без заднего умысла. У Франции, абсолютно «случайно», генералы ничуть не лучше. Главный советник будущего губителя Колчака, генерала Жапена – капитан французской армии Зиновий Пешков. Знакомая фамилия?

По совместительству этот бравадный французский офицер... приемный сын Максима Горького и родной брат одного из большевистских главарей, Якова Свердлова. Можно только догадываться, какие рекомендации давал такой советник и на кого он в конечном счете работал. В таких условиях и сам план наступательных действий белого адмирала был Троцкому бесспорно известен – отсюда и поразительно быстрый разгром Колчака. Но поначалу это было еще только просто поражение. Много раз менялось военное счастье за время русской междоусобицы. Сегодня наступают белые, завтра красные. Временный отход и неудача – это не конец борьбы, а только один этап. Сибирь огромна, в тылу формируются новые части. Много запасов, созданы укрепрайоны. Чтобы поражение колчаковцев превратилось в катастрофу и гибель всего Белого движения, «союзникам» надо было постараться. И главную роль в удушении белогвардейцев сыграли именно чехословаки. Но мы помним, что это не просто славянские воины – это официальные части французской армии, которыми командует французский генерал Жанен. Так кто же в конце концов ликвидировал Колчака?

Выступив в роли поджигателей настоящей междоусобной войны, чехи быстро покинули фронт и ушли в тыл, предоставив русским воевать с другими русскими. Под свою опеку они берут железную дорогу. Ими заняты лучшие казармы, огромное количество вагонов. У чехов лучшее вооружение, свои бронепоезда. Их кавалерия ездит в седлах, а не на подушках. И вся эта силища стоит в тылу, наедая себе щеки на русских харчах. Когда белые армии начали отход, оккупировавшие Транссибирскую магистраль чехи предпринимают спешную эвакуацию. В России они награбили много добра. Чешский корпус насчитывал около 40 тыс. солдат и занимал 120 тыс. железнодорожных вагонов. И вся эта махина разом начинает эвакуацию. Красная армия воевать с чехами не хочет, еще один мощный противник не нужен и отступающим белым. Поэтому они бессильно

взирают на творимый чехами произвол. Ни один русский эшелон братьями славянами не пропускается. Среди тайги стоят сотни вагонов с ранеными, женщинами и детьми. В армию невозможно подвезти боеприпасы, потому что отступающие чехи пустили свои эшелоны по обеим колеям дороги. Они бесцеремонно отнимают паровозы у русских эшелонов, прицепляя их к своим вагонам. И машинисты везут чешский эшелон, пока паровоз не приходит в негодность. Тогда его бросают и берут другой, у ближайшего нечешского поезда. Гак нарушается «кругооборот» паровозов, теперь вывезти ценности и людей просто невозможно.

Далее станции Тайга, по распоряжению чешского командования, не пропускают вообще никого, даже эшелоны самого Колчака. Генерал Каппель, назначенный адмиралом командовать войсками в этот критический момент, шлет генералу Жанену телеграммы, умоляя его «предоставить распоряжаться на русской железной дороге нашему министру путей сообщения». При этом заверял, что не произойдет ни задержки, ни сокращения движения чешских эшелонов. Ответа не последовало.

Напрасно Каппель шлет телеграммы генералу Жанену, формально командующему всеми «союзными» войсками, в том числе и чехами. Ведь стремление закупорить дорогу продиктовано отнюдь не шкурными интересами чешских капитанов и полковников. Это строгий приказ генералов. Невозможность эвакуации подписывает смертный приговор белогвардейцам. Страшные сцены разыгрываются среди молчаливых сибирских сосен. Эшелоны тифозных, стоящие в лесу. Нагромождение трупов, медикаментов нет, еды нет. Медперсонал свалился сам или сбежал, паровоз замерз. Все обитатели госпиталя на колесах обречены. Красноармейцы так и найдут их потом в тайге, эти страшные, забитые мертвецами поезда...

В других составах бегут от красных офицеры, чиновники и их семьи. Это десятки тысяч людей. Сзади катится вал Красной армии. По организованная чехами пробка никак не рассасывается. Кончается топливо, замерзает в паровозе вода. Люди выходят и бредут пешком по тайге, вдоль железной дороги. Мороз настоящий сибирский – минус тридцать, а то и больше. Сколько замерзло в лесу, не знает никто...

Белая армия отходит. Этот крестный путь позднее получит название Сибирского Ледяного похода. Три тысячи километров по тайге, по снегам, по руслу замерзших рек. Отходящие белогвардейцы несут на себе все вооружение и амуницию. Но пушки по лесам не протаскать. Артиллерия бросается. В тайге не найти и корма лошадям. Страшными вехами отмечают трупы несчастных животных отход остатков Белой армии. Не хватает лошадей – приходится бросить и все лишнее вооружение. С собой везут минимум продовольствия и минимум оружия. И такой ужас длится несколько месяцев. Боеспособность стремительно снижается. Так же быстро растет число заболевших тифом. В маленьких деревнях, куда заходят на ночлег отступающие, и больные и раненые вповалку лежат на полу. О гигиене и думать нечего. На смену ушедшим приходят новые партии людей. Там, где спал больной, ложится здоровый. Врачей нет, нет лекарств. Нет ничего. Главнокомандующий генерал Каппель отморозил себе ноги, провалившись в полынью. В ближайшей деревне простым ножом (!) доктор отрезал ему пальцы ног и кусок пятки. Без наркоза, без обработки раны. Через две недели Каппель скончался – к последствиям ампутации добавилось воспаление легких...

А рядом по железной дороге вьется бесконечная лента чешских эшелонов. Солдаты накормлены, сидят в теплушках, где в печках потрескивает огонь. Лошади жуют овес. Чехи едут домой. Полоса железной дороги объявлена ими нейтральной. В ней не будет боестолкновений. Займет красный отряд городок, через который тянутся чешские эшелоны, а белым его атаковать нельзя. Нарушишь нейтралитет железнодорожной колеи – чехи угрожают ударом.

Едут на санях в лесах остатки Белой армии. Тяжело тащатся кони. Дорог в тайге нет. Точнее, есть – но только одна. Сибирский тракт он забит повозками гражданских беженцев. По нему медленно бредут замерзшие женщины и дети из эшелонов, что давно замерли на блокированной чехами дороге. Сзади напирают красные. Чтобы пройти вперед, приходится буквально сметать с дороги застрявшие повозки и телеги. Пылают костры из вещей и саней. Крики о помощи никто не слышит. Пала твоя лошадь – ты погиб. Посадить тебя на свои сани никто не хочет – ведь если умрет и его лошадь, что будет с его детьми и его близкими? А в лесах бродят красные партизанские отряды. Они расправляются с пленными с особой жестокостью. Не щадят беженцев, убивают всех. Вот и сидят люди в замерзших поездах и тихо угасают на морозе, окунаясь в «спасительный» сон...

Возникновение партизанского движения в Сибири еще ждет своего исследователя. Оно многое объясняет. Знаете, под каким лозунгом шли в бой сибирские партизаны? Против Колчака, это факт. Но почему крестьяне Сибири боролись с оружием в руках против власти адмирала? Ответ лежит в агитационных материалах партизан. Наиболее значимым и известным в Сибири был отряд бывшего штабс-капитана Щетинкина. Интереснейшее описание того, под какими лозунгами он шел в бой, оставил капитан Г. С. Думбадзе. Отряд белогвардейцев в селе Степной Баджей захватил типографию красных партизан. В ней тысячи листовок: «Я, Великий князь

Николай Николаевич, тайно высадился во Владивостоке, чтобы вместе с народной советской властью начать борьбу с продавшимся иностранцам предателем Колчаком. Все русские люди обязаны поддержать меня». Не менее поразителен и конец той самой листовки: «За Царя и советскую власть!»

Вам еще непонятно, почему англичане так настаивали, чтобы белогвардейцы не выдвигали «реакционных» лозунгов?

Но даже в сложившейся кошмарной ситуации у замерзших белогвардейцев был шанс остановиться и отразить наступление Красной армии. Если бы в тылу разом не загорелся пожар подготовленных эсерами восстаний. Как по расписанию, почти одновременно начались восстания во всех промышленных центрах. Многомесячная агитация эсеров сделала свое дело. Большевики были для них много ближе «реакционных» царских генералов. В июне 1919 года был создан Сибирский союз эсеров. Листовки, выпущенные им, призывали к свержению власти Колчака, утверждению народовластия и прекращению вооруженной борьбы с советской властью. Практически одновременно, 18–20 июня, на состоявшемся в Москве (!) XI съезде партии эсеров были подтверждены их основные цели. Главная из них подготовка выступления крестьян на всей территории, занятой

колчаковцами. 12 ноября в Иркутске – как завершающий этап – был создан новый властный орган Политический центр. Именно он должен был взять власть в городе, объявленном белой столицей после падения Омска.

Тут в самый раз задать вопрос, почему же эсеры так вольготно чувствовали себя в колчаковском тылу? Куда смотрела контрразведка? Почему Верховный правитель России каленым железом не выжег это змеиное революционное гнездо? Оказывается, этого ему не давали делать англичане. Они всячески требовали вовлечения этой партии «в дело». Препятствовали наведению порядка и установлению настоящей диктатуры, что в условиях Гражданской войны было более, чем оправданно. За что же «союзники» так любят эсеров? Почему так настоятельно опекают их? Благодаря действию этой партии, в считанные месяцы между Февралем и Октябрем, русская армия потеряла боеспособность, а государство стало недееспособным. Специалистами «в вопросах разрушения и разложения, но не в созидательной работе» метко охарактеризовал эту братию белый генерал Чаплин.

Эсеры занимают посты в кооперативах, общественных организациях, руководят крупными сибирскими городами. И ведут активную тайную борьбу с... белогвардейцами. В рассказах о гибели Колчака и его армии обычно этому уделяется мало внимания. Напрасно. «Эта подпольная деятельность эсеров дала свои плоды гораздо позднее, – пишет в своих мемуарах «Белая Сибирь» генерал Сахаров, – и обратила неуспехи фронта в полную катастрофу армии, привела к разгрому всего дела, возглавляемого адмиралом А. В. Колчаком»[298]. Эсерами начинается антиколчаковская агитация в войсках. Ответить на нес адекватно Колчаку сложно: свержение большевистской власти привело к восстановлению земского и городского самоуправления. Эти органы местной власти избраны еще по законам Временного правительства в 1917 году, они почти полностью состоят из эсеров и меньшевиков. Разогнать их нельзя – это недемократично, этого не допустят «союзники». Оставить тоже нельзя – они оплоты и очаги сопротивления наведению жесткого порядка. До самой своей гибели Колчак этой проблемы как и не решил...

21 декабря 1919 года началось вооруженное выступление эсеров в Иркутской губернии, через два дня они взяли власть в Красноярске, затем в Нижнеудинске. В мятеж вовлечены части 1-й Белой армии, находившиеся в тылу на формировании. Отступающие деморализованные, замерзшие части колчаковцев вместо подкреплений встречают мятежников и красных партизан. Такой удар в спину еще больше подрывает моральный дух белых. Штурм Красноярска не удастся, основная масса отступающих белогвардейцев обходит город стороной. Начинается массовая сдача в плен. Потерявшие надежду солдаты не видят смысла в продолжении борьбы. Беженцы не имеют сил и возможности бежать дальше. Однако значительная часть белых предпочитает марш в неизвестность позорной сдаче ненавистным большевикам. Эти непримиримые герои пройдут свой крестный путь до конца. Их ждало замерзшее русло реки Ангары, новые сотни километров таежных троп, огромное ледяное зеркало озера Байкал. Около 10 тыс. смертельно усталых белогвардейцев пришли в управляемое атаманом Семеновым Забайкалье, привезя с собой столько же обессиленных тифозных больных. Количество погибших учету не поддается...

Такую же стойкость духа проявила и часть гарнизона Иркутска. Последние защитники власти те же, что и везде: присяге остаются верны юнкера и казаки. Эсеры начинают

захват города 24 декабря 1919 года. Восстание начинается в казармах 53-го пехотного полка. Они находятся на противоположном от верных Колчаку войск берегу Ангары. Быстро подавить очаг мятежа не получается. Мост «случайно» оказался разобранным, а все пароходы контролируют «союзники». Чтобы подавить восстание, начальник Иркутского гарнизона генерал Сычев вводит осадное положение. Поскольку до восставших без помощи «союзников» ему не добраться, он решает попытаться образумить бунтующих солдат с помощью артобстрела.

Множество «случайностей» заметим мы в этом восстании эсеров. На железнодорожной станции Иркутска последние недели постоянно находятся чешские эшелоны,двигающиеся во Владивосток. Но эсеровский Политцентр именно тогда начинает свое выступление, когда на вокзале стоит... поезд самого генерала Жанена. Ни раньше, ни позже. Во избежание недоразумения генерал Сычев уведомляет француза о своем намерении начать артиллерийский обстрел позиций мятежников. Момент критический – если сейчас подавить бунт, у колчаковской власти появляется шанс на выживание. Ведь в Иркутске находится эвакуированное из Омска правительство. (Правда, самого адмирала нет. Не желая расстаться с золотым запасом, он со своими эшелонами застрял в чешских пробках в районе Нижнеудинска.)

Поступки «союзников» в иркутских событиях лучше всего иллюстрируют их цели в русской Гражданской войне. Генерал Жанен категорически запрещает наносить удар по мятежникам. В случае обстрела он грозит открыть артиллерийский огонь по городу. Впоследствии свой поступок «союзный» генерал объяснял соображениями гуманности и желанием избежать кровопролития. Командующий «союзными» войсками генерал Жанен не только запретил обстрел, но и объявил нейтральной полосой ту часть Иркутска, где скопились мятежники. Ликвидировать повстанцев становится невозможно, как невозможно не обращать внимания на ультиматум французского генерала: верных Колчаку войск в городе около 3 тыс. штыков, чехов – 4 тыс.

Но белые не сдаются. Они прекрасно понимают, что поражение в Иркутске приведет к полному уничтожению колчаковской власти. Комендант мобилизует всех находящихся в городе офицеров, привлечены к борьбе подростки-кадеты. Энергичные действия властей останавливают переход к восставшим новых частей гарнизона. Однако наступать в «нейтральную зону» белым невозможно, поэтому колчаковцы только защищаются. В город подходят другие части повстанцев, они и атакуют. Ситуация колеблется, никто не может взять верх. Ежедневно происходят жестокие уличные бои. Перелом в сторону правительственных войск мог произойти 30 декабря 1919 года с прибытием в город около тысячи солдат и под командованием генерала Скипетрова. Этот отряд прислал атаман Семенов, он же направил Жанену телеграмму, просившую «или о немедленном удалении из нейтральной зоны повстанцев, или же не чинить препятствий к выполнению подчиненными мне войсками приказа о немедленном подавлении преступного бунта и о восстановлении порядка»[299].

Ответа не последовало. Генерал Жанен ничего не написал атаману Семенову, но действия его подчиненных были красноречивее любой телеграммы. Сначала на подступах к городу они и под разными предлогами не пропустили три белых бронепоезда[300]. Прибывшие семеновцы все же начали наступление и без них, а из города его поддерживали юнкера. Тогда эта «атака была отбита огнем чешских пулеметов с тыла, при этом около 20

юнкеров было убито», – писал очевидец. Доблестные славянские legionеры в спину расстреляли наступавших мальчишек юнкеров...

Но и это не смогло остановить порыв белогвардейцев. Семеновцы продвинулись вперед, и над восстанием нависла реальная угроза разгрома. Тогда чехи, отбросив всякие разговоры о нейтралитете, открыто вмешались в дело[302]. Ссылаясь на приказание генерала Жанена, они потребовали прекращения боевых действий и отвода прибывшего отряда, угрожая в случае отказа применить силу. Не имея возможности связаться с казаками и юнкерами в городе, отряд семеновцев под дулами орудий чешского бронепоезда был вынужден отойти. Но чехи на этом не успокоились. Видимо, чтобы точно обезопасить антиколчаковское восстание, «союзники» разоружили отряд семеновцев, предательски на него напав![303]

Именно вмешательство «союзников» спасло разнородные силы эсеровского Политцентра от разгрома. Именно оно привело к поражению правительственных сил. Оно было совсем неслучайным. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить некоторые даты.

24 декабря 1919 года началось иркутское восстание.

24 декабря эшелон с золотым запасом, в котором ехал Колчак, был задержан чехами в Нижнеудинске на 2 недели. (Почему? Белогвардейцы обезглавлены, появление любимого солдатами Колчака может изменить настроение колеблющихся частей.)

4 января 1920 года борьба в Иркутске заканчивается победой эсеров.

4 января адмирал Колчак сложил с себя полномочия верховного правителя России и передал их генералу Деникину. Совпадения заметны сразу. Чехи с подачи генерала Жанена не дают подавить мятеж, чтобы иметь красивый предлог не пускать Колчака в его новую столицу. Отсутствие адмирала и явная помощь «союзникам» помогает эсерам победить. Как результат этого – Колчак отрекается от власти. Просто и красиво. Историки же говорят нам о трусливых чехах, якобы пытающихся просто убежать от наступающих красных и потому заинтересованных в спокойном пути. Даты и цифры разбивают наивные теории на корню. Солдаты Антанты явно и недвусмысленно начали борьбу с белыми, лишь этого потребовали сложившиеся обстоятельства.

Ведь была у «союзников» еще одна, весьма ясная и конкретная цель. Выдача Колчака на расправу красным представляется в историографии как вынужденный шаг чехословаков. Дурно пахнущий, предательский, но – вынужденный. Мол, ничего не мог сделать другого благородный генерал Жанен, чтобы быстро и без потерь вывезти своих подчиненных из России. Вот и пришлось ему пожертвовать Колчаком и выдать его Политцентру. Сгон. Выдача Колчака состоялась 15 января 1920 года. Но за две недели до этого слабый эсерский Политцентр не только не смог взять власть самостоятельно, но был спасен от разгрома лично генералом Жаненом и чехами. Всего четыре тысячи славянских legionеров могли диктовать свою волю белым и поворачивать ситуацию в самый решительный момент в нужную им сторону. Почему? Потому что за ними стоял весь 40-

тысячный чехословацкий корпус. Это сила. Связываться с ней никто не хочет, начнешь бороться с чехами и добавишь себе сильного врага, а своему противнику – сильного друга. Вот поэтому и красные и белые обхаживают чехословаков как могут. А обнаглевшие чехи отнимают паровозы у санитарных эшелонов и оставляют их замерзать в тайге.

Если бы «союзники» хотели вывезти Колчака живым, им бы в этом никто не помешал. Такой силы просто не было. Да и красным проигравший адмирал был не особенно нужен. Не любят об этом говорить вслух, не показали в последнем фильме, а ведь 4 января Кочак отрекся от власти и дальше ехал под охраной-конвоем чехов уже как частное лицо. Снова вспомним хронологию иркутских событий и обратим внимание на то, что Колчак смог двинуться вперед с золотым эшелоном только после своего отречения. Задержан он был чехами по приказу генерала Жанена, якобы для обеспечения его безопасности.

Дорого обходится представителям высшей русской власти «забота» об их безопасности. Александр Федорович Керенский для ее обеспечения отправил семью Николая II в Сибирь. Генерал Жанен для того же не пустил поезд Колчака в Иркутск, где его могли взять и под охрану верные юнкера и казаки. Через две недели этот заботливый французский генерал совершенно спокойно передаст адмирала в Иркутске представителям эсеровского Политцентра. А ведь он давал «слово солдата», что жизнь бывшего Верховного правителя находится под охраной «союзников». Кстати, когда Колчак был Антанте нужен, то год назад в ночь переворота, приведшего его к власти, дом, где он жил, взяла под охрану английская часть[304]. Теперь же чехословаки фактически взяли на себя роль его тюремщиков.

Это не слабый новорожденный эсеровский Политцентр диктовал чехам свою волю. Это «союзное» командование, попустительствуя эсерам, всячески им помогая, «назначило» дату их выступления в Иркутске. Это оно «готовило» новый режим, которому «под давлением обстоятельств» торопилось передать адмирала. Колчак не должен был остаться в живых. Но не могли же сами чехи его расстрелять. Точно как в истории с Романовыми, которые должны были пасть от руки большевиков, верховному правителю России «союзники» организовали эсеровскую пулю. И были к тому не только политические причины. О, эти причины поймет любой! Ведь речь идет – о золоте. Не о килограммах – о тоннах. О десятках и сотнях тонн драгоценного металла...

Много общего в гибели Колчака и семьи Николая II. В газете «Версия» № 17 за 2004 год опубликовано интервью профессора Дипломатической академии МИД России, доктора исторических наук Владлена Сироткина. Речь идет о «русском золоте», находящемся за границей и незаконно присвоенном «союзниками». Оно состоит из трех частей: «царской», «колчаковской» и «большевистской». Нас интересуют первые две. Царская часть состоит:

- из золота, добытого на приисках, пиратски захваченного Японией в марте 1917-го во Владивостоке;

- вторая часть: это не менее десяти пароходов драгоценного металла, отправленного русским правительством в 1908–1913 годах в США на создание международной валютной системы. Там оно и осталось, а проекту помешала «случайно» начавшаяся Первая мировая война;
- примерно 150 чемоданов с драгоценностями царской семьи, уплывших в январе 1917 года в Англию.

И вот «союзные» спецслужбы руками большевиков организовали ликвидацию всей царской семьи. Это жирная точка в истории «царского» золота. Его можно не отдавать. Отчета более спросить некому – поэтому и не признают англичане и французы ни одной русской власти.

Второй по размерам частью русского золота является «колчаковское». Это средства, направленные в Японию, Англию и США на закупку вооружения. Своих обязательств перед Колчаком не выполнили как самураи, так и правительства Англии и США. Сегодня только золото, переданное Японии, тянет на сумму около 80 млрд долларов. Те, кто не верит в политику, поверьте в экономику! Продать и предать Белое движение было очень выгодно. Колчака ведь благородный генерал Жанен и чехи действительно продали, а если быть совсем точным – то обменяли. За его выдачу красные разрешили чехословакам увезти с собой одну треть золотого запаса российской казны, хранимой адмиралом. Эти деньги лягут потом в основу золотого запаса независимой Чехословакии. Ситуация та же – физическое уничтожение Колчака ставило точку в финансовых взаимоотношениях Антанты с белыми правительствами. Нет Колчака, некому спросить отчета.

Цифры разнятся. Разные источники оценивают сумму «русского золота» в разных цифрах. По в любом случае она внушительна. Речь идет не о килограммах и даже не центнерах, а о десятках и сотнях тонн драгоценного металла. Не в мешках и баулах вывозили «союзники» накопленное русским народом за предыдущие столетия, а пароходами и эшелонами. Отсюда и разночтения: вагон золота сюда, вагон золота туда. Заметьте, что белогвардейское золото именно «колчаковское», а не «деникинское», не «красновское» и не «врангелевское». Сопоставим факты, и «бриллиант» «союзного» предательства засверкает нам еще одной гранью. Никто из белых руководителей не был выдан красным и не погиб во время Гражданской войны, за исключением Корнилова, погибшего в бою. В плен к большевикам попал только адмирал Колпак. Деникин уехал в Англию, Краснов в Германию, Врангель эвакуировался из Крыма вместе с остатками своей разбитой армии. Погиб только адмирал Колчак, распоряжавшийся огромным золотым запасом.

Справедливости ради скажем, что факт гибели Колчака был настолько вопиющий, что вызвал огромный резонанс. «Союзным» правительствам пришлось даже создать особую комиссию для расследования действий генерала Жанена. «Однако дело ничем не кончилось, – пишет Великий князь Александр Михайлович. – На все вопросы генерал Жанен отвечал фразой, которая ставила допрашивавших в неловкое положение: «Я должен повторить, господа, что с Его Величеством Императором Николаем II поцеремонились еще меньше»»[305].

Не зря упоминал французский генерал о судьбе Николая Романова. Приложил генерал Жанен свою руку и к исчезновению материалов об убийстве царской семьи. Первая часть «загадочно» исчезла по дороге из России в Великобританию. Это, так сказать, вклад английской разведки. Французы вносят в эту темную историю свою лепту. Уже после смерти Колчака, в начале марта 1920 года, в Харбине состоялась встреча основных участников расследования: генералов Дитерихса и Лохвицкого, следователя Соколова, англичанина Вильтона и учителя царевича Алексея, Пьера Жильяра. Собранные Соколовым вещественные доказательства и все материалы следствия находились в вагоне британца Вильтона, имевшего дипломатический статус. Решался вопрос об отправке их за границу. В этот момент, как по заказу, на КВЖД вспыхнула забастовка. Обстановка накалилась, и даже выступавший против увоза материалов генерал Дитерихс согласился с мнением остальных. Письменно обратившись к генералу Жанену, участники импровизированного совещания просили его обеспечить сохранность документов и останков царской семьи, находившихся в специальном сундуке. В нем кости, фрагменты тел. Из-за отступления белых следователь Соколов экспертизы сделать не успел. Забрать их с собой он не имеет права: следователь только тогда имеет доступ к материалам, когда он лицо официальное. Исчезает власть. Соколова во главе следствия поставившая, – исчезают и его полномочия. Не имеют никакого права на вывоз документов и реликвий и остальные участники расследования.

Единственный вариант спасти доказательства и оригиналы документов следствия – передать их Жанену. В середине марта 1920 года Дитерихс, Соколов и Жильяр передали Жанену все имеющиеся у них материалы, предварительно сняв копии с документов[306]. Вывезя их из России, французский генерал должен передать их в Париже Великому князю Николаю Николаевичу Романову. К великому удивлению всей эмиграции, Великий князь отказался принять у Жанена материалы и останки. Мы удивляться не будем: вспомним только, что бывший главнокомандующий русской армией Великий князь Николай Николаевич Романов в числе других «узников» охранялся чудесным отрядом матроса Задорожного и был вывезен вместе со всеми на британском дредноуте в Европу. Именно таких покладистых членов семьи Романовых и спасали от гибели.

После отказа Романова принять реликвии генерал Жанен не нашел ничего лучшего, как передать их в руки... бывшего посла Временного правительства Гирса. После этого документов и останков больше никто никогда не видел, а их дальнейшая судьба точно неизвестна. Когда Великий князь Кирилл Владимирович, объявивший себя наследником русского престола, попытался выяснить их местонахождение, то вразумительного ответа не получил. Вероятнее всего, они хранились в сейфах одного из парижских банков. Потом появилась информация, что во время оккупации немецкой армией Парижа сейфы были вскрыты, а вещи и документы исчезли. Кто и зачем это сделал – тайна и на сегодняшний день...

Теперь перенесемся из далекой Сибири на северо-запад России. Здесь ликвидация белых была не такой масштабной, но зато проходила в непосредственной близости от красного Петрограда. Ее результаты для белых по своему ужасу и степени предательства могут соревноваться с трагедией гибели армии Колчака.

ГЛАВА 11 ЛИКВИДАЦИЯ ЮДЕНИЧА

Такова была судьба... национальных сил, против которых работали

не только Февральская революция

и большевики Ленина, но и все

наши так называемые союзники

по Первой Великой мировой войне.

Полковник М. Н. Левитов, командир 2-го Корниловского полка

Боль ненадолго отступила, но только для того, чтобы с новой силой вновь впиться в исстрадавшееся тело. Поручик Миронов попытался повернуться и не смог. Нога совершенно не слушалась, а при попытке изменить ее положение ответила своему хозяину острой болью. Он застонал и опять откинулся назад. Стонами в этой бывшей гимназии никого не удивишь. Раненых полно, а с каждым часом становится все больше. Морская артиллерия большевистского линкора делала свое дело без усталости. Вносили свою лепту в переполненный госпиталь и полевые трехдюймовки красных, обильно сеяли боль и страдания пулеметы и простые винтовки. Снарядов и патронов у большевиков хоть отбавляй. А вот медикаменты в госпитале закончились вчера, практически сразу, как поручик оказался среди таких же несчастных раненых.

В гимназию его внесли в полном сознании. Укол морфия – это все, чем смогли помочь ему врачи. Ему еще страшно повезло: доза обезболивающего была последней. Следующий тяжело раненный в грудь солдат ее уже не получил и громко стонал, положенный на пол в дальнем углу зала. Да вроде уже и не стонет. Наверное, помер.

Себя поручик мог считать счастливым. Вчера его расчет выкатил орудие на прямую наводку у железнодорожного полотна. Только так можно было отогнать большевистский бронепоезд, с близкого расстояния расстреливавший стрелковые цепи Талабского полка белой Северо-Западной армии.

Чтобы выйти на прямую наводку, надо обладать большой смелостью. Те, кто сидит в бронепоезде, закрыты от пуль и снарядов броней и стальными листами. Артиллеристы всего этого лишены. Лишь наводчик прикрыт тонким щитком, а командир орудия беззащитен. Но именно он и остался жив из всего расчета.

Снаряд бронепоезда взорвал землю рядом с орудием, а следующим выстрелом поднял в воздух само орудие и разметал в клочья его прислугу. Миронова взрывом тоже подняло вверх, а потом обрушило куда-то в сторону, вымазав с ног до головы чавкающей грязной жижей.

Упал на землю поручик, а встать уже и не смог, нога не слушалась. Он сразу понял, что это перелом. И похоже, не ошибся. Забыть приятным покрывалом окутало голову, морфий начинал действовать. И тогда Миронов снова увидел тот бронепоезд и его поворачивающуюся башню. Ровно туда, аккуратно под ствол, поручик и вогнал снаряд своей английской пушки. Новенькой, полученной всего два месяца назад. Но снаряд не взорвался!

Это было настолько невероятно, что он даже на секунду замешкался, но потом заорал дурным голосом заряжающему:

– Еще! Быстро!

Дуло большевистского орудия опускалась со страшной быстротой. Но не успеть ему, не успеть! Большевикам конец – поздно они заметили орудие, лихо выкатившееся вперед.

Даже не ухом, а затылком, всей своей кожей почувствовал Миронов собственный выстрел. Почувствовал и обомлел. Второй снаряд, словно горох, отскочил от бронепоезда. Но этого не может быть! Это ведь не броня толстая у большевика, это второй, уже второй английский снаряд не взорвался!

Словно чугунными болванками они палили по бронепоезду. Два раза, а третьего он уже и не дал. Разрыв снаряда даже в морфийном сне причинял Миронову боль. Он открыл глаза. Во сне дернулся, боль пронзила ногу, и он проснулся.

Наверное, у него начинался жар. Действие морфия закончилось, но поручик постоянно проваливался куда-то, и лишь боль возвращала его в грязный зал Лужской гимназии, на деревянном полу которого он и лежал в своей испачканной В шинели.

Он так и не заметил, что доктора и сестры милосердия куда-то исчезли. Только когда дверь зала с шумом открылась и на пороге появилась группа людей, Миронову все стало ясно. Его и других наиболее тяжелых раненых бросили, оставили здесь, а госпиталь эвакуирован или бежал. Стоящие в дверях солдаты с красными нашивками и звездами на фуражках и папах – это большевики...

Рядом с «колыбелью трех революций» после Брестского мира остались стоять германские войска. Эта был рубеж между привычным старым миром и новой ленинской Совдепией.

Граница проходила за Псковом. Именно здесь и начали свое формирование антибольшевистские силы. Но помогали им деньгами и оружием не англичане и французы, а хозяева «большевистских шпионов» – немцы. Именно германское командование оберегало донских казаков, оно же кропотливо создавало под Псковом новую монархическую русскую армию, готовя могильщиков для своих кремлевских друзей. Особый Псковский Добровольческий корпус формировался с сентября 1918 года достаточно медленно. Его кадры пробирались с территории большевистской России, прибывали с оккупированной немцами Прибалтики, частично даже возвращались из германского плена. Дело пошло значительно быстрее, когда из Красной армии перешел конный отряд ротмистра Булак-Балаховича и Чудская флотилия из 3 судов капитана 2-го ранга Нелидова. С их прибытием численность корпуса достигла 3,5 тыс. человек, а концу ноября корпус насчитывал около

4,5 тыс. человек. Германское командование выделило белым достаточно оружия, предоставило денежные средства. Однако Германская империя всего через два месяца внезапно рухнула под натиском внешних и внутренних врагов. Немецкие войска в России и Прибалтике стали разлагаться, а большевистское правительство, объявив о расторжении Брестского мира, отдало приказ Красной армии перейти в наступление. После занятия Пскова большевиками белогвардейский корпус с боями отошел на территорию Эстонии, а его небольшая часть – на территорию Латвии.

Когда мы говорим о событиях тех лет, очень важно помнить, в какой обстановке происходило то или иное событие, и не накладывать на них собственные стереотипы более поздних лет. Важно помнить: когда Красная армия наступает на Эстонию и Латвию в ноябре 1918 года, независимых государств с такими названиями не существует и никогда в истории не существовало. Русская большевистская армия продвигается в русские провинции, всего шесть месяцев назад оккупированные Германией. Конечно, сразу после краха немцев Латвия и Эстония заявляют о своем суверенитете. Но вот беда – защитить долгожданную независимость и остановить надвигающихся большевиков некому. Если в Эстонии еще есть какое-то подобие вооруженной силы, то в Латвии совсем никого. Это у большевиков есть латышские стрелки, а у Латвии их нет. Но прибалтийские государства знают, что помощь им будет оказана. Это Деникина и Колчака «союзники» не признают, а эстонских и латвийских сепаратистов они признали сразу. Повивальными бабками Эстонии и Латвии были англичане и французы. Как и положено «акушеркам», они чертовски рады каждому новому национальному образованию, с муками появляющемуся из лона гибнущей России. Это будет общим, повторяющимся из раза в раз правилом.

Лукава новая эстонская историография. В учебнике «История Эстонии» для средней школы в качестве защитников страны упоминается кто угодно, вплоть до дружинников из спортивного общества «Калев», но только не русские белогвардейцы. Появился в водах Прибалтики и главный «защитник» эстонской независимости – английский флот. Год назад британцы не защищали русский пролив Моонзунд от немцев, не будут они прикрывать ужасные эвакуации де-никинских войск. Зато эстонскую столицу от русских (пусть и красных) спасают с радостью. По просьбе эстонского правительства английские корабли обстреляли тылы большевистских войск и вынудили их отойти от Таллина. Вскоре, в феврале 1918 года, молодая эстонская армия совместно с белогвардейцами полностью вытеснила части Красной армии за пределы Эстонии. Но отношение к тем, кто спас Эстонию от большевиков, было со стороны эстонцев двояким. Помощь белых

принимали, но заключили с ними договор, по которому численность корпуса не могла быть больше 3,5 тыс. человек.

Рассказывая о ликвидации Белого дела на северо-западе России, нельзя вновь не упомянуть события на Балтийском флоте. После его спасения наморси Щастным, после активных попыток его уничтожить большевиками наступила небольшая передышка. Финны вели себя тихо, немцы не наступали, поэтому никаких причин для подрыва собственного флота у Троцкого уже не оставалось. Так корабли благополучно дожили до падения Германии. Потом большевики начинают немедленное наступление в Прибалтике, которую сами же отдали германцам полгода назад. Раз уж корабли сохранились, то пусть послужат красному делу. Вот в такой обстановке и решает товарищ Троцкий направить балтийцев на Ревель (Таллинн). Кому Лев Давыдович Троцкий поручил выполнять свое задание? Руководителем назначается... Федор Раскольников. Выбор интересный, но оправданный: опыт у товарища большой – пять месяцев назад он прекрасно затопил Черноморский флот, справится и на этот раз.

Странная эта была операция. Руководитель похода если что и умеет, то только корабли топить да офицеров расстреливать, а это для флотоводца навык, прямо говоря, совсем не главный. Корабли не подготовлены: Раскольников поднимает свой вымпел на эсминце «Спартак», даже не удосужившись проверить, заправлены ли корабли его отряда топливом и в каком состоянии их машины. Комиссия Реввоенсовета позднее выяснит, что в этой странной экспедиции не были набраны даже штурманы, не говоря об опытных комендорах, умевших метко стрелять. Одним словом – большего бардака и идиотизма сложно себе представить.

План был таков: эсминцы идут к Ревелю на разведку, а в случае опасности быстренько бегут назад под прикрытие орудий «Андрея Первозванного» и крейсера «Олег». То, что эти суда не смогут соревноваться со всей мощью британской эскадры, никого не волновало. Но если даже на бумаге вся операция выглядела абсурдом, то в жизни все случилось еще хуже. Из-за нехватки топлива свою и так бесполезную позицию покинул «Андрей Первозванный». Закончилось все очень печально: севший на мель миноносец «Спартак» сдался в плен британцам. Команда заместителя комиссара по морским делам Раскольникова смогла сделать лишь несколько безрезультатных выстрелов. В плен попал и сам губитель Черноморского флота[307]. На следующий день британцы перехватили подошедший миноносец «Автроил». Корабль попытался уйти, но затем гоже сдался англичанам, правда, без единого выстрела. Фактически он перешел на сторону противника, на сторону белых, ведь именно так воспринимали «союзников» напичканные красной пропагандой матросы.

Пришло время появиться на свет и британским «странностям». Они были столь заметны, что бросились в глаза даже красным историкам. Вместо того чтобы передать сдавшиеся миноносцы белым, трофейные корабли передаются бри танцами в... состав эстонского военно-морского флота. Но такой стране только месяц от роду! Ничего, теперь у нее есть флот – эсминцы «Вамбола» («Спартак») и «Леннук» («Ав- троил»)[308]. Поиграв в «морской бой», через 15 лет эстонцы продадут эти корабли в Перу, где они и закончат свою службу. Что же это такое? Это новый способ уничтожения флота – теперь нет русских эсминцев, а есть эстонские. Англичанами решены сразу четыре задачи: красные

ослаблены, белые не усилены, у эстонцев свои корабли, русский флот лишился двух эсминцев. Красиво...

Тем временем ситуация поменялась. Эстония была освобождена от большевиков, а белогвардейцы теперь находились там на правах бедных родственников. Антанта, активно одевавшая и вооружавшая эстонцев, белым не давала ничего. Они с завистью смотрели на одетых с иголки эстонских солдат. В конце концов, всех белых добровольцев собрала идея войны с большевизмом, а в Эстонии его уже не было. Для реальной борьбы за освобождение Родины белым было необходимо вырваться на собственно русскую территорию. Надо выйти на простор, захватить боеприпасы и продовольствие, а также пополниться численно. Находясь в Эстонии, всего этого белые были лишены. Генерал-майор А. П. Родзянко (родственник бывшего главы Государственной думы), возглавивший Северный корпус, начинает планировать наступление. В это время и родится название, под которым белогвардейцы шагнули в историю, – Северо-Западная армия.

«Мы не получали ниоткуда помощи, не имели ни сапог, ни шинелей, а снаряды и патроны брали с боем у противника»[309], – пишет в своих «Воспоминаниях о Северо-Западной армии» ее командир генерал Родзянко. В наступление его солдаты часто шли в атаку босиком, а офицеры – в гражданских пальто. Знакомая картина. Она везде одинаковая: раздетыми, невооруженными идут белые в бой за Родину на ВСЕХ

ФРОНТАХ. Им некуда деваться, другого выхода, кроме жертвенной борьбы, их совесть им не оставляет. Нет у белых запасной Родины.

Северо-Западная армия идет в наступление. На красный Петроград движется «страшная сила»: 4700 штыков и 1100 сабель с 11 легкими орудиями[310]. Историки упорно говорят нам о наступлении белых на Петроград. Нет, это была просто попытка спастись от медленного растворения на территории Эстонии, о походе на город никто и не мечтал. Давайте посмотрим правде в глаза – нельзя взять полуторамиллионный город с 6 тыс. солдат. В октябре 1917-го было можно, а вот летом 1919-го этого не получится, если только сами горожане не захотят сдаваться.

Наступление началось в три часа утра 13 мая 1919 года. Большевики бегут, почти не сражаясь, идет массовая сдача в плен. Захватив город Ямбург (Кингисепп), корпус берет станцию Волосово и вплотную приближается к пригороду Петрограда – Гатчине. Такого быстрого краха Красной армии не ожидал никто, и прежде всего сами белогвардейцы. Войнство Троцкого и Ленина стало невероятно быстро откатываться под ударами крохотной Белой армии. Красноармейцы не просто в массовом порядке сдаются в плен, а переходят на сторону противника. Формирование новых частей в Северо-Западной армии таким образом и происходит. К белым ушли посланные против них вятичи – получился Вятский полк, гарнизон форта «Красная Горка» образовал Красногорский полк. Вскоре на сторону русских патриотов переходит и гвардейский Семеновский полк. Как это ни странно, но часть, подавившая в 1905 году московское восстание, большевиками не была расформирована, а спокойно несла в Петрограде караульную службу. Ее отправляют на фронт. Зайдя в тыл белых у города Выры, полке музыкой (!) переходит в Северо-Западную армию, убив своих комиссаров.

Такого развития событий не ожидали Троцкий и Ильич, не ожидали столь ошеломительного успеха кучки смельчаков и «союзники». Военная удача белых была настолько серьезной, что пришлось срочно принимать меры. «Вскоре после начала наших удачных действий стали прибывать на фронт одна за другой различные иностранные комиссии»[311], – указывает генерал-майор Александр Павлович Родзянко в своих «Воспоминаниях о Северо-Западной армии».

Результатом приезда военных миссий «союзников» стал переход в наступление 2-й эстонской дивизии. Но свои действия с белыми она координировать отказывается, а, воспользовавшись деморализацией красных, просто занимает Псков. Точно так же не идет на контакт и руководство британского флота. «С английским флотом у нас, к сожалению, были самые неопределенные отношения, – пишет Родзянко. – Я неоднократно просил наладить связь... но английский адмирал... почему-то этой связи не пожелал, а предпочитал ограничиться связью только с командующим эстонской флотилией...»[312]

Причина такой «нелюдимости» командующего британской эскадрой станет нам понятна чуть ниже. А пока крошечная Белая армия рвется к колыбели революции. Шансы на успех малы, расчет на напор, везение и молодецкую удаль. И кажется, что белым действительно везет. Начинается мятеж в фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь». Гарнизоны этих двух крепостей арестовывают комиссаров и коммунистов. Возглавляет восстание поручик Неклюдов. Командующему английской эскадрой адмиралу Коуэну он передает по радио: «Красная Горка в вашем распоряжении»[313]. 13июня 1919 года восставшие форты предъявляют ультиматум Кронштадту с требованием присоединиться к ним. Ответ требуется дать в течение 15 минут. Проходит отведенное время, и тяжелые орудия «Красной Горки» открывают огонь по базе флота. Пушки у мятежных фортов мощные, калибр, как на дредноутах: 305 мм, 280 мм, 254 мм! Ситуация для большевиков критическая: если английский флот поддержит восставшие форты, то сдача Кронштадта – вопрос решенный. При падении главной базы флота не удержать и Петроград.

Выправлять ситуацию Ленин отправляет Сталина. Тот отдает приказ о выводе на внешний рейд Балтийского флота для обстрела фортов. Для захвата белыми Петрограда надо помочь восстанию, поддержать восставшие форты. Если атаковать корабли и загнать их обратно в Кронштадт, открывается возможность захвата Петрограда – колыбели революции. Это сильно деморализует всю Красную армию. Одним словом, момент решающий. Большевицкий Балтийский флот разложен и мало боеспособен. Месяцы пропаганды сделали свое дело, матросы отвыкли воевать, привыкнув к митингам и собраниям. Англичане это прекрасно знают, имели возможность убедиться, когда взяли в плен без боя два красных миноносца. Вот такой слабый, возможно желающий сдаться противник стоит на пути белых к победе в этом сражении, а может и во всей Гражданской войне. Риск для британцев невелик. Возможно, его даже нет совсем. Ведь силы англичан очень внушительны: 8 крейсеров, 8 эскадренных миноносцев, 5 подводных лодок, а также авиатранспорт «Виндиктнв» с 12 гидросамолетами на борту и монитор «Эребус». Его вооружение – мощнейшие на Балтике 381-миллиметровые орудия.

Теперь дадим слово непосредственному очевидцу событий. Пусть товарищ Сталин расскажет нам, как все было. Он это все весьма красочно описал Ленину по прямому

проводу из Петрограда 18 июня 1919 года: «В районе Кронштадта открыт крупный заговор... Цель заговора взять в свои руки крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер. Теперь для меня ясно то нахальство, с которым шел Родзянко на Питер сравнительно небольшими силами»[314].

Но самое интересное из сталинской телеграммы еще впереди: «Понятно также то странное явление, что в момент измены Красной Горки английские суда исчезли куда-то...»[315] Вот так! В решительный момент доблестные «союзники» странным образом отвели свои корабли и никакой поддержки белым не оказали. Снова начались странности и чудеса, опять повеяло сквозняком из-за кулис мировой политики. Поручик Неклюдов, руководитель мятежа в фортах, позднее напишет: «Я послал два радио, одно русскому флоту, другое английским судам, поздравляя с переворотом. В радио англичанам я добавил, кроме того, что прогнозу поддержки. Она не пришла никогда».

Но товарищ Сталин удивился бы еще больше, если бы узнал, что английский флот не только «растаял» неожиданно, но и лишил мятежные форты всякой надежды на помощь русских белогвардейцев. Отправленные поручиком Неклюдовым связные благополучно вышли на белые позиции, попав в распоряжение части, состоящей из этнических финнов. Командир подразделения капитан Тополайненен доложил о мятеже в фортах не руководству белых, а командующему английской эскадрой. От командования русских войск информация скрывалась![316] Почему?

«Если бы английский флот своевременно оказал бы нам поддержку, то и Кронштадт перешел бы на нашу сторону, – пишет генерал Родзянко. – После обстрела с Красной Горки три форта Кронштадта выкинули белые флаги, с частью флота велись переговоры, и если бы английская эскадра показалась бы во время обстрела, участь Кронштадта и большевистского флота была бы, вероятно, решена»[317].

Британский же адмирал о восстании вообще никому ничего не сообщил! Сам фортам не помог и не дал этого сделать белым. Будем справедливы: британский адмирал Коуэн, спасший красный Петроград, а возможно и всю советскую власть, без сомнения заслужил у большевиков памятник или по крайней мере памятную доску По понятным причинам ставить ее было как-то неудобно...

Получив такую порцию «поддавков» от англичан, красный Балтийский флот действительно сыграл в обороне Петрограда летом 1919 года ключевую роль. На прямую наводку стрелять по восставшим фортам выходят дредноуты «Петропавловск», линкор «Андрей Первозванный» и крейсер «Олег». Они развивают просто невероятную интенсивность стрельбы, не жалея орудий и снарядов. Восставшие форты огрызаются, но постепенно превращаются в груды обломков...

История – это даты. События – это тоже даты. Сопоставляя их, мы можем понять логику произошедшего.

16 июня 1919 года большевики захватывают форты. Около 6 тыс. человек, взорвав свои орудия, уходят к белым[318].

Сразу после падения фортов, на следующий день (!), английский флот приступает к действиям по уничтожению русских кораблей. 17 июня 1919 года британский торпедный катер под командованием лейтенанта Эйгера потопил крейсер «Олег», до этого четыре дня спокойно обстреливавший восставшие форты! Ни раньше ни позже. Если поспешит британская торпеда к цели – большевики могут не взять «Красную Горку», подождешь еще – уплывет красная эскадра обратно в Кронштадт. Стояли, ждали британцы и спокойно наблюдали, как подавляют мятеж, и только убедившись, что его подавили, отправили на дно большевистский крейсер[319].

И тут англичан словно подменили. Не оказавшие никакой поддержки наступавшему Юденичу, британцы вдруг развивают бешеную активность в попытках утопить остатки русского Балтийского флота. Еще до восстания фортов британские корабли делали неоднократные попытки выманить русские корабли в Коморский залив и атаковать их подводными лодками. Первые попытки англичан потопить там «что-нибудь» заканчиваются для них печально. 17 июня 1919 года миноносцы «Азард» и «Гавриил» потопили британскую подводную лодку Л-55. Теперь уничтожением «Олега» британцы как бы берут реванш. Но на этом не успокаиваются.

Как вы думаете, когда и кто совершил первый авианалет на Петербург – Петроград – Ленинград в его нынешних границах? Первыми на ум приходят немецкие самолеты, но пальму первенства у них украли именно британские летчики. 18 июня 1919 года группа базирующихся на территории Финляндии английских самолетов сбросила бомбы на Кронштадт. Этот день и открыл печальную статистику питерских бомбежек. С тех пор налеты стали регулярными: 29, 30 и 31 июля – бомбежки; с 1 по 13 августа – почти ежедневные налеты английских самолетов. В результате 3 августа 1919 года Кронштадт подвергнут с четырех сторон. Британские летчики не менее пунктуальны, чем немецкие. Все налеты утром и вечером – по часам, в одно и то же время. Эффективность их крайне низка, как, впрочем, и потери самих самолетов. Зенитной артиллерии Кронштадта удалось впервые сбить вражеский аэроплан только через три месяца после начала бомбардировок.

18 августа 1919 года англичане решают атаковать Кронштадт по-другому. Авиаудары отвлекают внимание, а ночью 8 британских торпедных катеров под руководством командера (капитана 2-го ранга) Добсона должны уничтожить основные корабли Балтийского флота прямо в гавани. Катера проходят через минное поле (британская разведка снова на высоте!) там, где их не ждут. Результатом атаки стало серьезное повреждение линкора «Андрей Первозванный» и потопление плавбазы «Память Азова»[320]. Основная цель британцев – дредноуты остались целы. Ответным огнем уничтожено три английских катера. Потери большевиков – один комиссар и один матрос. Потери британцев – 15 убитых и 9 попавших в плен моряков.

Но вернемся к крохотной белой Северо-Западной армии. После упущенного по вине англичан шанса с восставшими фортами начинает сказываться ее неподготовленность к столь масштабному наступлению, ощущаться нехватка командного состава, так как много офицеров, причем лучших, убито и ранено. Новыми пополнениями некому командовать.

В Финляндии находится множество офицеров, которые горят желанием отправиться к армии. Однако англичане не откликаются на просьбы переправить их в Северо-Западную армию. Отдельные офицеры на свой страх и риск на рыбацких лодках самостоятельно пересекают Финский залив. «Союзники» им не помогают, тысячи офицеров так в Финляндии и остаются[321].

В то же самое время у белых заканчиваются боеприпасы. Помощь обещали приезжавшие «союзные» миссии. Они же сообщили, что все поставки будут осуществляться через Юденича, который в июне 1919 года указом Верховного правителя России адмирала Колчака был назначен главнокомандующим войсками. И тут случайно независимые гордые эстонские войска, которые от совместных действий отказались, вдруг неожиданно, без предупреждения, начали откатываться назад. «Этот отход является следствием не стратегических, а политических причин, – рассказывает нам советский сборник «Гражданская война 1918–1921». – Эстонское правительство опасалось возрастания мощи Северо-Западной армии, служебным лозунгом которой являлась «Единая и Неделимая»»[322].

Оказавшись с оголенным флангом, белые остановились, а потом тоже отошли назад. Тут-то подоспели и английские пароходы – как только началось отступление. «В самый момент отхода... в Ревель прибыли пароходы с танками и снаряжением»[323], – пишет Родзянко. Простое совпадение, скажут историки. Британская политика уничтожения России и ее закономерное следствие, скажем мы. Разве не очевидно, что английская помощь приходит всегда не вовремя.

В результате своего отхода Северо-Западная армия к концу августа сохранила за собой небольшой плацдарм (120 км в ширину и 20 км в глубину) вокруг города Гдова. Уставшая, но численно возросшая в несколько раз армия отдыхала и переформировывалась. Но у «союзников» на нее совсем другие виды. Вслед за Колчаком и Деникиным в гибельное наступление должна броситься и армия Юденича. Крошечная армия должна снова двинуться к колыбели революции – Петрограду. Это наступление вынужденное. Выдавленное и навязанное «союзниками». К сентябрю у Юденича всего 18 500 штыков и сабель, 57 орудий, 6 танков, 4 бронепоезда. У красных – 26 650 бойцов, 148 пушек и масса резервов, которые можно перебросить из Москвы[324]. Наступать в такой ситуации на миллионный город для белых безумие, и Юденич не хочет этого делать. Он уже знает цену «союзным» обещаниям и эстонской поддержке. По англичане оказывают на него такое давление, что ничего другого генералу не остается. Ведь необходимо завершать войну и на этом фронте.

Ничем хорошим наступление Юденича закончиться не может. Это ясно и его противникам. В списке авторов книги «Гражданская война 1918–1921» Егоров, Тухачевский, Эйдеман, Вацетис. Цвет большевистских полководцев. Их практически всех ликвидируют во время сталинских репрессий. Но до этого они напишут и выпустят книгу об истории русской междоусобицы. В ней красные военные выразят свое мнение: «Наступление Северо-Западной армии, являясь жестом отчаяния со стороны противника, в дальнейшем в силу крайнего неравенства сил обеих борющихся сторон не могло развиваться в сколько-нибудь крупную операцию»[325].

Генерал Родзянко, командовавший армией в период отсутствия Юденича, к началу сентября 1919 года замечает странные вещи: «Чуть не ежедневно в мой штаб приходили офицеры из Английской военной миссии и от имени генерала Марча требовали, чтобы мы немедленно перешли в наступление... Желая закончить переформирование армии, я всячески затягивал начало активных действий, но англичане становились все настойчивее и обещали оказать серьезную поддержку своим флотом, заняв при нашем продвижении Красную Горку и Кронштадт»[326].

Настойчивость британцев можно понять. Все уже давно решено: ликвидация Белого дела идет полным ходом, Деникин и Колчак бросились в свою последнюю атаку, а Северо-Западная армия своим бездействием всю эту замечательную картину портит. Давление на Юденича усиливается: англичане фактически гарантируют, что и эстонцы, и латыши тоже пойдут вперед, а британский флот не останется простым наблюдателем. И самое главное: эстонское правительство «вдруг» отвечает согласием на предложение Ленина сесть за стол переговоров. Обеспеченного тыла у Юденича нет, все снабжение возможно только через территорию Эстонии. Если эстонцы заключат с Лениным мир, это поставит белых на край гибели. Англичане дают понять Юденичу, что единственный способ эти переговоры сорвать – взять красный Петроград. Кроме кнута есть у «союзников» и их обычный «пряник» – поставки. Чтобы поднять дух приунывших белогвардейцев, накануне наступления им поставляют новое обмундирование.

В ситуации такого шантажа у белых выбора не остается. 28 сентября 1919 года Юденич идет ва-банк. Фланги не обеспечены, войск и артиллерии у наступающих белых меньше, чем у обороняющихся красных. Это даже не военная операция, а какой-то набег! Ставка только на неожиданность и скорость удара. Накануне приходит и английский транспорт с вооружением. Но с каким!!!

Выдающийся русский писатель Александр Куприн тоже был в Северо-Западной армии. В своей пронзительной повести «Купол святош Исакия Далматского» он дает ужасающую картину британской «помощи»: «Англичане обещали оружие. Снаряды, обмундирование и продовольствие. Лучше бы они ничего не обещали! Ружья, присланные ими, выдерживали не более трех выстрелов, после четвертого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его можно было только в мастерской»[327].

Мило и приятно идти в бой полку, винтовки которого, как по команде, стреляют не более трех раз, а потом превращаются в дубины со штыком. Если бы партию такого оружия поставили в армию времен Сталина, расстреляли бы все руководство оружейного завода. В 1919-м это всего лишь «союзная» ошибка...

Не лучше и присланные танки: белогвардейцы шутили, что это первые модели «времен Филиппа Македонского». Великий русский писатель Куприн с горечью констатирует: «Англичане присылали аэропланы, но к ним прикладывали неподходящие пропеллеры; пулеметы – и к ним несоответствующие ленты; орудия – и к ним неразрывающиеся шрапнели и гранаты»[328].

Английские артиллерийские снаряды... не взрывались! Об этом тоже пишет Куприн. В разговоре с писателем капитан Г. рассказывает о бронепоезде «Ленин», основательно попортившем белым крови. Его никак не подбить, он неуязвим. «Должен сказать, – рассказывает Куприну капитан Г, – что виною отчасти были наши снаряды. Большинство не разрывалось. Мы наскоро сделали подсчет: из ста выстрелов получалось только 19 разрывов. Да это что еще? Нам прислали хорошие орудия, но все без замков. «Где замки?» Оказывается – «забыли»...

Но кто же посылал орудия и снаряды? – спросил я. Г помялся, прежде чем ответить.

Не надо бы... Но скажу по секрету... Англичане...»[329]

Снабжение армии – это половина победы. Армия Юденича шла в бой с нестреляющими винтовками, на шести допотопных танках, стреляла невзрывающимися снарядами. На аэродромах стояли самолеты, которые не могли взлететь. И со всем этим бараклом белые шли в атаку на многократно превышающего их по силам противника. Боролись, жертвовали собой и гибли. Волосы дыбом встают от такого наглого, откровенного и циничного предательства «союзников».

А Куприн не унимается:

«Однажды они прислали тридцать шесть пароходных мест. Оказалось – фехтовальные принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки. Спрашиваемые англичане с бледными улыбками говорили, что во всем виноваты рабочие-социалисты, которые-де не позволяли грузить материалы для борьбы, угрожающей братьям-большевикам»[330].

Это не анекдот, а цитата из книги Куприна! Приходит пароход в разгар наступления: на нем патроны не того калибра, нестреляющие ружья, невзрывающиеся снаряды. И рапиры, нагрудники, маски, перчатки. Для фехтования. «Союзники» даже улыбаются – все будет нормально, все заменим, не переживайте. На следующем пароходе все приплывет. Но эти пару недель походите-ка в атаку с рапирами. В нагрудниках и масках. Когда пароход наконец придет, армии Юденича уже не будет.

Мир праху русских героев – вечный позор тем, кто их предал! Это урок для нас всех навсегда. Любая смута в России будет встречаться нашими «партнерами» на ура. Именно они будут всегда пытаться ее вызвать искусственно, именно они дадут деньги на «благородное дело» развала нашей страны любому мерзавцу и авантюристу. Люди, будьте бдительны...

Белым не хватило для успеха совсем чуть-чуть: последнего усилия, небольшой помощи, свежих резервов. Всего этого они по милости англичан не получили. Но большевистское руководство было в панике. 16 октября 1919 года глава Петросовета Зиновьев выпустил воззвание к «красноармейцам, командирам». Это не просто агитка, это вся правда Гражданской войны, сказанная в нескольких словах: «Опомнитесь! Перед кем вы

отступаете? У белых банд никаких серьезных сил нет. Число их в пятьдесят раз меньше, чем ваше число. У белых нет артиллерии. У белых нет тыла. У белых нет войска, у белых нет бронепоездов. Пресловутые танки белых существуют только в воображении дураков. Белые банды берут вас только на испуг...»[331]

Добавить к этому нечего. На следующий день вслед за Зиновьевым к красноармейцам обращается Ленин: «Товарищи! Решается судьба Петрограда. Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротою, наглостью офицеров...»[332] Ленин знает, что англичане белым не помогут. Рассчитывать на англичан могли только сверх меры наивные и доверчивые белогвардейские генералы. Н. Корнатовский так прямо и пишет в «Борьбе за Красный Петроград»: «Надежда генерала Н. Н. Юденича на получение своевременной и серьезной поддержки от английской эскадры с моря была только результатом наивной доверчивости»[333].

«При втором наступлении нашем я также никак не мог добиться связи с английским флотом, несмотря на все старания... – вторит ему генерал Родзянко. – Флот этот никаких серьезных действий против Кронштадта не предпринимал, несмотря на определенные обещания»[334]. Левый фланг армии Юденича со стороны моря должны были прикрывать эстонские войска и английский флот. Вновь закручивается интрига вокруг фортов. Белые войска по требованию англичан должны отодвинуться от бывших мятежных фортов подальше. Это не случайно. По данным разведки, в «Красной Горке» настроение большевистских частей опять неустойчивое, вновь возможен переход на сторону белых. Как и во время первого наступления, это будет означать фактический выигрыш сражения. Поэтому белых к фортам пускать нельзя. Эстонцы берут переговоры на себя. И как вы догадываетесь, никаких переговоров они так и не начали. В результате чего большевики сохранили этот стратегически важный плацдарм на побережье Финского залива. И он сыгран в сражении решающую роль. Именно матросский десант, высаженный большевиками в этом месте, где эстонских войск почему-то не оказалось, и остановил наступление белых. Английского флота тоже в нужный момент почему-то в заливе не было. Огромные пушки кораблей Балтийского флота смогли спокойно громить белую пехоту.

«Все выглядело совсем радужно, и мы строили планы о том, что будет, когда мы освободим Петроград... – писал в своих мемуарах один из офицеров армии Юденича. – Все было готово для наступления на Петроград на рассвете 22 октября. В ночь с 21 на 22 из штаба было получено донесение о том, что левый фланг армии прорван, так как эстонские части обнажили его, и что высадившиеся матросы у Красной Горки ударили по флангу и ведут наступление. Никаких английских крейсеров, чтобы помочь нам с моря, вблизи не оказалось»[335].

Английская эскадра в тот момент находилась под Ригой, где бомбардировала своим огнем... белогвардейскую русско-немецкую армию под командованием Бермонда. Это отлично вооруженное и экипированное Германией подразделение состояло из 10 тыс. русских и 40 тыс. немцев. Станный национальный состав армии объяснялся поражением обеих стран в мировой войне. После возникшего в Германии хаоса огромное количество немецких солдат вступило в нее добровольцами. Этнические немцы из охваченных ветром самоопределения Венгрии и Чехословакии, из отнятых Францией Эльзаса и Лотарингии враз оказались лишенными Родины. Найти новую они надеялись на территории России в

боях с большевиками. По договоренности с Юденичем части армии Бермонда должны были вместе с Северо-Западной армией наступать на Петроград.

Согласитесь, национальность избавителей от красного гнета не так уж важна. В Красной армии воюют те же немцы, латыши, эстонцы, китайцы, венгры. 40 тыс. опытных германских солдат, которым нечего терять, это огромная сила в борьбе с недисциплинированной Красной армией. Именно поэтому Антанта требует удаления всех германцев из армии Бермонда и только в таком виде соглашается пропустить его на антибольшевистский фронт! Полностью зависящий от британцев Юденич тоже приказывает Бермонду так поступить. Тот отказывается: ведь немцы – это 80 % его армии. Тогда латвийские власти, действующие по указке из Лондона, отказываются пропустить армию Бермонда под Петроград. Он пытается пробиться силой – начинается военное столкновение, в котором английский флот быстро и беспощадно громит белые войска обстрелом корабельных орудий. Стрельба настолько интенсивна, что, по словам очевидцев, местность буквально «кипит» от разрывов. Армия Бермонда разбита, ее остатки эвакуируются в Германию. 50 тыс. закаленных солдат, жаждущих громить большевиков, так и не смогут этого сделать. Вспомним, что Северо-Западная армия, чуть Петроград не взявшая, составляла менее 20 тыс. солдат. И задумаемся, кому было выгодно, чтобы солдаты Бермонда были уничтожены британской корабельной артиллерией...

Для сравнения: во время наступления Юденича был только один эпизод стрельбы британцев по большевикам. Снова цитируем Куприна: «Англичане, обещавшие подкрепить движение белых на Петербург своим военным флотом, безмолвствуют, и лишь под занавес, когда большевики, в безмерно превосходных силах, теснят, окружают Белую армию и она уже думает об отступлении, лишь тогда перед Красной Горкой появляется английский монитор и выпускает несколько снарядов с такой далекой дистанции, что они никому и ничему вреда не приносят».

Случилось это 27 октября, когда части Красной армии стали сильно теснить белых на восточном побережье Копорского залива. Этот единственный случай английские и советские историки потом будут с гордостью демонстрировать как доказательство британской помощи Юденичу. На самом деле эпизод оказался комическим. Неожиданный обстрел огромными снарядами действительно привел непривыкших красноармейцев в расстройство. Они в панике бросились бежать. «Но как только было выяснено, что это стреляет английский монитор из 15-дюймовых орудий, паника прекратилась...» – пишет Корнатовский Н. А. в «Борьбе за Красный Петроград». Знают красные солдаты, что англичане против них не воюют. Если палит британский корабль, то опасаться нечего. Другое дело, если огромные снаряды швыряют беляки: тогда полундра и спасайся, кто может!

А паника эта была бы очень уместна. Ведь уже 21 октября белые были остановлены у Пулковских высот. Снова, как и в нервном походе на Петроград, закончились снаряды, нет резервов. И предательство, предательство, предательство! Те шесть английских танков, что двигались вместе с белыми на юрод, почему-то в решающий момент в бой не пошли.

Об этом редко упоминаемом эпизоде похода также рассказывает генерал Родзянко: «Отказ полковника Карсона пустить на Пулковские высоты танки, находившиеся всего в пяти верстах от этих позиций, лишил нас возможности занять их».

Положение критическое. Только теперь у белых. Большевики, отбив Деникина, перебрасывают массу войск с московского направления. Напрягая все силы, крохотная Белая армия пытается удержаться в предместьях Петрограда. Красные давят, а у белых кончаются патроны и снаряды. Так происходит в каждый решающий момент Гражданской войны. Вы заметили, что у белых заканчиваются боеприпасы на пороге Москвы и в 12 км от Петрограда. Почему? Потому что поставки патронов и снарядов осуществляют «союзнники». Приходится белогвардейцам отбивать атаки красных курсантов и матросов, будучи вооруженными лишь лживыми обещаниями...

25 октября 1919 года французы сообщают, что накануне из их порта Брест вышел пароход для Юденича. На нем 58 пушек, 1000 пулеметов, 10 танков и многое другое. На следующий день, 26 октября, французы вновь говорят об этом пароходе. Правда, он еще не вышел из порта, но непременно поплывет завтра. Это наглая ложь – пароход так и не приплывет на Балтику никогда. Как и французские боевые корабли, которые обещают в Париже Борису Савинкову французские «сторонники интервенции».

В те же дни разворачивается очередная страница трагедии Балтийского флота. 21 октября 1919 года четыре эскадренных миноносца: «Гавриил», «Свобода», «Константин» и «Азард» выходят в море с нелюбопытной постановкой минного заграждения в Копорском заливе. Это, так сказать, официальное задание красного командования. Истинная цель моряков совсем другая. В середине октября группа флотских офицеров вступила в контакт с русским разведывательным пунктом в Выборге и сообщила о желании сдать белым четыре миноносца. Британским морякам просили передать точное время выхода кораблей в море, их точный маршрут и предлагалось не чинить никаких препятствий для выхода миноносцев, зато на обратном пути выставить в имеющемся узком минном проходе английский монитор с мощной артиллерией. Тогда миноносцам деваться будет некуда, и возглавлявшие их офицеры смогут легко убедить матросов сдать.

Так и решили поступить, естественно, заручившись одобрением англичан. Ночью миноносцы отправились в плавание. Знаком, что все происходит по плану, для офицеров-заговорщиков было свечение прожектором с английского судна в направлении движения кораблей. Увидев условный сигнал, миноносцы поплыли намеченным курсом. Они смело двигаются вперед. У моряков есть карты минных полей, они знают этот единственный проход. А дальше... Дальше на «свободном» от мин участке минного поля все миноносцы, кроме «Азарда», взорвались на минах! Хотя и получили условленный сигнал англичан, что все идет по плану. На обратном пути экипаж уцелевшего миноносца видел «огневой факел из дымовой трубы неизвестного судна». Англичане были рядом...

Беспечности команд миноносцев, спокойно поплывших на мины, имея полные карты минных полей, поражаюсь и большевистская комиссия, созданная для расследования причин гибели кораблей. Однако говорить правду было не в интересах Троцкого и Ленина, поэтому, сделав вывод, что гибель миноносцев «представляла собой неизбежное следствие войны», большевики поспешили похоронить погибших в большой братской

могиле. Информация о заговоре флотских офицеров до поры скрывалась, но к 1929 году уже вполне открыто печаталась в советской литературе. Поведение англичан красные историки, конечно, объясняли случайностью. «Только случайная, не предусмотренная, очевидно, и самими англичанами катастрофа трех миноносцев не дала возможность им осуществить план их пленения»[337], – пишет Корнатовский И. А. в «Борьбе за Красный Петроград».

Но это была не случайность: британцы, зная точный маршрут миноносцев, намеренно его заминировали. Потом подсветили прожектором, после чего спокойно наблюдали за гибелью русских судов.

Обратим внимание на даты: 21 октября 1919 года. В этот день:

- белые остановлены на Пулковских высотах из-за отказа английских танков идти в атаку;
- три миноносца, идя сдаваться, погибли на английских минах;
- ночью прорван левый фланг Белой армии и высажен десант матросов, так как эстонские части (английские марионетки) почему-то отошли назад.

Все это, конечно, совершенно случайные совпадения. Но в итоге получилось все, как и задумывали «союзники». Белые начали отступать, а вскоре их откат превратился в бегство. Его причина проста: катастрофу, вызванную уходом эстонских частей с фронта, еще можно было остановить и отбить фланговый удар красных. Для этого нужны боеприпасы, много боеприпасов. Но именно в этот момент Эстония неожиданно закрывает свою границу для снабжения и пополнения армии. Пограничный шлагбаум опустился. К 14 ноября 1919 года Юденич был окончательно разбит, а его армия подошла к эстонской границе и была интернирована.

Так пишут в учебниках истории. За красивым иностранным словом «интернирование» скрывается страшная правда. Правительство Эстонии практически уморило воинов Северо-Западной армии и множество гражданских беженцев страшной смертью. Как и в случае с румынами, все действия эстонцев не могут быть самостоятельными. За губителями русских белогвардейцев из Таллина стояли организаторы русской катастрофы из британских и французских спецслужб! Оценивая «странные» поступки эстонцев, надо учитывать, кто же вкладывал в головы их «независимого» правительства ужасные для русских решения.

«Отношение же к нам представителей Англии при подходе армии к пределам Эстонии имело для нее пагубные последствия: энергичное их требование, обращенное к эстонцам, дало бы армии возможность выйти из создавшегося положения для продолжения борьбы или же для спокойного разоружения»[338]. – горько сетует в мемуарах генерал Родзянко.

Подошедшие к границе воинские части белогвардейцев и гражданских беженцев на территорию Эстонии не пускают. «Разгромленные, полностью деморализованные белые были отброшены к эстонской границе, – пишет Лев Давыдович Троцкий в своей книге «Моя жизнь». – Как только они ее пересекли, правительство Эстонии их разоружило. В Лондоне и Париже никто о них и не вспомнил. То, что еще вчера было Северо-Западной армией Антанты, теперь погибало от холода и голода».

Несколько суток люди в лютый мороз ночевали прямо на земле. «Русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь»[339], – пишет Куприн. Солдаты, взрослые мужчины могут выжить, большинство замерзших – это женщины и дети. «Множество людей замерзло, многие умерли от истощения»[340]. Наконец начинается пропуск на территорию Эстонии. Небольшими партиями, сквозь колючую проволоку. Все оружие сдается, и это только начало. Эстонские солдаты прямо на морозе раздевают солдат, снимая новые английские шинели, отнимая ценные вещи и золотые кресты и кольца[341]. После чего людей размещают на станции Нарва-2, в помещениях двух пустующих фабрик. Вокруг них – колючая проволока. Так и должно быть, ведь эти фабрики, по сути – концентрационный лагерь. Условия в эстонском лагере хуже, чем в нацистском: нет кроватей, одеял, теплой одежды. Нет медикаментов, нет вообще ничего.

Рядом на путях стоят тысячи вагонов с имуществом гибнущей русской армии. Там все это есть, но командующий эстонской армией генерал Лайдонер приказал реквизировать составы со всем их содержимым в пользу Эстонии. «С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тысяч, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги», писал очевидец о кошмаре, творившемся в Эстонии.

Напрасны протесты Юденича: его армия «союзниками» приговорена. Талабский полк белых, ведя бои с наседающими красными, вышел к эстонской границе последним. Солдаты и офицеры перешли по льду на эстонскую сторону и, как было оговорено, сдали оружие. Но в Эстонию их не пустили, а, направив пулеметы, погнали назад. На другом берегу уже были большевики. Под огнем погиб почти весь полк...

Участь остальных «счастливых», очутившихся в Эстонии, была ненамного лучше. В условиях эстонских концлагерей вспыхнула эпидемия тифа. От него умерли тысячи людей. В полках насчитывалось по 700–900 больных при 100–150 здоровых; число больных, не помещенных в госпитали, достигало 10 тыс., общее число заболевших составляло 14 тыс..[342] Помощи от эстонцев не было никакой. Белья нет, медикаментов нет. Даже в бани русских пускать было запрещено. Только когда тиф вышел за пределы белогвардейских барачных лагерей, власти стали принимать меры. Появились элементарные средства гигиены и... братские могилы. «Когда был отдан приказ почистить бараки и госпитали от трупов, то их наваливали на повозки в несколько ярусов, сверху покрывали сеном, вывозили за город и сбрасывали на так называемое «трупное поле»»[343], – повествует «Борьба за Красный Петроград».

Картина, как в Освенциме и Дахау! Может быть, именно поэтому сегодня в Эстонии так не любят наши антифашистские памятники? Ответа на этот вопрос нет...

Как и сегодняшние «борцы за свободу», «правозащитники» того времени молчали. Не было слышно гневных голосов тех, кто радел «за права человека». Кому есть дело до русских, когда идет бурное строительство национальных государств? Случись такие зверства по отношению к полякам или к самим эстонцам – был бы повод повозмущаться. Геноцид русских, тем более желавших спасти свою страну, внимания и беспокойства не достоин. Ту же картину, те же двойные стандарты мы наблюдаем и в современной западной политике.

Так Эстония встретила тех, кто помог освободить ее от большевиков. Последнюю попытку спасти людей в январе 1920 года сделал Юденич. Он обратился к «союзникам» с просьбой перебросить свою армию на Южный фронт, к Деникину. Нужным количеством кораблей обладают только британцы. Они согласны помочь. За деньги – и назначают цену: 800 тыс. фунтов стерлингов[344]. Этой баснословной суммы у генерала Юденича, конечно, нет, а за бесплатно «союзники» ничего делать не будут. Они специально назначают непомерную цену, чтобы армия Юденича не дай бог не усилила армию Деникина и Врангеля. Пусть лучше белогвардейцы отправляются в братские могилы...

К концу февраля 1920 года состоялось полное расформирование армии. Общая численность выживших после тифа русских равнялась 15 тыс. человек. Они оборваны, обессилены и не имеют никакой работы. Однако издевательства и истребление оставшихся в живых борцов за Россию на этом не закончились. 2 марта 1920 года эстонское Учредительное собрание приняло закон о 2-месячных обязательных лесных работах для всех мужчин от 18 до 50 лет, не занимающихся никаким постоянным трудом[345]. Общее число мобилизуемых «по случайному совпадению» определялась как раз в 15 тыс. человек! То есть новый закон касался только русских белогвардейцев. Эстонское правительство фактически отправило их на каторгу.

Когда говорят, что лесоповал изобрели сталинские начальники ГУЛАГа, давайте вспомним, куда эстонцы направляют русских солдат и офицеров задолго до репрессий культа личности. Произвол полный: законов, определяющих зарплату и норму выработки, нет, а военные валить деревья не умеют. В день они зарабатывают по 10 эстонских марок, а питание одного человека стоит 50. «Мобилизованные жили впроголодь, одежда их быстро изнашивалась, – повествует «Борьба за Красный Петроград». Размещение рабочих и санитарные условия были отвратительными. В браках была ужасная грязь, масса насекомых-паразитов, холод, сырость. Баня была редкостью, стирка белья и мыло – мечтою»[346].

Сама же Эстония готовится стричь купоны. За свое содействие в предательстве русских патриотов она получит солидный куш. Англия и Франция надавят на своих «друзей» большевиков, и 2 февраля 1920 года в Тарту они с готовностью подпишут мирный договор между Советской Россией и Эстонией. Предательство вознаграждается весьма щедро: к Эстонии отошли Западная Ингерманландия с Ивангородом и район Петсаари (Печоры). Это около 1000 км² русской территории! Отдав землю, большевики еще и выплачивают «отступные» – 15 млн рублей золотом! Путем па чито строчить независимую Э-эстонию!

Все одно и то же, куда ни брось взгляд. Предательство, ликвидация, умерщвление. Но задушенная на северо-западе России борьба с большевиками еще продолжалась на юге. Последним мощным оплотом Белого движения становился полуостров Крым. Именно здесь барон Врангель смог полностью проявить все свои таланты. Только этот белый генерал не доверил эвакуацию своих солдат англичанам, и потому сто армия не погибла такой страшной смертью, как солдаты Юденича. Но и победить она не смогла...

ГЛАВА 12 ЛИКВИДАЦИЯ ВРАНГЕЛЯ

Пусть не всегда подобны горному снегу одежды белого ратника – да святится вовеки память его.

И. Бунин

Петр Николаевич Врангель смотрел на крымский берег. Он стоял и вглядывался в эти каменистые пляжи так тщательно, фиксируя каждый кустик и бугорок, словно пытаясь сфотографировать их в своей памяти. Это последняя часть русской земли. Это последняя русская земля, которую Врангель увидит в своей жизни. Да в глубине души он и не надеялся увидеть Россию еще. Увидеть Родину – значило победить, а в его условиях это было невероятно. Врангель в победу не верил уже около полугода, а может и больше. Не верил, но продолжал бороться и готов был пожертвовать жизнью за освобождение России от большевиков. Чтобы можно было спокойно умереть, честно посмотреть в глаза своим детям и, лежа в гроб, с последним своим вздохом ясно осознавать – я отдал России все, что мог. Я боролся, я бился за нее, и не моя вина, что борьба закончилась поражением, а не победой!

Еще при планировании эвакуации Врангель решил для себя, что он уйдет из Крыма вместе со своими последними солдатами. Был уже поздний вечер, когда оставшиеся посты юнкеров были выстроены на площади. Первые защитники России, первыми бросившиеся на борьбу с красной опасностью, они же теперь были и последними.

- Здравия желаю, господа юнкера! Благодарю Вас за славную службу! – бодрым, не знающим сомнений голосом поприветствовал воинов Врангель.

- Господи, – подумал он. – Куда я веду этих мальчишек? Что нас там ждет? У меня нет ответов ни на один вопрос!

Подумал он именно так, но им сказал совсем другое.

Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам...

Заставы погрузились. Тогда и сам Врангель направился на катере к крейсеру «Генерал Корнилов», на котором взвился его флаг. С судов, проплывавших мимо, несло «ура». Корабль за кораблем, нагруженные до предела, этим мощным русским кличем отдавали дань уважения своему вождю. Все, что только мало-мальски держалось на воде, оставило берега Крыма. Только так смогли забрать всех тех, кто не хотел остаться под большевиками. И это при том, что барон Врангель издал приказ, разрешающий всем желающим остаться в Крыму! Никого плыть не заставляли, каждый делал свой выбор сам. Другой приказ командующего говорил о запрещении уничтожения мостов, фабрик, техники и другого оставляемого имущества. Ведь это все русское, это все Россия. Пусть и красная...

Последними, кого видел Николай Петрович Врангель на русской земле, была группа представителей городского управления Севастополя.

- Вы правильно сказали, ваше превосходительство, вы можете идти с высоко поднятой головой, в сознании выполненного долга. Позвольте пожелать вам счастливого пути.

Барон жал протянутые ему руки, благодарил...

Это было всего лишь вчера, даже можно сказать сегодня. А как будто в другой жизни.

– Мы должны бороться, пока есть силы, – подумал Врангель, медленно оглядывая исчезающий в дымке крымский берег. – Но, кажется, сил больше нет.

Последние полгода, когда он руководил Белым движением, пронеслись вихрем, словно один день. В одну большую картину слились восстановление армии, новые надежды, вероломство и коварство «союзников». И поражение – вероятно, теперь уже окончательное.

Крейсер «Генерал Корнилов» быстро набирал ход. Остаться на палубе было холодно. Врангель взглянул на развивающийся на ветру Андреевский флаг и шагнул в коридор,

ведущий в каюту. Темно будущее, и лучше не заглядывать в него. Что будет дальше, неизвестно. Пока же, чтобы спасти 145 тысяч 693 беженца, ему пришлось написать в своем официальном письме французскому представителю:

«... Я считаю, что эти суда должны служить залогом оплаты тех расходов, каковые уже произведены Францией или могут ей предстоять, по оказанию первой помощи, вызванной обстоятельствами настоящего времени».

Он, генерал Врангель, заложил русские боевые корабли. Это невероятно и неслыханно, но другого выхода ход событий ему не оставил. Только получив его заверение, «союзники» дали добро на эвакуацию людей и объявили о своей готовности их принять.

Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море. Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний...

К зиме 1920 года ликвидация Белого движения, казалось, была закончена. Разгромлены Колчак и Юденич, уничтожена группировка генерала Миллера на Севере России. После мастерски «организованных» англичанами эвакуаций остатки деникинской армии в Крыму деморализованы и разоружены. И в этот момент на сцене русской смуты появился генерал Врангель. Деникин сложил с себя полномочия командующего Белой армией и передал ему. Произойди это раньше – вся

история России могла пойти по-другому. Потому что барон Врангель был, пожалуй, единственным вождем Белого движения, кто не питал никаких иллюзий относительно «союзников». История не дала ему даже малейшего шанса на успех в тех условиях, в которых он находился. Но он попытался, используя имеющиеся ресурсы на все 200 %. К огромному удивлению стран Антанты – белая борьба в Крыму продолжилась...

А ведь в самые последние дни деникинского правления британское правительство выступило с «мирной инициативой». По сути это был простой шантаж. Англичане предлагали обратиться «к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии». Если же руководство белых вновь решит отказаться от переговоров с губителями Родины, то «в этом случае британское правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь»[347].

Написано предельно понятно и четко. Именно это послание британцев становится первым международным документом, полученным бароном Врангелем в ранге руководителя Белого движения. Деникин же выбирает «гостеприимное убежище в Великобритании» и уже навсегда уходит с арены русской смуты...

Врангель стоит перед сложным выбором: продолжать борьбу с армией, которая благодаря «блестящей» эвакуации «союзниками» безоружна и деморализована, или капитулировать перед большевиками. И главное, что отказ англичан оказывать помощь на деле означает невозможность за деньги купить у них новое вооружение. Барон решает бороться до конца. Попытки красных с наскока ворваться в Крым отбиваются. Врангель быстро и решительно реорганизует армию и даже переименовывает ее в Русскую. Кавалерийские полки сажают на коней свои первые эскадроны, мелкие части укрупняются. И тут меняется политическая конъюнктура

Именно в этот момент поляки начинают активное наступление на Белоруссию и Украину. Начинается очередной раунд большой политической партии. Есть в русском языке поговорка – «кому война, а кому мать родна». Молодое польское государство можно смело отнести к тем, для кого мировая бойня стала огромным национальным праздником. «Уродливое детище Версальского договора», как позднее назовет Польшу выпускник Петербургского политехнического университета Вячеслав Михайлович Молотов, от войны только выиграла. Едва появившись на свет, нарезанное из кусков немецкой и русской территорий, это молодое государство проявило невероятную прыть, стараясь использовать благоприятный момент и оттяпать себе куски территории пожирнее. Аппетит у поляков отменный, они пытаются не только пощипать рухнувшую Россию, но и отобрать у немцев Верхнюю Силезию, а у литовцев Вильно (Вильнюс).

Пока красные и белые русские мутузят друг дружку, полякам «под шумок», совершенно безнаказанно удалось захватить некоторые украинские, белорусские и литовские земли. Занимаются территории, собственно Польше принадлежавшие лег триста назад, во времена Речи Посполитой, когда граница с Россией проходила под Смоленском. Теперь настал момент реванша. Для «союзников» ситуация похожа на методы истребления русского флота: поменял флаг, и судно уже не принадлежит России. Если взять куски Украины и Белоруссии и отдать полякам, то они уже совсем и не русские.

На «освоенных» Польшей территориях начинается активное «ополячивание». В Российской империи такого никогда не было, и поляки могли свободно учиться своей истории и языку, в Совдепии их тоже никто не притесняет. В новой «демократической» Польше к ноябрю 1921 года в Западной Белоруссии из 150 белорусских школ осталось только две[348]. Попытки открыть новые насильственно подавлялись, а «виновные» подвергались арестам. В 1930-е годы дискриминация национальных меньшинств еще больше усилилась. Начались гонения на православие, в результате которых были уничтожены сотни православных храмов, в том числе и величественный собор Александра Невского в Варшаве. Конец этим притеснениям положила Красная армия в 1939 году...

Для захвата русской территории нужен инструмент, поэтому «союзники» спешно формируют польскую армию. Нигде так не бросалась разница в «помощи» англичан и французов, как в деле снабжения русских белогвардейцев и свежее испеченных польских войск. Это белые армии могли идти в атаку, имея по несколько патронов на винтовку; польские арсеналы загружены по самую крышу, обмундирование с иголки, вдоволь продовольствия и амуниции. Как и польская территория, вооруженные силы склеиваются из нескольких разных частей: «русский» корпус Довбор-Мясницкого, «австро-немецкая»

армия генерала Галлера и вновь формируемые части из призывников, добровольцев и... эмигрантов. Большое количество поляков из США и Западной Европы поспешили влиться во вновь формируемые национальные войска. «Союзные» правительства, разумеется, этому не препятствуют, а всячески поощряют этот процесс[349]. Почему мы уделили внимание полякам? Потому что безудержный рост польского государства в 1919–1920 годах означал катастрофу для Белого движения. Многие демарши «союзников» объясняются влиянием именно польских факторов в политической ситуации того времени.

Наибольшую роль сыграли польские паны в судьбе армии Деникина и Черноморского флота. Сначала польская помощь была весомым «союзным» аргументом для начала трагического деникннского похода на Москву. Затем в самый решительный момент поляки и их сателлиты петлюровцы заключили с большевиками перемирие, дав им возможность всеми силами навалиться на обескровленных белых. Теперь, когда Врангель, несмотря ни на что, решил сопротивляться на Крымском полуострове, история должна была повториться. Под ударами Красной армии Польша затрещала и готова была рухнуть. Спасти заботливо выращенную «союзниками» польскую независимость должны были солдаты Врангеля.

Удобрением для независимости Польши, равно как и Латвии и Эстонии, стали десятки тысяч трупов русских солдат и офицеров! Но кто сейчас об этом вспоминает?

Лондон и Париж начинают играть с Врангелем в классическую игру «добрый и злой следователь»: «злой» Лондон поставок оружия не дает, «добрый» Париж снова открывает краник военных поставок. Глава Министерства иностранных дел Великобритании лорд Керзон отправляет красному «министру» Чичерину ноту, в которой требует снисхождения для разбитых белых. Одновременно он угрожает, что если большевики попытаются наступать на Врангеля, чтобы добить его, то «британское правительство было бы вынуждено направить корабли для всех необходимых действий, чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся вооруженные силы юга России»[350].

Надо не дать Ленину всей мощью навалиться на Польшу, которая в одиночку воевать с Россией не в состоянии. Для этого надо сохранить (пока) белый Крым. Но и по-настоящему помогать Врангелю англичане не хотят. Британцы, надевая на себя тогу миротворцев, предлагают главнокомандующему Русской армией самому договариваться с большевистским руководством об условиях окончания сопротивления. Если Врангель согласится, то пока будут вестись переговоры. Красная армия не сможет перебросить свои силы на польский фронт, если он откажется – начнутся боевые действия с тем же нужным результатом. Врангель это прекрасно понимал. И не он один. Расклад хитрой политической игры Антанты был прекрасно ясен и большевикам: «Не подлежит никакому сомнению, что наступление Врангеля продиктовано Антантой в целях облегчения тяжелого положения поляков»[351].

Цель у «союзников» одна: с помощью одних русских остановить других русских, рвущихся под красным знаменем к Варшаве. Немного разнятся подходы. Франция добра к белогвардейцам, Англия нет. И по мере ухудшения положения на польско-советском

фронте Париж становится все более лояльным к сидящему без патронов и снарядов Врангелю. Меняется и тон их телеграмм, 1 мая 1920 года французы настроены очень решительно: «Французское правительство относится отрицательно к соглашению с большевиками. Никакого давления для сдачи Крыма не окажет. Не будет участвовать ни в какой подобной медиации, если бы другие ее предприняли. Сочувствует мысли удержаться в Крыму и Таврической губернии. Считая большевизм главным врагом России, французское правительство сочувствует продвижению поляков. Не допускает мысли о скрытой аннексии ими Приднепровья»[352].

2 мая Врангель обращается к «союзному» руководству с посланием, в котором, сам того не ведая, предлагает действия, прямо противоположные их желаниям: «Единственным средством приостановить непрерывную анархию в России является сохранение в ней здорового ядра, которое могло бы объединить вокруг себя все стихийные движения против тирании большевиков. Не новым наступлением на Москву, а объединением всех борющихся с коммунистами народных сил может быть спасена Россия от этой опасности, которая грозит переброситься на Европу»[353].

Здравомыслие Врангеля производит впечатление. Однако «сохранение здорового ядра» России им вовсе не нужно, и уж тем более опасно для них объединение «всех борющихся с коммунистами народных сил». Фраза о наступлении на Москву вообще звучит прямым упреком и обвинением. Врангель опасен, он может сорвать ликвидацию Белого движения. Поэтому надо ее проводить как можно скорее.

Но перед своей окончательной гибелью Белое движение должно в последний раз послужить «общесоюзному» делу. Перегруппировавшись, получив необходимое снаряжение, 24 мая 1920 года Врангель начинает неожиданное для большевиков наступление, стараясь вырваться из Крыма на оперативный простор. Сидеть в крымском мешке для Врангеля бессмысленно, на полуострове нет ни продовольственных, ни людских резервов. Все, что необходимо белым для победы, они могут взять только у красных. Надо пользоваться моментом, пока поляки сковывают часть большевистских сил и французы помогают со снаряжением. Завязываются отчаянные бои.

Но предательство «союзников» штука точно дозированная – они продают своих партнеров ровно тогда, когда это надо. И не днем раньше! Именно в день начала наступления, 24 мая 1920 года, когда десанты уже высажены и назад хода нет, Врангель получает депешу, «что адмирал де Робек передан... о полученном им из Лондона приказе задерживать в настоящее время военные грузы, назначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, даже и на русских судах. Грузы, идущие под иными флагами, его не будут касаться»[354].

До тех пор разговоры об окончании поставок были грустным политическим моментом, а па деле удавалось достучаться к сердцу британских джентльменов с помощью «его величества фунта». Теперь поставок из Британии не будет совсем. Это стало следствием переговоров советских представителей в Лондоне. Британцы дают Ленину твердое обещание белым не помогать. «Распоряжение английского правительства ставило нас в тягчайшее положение. Лишение нас возможности получать военные грузы неминуемо свело бы все наши усилия на нет... Хотя в дальнейшем англичане и продолжали чинить

нам различные препятствия, но путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже большинство грузов удавалось, хотя и с трудом, доставлять в Крым»[355], – пишет Врангель.

Тем, кто до сих считает, что Антанта помогала белым, а англичане искренне пытались задушить «молодую советскую республику», надо обязательно прочитать мемуары белых генералов. Ничего более сильного, разрушающего этот миф на корню, просто не существует. Когда идет страшная борьба, и две силы красная и белая – схватились в ней не на жизнь, а на смерть, как ведут себя «союзники» России?

«Бензин, масло, резина доставлялись за границей с великим трудом, и в них ощущался огромный недостаток. Все необходимое нам закупалось частью в Румынии, частью в Болгарии, частью в Грузии. Делались попытки использовать оставленное в Трапезунде русское имущество, однако все эти попытки встречали непреодолимые затруднения. Англичане чинили нам всевозможные препятствия, задерживали пропуск грузов иод всевозможными предлогами»[356].

Если англичане явно мешают поставкам вооружения для белых, то кому они тем самым помогают? Красным.

Антанта вовсе не помогала борцам за восстановление Единой и Неделимой России. Эта помощь существовала лишь в воображении советских историков, наследниками которых стали современные либералы, рассказывающие нам, как Великобритания, Франция и США помогали русским богатырям сокрушать нарождающийся тоталитаризм.

А вот барон Врангель писал совсем другую историю русской Гражданской войны. Никакой помощи он не видел. Па- оборот – ему активно мешали. «На приобретение всего необходимого мы не имели валюты»[357].

Белые дивизии истекают кровью, подкрепления вместо польского фронта Троцкий перебрасывает в Крым. Но тем не менее поляки все равно отступают под натиском Красной армии. Тогда британские «миротворцы» выступают с новой мирной инициативой. 17 июля 1920 года английское правительство предлагает Ленину тотчас заключить перемирие с Польшей, созвав в Лондоне конференцию для установления мирных отношений. Мнения белых или согласия англичане не спрашивают. Врангелевцам англичане предложили... отвести армию обратно в Крым, то есть потерять все завоеванное с великим трудом в последнем наступлении! Предложение британцев заведомо неприемлемо, и они это прекрасно знают. Причина проста и банальна: «Требование отвода войск к перешейкам равносильно обречению армии и населения голодной смерти, ибо полуостров не в состоянии их прокормить»[358].

Ну и пусть умирают «за Единую и Неделимую» Россию белогвардейцы, за их спиной англичане и французы уже спешат делать свои гешефты. Налаживается взаимовыгодное сотрудничество между красной Россией и «цивилизованным» сообществом европейских народов. «Союзные» пароходы уже вывозят от большевиков тонны зерна, везут им

промышленную продукцию. Врангель все это видит и знает: « В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива. Доказательств этому искать недалеко. Всего несколько дней назад на уведомление мое о том, что в целях прекращения подвоза в большевистские порты Черного моря военной контрабанды, я вынужден поставить у советских портов мины, командующие союзными английским и французскими флотами против этого протестовали, телеграфно уведомив меня, что эта мера излишня, раз они запрещают кому бы то ни было торговлю с советскими портами»[359].

Не надо мин: не ровен час – «союзный» пароход на ней и подорвется. И сам Врангель находит подтверждение такому предположению: «Через четыре дня радиостанция нашего морского ведомства приняла радиogramму французского миноносца «Commandant Borix», отправленную, по-видимому, по просьбе одесского союза кооперативов, следующего содержания: «Паро- ход (имя неразборчиво) отойдет 5-го августа в Геную с четырьмя тысячами тонн хлеба. Высылайте пароход с медикаментами, грузовыми машинами и хирургическими инструментами»»[360].

Чтобы хоть как-то подсластить горькую действительность, французское правительство вдруг решает признать правительство Врангеля. В Севастополь высылается дипломатический представитель Французской Республики. Самое время! До сих пор ни одно белое правительство так и не было признано. Такой чести не удостоили Колчака, не порадовали Деникина и вот решили признать именно Врангеля. Почему его и почему сейчас? Потому что жить врангелевскому правительству осталось менее трех месяцев и все это время надо, чтобы он приковывал к себе часть Красной армии.

По вот поляки и стоящие за их спиной англичане вновь договорились с Лениным и Троцким. Моментально меняется и вектор западной политики.

Поляки и Ленин под давлением англичан начинают готовиться к заключению мира. Происходит это все во второй половине сентября. Только что признанное правительство Врангеля узнает об этом не сразу. Понимая, что если он ничего не предпримет, то будет в самое ближайшее время раздавлен освободившимися советскими войсками, глава белых вновь обращается к «союзникам»: «Я принимал все меры, чтобы убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров с тем, чтобы, воспользовавшись оттяжкой части красных войск на польском фронте, пополнить и снабдить мои войска за счет огромной захваченной поляками добычи, использовать как боеспособные части перешедших на сторону поляков и интернированных в Германии большевистских полков, так и захваченную победителями материальную часть»[361].

Ответ французов поразителен. Читая его, надо помнить, что до полного краха армии Врангеля осталось всего два месяца и если французы ничего не предпримут, то у белых нет шансов удержаться: «Французское правительство и Фош принципиально сочувствуют Вашей постановке вопроса, но осуществление ее пойдет медленнее, чем нужно. Мешает кроме сложности вопроса каникулярное время и отсутствие Мильерана, с которым можно сноситься только письмами»[362].

Господии Мильеран изволят отдыхать, и поэтому Белое движение в России должно погибнуть. Что ни говори, а французы люди цивилизованные, им неудобно смотреть в лицо тому, кого они предают и обманывают. Поэтому именно в тот момент в правительстве Франции произошли «неожиданные» перемены. Президент Французской Республики Дюшанель заболел и был вынужден оставить свой пост, а заместителем его оказался избран тот самый «усталый» Мильеран. Новый президент по-новому смотрит на некоторые вопросы внешней политики Франции. Ах, вам что-то обещали, так извините – это был Дюшанель, а теперь Мильеран...

От польской позиции зависит судьба белого Крыма, а может быть и будущее всей России. Но Врангель, чье правительство признано официальным Парижем, с самими поляками обсудить вопрос жизни и смерти своей армии не может.

«Связь наша с поляками была чрезвычайно затруднительна. Переговоры приходилось вести исключительно через французов. Попытки установить радиосвязь с Варшавой успехом не увенчались. Несмотря на все ходатайства, союзные верховные комиссары решительно отказывали допустить установку нашей радиостанции на территории русского посольства в Буюк-Дере»[363].

Вот так – «связь исключительно через французов»! Напрямую, самим нельзя – вдруг удастся договориться белым с гордыми польскими панями, и ликвидация русского патриотического движения не произойдет. Предательство «союзников» бьет в глаза, лезет из всех щелей, но Врангелю уже ничего другого не остается, как надеяться.

«Как ни мало доверял я нашим «иностранным друзьям», однако все же не оставлял надежды, что польское правительство, под давлением Франции, будет возможно долее оттягивать заключение мира, дав нам время закончить формирование армии на польской территории или по крайней мере перебросить русские войска в Крым»[364].

Барон Врангель спешит нанести красным поражение, пока их перевес над его армией не так подавляющ. Пока не переброшены с польского фронта свежие резервы. И атакует, атакует, атакует. Самые упорные бои развертываются под Каховкой. Русская армия меньшими, чем у противника, силами штурмует отлично укрепленные позиции. Белые идут вперед под шквальным пулеметным и артиллерийским огнем. Впереди несколько рядов проволоки белогвардейцы рвут их руками, рубят саблями. «Конные атаки ген. Барабовича разбиваются о проволочные заграждения и организованный огонь плацдарма»[365], – пишут о тех боях красные историки Гражданской войны. Отчего же белогвардейцы походили с ума? Почему в конном строю пытаются взять укрепления, обнесенные колючей проволокой?

Потому что это единственный шанс их захватить. Шанс безумный, дерзкий. Только в конном строю можно ПОПЫТАТЬСЯ перемахнуть через колючку. У пехоты шансов на успех нет вообще никаких.

Ножниц для резки проволоки нет – Франция обещала, но не прислала![366]

Это все равно что, собирая полярника в дорогу, снабдить его отличной одеждой, добротной обувью, великолепными лыжами, но забыть прислать ему рукавицы. Вроде вы ему и помогли, и экипировали его – но далеко он с обмороженными руками все равно не уйдет. Узнать основные потребности Врангеля совсем не сложно – он сам присылает запросы к «союзникам». Остается только вычленив маленькую ключевую деталь и именно ее «забыть» привезти. Ждать другого парохода Врангель не может и обязательно, в любом случае пойдет на штурм красных укреплений. Остается только подождать, пока он обломает себе зубы, и принести ему свои фальшивые соболезнования.

Пять дней следуют отчаянные штурмы Каховки. В результате в начале сентября белые, понеся большие потери, отходят, но уже через неделю возобновляют атаки на другом участке и даже теснят Красную армию. Однако их силы на исходе, наступление начинает захлебываться. Тут поспевает и очередной подарок от «союзников»: поляки наконец заключают с большевиками мир. «Поляки в своем двуличии остались себе верны»[367], – с горечью заключает генерал Врангель. Ведь первичные, прелиминарные условия мирного договора уже были подписаны Варшавой 29 сентября 1920 года.

Русскому главнокомандующему никто об этом не сообщил. Наоборот, поляки как ни в чем не бывало продолжали «исключительно через французов» поддерживать с Врангелем сношения. Даже этим Польша подыграла Ленину и Троцкому: Врангель, не знающий о том, что мирный договор уже тайно подписан, не ожидает столь быстрой концентрации против Крыма огромного количества красных войск. Поэтому мощь удара войск Фрунзе оказывается для белых неожиданной.

Теперь уже спасения быть не могло. Поражение становилось вопросом ближайшего времени. В полном одиночестве армия Врангеля продержалась еще полтора месяца. Понимая, что на англичан надеяться нельзя, Врангель организует эвакуацию, надеясь только на собственные силы. И она пройдет удачно. В отличие от «деникинских» эвакуаций, где белое руководство возлагало надежды на помощь Туманного Альбиона. Всего из Севастополя, а также из Керчи, Ялты и Феодосии ушло 132 до предела перегруженных корабля, на борту которых находилось 145 693 беженца, не считая судовых команд...

На момент их отплытия НИ ОДНА ДЕРЖАВА НЕ ДАЛА СОГЛАСИЕ НА ПРИНЯТИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ.

Ушел в свой последний поход русский Черноморский флот. В последний поход ушла и Русская, бывшая Добровольческая, армия. На Родину ей уже не было суждено вернуться. Судьбы казаков и добровольцев, офицеров и юнкеров, кадетов и беженцев сложатся по-разному. Кто-то, поддавшись уговорам, вернется в красную Россию, кто-то попадет на Родину в рядах гитлеровского вермахта, но большинство их так и умрет па чужбине, заполнив православными крестами кладбища Парижа и Ниццы, Мельбурна и Нью-Йорка.

Вместе с белогвардейцами, вместе с погибшим белым делом уходили из России и русские боевые и торговые корабли. Уходили, чтобы никогда не вернуться. Те русские суда, что сумели спастись от уничтожения большевиками в Новороссийске в июне 1918-го, англичанами – в апреле 1919-го, что сумели избежать потопления во время эвакуации Одессы и Севастополя, теперь были отданы в залог Франции (!). Никого из них «союзники» из своих цепких объятий уже не выпустят...

Флот барона Врангеля пришел в Константинополь. Около двух недель суда стояли на рейде, а солдат и беженцев фактически не кормили. Потом заботливые «союзники» разместили русских в Галлиполи, рядом с проливами. В чистом поле, под проливным дождем и снегом.

Никаких денег для содержания армии и помощи беженцам Врангель не получил. Даже палатки были выданы чинам его армии не сразу! Последние русские солдаты становились пленниками «союзного» гостеприимства. Впереди у Врангеля была отчаянная подковерная борьба с французами и англичанами за сохранение армии как боевой силы. Еще будут их провокации, призывы к солдатам и офицерам не слушать своих руководителей, постоянные попытки изъятия оружия и перманентное сокращение пайков. Пройдет некоторое время, и 15 октября 1921 года на строптивного генерала Врангеля, упрямо не желавшего распускать Русскую армию, будет совершено покушение. Яхту «Лукулл», на которой расположился его штаб, среди бела дня, при отличной видимости протаранил пароход «Адрия». Корпус корабля, идущего из Батуми под итальянским флагом, врезался в борт яхты Врангеля, точно в месте расположения его кабинета. Сделав свое дело, «Адрия» не только не приняла мер для спасения людей, но и попыталась скрыться. «Лукулл» почти моментально пошел на дно, погибло несколько человек. По счастливой случайности Врангеля на борту не было. Организатор покушения так и остался невыясненным, а «союзные» органы расследования постарались по-быстрому замять дело.

Опасаясь оставлять русские корабли около Константинополя, французы увели их подальше – в Африку. Тунисский порт Бизерта, забытый богом и французскими властями, обрел много новых православных подданных: помимо самих моряков здесь жили члены их семей, в русских школах учились дети. Действовал даже русский Морской кадетский корпус, эвакуированный из Севастополя, – готовились кадры для будущего русского флота. Увы, этим планам не суждено было сбыться. Вместо роста мощи и славы русского флота кадеты наблюдали, как переданные в залог Франции корабли исчезали один за другим. «Союзники» частью переводили их под свои флаги, частью просто разбирали на металлолом.

Печальна была и судьба последнего черноморского дредноута «Генерал Алексеев» (он же «Воля», он же «Император Александр III»). 29 декабря 1920 года он был интернирован французскими властями. Потом Франция признала Советский Союз, но корабли не отдавала, и под разными предлогами откладывала передачу судов. Последовали четыре года препирательств с «союзниками». Наконец, 29 октября 1924 года дредноут был признан правительством Франции собственностью СССР, но из-за «сложной международной обстановки» возвращен Советской России не был. В 1936 году линкор «Генерал Алексеев» был продан советской компанией «Рудме-таллторг» на слом во французском городе Бресте с условием, что его орудия и кое-какие приборы останутся собственностью

Франции (!) и будут доставлены в арсенал Сиди-Абдаллах. Разборка и разрушение дредноута начались не сразу и были завершены лишь в 1937 году. В 1940 году, в разгар советско-финской войны, «нейтральное» французское правительство согласилось уступить Финляндии 305-мм орудия дредноута, для которых у финнов были снаряды, оставшиеся после ухода русского Балтийского флота в 1918 году. Цель подарка – стрельба по советским солдатам, взламывающим линию Макнергейма. И только быстрое окончание боевых действий не позволило орудиям русского дредноута вновь начать стрелять по русским солдатам.

Па этом закончилась трагедия старой России, организованная английской и французской разведками, трагедия ее народа, армии и флота. Правда, Советская Россия, несмотря на все усилия, осталась морской державой. Страшно ослабленный флот все же был сохранен, но в таком качестве и в таком количестве он совершенно не мог решать задачи по охране побережья страны. Разрушив все до основания, большевики становились перед необходимостью все восстанавливать. Наращивание морских мускулов станет одним из главных направлений сталинских пятилеток. Кроме строительства новых судов в 1930-е годы было сделано несколько попыток поднятия затопленных по приказу Ленина русских кораблей, усеявших своими островами бухту Новороссийска. А со страниц советских газет и журналов стали раздаваться робкие и удивленные голоса первых исследователей Гражданской войны. И зачем было товарищу Раскольникову топить Черноморскую эскадру на таком глубоком месте и так основательно?! Ведь если бы корабли пошли на дно недалеко от берега, то их можно было бы поднять и отремонтировать. А так единственным кораблем, который удалось вернуть к жизни, стал эсминец «Калнакрия». 28 августа 1929 года под названием «Дзержинский» он вошел в состав Красного флота...

Организаторы уничтожения России могли подводить итоги. Полностью разрушенная экономика, уничтоженный флот, нелегитимное правительство, миллионы жертв таковы были итоги ликвидации Российского государства. На Западе, отделенная от нас враждебным поясом новообразованных государств, лежала обескровленная и униженная Германия. Все цели, поставленные англичанами и французами в отношении нее, были также успению достигнуты. Но Россия и Германия не собирались мириться со своим униженным положением. Борьба не окончилась, она еще только начиналась. Впереди были дипломатические баталии и неожиданные успехи, резкие политические развороты и тревожные ожидания.

Пока все не закончилось теплым июньским утром 1941 года...

Почему именно так трагически сложились первые дни войны?

Кто и что заставило Адольфа Гитлера совершить роковую ошибку в своей карьере и напасть на СССР?

Почему Сталин, уже получая информацию о немецком ударе, сомневался, что началась война, а не «провокация»?

К чему готовились части Красной армии, расположенные прямо на границе?

Обо всем этом мы поговорим в следующей книге. Пришла пора раскрыть тайну 22 июня 1941 года...

Автор будет признателен за Ваш отклик: www.nstarikov.ru nstarikov@bk.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ. ВОЗМЕЗДИЕ

Почти всех людей, предававших и уничтожавших свою Родину, постигла заслуженная кара. Возмездия избежали единицы. Наказание пришло к ним в то время, когда они были абсолютно уверены в собственной безопасности; смерть подошла с той стороны, откуда они ее никак не ожидали. Потопленные корабли, замученные люди, преданная и уничтоженная Россия, убитые дети Николая Романова – это лишь маленькая часть громадного списка их преступлений. Снимите шляпы – перед вами «невинные» жертвы сталинских репрессий...

Руководители (Первое советское правительство)

Иностранцы любили это правительство куда больше, чем соотечественники. Американский полковник Робине (тот самый американский разведчик из миссии Красного Креста) писал, что члены этого правительства были самыми культурными и образованными за всю историю, если судить по количеству написанных книг и выученных языков. Норвежские социал-демократы перешеголяли всех – они выдвинули Владимира Ильича Ленина на получение Нобелевской премии мира! После всего, что мы знаем о наших «союзниках», нас это не должно удивлять. Премии часто раздают не самым достойным, а руководствуясь политической целесообразностью. Ленина номинировали дважды, в 1917-м, когда он написал так и неосуществленный декрет о мире, и в следующем, 1918 году, когда шла страшная Гражданская война, а в Черном море плавали обезображенные трупы русских офицеров.

Результаты действий этого правительства печальны. Так же печальна и судьба составлявших его людей. Из 14 народных комиссаров 10 будут впоследствии ликвидированы, обстоятельства смерти двух весьма подозрительны; еще один своевременно уйдет из жил ни до начала репрессий. Лишь последний из этого правительства – Иосиф Виссарионович Сталин скончается в зените славы, также не избежав подозрений в том, что умереть ему помогли.

Первый состав Совета народных комиссаров.
Председатель СНК

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич – умер в 1924 году, впад в маразм. Существует версия, что соратники дали ему яд. Похоронен в мавзолее вопреки собственному завещанию.

Комитет по военным и морским делам

Антонов (Овсеев) Владимир Александрович в революционном движении с 1901 года, участвовал в севастопольском восстании 1905 года. В годы реакции меньшевик, работал в Париже у Троцкого в издании газеты «Наше слово». После возвращения из эмиграции примкнул к большевикам, вступив в партию в июне 1917 года. Во время Октябрьского вооруженного восстания – член Петроградского военно-революционного комитета. Под его командованием был взят Зимний дворец; им же арестовано Временное правительство. Был председателем полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. Палач русских крестьян – вместе с Тухачевским подписал приказ, предусматривавший казнь заложников, а также немедленный расстрел без суда для «граждан, отказывающихся называть свое имя». С 1934 года прокурор РСФСР: на этом посту содействовал установлению практики приговоров по «пролетарской необходимости». Во время Гражданской войны в Испании занимал пост генерального консула в Барселоне. Отозван в Москву и в ноябре 1937 года арестован.

Расстрелян в 1938 году.

Крыленко Николай Васильевич – лидер студенческого политического движения 1905–1908 годов, одновременно работал в петербургской организации большевиков. На момент Февральской революции – прапорщик русской армии. В ноябре 1917 года, после отказа главковерха Духонина подчиниться приказу о начале переговоров о перемирии, был назначен Совнаркомом главковерхом. Разогнал Ставку, уволил «контрреволюционно настроенных» офицеров, ввел выборность комсостава, чем дезорганизовал армию, способствовал ее окончательному развалу. Начал переговоры с немцами о перемирии. После Брестского мира уступил свое место Троцкому и с 1918 года работал в органах советской юстиции. Должности были разные: председатель Верховного революционного трибунала ВЦИК, прокурор Республики; нарком юстиции РСФСР, а с 1936 года – нарком юстиции СССР. Государственный обвинитель на особо важных процессах, в том числе в деле наморси Щастного. В своем последнем слове сказал, что у него «имеется 25 лет

революционной работы и только 8 лет антисоветской деятельности и на этом сопоставлении суд своим решением даст ответ». Суд ответ дал.

Расстрелян в 1938 году.

Дыбенко Навел Ефимович – матрос с дредноута «Гангут», судимый за кражу бушлата. Председатель Центробалта, руководил избиением флотских офицеров в Кронштадте. В Гражданскую войну командовал различными воинскими соединениями. Последняя должность перед арестом – заместитель наркома лесной промышленности, то есть лесоповала.

Расстрелян в 1938 году.

Нарком внутренних дел

Рыков Алексей Иванович – вступил в РСДРП во время учебы в саратовской гимназии в 1898 году. Был избран в первый ЦК партии и участвовал в революции 1905 года. С мая 1917 года стал членом Президиума Моссовета. С октября 1917 года также являлся членом Президиума Петросовега. Принимал участие в подготовке Октябрьского восстания. В знак протеста против отказа большевиков сформировать коалиционное правительство подал в отставку. Позже вернулся и принял пост председателя Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. Являлся членом Реввоенсовета РСФСР. Занимал ряд других высших постов в коммунистической иерархии.

Расстрелян в 1938 году.

Нарком земледелия

Милютин Владимир Павлович – в партию вступил в 1903 году, меньшевик. В 1910 году перешел к большевикам. Вел партийную работу в разных городах. Неоднократно арестовывался, провел в тюрьме около пяти лет. В 1917 член Саратовского комитета РСДРП(б), председатель Самарского совета. Вышел из правительства вместе с Рыковым, но признал свои ошибки и отозвал свое заявление о выходе из ЦК. Был избран депутатом Учредительного собрания. Занимал посты председателя ВСНХ РСФСР, представителя Коминтерна в Австрии и на Балканах, заместителя председателя Госплана СССР. Арестован.

Расстрелян в 1938 году.

Нарком труда

Шляпников Александр Гаврилович – в РСДРП вступил в 1901 году. Неоднократно подвергался аресту и сидел в тюрьме. В 1908 году выехал за границу для связи с заграничным ЦК, в Женеве познакомился с Лениным. Во время Февральской революции был единственным членом ЦК РСДРП, бывшим в России и на свободе. В дни Октября находился в Смольном. В 1923 году открыто выступил с критикой ЦК по вопросам экономического положения, после чего был отправлен на дипломатическую работу. Недолго пробыв торгпредом во Франции, в 1925 году вернулся в СССР. До 1929 года работал председателем правления акционерного общества «Металлоимпорт» (вспомните распиленные русские корабли).

Расстрелян в 1938 году.

Нарком торговли и промышленности

Ногин (Макара) Виктор Павлович рабочий, член РСДРП с 1898 года. Неоднократно арестовывался и ссылался, побывав почти во всех крупных тюрьмах России. Член Исполкома Московского Совета рабочих депутатов. Входил в состав Временного комитета по борьбе с корниловским мятежом. Во время Октябрьского переворота председатель Президиума Исполкома Московского Совета рабочих депутатов. Депутат Учредительного собрания. С апреля 1918 года являлся заместителем наркома труда РСФСР, затем на ответственной государственной и хозяйственной работе. Скончался на том же самом операционном столе профессора В. Н. Розанова (!), на котором год спустя умрет М. В. Фрунзе. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Уездный город Богородск в 1930-м переименован в Ногинск, до сих пор носит это имя.

Умер в 1924 году и потому избежал расстрела.

Нарком народного просвещения

Луначарский Анатолий Васильевич – вступил в подпольный марксистский кружок еще школьником. Член партии с 1895 года. Учился в Цюрихском университете вместе с Розой Люксембург. В годы Первой мировой войны примыкал к интернационалистской группе Троцкого и являлся ближайшим сотрудником газеты «Наше слово». Пассажир второго, ехавшего за ленинским, «пломбированного» поезда. В пути немцы кормили малосъедобной баландой. Луначарский первым взял ложку, попробовал и задумчиво сказал: «А знаете, питательно!» Такое отсутствие брезгливости помогло ему в итоге «переварить» все большевистские ужасы, горячим противником которых (на словах) он являлся. Луначарский восемь раз подавал в отставку, а узнав об обстреле Кремля, даже упал в обморок. Потом успокоился и пообвык. С 1917 по 1929 год – нарком просвещения, один из организаторов советской системы образования. В 1933-м назначен полпредом в Испанию. По дороге в страну, охваченную гражданской войной, он умирает. Это весьма подозрительно, особенно если учесть, что почти вся «испанская» когорта советских специалистов позже пошла «под нож».

Умер в 1933 году и потому избежал расстрела.

Нарком финансов

Скворцов-Степанов Иван Иванович – в социал-демократическом движении с 1896-го, большевик с 1904 года. Несколько раз арестовывался. В 1917 году член Московского комитета РСДРП(б). После Октябрьской революции – нарком финансов. В начале 1918 года выступал против заключения мира с Германией, «левый коммунист». С 1925 года редактор «Известий», заместитель редактора «Правды», редактор «Ленинградской правды». Один из создателей политической цензуры. С 1925 года член ЦК ВКП(б). После смерти его именем была названа больница для умалишенных, после чего фамилия наркома стала нарицательной. Прах Скворцова-Степанова погребен в Кремлевской стене.

Умер в 1928 году и потому избежал расстрела.

Нарком иностранных дел

Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович – один из идеологов первой русской революции, в 1905–1907 годах – председатель Петербургского совета. После поражения революции – в эмиграции. Пассажир «американского» парохода, попавший в Россию при активной помощи «союзников» и Временного правительства. Председатель Петроградского совета, наряду с Лениным фактический организатор Октябрьского переворота в Петрограде. Главный организатор Красной армии. Один из тех, кто настойчиво пытался утопить весь русский флот. 16 января 1928 года, после исключения из партии, высылается в Алма-Ату, а через год из СССР в Турцию. В изгнании издает журнал «Бюллетень оппозиции», формирует так называемый Четвертый интернационал, резко выступает против Сталина.

Огромное несчастье навлек Лев Давыдович на своих детей и родственников. Дочь Нина умерла от туберкулеза, когда отец находился в ссылке в Алма-Ате. Другая дочь, Зинаида в январе 1933 года в Берлине, будучи в депрессивном состоянии, покончила с собой (?). Сын Сергей был арестован в июне 1935 года, долго сидел в Бугырях, а потом получил пять лет лагерей усиленного режима. В 1937 он был расстрелян. Последний из оставшихся в живых детей Троцкого, Лев Седов, в феврале 1938 года был отравлен [пианист], iM калием в одной из парижских клиник, куда лег на операцию аппендицита. Муж Зинаиды сумел вернуться из первой ссылки, но вторую в 1935 году пережить уже не смог. Сестра Троцкого Ольга была женой Каменева. Расстреляна в 1941 году в тюрьме незадолго до оккупации Орла немцами.

24 мая 1940 года – в соответствии с планом операции «Утка» совершена первая, неудачная попытка покушения на Троцкого. Его резиденция была обстреляна из автоматов группой диверсантов под руководством художника Давида Альфаро Сикейроса. Вторая попытка заканчивается смертью Троцкого. Испанский коммунист, агент НКВД Рамон дель Рио Меркадер за это получил звание Героя Советского Союза.

Убит в Мексике 20 августа 19–10 года ударом ледоруба по голове.

Нарком юстиции

Ломов (Оппоков) Георгий Ипполитович – дворянин. В РСДРП вступил в 1903 году, большевик. Был в ссылке в Архангельской губернии, где принимал участие в научной полярной экспедиции в Сибирь. В 1917 году член Московского областного бюро и Московского комитета РСДРП(б), заместитель председателя Моссовета. В октябре 1917-го член Московского Военно-революционного комитета. В 1918 году примыкал к «левым коммунистам», был противником заключения мира с Германией. В 1918–1921-м член Президиума и заместитель председателя ВСНХ РСФСР. В дальнейшем занимал разные партийные и государственные посты.

Расстрелян в 1937 году.

Нарком продовольствия

Теодорович Иван Адольфович – поляк, дворянин. Член РСДРП с 1895 года. В 1902 году арестован и выслан на шесть лет в Якутию. В 1905 бежал из ссылки в Женеву, познакомился с Лениным и был направлен «раскачивать лодку» в Россию. В 1907 году избран в состав Петербургского комитета РСДРП. Арестован, приговорен к шести годам каторги. Активный участник Октябрьского переворота. В конце 1917 – начале 1918 года направляется на хлебозаготовки в Красноярск. Арестован белогвардейцами летом 1918 года и... освобожден. Работает на различных партийных должностях. В 1937 году арестован органами НКВД. Теперь осечки не будет.

Расстрелян в 1940 году.

Нарком почт и телеграфов

Глебов (Авилов) Николай Павлович – член большевистской партии с 1904 года. Неоднократно арестовывался. После Февральской революции член Исполнительной комиссии I (петербургского комитета РСДРП(б)). В мае 1918-го направлен комиссаром на Черноморский флот и в этом качестве пытался руководить затоплением его кораблей. В дальнейшем член Президиума и секретарь ВЦСПС, нарком труда Украины; с 1922 года на партийной работе в Петрограде. С 1928 года начальник строительства, затем директор завода «Ростсельмаш».

Расстрелян в 1937 году.

Нарком по делам национальностей

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович умер при загадочных обстоятельствах на своей даче 5 марта 1953 года. Существует версия, что и он, вслед за Лениным, был отравлен.

Февральская революция

Суханов (Гиммер) Николай Николаевич – с середины 1903 года член московской эсеровской организации. В ходе Февральской революции – член Исполкома Петроградского совета, издавшего Приказ № 1 и другие документы, разлагавшие армию и страну. После Октября являлся членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов. В период переговоров о Брестском мире выступил сторонником революционной войны с Германией. В июле 1930 года арестован. В марте 1931 года по делу «Союзного бюро ЦК меньшевиков» приговорен к 10 годам тюрьмы. В 1935 году тюрьма была заменена ссылкой, в 1937 году вновь арестован.

Расстрелян в 1940 году.

Стеклов (Нахамкес) Юрий Михайлович – социал-демократ с 1893 года. Участвовал в революции 1905–1907 годов, в 1910 году выехал за границу, сотрудничал в большевистских газетах «Социал-демократ», «Звезда», «Правда», в журнале «Просвещение». После Февральской революции избран членом Исполкома Петроградского совета. Вместе с его другими членами активно помогал созданию в стране хаоса и анархии. Один из авторов пресловутого Приказа № 1. После Октябрьского переворота быстро стал большевиком. Продолжал оставаться редактором газеты «Известия» и в 20-е годы. В дальнейшем – на журналистской и научной работе. Опубликовал ряд трудов по истории революционного движения.

Расстрелян в 1941 году.

Скобелев Матвей Иванович – инженер, член РСДРП с 1903 года, меньшевик. С 1912 года один из лидеров социал-демократической фракции IV Государственной думы. В эмиграции в Вене был сотрудником в редакции «Правда», когда это название еще было у газеты Троцкого. После Февраля – член бюро Исполкома, заместитель председателя Петроградского совета. С мая по август 1917 года министр труда Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал, потом решил вернуться. Член ВКП(б) с 1922 года. Был председателем Концессионного комитета РСФСР.

Расстрелян в 1939 году.

Пломбированный поезд Ленина и «пломбированный» пароход Троцкого

Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович – соратник Ленина, осуществлявший его связь с иностранными (британскими) спецслужбами. Вероятнее всего – их человек на

финансовых потоках, приставленный к «перспективному» революционеру. При помощи Парвуса, бывшего двойным агентом Германии и Британии, создает в Стокгольме специальную банковскую контору. Она станет основным каналом переворота в октябре 1917-го. С 1918 года член коллегии Наркомата финансов РСФСР, комиссар и управляющий Народного банка. Занимал ряд других дипломатических и финансовых постов. Последнее место работы – с 1935 года директор Музея революции.

Расстрелян в 1937 году.

Зиновьев Григорий Евсевич (Радомысльский или Радомышельский Овсей-Гершен Аронович) – член партии с 1901 года. В 1904–1905 годах учился на химическом и юридическом факультетах Бернского университета в Швейцарии. В 1905 году приехал в Петербург и участвовал в революции. В 1908 году арестован, эмигрировал. Член ЦК с 1912 года. Один из главных соратников Ильича по эмиграции. Был секретарем Ленина во время жизни их обоих в шалаше в Разливе. Вместе с Каменевым в октябре 1917 года опубликовал письмо, «разглашавшее тайну» большевистского восстания. С 1917 по 1926 год председатель Петросовета. В ответ на наступление армии Юденича вводит в городе институт заложников и их ночные расстрелы. В декабре 1934 года арестован по обвинению в организации убийства С. М. Кирова, осужден на 10 лет. Повторно арестован по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

Расстрелян в 1937 году.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович – родился в Львове, в австрийской Галиции. За свою любовь к партийной кассе этот польско-немецко-русский революционер был обладателем чудесной клички «Крадек». Пассажир ленинского «пломбированного» вагона. Сопровождал Троцкого на переговоры в Брест-Литовск, занимая позицию «левых коммунистов». В 1919–1924 годах – член ЦК, член Президиума Исполкома Коминтерна. С марта 1920 года секретарь Коминтерна, ответственный за подрывную деятельность, прежде всего – в Германии и Китае. Сотрудник газет «Правда» и «Известия». В 1937 году осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам заключения.

Убит в лагере в 1939 году.

Бухарин Николай Иванович – вступил в партию в 1906 году. В первый раз был арестован в 1909-м, сослан в Архангельскую губернию, откуда бежал за границу. Во время мировой войны арестовывался в различных странах за интернационалистическую деятельность. С конца 1916 года жил в Нью-Йорке. Пассажир «пломбированного» парохода Троцкого. На VI Съезде в августе 1917 года избран в ЦК партии. В 1919–1929 годах – член Исполкома Коминтерна. Член Политбюро, редактор «Правды», «Известий». В 1936 году писал и редактировал Конституцию. Автор замечательного афоризма: «У нас многопартийная система: одна партия у власти, а остальные в тюрьме».

Расстрелян в 1938 году.

Платтен Фридрих – швейцарский социал-демократ, в 1912–1918 годах секретарь социал-демократической партии Швейцарии. Имел секретные связи со спецслужбами нескольких стран. В марте 1917 года именно он организовал переезд Ленина и других политэмигрантов в Россию через Германию в пломбированном поезде. Во время покушения на Ленина 1<1 января 1918 года в Петрограде закрыл Ильича своим телом и был легко ранен в руку. В знак благодарности Крупская подарила Платтену маленький браунинг, на рукоятке которого велела выгравировать: «Спасителю нашего Ильича». С 1923 года безвыездно жил в СССР. Когда организатору проезда Ленина на Родину пришла пора отвечать за свои деяния, то его следователи поначалу были в сложном положении. В марте 1938 года Платтен был арестован, через год арестовали его жену Верту Циммерман.

Разобравшись в ситуации, следователи поняли, что многолетнее сотрудничество с немецкими спецслужбами, которое активно «шили» Платтену, невольно подтверждает слухи о немецком следе в «пломбированном» возвращении Ленина в Россию. Сотрудничество с английской или французской разведкой вообще придавало всей истории совсем неприглядный вид. Выход из ситуации подсказал... подарок Крупской! Платтен был осужден на четыре года за незаконное хранение оружия! Но суть дела от этого не поменялась – живым па свободу он не вышел. Накануне истечения срока, совершенно «случайно», ровно (!!!) в день рождения своего подопечного, 22 апреля 1942 года, умер в больнице исправительного лагеря под Архангельском.

Брестский мир

Иоффе Адольф Абрамович – в партии большевиков с 1917 года. В 1918 году один из ведущих советских дипломатов во время переговоров в Брест-Литовске, затем полпред Советской России в Германии. В 1920 году на переговорах в Тарту подписал еще один антирусский договор, на этот раз – с Эстонией, в результате чего Россия лишилась значительных территорий и 15 млн рублей золотом, а тысячи белогвардейцев и других русских людей были уморены в эстонских концлагерях. Продолжал дипломатическую карьеру: в 1922–1924 годах – полпред в Китае, в 1924–1925 годах – в Австрии. С 1925 года в оппозиции к сталинскому курсу. Ушел из жизни добровольно, но его родным это не помогло. Его дочь – Надежда Адольфовна Иоффе провела двадцать лет в лагерях и ссылке, где родились две ее дочери. Внучки того, кто так легко раздавал налево и направо земли Российской империи.

Покончил жизнь самоубийством в 1927 году.

Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич – член РСДРП с 1905 года. После неудачной первой попытки разрушения России с 1905 по 1914 окончил Парижский университет. В 1917 году член Исполкома Моссовета и Петроградского совета. комиссар банков. Председатель советской делегации на переговорах с Германией, подписал текст Брестского мира. Нарком финансов СССР. Зампред Госплана СССР. Полпред СССР в Великобритании. Первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован в 1936 году. В 1937 приговорен к 10 годам тюремного заключения.

В мае 1939 года убит в тюрьме сокамерниками.

Карахан (Караханян) Лев (Левой) Михайлович – сын присяжного поверенного. В 1904-м вступил в РСДРП, меньшевик. В 1915 году арестован и сослан в Томск, освобожден Февральской революцией. Вступил в партию большевиков, в августе-октябре 1917 года был членом президиума и секретарем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Во время Октябрьской социалистической революции – член Военно-революционного комитета. С марта 1918 года заместитель наркома иностранных дел РСФСР. Секретарь советской делегации на переговорах о Брестском мире. Позднее продолжал работу на дипломатическом поприще, был полпредом в Китае и Польше. В 1927–1934 годах заместитель наркома иностранных дел. К 1934 году сталинский СССР чувствует себя на международной арене так уверенно, что отправляет армянина Караханяна послом в Турцию! Турки проглатывают это оскорбление, из чего следует вывод, что в своем отношении к СССР они будут весьма лояльны. Так и случится – несмотря на все попытки Гитлера втянуть Турцию в войну, она останется нейтральной. Но Лев Михайлович Караханян этого не узнает – прямо из Стамбула он будет отозван в Москву и арестован.

Расстрелян в 1937 году.

Убийство Мирбаха и мятеж левых эсеров

Вацетис (Вацietис) Иоаким Иоахимович – кадровый офицер русской армии. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище и Академию Генштаба, подполковник. В октябрьские дни 1917 года со своим 5-м латышским полком перешел на сторону большевиков. В 1918 году – командир латышской стрелковой дивизии, единственной серьезной военной опоры Совнаркома в столице. Военный руководи тель подавления мятежа левых эсеров в Москве. Вскоре назначен командующим Восточным фронтом. В 1918–1919 годах – главнокомандующий вооруженными силами республики. После окончания Гражданской войны – профессор военной академии. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Написал в соавторстве с другими красными командирами чудесную книгу «Гражданская война 1918–1924».

Расстрелян в 1938 году.

Блюмкин Яков Григорьевич – левый эсер, сотрудник ВЧК, убийца германского посла графа фон Мирбаха. После того как он был неожиданно помилован и принят во второй раз в советскую спецслужбу, участвовал в многочисленных спецоперациях. В 1920 году зачислен слушателем Академии Генерального штаба Красной армии на факультет Востока, где готовили работников посольств и агентуру разведки. И уже летом 1920 года Блюмкин участвует в одной громкой аванюре межгосударственного уровня. С помощью советской военной и материальной помощи на севере Ирана создается местная самопровозглашенная Гилянская Советская республика с центром в городе Решт. Блюмкин становится комиссаром штаба Гилянской Красной армии, членом только что

образованной компартии Ирана. Участвуя в боях, Блюмкин руководит обороной города Энзели от наступающих войск шаха Ирана. Доходит до того (и это не шутка), что еврей Блюмкин как делегат от Ирана приезжает на Первый съезд угнетенных народов Востока, проходящий в Баку! Но все имеет свой конец – и чудеса тоже. Возвращаясь домой, Блюмкин попадает в опалу. Оказывается, в 1929 году он тайно встречался с Троцким в Турции и привез от него письма его сторонникам. Передал полученный пакет Раде- ку, тог, не распечатывая, позвонил в ГШ У. Блюмкин – арестован.

Расстрелян в 1929 году.

Спиридонова Мария Александровна – родилась в дворянской семье коллежского секретаря. В возрасте 19 лет ранила жандармского полковника Луженовского. Была осуждена на смертную казнь, замененную затем пожизненной каторгой. На каторге вступила в эсеровскую партию. Была освобождена в марте 1917 года по личному распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского. Вернулась в Петроград с ореолом революционерки и мученицы. Одна из организаторов раскола в партии социалистов-революционеров. Фактически глава левых эсеров, активная сторонница коалиции с большевиками. Активно участвовала в левозэсеровском мятеже 6–7 июля 1918 года, была арестована. В ноябре 1918 года Верховный ревтрибунал при ВЦИК приговорил Спиридонову за участие в мятеже к... году тюрьмы, но, приняв во внимание «особые заслуги перед революцией», амнистировал (!) и освободил ее. В феврале 1919 года была снова арестована и с тех пор в основном находилась в ссылках и тюрьмах. Вышла замуж, работала экономистом-плановиком и полностью отошла от политической деятельности. В 1937 году была арестована и приговорена к 25 годам тюремного заключения. Ликвидирована в тюрьме при оставлении Красной армией Орла.

Расстреляна в 1941 году.

Попов Дмитрий Иванович с 1917 по 1919 год левый эсер. В 1918 году член ВЦИК. С марта 1918-го – начальник одного из отрядов ВЧК, с апреля – член коллегии ВЧК. Его отряд был главной ударной силой левозэсеровского мятежа. После разгрома бежал на Украину, служил у Махно. Во время переговоров большевиков с батькой служил посредником. Как только отпала необходимость в Махно, ненужным стал и Попов. В ноябре 1920 года украинское ЧК арестовало и направило его в Москву.

Расстрелян в мае 1921 года.

Убийство Романовых

Свердлов Яков Михайлович (Янкель Моисеевич Аптекман) – в партии с 1901 года. В 1912 году кооптирован в ЦК. После VII Партийной конференции (апрель 1917 года) – секретарь ЦК.

Активный участник подготовки и проведения Октябрьского переворота в Петрограде, Председатель большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. С весны 1918 года фактически руководил всей партийной работой. Вероятнее всего, именно он отдал изуверский приказ об убийстве всей семьи Николая Романова. На время работы VIII Съезда послан в провинцию и на обратном пути «заболел», а вскоре и умер в возрасте 33 лет. Не исключено, что Свердлов был убит, так как не было проведено вскрытия.

Умер при загадочных обстоятельствах в 1919 году.

Мясников Гавриил Ильич – убийца последнего русского императора Михаила Романова. Позднее участвовал в левой оппозиции. Был дважды арестован, после чего получил разрешение уехать в Германию. Осенью 1923-го сто убеждают вернуться в СССР. Арестом вернувшегося Мясникова руководил лично Дзержинский. Три с половиной года провел в тюрьме. Бежав из Ереванской ссылки, переплыл пограничный Араке и бежал в Иран. Заграничные скитания завершились в 1930-м в Париже. В январе 1946-го он возвратился в СССР, по одной из версий – насильственно. К этому времени все его сыновья погибли на фронте. Жена пережила тяжелое психическое расстройство. Был арестован прямо у трапа самолета. После девяти месяцев следствия Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор – расстрел. Жена, узнав об этом, сошла с ума и вскоре скончалась.

Расстрелян в 1946 году.

Юровский Яков Михайлович (Янкель Хаимович) – член Президиума Исполкома Уральского областного совета, комендант Ипатьевского дома. Лично застрелил Николая Романова и добил цесаревича Алексея. Работал в московской ЧК. Позднее на разных советских и партийных должностях. К моменту сталинских чисток у него была жуткая язва желудка. Юровского не арестовали, а оставили мучительно умирать. Зато его дочь Римма была арестована и отсидела в сталинских лагерях двадцать лет.

Умер в муках в 1938 году.

Голощекин Филипп Исаевич (Исакович Шая Ицкович (Исакович)) – член партии с 1904 года. Один из организаторов убийства семьи Николая II, член и секретарь Уральского областного комитета РСДРП(б). В 1919–1920 годах член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1925–1933 годах секретарь Казахстанского краевого комитета ВКП(б). Руководил раскулачиванием в Казахстане, где на его совести тысячи жизней. Делегат VI, VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездов партии. На момент ареста – Главный государственный арбитр СССР.

Расстрелян в 1941 году.

Белобородой Александр Георгиевич – из рабочих, член партии с 1907 года, председатель Уральского облсовета. Руководил заседанием Исполкома 6 июня 1918 года, на котором

было принято постановление о расстреле Николая II и всей его семьи. Это решение подписал, руководил убийством других Романовых в Алапаевске. После успешного проведения казней был вторым наркомом внутренних дел РСФСР, сменив на этом посту Ф. Э. Дзержинского. В конце 1927 года троцкист Белобородое исключается из ВКП(б) и отправляется в ссылку. В 1936 году он арестован. На момент ареста – уполномоченный Наркомата внутренней торговли СССР. В отличие от Юровского, его забирают, невзирая на состояние здоровья. Не спасает даже запущенный рак горла – Белобородой практически не мог есть.

Расстрелян в 1938 году.

Войков (Вайнер) Петр Лазаревич – член РСДРП с 1903 года, меньшевик. С осени 1917 года Войков «активный участник установления советской власти», член городского и областного Екатеринбургских советов и Военно-революционного комитета. Тогда же стал правоверным большевиком. С января по июль 1918 года – комиссар снабжения Урал облсовета, член чрезвычайной следственной комиссии. Именно он, химик по образованию, привез кислоту, с помощью которой были уничтожены тела невинно убиенных Романовых. Согласно расследованию фактов убийства заочно приговорен белыми к высшей мере наказания. С октября 1924 года полномочный представитель в Польше, где смертный приговор был приведен в исполнение белоэмигрантом Борисом Ковердой. Видимо, именно в память об участии в зверском убийстве императорской семьи до сих пор его имя носит московская станция метро «Войковская».

Убит в июне 1927 года.

Сафаров Георгий Иванович – прибыл в Россию в «пломбированном» вагоне вместе с Лениным. Товарищ председателя

Уралсовета, контролировавший уничтожение Романовых. После этого работал заведомом Коминтерна, который возглавлял Зиновьев, приехавший в Россию тем же манером. Они так и пойдут по жизни вдвоем. После смерти Ленина глава Петрограда Зиновьев укрепляет свой тыл. Верного Сафарова он делает руководителем партийной газеты «Ленинградская правда». Потом в биографии пламенного большевика было дело о «ленинградской оппозиции», приговор и новая работа – лагерным водовозом. Далее следы его теряются.

Вероятнее всего умер в лагере.

Берзин (Берзиньш) Рейнгольд Иосифович (Язеиович) – латыш, командующий фронтом против чехословаков во время казни Романовых в Екатеринбург и Алапаевске. В 1919–1924 годах член революционно-военных советов ряда фронтов. Затем работал в военной промышленности и сельском хозяйстве. Награжден орденом Красного Знамени и орденами Красного Знамени Бухарской и Хорезмской народных республик. Репрессирован.

Погиб в лагере в 1938 году.

Губители флота

Раскольников (Ильин) Федор Федорович член РСДРП с 1910 года. Учился в Петербургском политехническом институте, позднее в гардемаринских классах. После Февральской революции – заместитель председателя Кронштадтского совета, редактор газеты «Голос правды». 5 января 1918 года по предложению В. И. Ленина огласил на заседании Учредительного собрания декларацию большевиков о том, что большевистская фракция покидает собрание. С 30 января 1918 года заместитель наркома по морским делам (ЗАМКОМ по МОРДЕ), один из организаторов уничтожения русского Черноморского флота. В 1920–1921 годах командовал Балтийским флотом, но после Кронштадтского восстания 1921 года переведен на дипломатическую работу. В 1921–1923 годах полпред России в Афганистане; в 1930–1938 годах – в Эстонии, Дании, Болгарии. Отказавшись вернуться в СССР, попросил политического убежища во Франции. Опубликовал там открытое письмо Сталину, за что считается историками партийным диссидентом. Через четыре недели после этого, по одной из версий, выпал из окна, по другой – умер от воспаления легких в больнице.

12 сентября 1939 года ушел из жизни при весьма подозрительных обстоятельствах.

Гавен (Дауман) Юрий Петрович (Ян Эрнестович) – член латышской социал-демократической партии с 1901 года. До июля 1914 года находился в каторжных центрах Риги и Вологды, затем сослан в город Минусинск. В конце сентября 1917 года с мандатом ЦК направлен в Севастополь для привлечения на сторону большевиков матросов Черноморского флота. С 25 октября один из руководителей большевистской фракции Севастопольского совета и его исполкома. Один из руководителей вооруженного выступления матросов в Севастополе и последовавших за этим арестов и массовых расстрелов. На его совести замученные и утопленные офицеры, имевшие несчастье оказаться в начале 1918 года в Крыму. После Гражданской войны на советской и хозяйственной работе, с 1933-го на пенсии. Наслаждался покоем всего три года: в 1936 году арестован и осужден по обвинению в участии в контрреволюционной организации.

Расстрелян в 1936 году.

Глебов (Авилов) Николай Павлович см. выше.

Расстрелян в 1938 году.

Кукель Владимир Андреевич – потомственный моряк, внук адмирала Г. И. Невельского. В 1905 году окончил Морской корпус, офицер. Активно принял сторону большевиков. Командовал эсминцем «Керчь», который «отличился» многочисленными убийствами и зверствами во время установления советской власти в Крыму в начале 1918 года. Принял

активнейшее участие (а потом написал воспоминания) в потоплении Черноморского флота в Новороссийске. Торпедами с эсминца «Керчь» были потоплены его наиболее ценные корабли. В 1921–1928 годах – на дипломатической работе (второй секретарь посольства в Афганистане). С 1935 года – начальник морского управления пограничной охраны УНКВД по Дальневосточному краю. Награжден орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Расстрелян в 1938 году.

Прочие

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович – студентом в 1901 году вступил в РСДРП. В 1908–1914 годах находился в эмиграции. Вместе с Лениным и Зиновьевым сформировал центральное руководящее ядро партии за границей. В 1914 году вернулся в Россию, был арестован, сослан в Сибирь. Освобожден Февральской революцией. Возглавил партию большевиков до прибытия Ленина, был редактором «Правды». Противник Апрельских тезисов Ленина. На VI Съезде партии избран членом ЦК. Был против вооруженного восстания как авантюры, которой суждено провалиться. Вместе с Зиновьевым опубликовал письмо, «разглашавшее тайну» большевистского восстания. В ноябре 1917 года – председатель ВЦИК. С 1918 по 1926 год – председатель Моссовета. В 1919–1926 годах – член Политбюро ЦК партии. 15 октября 1926 года выведен из Политбюро.

Расстрелян в 1938 году.

Лайдонер Йохан (Иван Яковлевич) – подполковник русской армии. В декабре 1917 – феврале 1918 года начальник Эстонской дивизии. После большевистского переворота возглавил армию независимой Эстонии, боровшейся с красными войсками. Используя русских белогвардейцев для освобождения Эстонии, ничем не помог в наступлении Юденича на Петроград. После поражения белых эстонская армия под его руководством разоружала белогвардейцев и направляла их в концлагеря. Результатом стала гибель тысяч женщин, детей и белых воинов от холода и тифа. «Награда» нашла «героя» после присоединения Эстонии к СССР. В 1940 году он и его жена были арестованы органами НКВД и вывезены в Пензу, где эстонцу поначалу была назначена персональная пенсия в 2000 рублей в месяц. В июле 1941-го период заигрывания закончился – Лайдонер и его жена были арестованы.

Умер во владимирской спецтюрьме в 1953 году...

БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография: В 2 т. М.: Вече, 2002.

Атаман Семенов. О себе. М.: Центрполиграф, 2007.

Белое движение в России: В 20 т. М.: Центрполиграф, 2002–2004.

Белое дело. Избранные произведения: В 16 т. М.: Голос, 1992.

Богданов К. А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Воениз-дат, 1957.

Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996.

Боханов А. П. Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ-Пресс книга, 2003.

Бунин И. Окаянные дни. Л.: А: п>, 1991.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. М.: Центрполиграф, 2006.

Варнек П. А. Образование флота Добровольческой армии / Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002.

Варшавский С., Реет Б. Билет на всю вечность. Л.: Лениздат, 1978.

Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М.: Олма-Пресс, 1999.

Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М.: Соцэкгиз, 1960.

Воейков В. П. С царем и без царя. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002.

Врангель П. П. Записки: В 2 т. М.: Космос Менеджер, 1991.

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М.: АСТ, 2001.

Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. М.: Эксмо-Иресс, 2001.

Гражданская война в России: Война на Севере. М.: АСТ; Транзиткни-га; СПб.: Terra Fantastica, 2004.

Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002.

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997.

Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. М.: БСГ Пресс, 2002.

Деникин А. И. Очерки русской смуты / Белое движение. М.: Вагриус, 2006.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: 1985.

Дневники и документы из личного архива Николая П. Минск: Харвест, 2003.

Допрос Колчака. Л.: Гиз, 1925.

Думбадзе Г. С. Что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну / Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрополиграф, 2004.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938.

Игнатьев А. Л. Пятьдесят лет в строю. М.: Правда, 1989.

Извольский Л. П. Воспоминания. Минск: Харвест, 2003.

История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1959.

История Первой мировой войны. 1914–1918: В 2 т. М.: Наука, 1975.

Какурии Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002.

Керенский Л. Ф. Гатчина. Париж: Издалека, 1922.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996.

Керсновский Л. А. История Русской армии: В 4 т. М.: Голос, 1992.

Корнатовский П. А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004.

Коцюбинские А. П. и Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. М: Лнмбус Пресс, 2003.

Краснов П. П. На внутреннем фронте. М.: Айрис-Пресс, 2003.

Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // АРР. Т. 5. Берлин, 1922.

Кремлев С. Россия и Германия: сравнить! М.: АСТ, Астрель, 2003.

Куприн А. Купол Святого Исакня Далматского. М.: Вече, 2007.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Ленин. В. И. Сочинения. М.: ГИЗ, 1950.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Госиздат, 1923–1924.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914–1918. М.: АСТ, 2005.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: PUICO, 1990.

Мельшк-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М.: И. В. Захаров, 2004.

Милюков П. П. Воспоминания (1859–1917). М.: Современник, 1990.

Милуков П. И. История второй русской революции. Минск, Харвест, 2002.

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991.

Платонов О. А. Жизнь за царя. СПб.: Воскресенье, 1996.

Платонов О. Покушение на русское царство. М.: Алгоритм, 2004.

Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962.

Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.; Л.: Военмориздат ПКВМФ СССР, 1939.

Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003.

Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Берлин, 1922.

Романов А. М. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008.

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000.

Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.

Сайерс М.: Канн А. Тайная война против Советской России М.: ГИ- ИЛ, 1947.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998.

Смирнов А. Атаман Краснов. М.: АСТ, 2003.

Соколов П. А. Убийство царской семьи. М.: БСК; Алгоритм-книга 1998.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: АСТ, 2003.

Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951.

Строков А. А. История военного искусства. СПб.: Омега – Военный полигон, 1994.

Сумские гусары в гражданской войне / Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002.

Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. М.: 1991.

Такман Г>. Первый блицкриг. Август 1914. М., 2004.

ТирпицА. Воспоминания. М., 1957.

ТишковЛ. В. Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1985.

Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986.

Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. М.: Терра Республика, 1997.

Троцкий Л. Д. Уроки Октября. М, 1924.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.

Уорт Р. Антанта и русская революция. М.: Центрполиграф, 2006.

Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири / Восточный фронт адмирала Колчака. М.. Центрполиграф, 2004.

Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. Минск, Харвест, 2004.

Черчилль В. Мировой кризис. М.: Госвоениздат, 1932.

Шамбаров В. Б. Блогвардейщина. М.: Алгоритм, 2004.

Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М: Олма-Пресс, 2003

Широкоград. А. Б. Россия – Англия: неизвестная война 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Шишов А. В. Юденич. М: Вече, 2004.

Шульгин В. В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989.

ССЫЛКИ:

1

Об организации странами Антанты русской революции подробно читайте: Стариков И. 1917. Разгадка «русской» революции. М.: Яуза. 2008.
(обратно)

2

Подробности закулисных переговоров Германии и Великобритании см. там же.
(обратно)

3

Первый рейх — Священная Римская империя германской нации существовал с 962 года до уничтожения Наполеоном в 1806 году. Второй рейх был основан Отто фон Бисмарком в 1871 и просуществовал до 1918-го, до конца династии Гогенцоллернов. Третий, «тысячелетний» рейх Гитлера просуществовал с 1933 по 1945 год.
(обратно)

4

Для реконструкции использовался подлинный текст доклада следователя Соколова вдовствующей императрице Марии Федоровне. Первым о результатах расследования Соколов доложил Колчаку, (<http://www.romanov-center.narod.ru/Documents/Sok.htm>) (обратно)

5

Похоже на то, что Николай II от фона не отрекался, а вся история с его отказом от престола была грубо сфальсифицирована. В архивах нет никакого текста «отречения». Есть лишь одна бумага, адресованная «Начальнику Генерального штаба», отпечатанная на машинке и подписанная карандашом. Подпись весьма сомнительна и не похожа на автографы монарха, к тому же он никогда не подписывался карандашом. А «отречение» подписано именно так. (обратно)

6

Керенский Л. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996. ([http:// stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chaptl 4. htm#razd02](http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chaptl4.htm#razd02)) (обратно)

7

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996. ([http:// stepanov01.narod.m/library/kerensk/chaptl4.htm#razd02](http://stepanov01.narod.m/library/kerensk/chaptl4.htm#razd02)) (обратно)

8

Свидетельство Гаральда Карловича Графа заслуживает самого серьезного отношения. Он служил на Балтийском флоте в описываемое время, а после в эмиграции стал начальником канцелярии и личным секретарем Великого князя Кирилла Владимировича, который потом станет основным претендентом на русский трон. Вращался бывший балтийский моряк в высших сферах политики и русской эмиграции, и никто его в подтасовке фактов и лжи никогда не упрекнул. Первый раз его книга вышла в свет в 1922 году в Мюнхене. Когда несколько экземпляров попали в СССР, они сразу угодили в советские спецхранилища. И не даром! Написанная автором «по горячим следам», сразу по окончании Гражданской войны, книга описывает много удивительных и малоизвестных фактов. (Граф Г. К. 11а «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 385-386.) (обратно)

9

Керенский рассказал, что английский премьер Ллойд Джордж отказал царю в убежите, а эту информацию до него донес посол Бьюкенен. (Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 327.)
(обратно)

10

Граф Г К На •> I [оникс». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 386.
(обратно)

11

http://his.lseptinbcr.ni/view_article.plip?ID=200801402.
(обратно)

12

Солженицын А. И. Апрель семнадцатого. (<http://kolcso.by.ni/4/4.htm>)
(обратно)

13

Там же.
(обратно)

14

Соколов П. А. Убийство царской семьи, (http://www.hrono.info/libris/lib_s/ubi04.html)
(обратно)

15

Там же.
(обратно)

16

Там же.
(обратно)

17

Соколов П. А. Убийство царской семьи, (http://www.hrono.info/libris/lib_s/ubi04.html)
(обратно)

18

<http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1917.html>
(обратно)

19

Там же.
(обратно)

20

Хочется отметить и тот факт, что отречение от престола действующим монархом вообще не предусматривалось законами Российской империи. Поэтому отречение Николая II добавляло запутанности в ситуацию легитимности власти. Запугали все так качественно, что до сих пор в среде монархистов нет единства в, казалось бы, простом вопросе — кто законный наследник престола.
(обратно)

21

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. (http://www.1917.com/Marxism/Trot.sky/My_Life/My_Life-00-02-06.html)
(обратно)

22

США и тот момент не имели серьезной разведывательной службы. Зато в де-кабле 1913 года была создана Федеральная резервная система - частная лавочка, получившая монопольное право на выпуск доллара. О связях банкиров — владельцев ФРС с нашими революционерами и историю становления этой организации см.: Стариков Н. Кризис. Как это делается. СПб.: Питер, 2009.
(обратно)

23

Уорт Р. Антанта и русская революция. М.: Центрполиграф, 2006. С. 203.
(обратно)

24

Какурии П. Е., Вацетис. И. И. Гражданская война 1918-1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 17.

(обратно)

25

Брюс Локкарт приехал в Россию, имея рекомендательное письмо... Максима Литвинова, ставшего в свою очередь неофициальным представителем большевиков в Англии. В письме Литвинов называл кадрового британского разведчика и од дипломатическим прикрытием «чрезвычайно честным человеком, который понимает наше положение и сочувствует нам», чье пребывание в России будет «полезным с точки зрения наших интересов» (Р. Уорт. Антанта и русская революция. М.: Центрполиграф, 2006. С. 207). Сам Литвинов у большевиков занимался закупкой оружия еще в 1905 году и имел связи с английскими спецслужбами. Его судьба очень показательна. Будучи женатым на англичанке, он был наркомом иностранных дел даже при Сталине и был смещен с этой должности только в 1939 году. Любителям поговорить о кровавом диктаторе Сталине на заметку: его министр иностранных дел женат на иностранке и благополучно переживет все репрессии. Почему? Потому что имел связи с Великобританией и был по сути каналом связи. Сразу после нападения Гитлера Сталин отправит Литвинова в США получать поддержку. И тогда ее получит.

(обратно)

26

Вдумайтесь: капитан «нейтрализовал» посла своей страны. Это значит, что реально вопросы решал именно Садуль, очень «симпатизировавший» большевикам по заданию своего правительства, а официальный представитель этого правительства посол Нуланс просто тихо сидел в Вологде, не мешая капитану работать. (Какурии // Е., Вацетис. И. И. Гражданская война 1918-1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 17)

(обратно)

27

Ленин. П. И. Сочинения. М.: ГИЗ, 1950. С. 49.

(обратно)

28

Троцкий Л. Д. Французский империализм и Советская Россия в период Бреста.
(<http://www.komintcm-online.com/trotl658.htm>)

(обратно)

29

Там же.
(обратно)

30

Там же.
(обратно)

31

<http://business.kni.rii/magazin/view.asp?id-C2DDA959582C46D8AA8FD0019D4352DF>
(обратно)

32

1 сентября 1917 года (по старому стилю) А. Ф. Керенский единоличным распоряжением назвал Россию республикой. Тем самым узурпировав права Учредительного собрания, которое должно было решить, какой строй будет в нашей стране. Ведь Михаил Романов отрекся от престола временно, до решения «Учредилки». В случае желания большинства делегатов восстановить монархию он должен был вновь принять престол. Вероятно, именно так наивный Романов себе все и представлял. Как видите, силам, заинтересованным в ликвидации легитимной власти, Керенский активно помогал. Получалась следующая картина: он незаконно объявил республику, Временное правительство разгоняется большевиками, Учредительное собрание также разгоняется. Кто же легитимная власть? Какой строй легитимен? В такой ситуации и начнется война всех против всех, что и нужно геополитическим противникам России.
(обратно)

33

Поднятый на штыки генерал Духонин невольно дал название страшной поговорке Гражданской войны «отправить к Духонину», то есть убить, расстрелять. Когда эшелоны Крыленко с революционными матросами прибыли в Ставку, Духонин отдал приказ не оказывать им сопротивления. Все русские генералы всячески старались избежать Гражданской войны. И во многом именно поэтому она и началась
(обратно)

34

Шацилло В. Первая мировая война 1914 1918. Факты и документы. М: Олма-Пресс, 2003. С. 356.
(обратно)

35

Там же.
(обратно)

36

Там же.
(обратно)

37

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М: АСТ, 2001, С. 116.
(обратно)

38

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914 1918. М : АСТ, 2005. С. 514.
(обратно)

39

Ленин В. И. Сочинения. Т. 21. С. 368.
(обратно)

40

Ленин точно не был ничьей марионеткой. Показательный случай — когда Румыния позволила себе арестовать русских солдат и офицеров, находившихся на ее территории, и подвергнуть их унижениям, ответ был быстрый и решительный. Большевики... арестовали румынского посла Днаманди 13 января 1918 года (и. ст.). На следующий день к Ленину явились все союзнические и нейтральные послы. В ответ на их возмущение Ильич заявил, что «его не столько беспокоят тонкости международных законов, сколько судьба русских солдат» (Уирт Р. Антанта и русская революция. М.: Центрполиграф, 2006. С. 211-212). Диаманди освободили и дали 10 часов, чтобы покинуть Россию. А румынский золотой запас, находившийся в России, Ленин распорядился оставить у нас. И конфисковал его, когда через 2 недели Румыния аннексировала Бессарабию (Молдавию).
(обратно)

41

Всемирная история Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М.: АСТ, 2001. С. 116.
(обратно)

42

Шацилло В. Первая мировая война 1914-1918. Факты и документы. М: Олма- Пресс, 2003. С. 359.
(обратно)

43

Там же
(обратно)

44

Соболев Г. Л. Русская революция и «немецкое золото», (<http://www.litportal.ru/gsnrc23/author5654/read/page/23/book27201.html>)
(обратно)

45

Лехендор <1> Э. Мои воспоминания о войне. 1914 -1918. М.: АСТ, 2005. С. 553.
(обратно)

46

<http://www.rcvkoin.com/biblioteka/inarxism/trotsky/niy%201ifc/XXXI.html>
(обратно)

47

<http://www.pseudology.org/trotsky/trotsky623.htm>
(обратно)

48

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. (<http://interviud.ru/all/memoirs/a/3844.138.html>)
(обратно)

49

Там же.
(обратно)

50

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М.: АСТ, 2000). С. 142.
(обратно)

51

Людендирф Э. Мои воспоминания о войне. 1914-1918. М.: АСТ, 2005. С. 559.
(обратно)

52

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М : АСТ, 2001. С. 142.
(обратно)

53

Троцкий Л. Д. Советская Республика и капиталистический мир. (<http://www.rwr.ru/index.html>)
(обратно)

54

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М.: АСТ, 2001. С. 143-144
(обратно)

55

Там же.
(обратно)

56

Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М.: АСТ, 2001. С. 144.
(обратно)

57

Когда дальнейшее неучастие России в дележе трофеев после Первой мировой войны объясняют подписанием Брестского мира, обычно забывают, что Румыния подписала такой же сепаратный мир 7 мая 1918 года. И никто из союзников Румынию ни в чем не обвинял. Более того, в том же 1918 году, пользуясь попустительством победившей Антанты, она еще забрала у России Бессарабию (Молдавию). Сталин вернул ее в 1940 году, а Горбачев и Ельцин опять «потеряли» в 1991-м.
(обратно)

58

Шацилло Д. Первая мировая война 1914-1918. Факты и документы. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 362.
(обратно)

59

Там же.
(обратно)

60

К примеру, Карл Радек, едва прибыл в Брест, прямо на перроне начал раздавать... революционные прокламации немецким солдатам, привезя с собой целую пачку агитационной литературы на немецком языке.
(обратно)

61

.Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914 -1918. М.: АСТ, 2005. С. 563.
(обратно)

62

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
(обратно)

63

За формулу Троцкого было 9 голосов, против — 7. (Всемирная история. Итоги Первой мировой войны. Т. 20. М.: АСТ. 2001. С. 125)
(обратно)

64

Троцкий.!. Д. Советская Республика и капиталистический мир. ([http://www. rwp.ru/index. html](http://www.rwp.ru/index.html))
(обратно)

65

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914-1918. М.: АСТ, 2005. С. 563.
(обратно)

66

Там же. С. 568.
(обратно)

67

Там же. С. 564.
(обратно)

68

Троцкий Л. Д. Французский империализм и Советская Россия в период Бреста.
(<http://www.zhurnal.ru/magister/library/trotsky/trotl658.html>)
(обратно)

69

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914-1918. М: АСТ, 2005. С. 568
(обратно)

70

Строков А. А. История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 609
(обратно)

71

Кодовое наименование германского наступления – операция «Михаэль»
(обратно)

72

Строков Л. А. История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 614
(обратно)

73

Там же. С. 613.
(обратно)

74

Сайерс М., Каин А. Тайная война против Советской России. М.: ГНИЛ, 1947.
(<http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/sayers/saycrs03.htm>)
(обратно)

75

Согласитесь, странная позиция для большевика Литвинова - он одно за другим выдает рекомендательные письма британским агентам, которые через короткий промежуток времени приступят к свержению большевиков.
(обратно)

76

Сайерс М.. Каин А. Тайная война против Советской России. М: ГИИЛ, 1947.
(<http://www.geocitiesiCom/CapitolHiII/Parliament/7231/sayers/sayers03.htm>)
(обратно)

77

Троцкий Л. Д. Советская Республика и капиталистический мир. (<http://www.rwr.ru/index.html>)
(обратно)

78

Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 307.
(обратно)

79

Там же. С. 309.
(обратно)

80

Там же
(обратно)

81

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 310.
(обратно)

82

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 311.
(обратно)

83

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М. АСТ, 2000. С. 316.
(обратно)

84

Сайерс А./.. Каны Л. Тайная война против Советской России. М.: ГИИЛ, 1947.
(<http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/sayers/sayers03.htm>)
(обратно)

85

Там же.
(обратно)

86

Сайерс М., Каны А. Тайная война против Советской России. М.: ГИИЛ, 1947
(<http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/sayers/sayers03.htm>).
(обратно)

87

Речь Ленина на заводе Михельсона. (http://sudar-bm.narod.ru/main/pago8_2.htm)
(обратно)

88

Современные историки утверждают, что стреляла не Каплан. Для нашего расследования эта деталь совершенно не важна.
(обратно)

89

То есть накануне июльского восстания левых эсеров
(обратно)

90

Странная фамилия для чекиста Делафар, правда? О нем мы поговорим позже, в другой главе.

(обратно)

91

1 Кстати, во всех современных британских книгах вы можете прочитать, что капитан Кромби был моряком, а не разведчиком, и был растерзан пьяной толпой погромщиков, а неубит чекистами при перестрелке. Поэтому приводим отрывок из английской же книги, все расставляющий по местам. «После убийства Урицкого советские власти в Петрограде послали отряд чекистов оценить английское посольство. На верхнем этаже сотрудники посольства под руководством капитана Кромби жгли компрометирующие их документы. Кромби бросился вниз и захлопнул дверь перед носом советских агентов. Те взломали дверь. Английский шпион встретил их на лестнице, держа в обеих руках по браунингу. Ему удалось застрелить комиссара и еще несколько человек. Агенты Ч К тоже открыли огонь, и капитан Кромби упал с простреленной головой...» (Сайерс М., Канн А. Тайная война против Советской России. М.: ГНИЛ, 1947).

(обратно)

92

http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_9/Sourccs/WW_I/zagovor.htm

(обратно)

93

Ленин В. И. Сочинения. Т. 36. С. 343.

(обратно)

94

Тишков Л. Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 245-247.

(обратно)

95

В Берне Дзержинский встретил... Брюса Локкарта, которого почти только что арестовали, а потом выслали из России. И удивительное дело: из Москвы английский разведчик в октябре 1918 года тоже едет в Швейцарию. Ну надо же, какое трогательное единодушие! По версии автора биографии «Железного Феликса», он с Локкартом не встречался. Но это и не важно. Если в одном городе ВДРУГ появляются агенты разных разведок, это уже говорит нам о многом. Надо лишь посмотреть, что после этого происходит. В Швейцарии ничего, в Германии революция. Кто же ее организовал? Или произошла случайно, сама собой? Как наши Февральская и Октябрьская? Как майдан в Киеве? Как погромы в Кишиневе?

(обратно)

96

Очень любопытно действительно ли был убит английский секретарь Михаила Романова. И вообще, в свете истории нашей революции, вопрос, почему у него был секретарь англичанин, становится крайне интересным. Сложно представить себе, чтобы хваленая британская разведка не попыталась ввести в царскую семью своего агента. А вот удалось ли ей это?

(обратно)

97

<http://www.nik2.ru/docunients.htm?id=269>

(обратно)

98

<http://www.nik2.ru/documents.htm?id=269>

(обратно)

99

<http://ak'xorgco.narod.ni/rmnv/NicDn.litml>

(обратно)

100

Ленин В И. Сочинения. Т. 27. С. 66.

(обратно)

101

Там же. С. 147.

(обратно)

102

Ленин В И. Сочинения. Т. 27. С. 214.

(обратно)

103

Там же. С. 232.

(обратно)

104

Очень забавная история. Ярый монархист, антисемит, один из создателей «Черной сотни», Пуришкевич скрывался от большевиков под фамилией Евреинов (!), побыл арестован. Допрашивался Владимир Митрофанович Пуришкевич лично Дзержинским, а приговор получил от советской власти за первую попытку заговора с целью ее свержения смешной — всего четыре года принудительных работ. Даже маленький срок Пуришкевич не отсидел: справедливый пролетарский суд отпускает его на свободу через четыре месяца. Как раз по вышеупомянутой амнистии. Формулировка просто удивительная: «освобожден в связи с болезнью сына». Разве можно расстрелять ярого монархиста, если у него дома болеет сын? Нельзя, если он замешан в убийстве Распутина. Которого застрелил английский разведчик... Подробности: Н. Стариков. 1917. Разгадка «русской» революции. М.: Яуза, 2008.
(обратно)

105

Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. М, 2004. (http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/botmer.txt_Piece40.07)
(обратно)

106

http://www.hrono.info/dokum/191_dok/191806121ud.html
(обратно)

107

http://www.hrono.info/dokum/191_dok/191806121ud.html
(обратно)

108

<http://tsarckv-h.spb.ru/jjiib/0073.php>
(обратно)

109

http://www.chibl.ru/lib/study/pravo/FershtinskijJurij_-_Istorija_revoljucii_v_trudakh_revoljucioncrov_396.html
(обратно)

110

<http://www.m-i-c.ru/iibrary/dokumenty/>
(обратно)

111

http://www.krotov.info/history/20/krasnov/regel_1918.html
(обратно)

112

Музей истории Екатеринбурга; <http://www.m-i-e.ru/library/dokumenty/>
(обратно)

113

Там же
(обратно)

114

Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве М., 2004. (<http://www.lib.misto.kiev.ua/HISTORY/FELSHTINSKY/botmer.txt>)
(обратно)

115

Там же
(обратно)

116

Там же
(обратно)

117

К. фон. С графом Мирбахом в Москве. М., 2004. (<http://www.lib.misto.kiev.ua/HISTORY/FELSHTINSKY/botmcr.txt>)
(обратно)

118

Там же.
(обратно)

119

http://www.chi W.m/lib/study/pravo/l^rshtinskijJurij_- _Istorija_revoljucii_v trodakh_revoljucionerov_401.html
(обратно)

120

Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. М., 2004. (<http://vwww.lib.misto.kiev.ua/HISTORY/FELSHTINSKY/botmer.txt>)
(обратно)

121

<http://www.rusk.ru/vst.php?idar=321702>
(обратно)

122

Фамилии и имена жертв, заживо утопленных зверями в матросской форме, — из материалов деникинской специальной комиссии по расследованию злодеяний большевиков.
(обратно)

123

Когда стало известно об отречении Николая Романова в пользу брата, Колчак приказал готовить офицеров и солдат команды к принятию присяги императору Михаилу II. И весь флот ее бы принял. Это к вопросу, что власть нового царя страна бы не приняла. Еще как бы приняла. Но Михаил отрекся, и все присягнули «временщикам». (Богданов К. Л. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. С. 90-91)
(обратно)

124

Богданов К. А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. С. 103.
(обратно)

125

Врангель П. Н. Записки. (<http://militera lib.ru/nieTiio/rus.sian/vrangfil/01.html>)
(обратно)

126

Именно об этом ужасе напишет свои стихи Анна Ахматова.

Для того ль тебя носила

Я когда-то на руках,

Для того ль сияла сила

В голубых твоих глазах!

Вырос стройный и высокий.

Песни пел, мадеру пил,

К Анатолии далекой

Миноносец свой водил.

На Малаховом кургане

Офицера расстреляли.

Без недели двадцать лет

Он глядел на Божий свет.
(обратно)

127

Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности), (<http://ricolor.org/lustory/kt/klr/58/>)

(обратно)

128

Там же
(обратно)

129

Врангель П. П. Записки, (<http://militera.lit.ru/memo/russian/vrangell/01.html>)
(обратно)

130

Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности). (<http://ricolor.org/history/kt^tr/58/>)
(обратно)

131

Там же.
(обратно)

132

Книга полковника Туркула, возможно, лучшее произведение о Гражданской войне. Рекомендую прочитать всем
(обратно)

133

Туркул А. В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918 1920 гг. Мюнхен, 1947. (http://militera.lib.ru/inemo/nissian/turkiil_av/01.html)
(обратно)

134

Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности), (<http://ricolor.org/history/kt/ktr/58/>)
(обратно)

135

Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории. (<http://ricolor.org/history/kt/ktr/56/>)
(обратно)

136

Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории. (<http://ricolor.org/history/kt/ktr/56/>)
(обратно)

137

Там же.
(обратно)

138

Там же.
(обратно)

139

Там же.
(обратно)

140

Там же.
(обратно)

141

Врангель П. П. Записки. (<http://mihtera.lib.ru/memo/russian/vrangcll/01.html>)
(обратно)

142

Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1993. (<http://militera.lib.ru/research/volkov1/03.html>)
(обратно)

143

Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма. (Ялта и ее окрестности) (<http://ricolor.org/liistory/kt/ktr/58/>)
(обратно)

144

Там же
(обратно)

145

Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности), (<http://ricolor.org/history/kt/kt/58/>)
(обратно)

146

Там же
(обратно)

147

Романов А.М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 328
(обратно)

148

Там же. С. 333-334..
(обратно)

149

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 335.
(обратно)

150

Там же. С. 333.
(обратно)

151

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 335.
(обратно)

152

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 336.
(обратно)

153

Врангель П. Н. Записки. (<http://militaria.lib.ru/nicmo/rus.sian/vrangcll/01.html>)

(обратно)

154

Конечно, почти все Романовы в той или иной степени были родственниками почти всех европейских монархов. Но тут ситуация другая вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Николая Романова, является родной сестрой вдовствующей королевы Британии. Она тетка английского короля Георга V.

(обратно)

155

Обычно причины казни Александра Ульянова не упоминаются в подробностях. Мол, участвовал в заговоре с целью убийства царя. «Я приготовлял некоторые части разрывных метательных снарядов, предназначавшихся для выполнения этого замысла, а именно: часть азотной кислоты для приготовления динамита и часть белого динамита, количество которого определить отказываюсь: затем я приготовлял часть свинцовых пуль, предназначавшихся для заряжения снарядов, для чего я резал свинец и сгибал из него пули, но стрихнином пуль не начинал. Потом мне были доставлены два жестяные цилиндра для метательных снарядов, которые я набил динамитом и отравленными стрихнином пулями» — показал следствию брат Ильича. Вы поняли? Он отравил поражающие элементы бомбы ядом. И кто он после этого? Невинная жертва царских репрессий? Или террорист-подонок?

(обратно)

156

Подробности о «пломбированном вагоне» и роли английских спецслужб в проезде Ленина через территорию Германии см. Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. М.: Яуза, 2008.

(обратно)

157

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 339

(обратно)

158

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 340–341

(обратно)

159

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 342.

(обратно)

160

Врангель П. И. Записки, (<http://militcra.lib.ru/mcmo/russiaa/vrangcll/01.htinl>)
(обратно)

161

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 321
(обратно)

162

Там же С. 326
(обратно)

163

Там же С. 326
(обратно)

164

Юсупов Ф. Воспоминания, (http://www.hrono.info/dokum/191_dok/yusup_rasput4.html)
(обратно)

165

«Севастополь», «Полтава», «Петропавловск», «Гангут», «Измаил», «Кинбурн»,
«Бородино», «Наварин», «Императрица Мария», «Императрица Екатерина Великая»,
«Император Александр III». «Император Николай I».
(обратно)

166

Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М.: Олма-Пресс, 2003.
С. 385.
(обратно)

167

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С.
432.

(обратно)

168

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 432.

(обратно)

169

До Ватерлоо никаких серьезных сражений, хотя бы отдаленно сопоставимых с Бородино, Лейпцигом или Аустерлицем, англичане против Бонапарта не вели. Как всегда, предоставили «честь» остальным участникам коалиции. Вам еще непонятно, почему Второй фронт против Гитлера открылся летом 1944 года, а не осенью 1941-го?

(обратно)

170

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 432.

(обратно)

171

Там же.

(обратно)

172

Троцкий Л. Д. Первая измена (Показания перед Верховным Революционным Трибуналом). (<http://www.pseudology.org/trotsky/trotl676.htm>)

(обратно)

173

[ttp://rosflot.ru/old/date/02/17.shtml](http://rosflot.ru/old/date/02/17.shtml)

(обратно)

174

Троцкий Л. Д. Первая измена (Показания перед Верховным Революционным Трибуналом). (<http://www.pseudology.org/trotsky/trotl676.htm>)

(обратно)

175

Троцкий Л. Д. Первая измена (Показания перед Верховным Революционным Трибуналом). (<http://www.pseudology.org/trotsky/trotl676.htm>)
(обратно)

176

Commander Cromic
(обратно)

177

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958 (http://militera.lib.ru/nicnio/russian/bonch-brucvich_ind/20.html)
(обратно)

178

Именно в этот период английский шпион спокойно ходит с удостоверением чекиста товарища Релинского. Как видим документы у него есть на любой вкус. К генералу Бонч-Бруевичу он идет не как «товарищ», а как английский «госпо дин». Психолог...
(обратно)

179

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958 (http://militera.lib.ru/nicnio/russian/bonch-brucvich_ind/20.html)
(обратно)

180

Там же
(обратно)

181

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. (http://militera.lib.ru/nicnio/russian/bonch-brucvich_ind/20.html)
(обратно)

182

Появляется все больше информации, что гибель нашего дредноута была однозначной диверсией. А вот немецкой ли, это еще большой вопрос.
(обратно)

183

Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 385
(обратно)

184

Да, собственно говоря, нет этих двух народов. Народ один! Великий славянский народ. Великороссия, Малороссия. В слове «Малороссия» нет ничего уничижительного. Ведь имеется в виду малая родина, то есть прародина, колыбель славянская.
(обратно)

185

<http://vneshpol.ru/263/>
(обратно)

186

«О переходе флота Из Новороссийска в Севастополь к 19 июня» для интернирования до окончания войны.
(обратно)

187

Очень часто можно прочесть, что англичане так хотели утопить наши корабли, просто чтобы те не достались немцам и не были использованы против британского флота. На самом деле это туман, словесная шелуха, которой прикрывается ненасытное желание уничтожить весь русский флот и поставить жирную точку в истории России как морской державы. «Союзники» прекрасно понимают, что опасности участия русских дредноутов в войне не существует — у Германии просто нет на это времени. Пока немцы разберутся с новыми судами, пока привезут свои экипажи, пока те освоятся с новой боевой техникой — уже и война закончится. Ведь самой кайзеровской Германии осталось жить менее пяти месяцев! И падет она в результате революции. То есть такого подлого и фантастического предательства, которое нацисты назовут потом «предательским уларом ножа в спину» (подробности германской «революции» см. Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? СПб.: Питер, 2009).
(обратно)

188

Граф Г.К. На "Новике". Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 427
(обратно)

189

Записки командира эскадренного миноносца "Керчь" Владимира Кукеля (1918 год) /
Гражданская война в России: Черноморский флот. - М.: АСТ, 2002. С. 33
(обратно)

190

Записки командира эскадренного миноносца «Керчь» Владимира Кукеля (1918 год) /
Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002. С. 33.
(обратно)

191

Граф Г.К. На "Новике". Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С.
410.
(обратно)

192

Там же С. 411
(обратно)

193

Там же
(обратно)

194

Записки командира эскадренного миноносца «Керчь» Владимира Кукеля (1918 год) /
Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002. С. 33
(обратно)

195

<http://nauka.rolis.ru/10/9710/10710056.html>
(обратно)

196

Граф Г.К. На "Новике". Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С.
428.
(обратно)

197

Граф Г.К. На "Новике". Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 428.

(обратно)

198

Там же С. 427

(обратно)

199

<http://nauka.relis.ru/10/9710/10710056.html>

(обратно)

200

http://kadet.ru/library/public/Nazarov/MN1_2.htm

(обратно)

201

http://www.hrono.info/docum/191_dok/19180108.htm

(обратно)

202

Когда англосаксы тщательно гробили Белое движение, они и не подозревали, что красные окажутся через некоторое время ничуть не меньшими государственниками. Grimasa истории: Ленин, погубивший Россию, ее же и спасет на глазах изумленных джентльменов.

(обратно)

203

<http://www.rusk.ru/st.php?idar=321442>

(обратно)

204

После Октябрьской революции французы конфисковали на своей территории всю русскую недвижимость. Пока пет законного, то есть признанного Западом правительства, это имущество ничье. Им можно распоряжаться, как и значительной частью русских

финансовых активов за рубежом. Вот вам и еще один довод за «непризнание» белой власти.
(обратно)

205

Ботмер К. фон С графом Мирбахом в Москве. М., 2004. (<http://www.lib.misto.kiev.ua/HISTORY/FELSHTINSKY/botmer.txt>)
(обратно)

206

То есть почти год! (Деникин Л. И. Очерки русской смуты / Белое движение. М: Вагриус, 2006. С. 195).
(обратно)

207

Врангель П.Н. Записки. Книга первая. Глава 2.
(<http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/02.html>)
(обратно)

208

Деникин А. И. Очерки русской смуты / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 195.
(обратно)

209

Там же.
(обратно)

210

Гражданская война в России: Война на Севере. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 323.
(обратно)

211

Какурии Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918-1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 94.
(обратно)

212

Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918 1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 95.
(обратно)

213

О Федеральной резервной системе и ее пути к мировой власти см.: Стариков Н. Кризис.
Как это делается. СПб.: Питер, 2009.
(обратно)

214

Граф Г. К На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С.
438.
(обратно)

215

Гражданская война в России: Война на Севере. М.: АСТ: Транзиткнига: СПб.: Terra
Fantastica, 2004. С. 330.
(обратно)

216

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militcra.lib.ru/inci%20%20russian/denikin_ai2/5_06.html)

(обратно)

217

Там же
(обратно)

218

Там же
(обратно)

219

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://niililera.lib.ru/memo/nissian/dcnikin_ai2/5_06.html)

(обратно)

220

<http://www.hrono.info/sobyt/1900sob/19181118kolchak.html>
(обратно)

221

Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // ЛРР. Т. 5. Берлин, 1922. (http://militra.lib.ru/memo/russian/krasnov_pn2/01.html).
(обратно)

222

http://fstanitsa.ni/2/41_5.shtml
(обратно)

223

Краюв П. Н. Всевеликое Войско Донское // АРР. Т. 5. Берлин, 1922.
([http://HHlit\(Ta.lil>.ni/mcnm/russian/krasnov_pii2/01.html](http://HHlit(Ta.lil>.ni/mcnm/russian/krasnov_pii2/01.html))

(обратно)

224

Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // АРР. Т. 5. Берлин, 1922. (http://militera.lib.ru/memo/russian/krasnov_pii2/01.html)
(обратно)

225

Там же.
(обратно)

226

Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками, (http://allbooks.com.ua/read_book.php?page=58&file_path=books/16/book07549.gz)
(обратно)

227

http://www.hrono.info/libris/lib_we/vranl2.html

(обратно)

228

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/5_0G.html)
(обратно)

229

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. (http://niilitcra.lib.nl/memo/russian/dcnikin_ai2/5_06.html)
(обратно)

230

<http://www.nisk.ni/vst.php?idar=321705>
(обратно)

231

Троцкий Л. Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. О социал-демократической критике. (http://society.polbu.ru/trotsky_revolution/ch52_all.html)
(обратно)

232

Когда варианте Приписными островами провалился, «союзники» сделали еще одну попытку расчленить территорию нашей страны. 15 марта 1919 года в Москву приехал американский эмиссар Уильям Буллит. Он член американской делегации на Парижской мирной конференции, где державы Антанты делят дивиденды от своей победы в мировой войне. Россия, положившая на алтарь этой победы несколько миллионов жизней, вообще на ней не представлена. Буллит, будущий первый американский посол в СССР, договорился с большевиками об окончании войны и сохранении русских правительств в завоеванных границах. Миссия Буллита была провалена... теми, кто его послал. Президент США Вильсон запретил публиковать привезенный Буллитом в Париж проект соглашения, а Ллойд Джордж, выступая в парламенте, вообще отрекся от своего участия в организации переговоров с советским правительством. Почему? Решили, что благодаря присутствию в руководстве Совдепии Троцкого и других «пламенных революционеров», имевших давние контакты с британской разведкой, этим государственным образованием будет легко манипулировать. Они не знали, что скоро из тени истории выйдет Сталин...

(обратно)

233

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
([http://militera.lib.ru/mrino/mssian/d\(.,nikin_ai2/4_10.html](http://militera.lib.ru/mrino/mssian/d(.,nikin_ai2/4_10.html))
(обратно)

234

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militcra.lib.ra/mcmo/russian/denikin_ai2/5_21.html)
(обратно)

235

Варнек П. Л. Образование флота Добровольческой армии / Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002. С. 125.
(обратно)

236

Варнек П. А. Образование флота Добровольческой армии / Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ. 2002. С. 125.
(обратно)

237

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militcra.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_10.html)
(обратно)

238

Там же.
(обратно)

239

Тимков А. В. Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 145.
(обратно)

240

Лафар Георгий Георгиевич (псевдоним маркиз Жорж Делафар, «Шарль»). Француз, родился в Сестрорецке в семье инженера-оружейника (вывезен в Россию юношей в 1873 году через Австрию), мать — домашняя учительница Обычная биография дореволюционного паренька. Сначала, как и все тогда в Сестрорецке, учился на оружейника. Потом уехал в Париж. И жил там до 1914 года. Чем занимался? Занимался

литературным творчеством, переводами. Как известно, журналист и писатель два излюбленных прикрытия разведки. Потому что работа их требует никакого результата и не вызывает подозрения. Приехав в Россию во время мировой войны, до октября 1917 года работал во французской военной миссии генерала Нисселя. Это уже интересно. А после миссии с декабря 1917 года... пришел в ЧК.
(обратно)

241

Опять же в судьбе Делафара полная муть. Кость сведения, что его расстреляли. То ли французы, то ли деникинцы. Но зная, как скованно чувствовали себя белые в отношении союзников, в этом можно усомниться. Но точных данных нет. Вполне возможен вариант, что героически погибший Делафар спокойно уплыл во Францию, где получил новые документы и продолжил службу во французской разведке. Ведь почти такая же история случилась с Жоржем Садулем.
(обратно)

242

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. (http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_10.1.html)
(обратно)

243

«На предложение фрегов вывести и сохранить для России эти корабли союзники ответили категорическим отказом». (Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 432)
(обратно)

244

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. (http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_10.html)
(обратно)

245

Варпек П. А. Образование флота Добровольческой армии / Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002. С. 135.
(обратно)

246

Врангель П. Н. Записки. (<http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangell/02.html>)
(обратно)

247

Там же.
(обратно)

248

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/5_03.html)
(обратно)

249

Там же.
(обратно)

250

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militera.lib.ru/memo/russian/dcnikin_ai2/5_03.html)
(обратно)

251

Сумские гусары в гражданской войне / Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 28
(обратно)

252

Там же. С. 33.
(обратно)

253

Молчанов В. Борьба на Востоке России и Сибири / Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2004. С. 416.
(обратно)

254

Врангель П. //. Записки, (<http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangell/04.html>)

(обратно)

255

Столыпин А В. Добровольческая армия / Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центриолиграф, 2002. С. 222.

(обратно)

256

Там же.

(обратно)

257

Левитов М. Н. Корниловский ударный полк / Поход на Москву. М.: Целтрпо-лиграф, 2004. С. 107.

(обратно)

258

Левитов М. И. Корпиловскнп ударный полк / Поход на Москву. М.: Цснтрпо-лиграф, 2004. С. 113.

(обратно)

259

Там же. С. 108.

(обратно)

260

Соколов К. П. Правление генерала Деникина / Белое Дело: В 16 т. М: Голос, 1992. С. 107.

(обратно)

261

Соколов К П. Правление генерала Деникина / Белое дело: В 16 т. М.: Голос, 1992. С. 107.

(обратно)

262

Там же. С. 100.

(обратно)

263

Там же
(обратно)

264

Доклад командующего войсками Новороссийской области генерала Н. И. Шиллинга главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину / Гражданская война в России: Оборона Крыма. М.: АСТ: СПб.: Terra Fantastic*. 2003. С. 470.
(обратно)

265

Там же. С. 474.
(обратно)

266

Там же. С. 475.
(обратно)

267

Там же.
(обратно)

268

Доклад командующего войсками Новороссийской области генерала Н. И. Шиллинга главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России генералу А. И. Деникину / Гражданская война в России: Оборона Крыма. М.: АСТ: СПб.: Terra Fantastic*, 2003. С. 475.
(обратно)

269

Там же. С. 476.
(обратно)

270

Там же.

4 Там же. С. 479.
(обратно)

271

Там же. С. 479.
(обратно)

272

Доклад командующего войсками Новороссийской области генерала Н. Н. Шиллинга главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России генералу А. И. Деникину / Гражданская война в России: Оборона Крыма. М.: АСТ: СПб.: Terra Fantastica*, 2003. С. 475.

(обратно)

273

Там же. С. 480.
(обратно)

274

Там же. С. 481
(обратно)

275

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. (http://militera.lib.ro/mcmo/russian/denikin_ai2/5_21.html)
(обратно)

276

http://www.hrono.info/libris/lib_we/vran 1
(обратно)

277

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militera.lib.ru/mcmo/russian/denikin_ai2/5_21.html)

(обратно)

278

Там же.
(обратно)

279

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.
(http://militcra.lib.ra/mcmo/russian/denikin_ai2/5_2_1.html)
(обратно)

280

Эта страшная сцена воссоздана на основе реальной ситуации, описанной в мемуарах
(обратно)

281

Согласно книге американского профессора Э. Сиссона «Уолл-стрит и большевистская революция», Троцкий плыл в Россию делать революцию, имея американский паспорт, выданный лично Вильсоном. Теперь президент беседует с Колчаком, который потом станет белым главой России. Это... кастинг.
(обратно)

282

Богданов К. А. Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. С. 117.
(обратно)

283

Допрос Колчака. Л.: Гиз, 1925. (<http://militcra.lib.ni/dlybolchak/0«.html>)
(обратно)

284

Это было написано в тексте поученной Колчаком телеграммы от 30.12.1917. (К. А. Богданов Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. С. 122)
(обратно)

285

<http://www.apocalypsc.orthodoxy.ru/secret/04.htm>

(обратно)

286

Эпизоды тайного сотрудничества США и большевиков всплывают на божий свет фрагментами. Например, в марте 1920 года 10 танков «Рено» прибыли во Владивосток. Они хранились... в вагонах Красного Креста. А потом были переданы красным. Удивляться не надо — вспомним, что сразу после октября 1917 года именно Красный Крест стал фактическим прикрытием для деятельности посланников Уолл-стрит, американских банкиров — владельцев ФРС. (Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М: Центрполиграф. С. 228)

(обратно)

287

Романов А. М. Книга воспоминаний. М : АСТ, 2008. С 356

(обратно)

288

Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 356.

(обратно)

289

Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири / Восточный фронт ад мирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2004. С. 240.

(обратно)

290

Там же. С. 251-252.

(обратно)

291

Там же. С. 239. Одним из аргументов, которые выдвигали англичане, подталкивая Колчака к принятию гибельного плана наступления, были огромные запасы в Архангельске и Мурманске и наличие там британских войск. Вспомнили? Когда начнется наступление, именно эти запасы англичане утопят в море, а сами быстренько уберутся восвояси.

(обратно)

292

Филатьев Д. Н. Катастрофа Белого движения в Сибири/Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2004. С. 239.
(обратно)

293

Там же.
(обратно)

294

То есть на трех расходящихся: Гайда на Вятку и Москву, Вержбицкий на Казань, Ханжин на Самару. (Там же. С. 252.)
(обратно)

295

Сахаров К. Белая Сибирь / Восточный фронт адмирала Колчака. М: Цитрополиграф, 2004. С. 120.
(обратно)

296

http://grachev62.narod.m/vkpb_hist/chapt08.htm
(обратно)

297

ДумбаИзе Г. С. Что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну / Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Цитрополиграф, 2004. С. 586.
(обратно)

298

Сахаров К. Белая Сибирь / Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Цитрополиграф, 2004. С. 73-74.
(обратно)

299

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири М.: Центрполиграф, 2005. С. 183.
(обратно)

300

Чехи «предательски» направили на белый бронепоезд пустой паровоз. Авария закупорила ж. д. пути. (Атаман Семенов. О себе. М.: Цептрполиграф, 2007. С. 185)
(обратно)

301

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири М.: Цептрполиграф, 2005. С. 183.
(обратно)

302

«Нейтралитет проявил полную благожелательность только к одной стороне». (Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-Пресс, 2008. С. 553)
(обратно)

303

Атаман Семенов. О себе. М.: Цептрполиграф, 2007. С. 186.
(обратно)

304

Богданов К. А. Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. С. 121
(обратно)

305

Районов А. А/ Книга воспоминаний. М.: АСТ, 2008. С. 361.
(обратно)

306

Соколов И. А. Убийство царской семьи. ([hUp://www.rus-skycom/history/library/sokolovhtm](http://www.rus-skycom/history/library/sokolovhtm))
(обратно)

307

Это очень показательная деталь — в плену товарищ Раскольников катался, как сыр в масле, и не знал ни в чем отказа. Вероятнее всего именно там был завербован британскими спецслужбами. Л может, просто получал «должное», будучи в контакте ранее, — ведь все-таки именно он утопил Черноморский флот. А это, согласитесь, дорогого стоит.
(обратно)

308

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 433.

(обратно)

309

Радзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 213.

(обратно)

310

Гражданская война в России: Война на Севере. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 182.

(обратно)

311

Радзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 236.

(обратно)

312

Там же. С. 241.

(обратно)

313

Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.: Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1939. С. 46.

(обратно)

314

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 262- 264. ([hUp://grachev62.narod.ru/stalin/t4/t4_61.htm](http://grachev62.narod.ru/stalin/t4/t4_61.htm))

(обратно)

315

Там же.
(обратно)

316

Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 241.
(обратно)

317

Родзянко А. Г1. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 242
(обратно)

318

Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.: Л.: Восморилдат НКВМФ СССР, 1939. С. 47-53. (<http://militera.lib.ru/h/puhovji/03.html>)
(обратно)

319

Киша сталинского периода так прямо и пишет: «Потопление крейсера "Олег" было не чем иным, как диверсионным актом, совершенным командером Эга- ром, агентом самой старой и самой изощренной разведки капиталистического мира "Интеллидженс Сервис"». (Там же.)
(обратно)

320

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 434. (http://militcra.lib.ru/memo/russian/graf_gk/25.html)
(обратно)

321

Родзянко А. 11. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба па Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 247.
(обратно)

322

Какурин И. Е.. Вацетис И. И. Гражданская война 1918-1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 183.
(обратно)

323

Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Севсро-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 272.
(обратно)

324

Какурин Н. Е.. Вацетис И. И. Гражданская война 1918-1921, СПб.: Полигон, 2002. С. 186.
(обратно)

325

Какурии Н. Е.. Вацетис И. И. Гражданская война 1918-1921, СПб.: Полигон, 2002. С. 190.
(обратно)

326

Родзянко А. 11. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба па Северо-Западе России. М.: Цептрполиграф, 2003. С. 247.
(обратно)

327

Куприн А. Купол Святого Исакия Далматского. М.: Вече, 2007. С. 81.
(обратно)

328

Ктуприн А. Купол Снятого Исакия Далматского. М.: Вече, 2007. С. 82.
(обратно)

329

Там же. С. 56.
(обратно)

330

Там же С. 82.
(обратно)

331

Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. С. 335.
(обратно)

332

Там же. С. 333.
(обратно)

333

Корнатовский И. А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. С. 574
(обратно)

334

Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе
России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 247
(обратно)

335

<http://www.russkocTadio.fm/forum/archivc/index.php/t-M52.html>
(обратно)

336

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С.
435.
(обратно)

337

Корнатовский Н. Л. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. С. 326
(обратно)

338

Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / Белая борьба на Северо-Западе
России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 314.
(обратно)

339

Куприн А. Купол Святого Исакия Далматского. М.: Вече, 2007. С. 84.
(обратно)

340

Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград М.: АСТ, 2004. С. 529.
(обратно)

341

Там же. С. 528-529.
(обратно)

342

Там же. С. 546.
(обратно)

343

Там же. С. 546.
(обратно)

344

Корнатовский П. А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. С. 546.
(обратно)

345

Там же. С. 560.
(обратно)

346

Там же С. 561.
(обратно)

347

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М.: Вагриус. 2006. С. 865.
(обратно)

348

Пыхалов И. Последняя собака Антанты. (<http://w\vw.spcnaz.ru/istoriya/71/>)
(обратно)

349

«Достаточно сказать, что по специальному контракту, заключенному с США, Польша могла получать американское снаряжение в любом количестве. Соединенные Штаты предоставили польскому правительству заем в 50 млн долларов и перебросили в Польшу часть своих военных материалов, находившихся во Франции» (Шишкин С. // Гражданская война на Дальнем Востоке. Военное издательство МО СССР. Москва, 1957); www.pkokprf.ru/personal/doc/war_dv.htm#_Ref212803590)
(обратно)

350

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 845
(обратно)

351

Беседа с товарищем И. В. Сталиным о положении на Юго-Западном фронте / Коммунист, № НО, 24 июня 1920. (<http://ukrstor.com/ukrstor/stalin-ukraine22.html>)
(обратно)

352

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 844.
(обратно)

353

Там же. С. 845.
(обратно)

354

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 874.
(обратно)

355

Там же. С. 874-875.

(обратно)

356

Там же. С. 887.
(обратно)

357

Там же (переговоры о займе для Врангеля со стороны Франции продолжались до самого конца его власти).
(обратно)

358

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 897.
(обратно)

359

Там же. С. 903–904.
(обратно)

360

Там же. С. 904.
(обратно)

361

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 932.
(обратно)

362

Там же. С. 933.
(обратно)

363

Там же. С. 955.
(обратно)

364

Там же.
(обратно)

365

Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918-1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 594
(обратно)

366

Журнал «Летопись Причерноморья» №4, апрель 2000 год, Херсон
(http://rkka.kiev.ua/about._graKdanskajavoina_tanki).
(обратно)

367

Врангель П. Н. Записки / Белое движение. М : Вагриус, 2006. С. 956.
(обратно)